

Татьяна Василевская

18+

Если бы...

Повесть

Татьяна Михайловна Василевская

Если бы...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35013089

SelfPub; 2018

Аннотация

Действие книги начинается в начале 90-х, перед самым распадом СССР и охватывает более двадцати лет жизни героев, рассказывая о смешных и грустных событиях происходящих с ними за это время. Это история о настоящей любви, дружбе и преданности.

Предисловие, которое вполне можно пропустить. Почему? Почему написана эта книга? Если коротко – по тому, что мне было скучно. Однообразие жизни наполненной стиркой, гладкой, готовкой и воплями «Мам! Мам!», превращают жизнь в нескончаемый «день сурка». Для тех кто не знаком с этим понятием, это фильм, где весь сюжет построен на бесконечном повторении одного и того же дня, из которого главный герой на протяжении фильма пытается вырваться. И, что бы уж совсем не увязнуть в этом каждодневном однообразии и не превратиться самой в этого самого сурка, часть меня, склонная к творчеству и разнообразию, начала подбрасывать моему измученному и уже почти находящемуся в спячке мозгу, всевозможные идеи. Я снова начала рисовать, хотя забросила это занятие несколько лет назад, после рождения моего третьего и необыкновенно активного ребенка. Я стала делать для своих детей настольные игры, альбомы и прочую ерунду, что бы развлечь их и хоть немного сократить бесконечное число выкриков «Мам!», а заодно развлечь себя. Не знаю, как детям, а мне мои занятия доставили огромное удовольствие. Никакую книгу я писать не собиралась. И в мыслях не было. Я совсем не писатель и прекрасно это понимаю. Но, опять же от скуки, и еще от того, что я уже достигла определенного возраста, когда людям свойственно оглядываться назад, оценивать свою жизнь и даже видеть и признавать собственные ошибки. Чего мы совершенно не способны сделать в молодости, так как молодым людям свойствен-

но винить в происходящем кого угодно, только не самих себя. И это нормально. Молодости не свойственна самокритика. В молодости мы полны надежд и вполне довольны собой, такими, какие мы есть. Ну, так вот. Оглядываясь назад, я, как и все остальные, наверное, задаюсь, время от времени, вопросом: «А если бы, что-то в жизни сложилось не так, а по-другому, какой тогда могла бы быть моя жизнь?». В такие моменты воображение услужливо подкидывает различные варианты, того что могло бы быть. И вот в моей голове родилась маленькая романтическая, довольно незатейливая, история. Куда же без романтики? А потом, как-то незаметно эта история начала превращаться в целый рассказ и уже не о моей жизни, а о жизни вымышленных персонажей. И так они там толкались и копошились в моей голове и рвались наружу, что я решила, а почему бы не написать рассказ. Пускай они живут своими жизнями на бумаге, а не в моем многострадальном мозгу, где и так все место занято детьми, домом и другими повседневными заботами. Рассказ должен был состоять из трех частей. Когда первая часть еще даже не была завершена, а набранный на компьютере текст, сообщал мне нахальной циферкой нумерации страниц, что я приближаюсь к ста, я окончательно поняла, что рассказом дело не ограничится. Ну и, что? Раз уж взялась, значит нужно идти до конца. Тем более что я уже привыкла к героям, даже успела полюбить их. Причем они сами, по мере написания, превращались в тех, кем стали в конечном итоге, меняя свои ха-

рактеры, поступки, даже ход событий. В общем, меня ужасно затянуло, увлекло настолько, что я просто остановиться не могла и, так, не останавливаясь, написала все три части. Конец был, вроде бы, логичный и добавить было нечего. Все сказала я себе с гордостью. Я молодец. Осилила свой великий труд, дошла до конца. Как-бы не так. Мои герои снова взбунтовались в моей голове, требуя продолжения, видимо, решив, что я не до конца исполнила перед ними свой писательский долг. И как ни странно на свет появилась четвертая, на этот раз последняя часть. И я, и они наконец-то были довольны. А, что у нас получилось в конечном итоге оценивать Вам, если Вы конечно проявите решимость и желание прочитать результат нашего совместного творчества.

О чем? О чем книга? Да ни о чем, о жизни. Потому, что жизнь, по большей части тоже ни о чем. То из-за чего мы так сильно переживаем сегодня, то, что нам кажется необыкновенно важным и значительным, в большинстве случаев, через какое-то время представляется несущественным и совершенно не важным. За исключением, конечно, некоторых, редких, событий, которые действительно сильно влияют на нашу судьбу. Все остальное, просто эпизоды, которые мы с легкостью забываем и даже удивляемся, потом, вспоминая как переживали, как преувеличивали их значимость.

Надеюсь, если Вы найдете в себе силы и желание прочитать эту книгу, то дочитав до-конца, вы все же не отложите ее в сторону с мыслью о том, что это была очередная пустая

трата времени. Мы с героями старались, как могли. А уж о результатах наших стараний судить Вам дорогой читатель.

С любовью. Автор.

Рожденным в СССР посвящается

Часть I

Очень простое желание.

Сергей.

25.09.1990г.

У Вовки Телянина, а для близких друзей просто Вована, была вечеринка. Как и все, вечеринки, устраиваемые Вованом в отсутствие родителей, вечно разъезжающих по загранкомандировкам, эта была шумная, многолюдная, и больше напоминала некую вакханалию, на которой каждый делал абсолютно все, что хотел. Никаких ограничений – это было девизом Вована.

Гремела музыка, тут и там позвякивали, быстро опустошаемые гостями бутылки. Звучание пьяных голосов, смех, вздохи, не в меру увлекшихся друг другом молодых людей, все слилось в какой-то нескончаемый, давящий на голову, гул. Воздух был наполнен запахами еды, спиртного, сигаретного дыма, пота разгоряченных выпивкой и танцами юных тел, смесью самого разнообразного мужского и женского парфюма. Со всех сторон пьяные незнакомые лица, похожие друг на друга. Девушки, с неразличимыми, под бое-

вым раскрасом, чертами лиц. С длинными ногами и вызывающе выставленными на обозрение бюстами всех размеров, чудом держащимися в глубоких вырезях крошечных маечек. Сергей чувствовал раздражение и усталость. Целый день он мотался по делам, опоздал к началу вечеринки, но пробыв среди всего этого шума и гама минут сорок, уже жалел, что вообще решил прийти.

Осторожно пробираясь между вяло танцующими парочками и стараясь не наступить на кого-нибудь из уже нагулявших гостей, которые сидели и даже лежали, прямо на полу, Сергей направился к выходу.

«Старею, наверное...» — усмехнулся он. То, что еще совсем недавно манило, казалось таким веселым, будоражило молодую кровь, больше не привлекало. Он больше не чувствовал ни какого очарования в этих отвязных, шумных гуляньях, где все дозволено, где жизнь, бьет через край. По крайней мере, пока не упадешь в пьяном угаре и не забудешься, отключившись от всего происходящего тяжелым сном.

Добравшись, наконец, до двери, Сергей вышел в просторный, заваленный разбросанными вещами коридор. В этот момент одна из дверей с шумом распахнулась и в клубах густого, наполненного характерным запахом травки, дыма, подобно фокуснику, выходящему на сцену, появился хозяин квартиры.

На губах Вована застыла глуповатая улыбка, а взгляд без-

мятежных серых глаз абсолютно бессмысленно был устремлен в пространство. Сфокусировавшись, каким-то чудом на проходящем мимо приятеле, Вован радостно заорал:

– Серега, братан! Здорово!

На этот его вопль из комнаты, радостно повизгивая и крутя толстым поросячьим задом, вылетел английский бульдог Боська и бросился навстречу Сергею, едва не сбив, плохо держащегося на ногах хозяина.

– Фу, Боська!– прикрикнул Сергей, отпихивая собаку ногой. Он с отвращением посмотрел на равномерно распределившиеся по джинсам липкие собачьи слюни.

Вован подковылял к Сергею и, повиснув у него на плече, радостно спросил:

– Серега, ты куда?!

– Домой. Но теперь сначала в ванну.– Буркнул Сергей. Вован посмотрел на испачканные джинсы и захихикал.

Сергей направился в сторону ванной. Вован, продолжая висеть на его плече, семенил следом. Замыкал шествие Боська, время от времени тыкаясь в ноги идущим квадратной брыластой мордой и мешая им идти. В конце концов, Сергей пнул его ногой, и пес обиженно потрусил на кривых коротких лапах в сторону кухни.

– Не, ну а чего домой то? Чего тебе там делать? Тут смотри как весело!– Вован обвел свободной рукой разгромленный коридор и снова захихикал.– Ты смотри, чего наделали, черти! Все разнесли!– По-видимому, его совершенно восхи-

тила способность гостей, за один вечер, превратить шикарную родительскую квартиру в подобие дворянской усадьбы, в которой только, что побывали озверелые большевики.

– Да, очень весело.– Сергей попытался стряхнуть Вована со своего плеча, но тот держался крепко.

– Нудный ты стал, Серега! Как старый дед прямо. Сейчас бы пошли, водочки накатили, можно по косячку забить.– Предложил Вован и опять начал хихикать.

– Зато ты не нудный. Накурился вон до одури, ржешь не переставая.– Огрызнулся Сергей.– Отцепись, Вован!

Они подошли к ванной, и Сергей снова попытался освободиться от цепких объятий друга.

В этот момент барабанные перепонки и мозг взорвал «Мираж». «Музыка нааас связала...»– страшно ревела певица из мощных колонок, предупреждая всех и каждого, что никуда им от нее уже не деться. Видимо кто-то из гостей добрался до ящика со старыми школьными записями Вована и, решив порадовать находкой весь подъезд, поставив кассету, врубил звук на всю катушку.

– Эй, ублюдки! Звук убавьте! Совсем охе....!– Заорал, подскочивший от неожиданности Вован.– Че, хотите, что бменты приехали?– Мысль о ментах рассмешила его, и он залился пьяным квакающим смехом.

Свет в ванной был включен. Сергей открыл дверь и замер на пороге, семенивший за ним Вован врезался ему в спину

и от неожиданного толчка чуть не завалился назад.

На краю ванной сидела девчонка, на вид, лет пятнадцати. В лице ее, искаженном нечеловеческой мукой и страданием, не было ни кровинки. Глаза, казались огромными и испуганными, а, совсем детский, припухлый ротик был изогнут коромыслищем, как у обиженного ребенка, готового вот-вот заплакать. Девчонка была маленькой, худенькой и совершенно очевидно очень-очень пьяной.

—Извините...— пробормотал Сергей и осторожно прикрыл дверь. Он вдруг ужасно разозлился. На Вована, на его гостей, пьяных, обкуренных, смеющихся, без стеснения совокупляющихся на глазах друг у друга. Половину из них Сергей, на сто процентов был уверен, Вован вообще знать не знает и видит сегодня первый и скорее всего последний раз в жизни. Ну ладно, они тут вытворяют, что хотят, ведут себя как животные, превращая большую, красивую, любовно обставленную матью Вована квартиру в место погрома или стихийного бедствия. Но как можно было притащить сюда ребенка? Притащить, да еще и напоить до такого состояния. Эта мысль не укладывалась у Сергея в голове.

— Что там?— свистящим шепотом спросил Вован, с опаской выглядывая из-за спины Сергея. Сергей резко развернулся и, схватив приятеля за грудки, с силой впечатал его в противоположную стену. Вован ошалело вытаращил глаза и затрепыхался, пытаясь вырваться из крепко державших его рук. Сергей угрожающе склонился над ним:

– Вован, вы тут совсем ох...и все?– прорычал он.

– Да чего случилось-то?– Вован предпринял еще одну безуспешную попытку освободиться. – Серег, ты больной, что ли? Больно же.– Он демонстративно потер плечо.

– Ты в следующий раз группу детского сада на свою попойку не забудь пригласить,– прошипел Сергей.– У тебя там, в ванной какая-то малолетка в жопу пьяная сидит.

Вован зачарованно посмотрел в сторону ванной и, почувствовав, что железная хватка, наконец-то ослабла, на цыпочках подкрался к двери и осторожно заглянул внутрь.

– Уф!– облегченно выдохнул Вован.– Это ж Вера!– расплываясь в счастливой улыбке, сообщил он.– Вера – моя однокурсница.

Вера знала, что умирает. Она знала это совершенно точно. И даже хотела этого. И как можно скорее. Ей было настолько плохо, как еще ни разу в жизни. «О, боже!»– повторяла она про себя, одну и ту же фразу, изо всех сил цепляясь за гладкий холодный край ванной. Ей казалось, что если она отпустит его, то просто потеряет точку опоры, потеряет земное притяжение. Окажется в невесомости. И провалиться в-никуда, в какую-то черную пустоту. При мысли о черной пустоте вновь накатил приступ дурноты. Вера застонала. Ей нужно домой. Ей нужно найти в себе силы и вырваться из этой ужасной квартиры. Она убьет Телянина. Если сама выживет, то обязательно убьет. Это же он уговорил

ее прийти, пообещав отличную компанию, веселье и танцы. «Посидим как интеллигентные люди. Не пожалеешь!». Это же его слова. Все Телянин, не жить тебе! Страшные планы убийства однокурсника были прерваны очередным спазмом, жестоко скрутившим худенькое измученное тельце. Верочка со стоном склонилась над белой сверкающей поверхностью импортной ванны, что бы в который уже раз нарушить сверкающее великолепие результатами своей невоздержанности и неопытности.

Она почти собралась с силами, что бы встать, когда дверь неожиданно распахнулась и на нее с дурацким выражением лица, уставился незнакомый здоровенный парень. Правда он сразу ушел и даже извинился, но Верина решимость уже улетучилась, она поняла, что еще не готова. «Боже!»— снова повторила она и обессиленно прижалась лбом к раковине.

Вера не знала, сколько времени прошло, может минута, может столетия, но дверь снова открылась, и на этот раз в нее заглянул уже Вовка Телянин. Жаль, что у нее нет сил, и она не может придушить его прямо сейчас. Вовка улыбнулся ей и скрылся. Вера услышала, как он говорит, с кем-то кто стоит за дверью. Она не поняла, что именно он сказал, но расслышала свое имя. «Все, мне нужно идти. Если сейчас кто-нибудь пристанет ко мне с какими-нибудь расспросами, я точно умру». Вера решила и, держась за выложенную кафелем стену, нетвердой походкой направилась к двери. Постаравшись придать лицу более-менее осмысленное выраже-

ние, покачиваясь на непослушных ногах, она вышла в коридор и лицом к лицу столкнулась с парнем, который заглядывал к ней перед этим. Незнакомец на пару с Вованом уставились на нее. Ей сейчас было не до стыдливости, единственным желанием было добраться как-нибудь до дома и, рухнув в кровать, провалиться в блаженный сон. Не обращая внимания на продолжавших тарашиться на нее молодых людей, она осторожно направилась мимо них в сторону входной двери. Господи, почему у Телянина все ни как у людей? Такая большая квартира с такими бесконечными коридорами?

– Верочка, ты как?– участливо спросил Вован. – Живая?

– Угу.– Буркнула Вера.

– Верочка, хочешь чего-нибудь?– с неподдельной заботой в голосе продолжал приставать гостеприимный хозяин.

– Убить тебя хочу Телянин.– сделав над собой невероятное усилие, произнесла Вера целое предложение.

Сергей рассмеялся:

– Желающих прибавляется!– он тихонько пихнул Вована локтем в бок.

– Вер, ну ты чего? Я-то чем виноват?– расстроился Вован.– Вер, ты чего уходишь?

– Да.– Силы закончились, и она могла отвечать только односложно.

Вера Ковальская была хорошей девчонкой. Вовану было действительно жаль, что так получилось. Видя, что уговаривать ее остаться бесполезно, потому, что ей действительно

плохо, Вован решил, во что бы то ни стало, не ударить в грязь лицом и проявить себя радушным хозяином до конца:

– Вер, давай я такси вызову. Сейчас я только телефон... – забормотал Вован и начал беспомощно озираться по сторонам, пытаясь вспомнить, где вообще находился, этот чертов телефонный аппарат в его квартире, до начала сегодняшней вечеринки. Его очень отвлекали наваленные повсюду чьи-то куртки, сумки, ботинки. Вперемежку с одеждой валялись пустые бутылки, и даже салатница из-под оливье каким-то образом примостилась поверх вороха одежды. Вована ужаснула мысль, что сейчас ему придется, подобно археологу или кладоискателю перекапывать горы чужих и его собственных вещей в поисках телефона. – Черт, да где же он? – начал раздражаться Вован.

Поняв, что он не отстанет, Вера, умоляюще подняла руку:

– Не надо. – Прошептала она.

– Чего не надо? – не понял Вован.

– Такси не надо! – Вера с ненавистью посмотрела на приятеля. Сделав над собой еще одно нечеловеческое усилие, она сказала, – Меня укачает в такси.

Почувствовав новый спазм, она судорожно обхватила тоненькую шею худенькими пальчиками.

– Я Вас провожу. – Сказал Сергей и шагнул к ней.

Вера снова хотела возразить, но решила не тратить силы. Хочет провожать, пусть провожает. Ей сейчас все равно.

Видимо совсем недавно прошел дождь. На мокром асфальте в тусклом свете фонарей поблескивали лужи. Ночь была прохладной, приятной, и Вера с наслаждением глубоко вдыхала свежий осенний воздух, чувствуя, как возвращается к жизни исстрадавшееся тело. Проясняется в голове, и отступает мерзкая, не проходящая тошнота.

– Вы как?– спросил Сергей, видя, что она уже более-менее стала походить на живого человека.

– Уже лучше, спасибо.– она кивнула и даже слегка улыбнулась.

Они шли по дороге засыпанной мокрыми желтыми листьями. Сергей заметил, что девчонка начинает дрожать, хотя на улице было не особенно холодно. «Отходняк начался»– усмехнулся про себя, уже имеющий жизненный опыт, Сергей. Сняв куртку, он осторожно накинул ее на худенькие дрожащие плечи девушки.

– Спасибо.– Вера поплотнее запахнула куртку на груди. Рукава болтались на уровне колен, и она напонила какого-то смешного птенца. Почему-то в этот момент он почувствовал прилив щемящей нежности к этой совершенно незнакомой девушке. И еще стало немного грустно.

– Я вообще-то первый раз так.– Сказала она немного смущенно. – Никогда вообще почти не пила.

Сергей улыбнулся:

– Я понял, что первый раз. Вы с Вованом учитесь вместе?– сменил он неприятную для нее тему.

– Да, в одной группе. Он ужасно талантливый.– Добавила она почти с гордостью, забыв, что собирается убить одногруппника при первой же встрече.– Самый талантливый на курсе.

– Да, Вован он такой, во всем талантливый. Он еще в школе все время рисовал, очень здорово и очень похоже. Учителя с ума сходили, когда он их изображал в смешном или неприличном виде.– улыбнулся Сергей.

– Вы со школы дружите?– Вера взглянула на него с интересом.– Мне кажется, что вы совершенно разные.

Сергей достал пачку и закурил.

– С первого класса дружим, и всегда все говорили, что мы разные.– Пожимая плечами, сказал он. – Может, именно поэтому и дружим. Не знаю. Просто мы понимаем друг друга.

Из темноты, как маяк указывающий путь в ночи, показалась большая светящаяся «М». Вера сняла куртку и вернула Сергею.

–Спасибо, что проводили.

– Я Вас, тебя то есть, до дома провожу,– неожиданно для самого себя заявил Сергей, возвращая куртку обратно ей на плечи.

Вера смешно сложила губы кругленьким бубликом.

– О! Нет, не нужно,– почти испуганно запротестовала она.– Я уже нормально себя чувствую. Я сама доеду, спасибо.

Сергей легонько подтолкнул ее ко входу в метро.

– Мне так спокойнее будет.– Он взял ее под руку и реши-

тельно потащил к тяжелым покачивающимся дверям.

Вера жила в спальном районе, на окраине, и после метро нужно было ехать еще и на электричке. На вокзале она приняла еще одну попытку уговорить Сергея не провожать ее дальше:

– Я сама доеду. Я в порядке. Как ты потом домой доберешься?– почти умоляла она. Ей было неловко, что она доставляет ненужное беспокойство. В подобных ситуациях, она всегда начинала немного нервничать и чувствовать себя не в своей тарелке.

– Ничего. Доберусь как-нибудь.– Уверенно сказал Сергей, на самом деле совершенно не представляя, как будет выбираться посреди ночи с окраины Москвы.

Пока ждали электричку, Сергей сказал:

– Я через несколько дней уезжаю на север. Работать.– Он не собирался сообщать незнакомой девчонке о своем отъезде. Зачем ей это. Он для нее просто случайный знакомый. Друг однокурсника. Скорее всего, они и не встретятся больше никогда. Но почему-то он ей сказал. И самое удивительное, он был рад, что теперь она об этом знает, как будто, это как-то сближало их. Теперь у них было что-то общее. Хотя, конечно ей-то совершенно безразлично, хоть он на Луну улетит.

Она снова округлила губы бубликом. Видимо это был ее

способ выражать удивление.

– И надолго ты едешь?

– На девять месяцев. Даже специально, с дневного на заочное перевелся, что бы год учебы не терять,— ответил он.

– А почему на север? И чем ты там будешь заниматься? Там же, наверное, сейчас жутко холодно?— Вера передернула плечиками, как будто жуткий северный холод добрался и до нее.

– Я хочу свое дело начать. Сейчас как раз все меняется, самое подходящее время. А для этого нужны деньги, поэтому и еду, чтобы заработать. А заниматься буду испытанием всякого оборудования, специально разработанного для использования в условиях крайнего севера.— почувствовав, что увлекся он засмеялся.— Скучно звучит, сам знаю.

– Да нет. Ты молодец.— Вполне искренне похвалила Вера.— Здорово когда человек знает, чего он хочет в жизни. Когда есть цель. Мечта.

Глядя на ее лицо, на то, как она говорит, как смешно морщит нос, и, время от времени, чуть приподнимает брови, Сергей ощутил желание дотронуться до ее по-детски припухлых губ. Погладить нежную кожу щеки. Волосы. Он потрянул головой, отгоняя дурацкие мысли. «Совсем спятил!».

– А ты, знаешь, чего хочешь? У тебя есть мечта?— спросил он.

Вера рассмеялась:

– О, у меня очень простая мечта. Я просто хочу быть

счастливой.

—А можно тоже позаимствовать чуть-чуть от твоей мечты?

Они встретились взглядами и, неожиданно, их обоих охватило безудержное веселье. Стоя на пустой, полутемной платформе, они начали хохотать и никак не могли остановиться, пока у обоих из глаз не покатились слезы, и не стало тяжело дышать, и начало тянуть и колоть в боку от долгого смеха.

Медленно, почти бесшумно, освещая путь белыми светящимися глазами, к платформе чуть покачиваясь, подплыла электричка. Вера с Сергеем вошли в совершенно пустой вагон. Усевшись на жесткое, деревянное сидение Вера сразу начала клевать носом, и через несколько минут уже крепко спала, прислонившись к широкому теплому плечу своего спутника. Сергей смотрел на отражение девушки в темном оконном стекле, и вновь щемящая нежность наполнила его. Она выглядела совсем маленькой и беззащитной. Почему-то все в жизни происходит не так и не вовремя. Мысли эти были глупыми и ненужными. Отвернувшись от окна, он стал думать о том, что еще нужно успеть сделать до отъезда, но почему то перед его мысленным взором вставало смеющееся лицо спящей на его плече девушки.

Сергею повезло. Не пришлось ему спать, промозглой осенней ночью на какой-нибудь лавочке по соседству с Ве-

риным домом. Проводив ее до двери квартиры, он успел-таки на последнюю электричку до Москвы. И час спустя, уже звонил в дверь Вована, решив, если шумная компания уже разошлась, переночевать у него.

После третьего звонка, когда Сергей уже собрался уходить, подумав, что Вован либо спит, либо отправился вместе со своими гостями догуливать в другое место, дверь, наконец, открылась, и в дверном проеме на фоне полнейшей разрухи, возник помятый и несколько скособоченный Вован. Наряд его был великолепен. Из серии «увидев раз, не забудешь уже никогда». Непомерно большие цвета красного знамени шелковые боксерские трусы, с торчащими из них тощими волосатыми ногами, элегантно дополняли начищенные до блеска коричневые остроносые ботинки. Поклонники моды взвыли от зависти и повесились все разом.

–Красавец!– похвалил Сергей, сделав ударение на последний слог.

Вован поддернул резинку сползающих с тощего зада трусов и радостно улыбнулся:

– Серега, заходи! Все свалили. Все тут загадили и свалили, сволочи.– Вован огляделся по сторонам, оценивая размеры нанесенного ущерба. Видимо результат осмотра разгромленных владений его полностью удовлетворил, потому, что рот его снова расплылся в широкой улыбке.

–Не, ну ты видел, чего творится!– Вован лихо поддел ногой кучу валявшихся на полу тряпок, обрывков бумаги, си-

гаретных пачек и другого мусора. Куча, взвившись в воздух, рассыпалась по всему коридору.

–Пошли,– мотнул он головой в сторону кухни и начал пробираться вперед, на каждом шагу спотыкаясь и цепляясь длинными носами шикарных ботинок о разбросанные вещи. Алый шелк победно вспыхивал и переливался при каждом его шаге. Зрелище было потрясающее.

Вошедший на кухню вслед за хозяином Сергей устало опустил на стул, он уже так набегался за день, что ноги просто гудели. Вован уже вовсю хлопотал по хозяйству. Поставив чайник, он суетился в поисках заварки, тыкаясь во все шкафы и ящики. Выдвигая и задвигая их с диким грохотом. Заварка исчезла бесследно, по-видимому, став одной из многочисленных жертв, царившего вокруг хаоса. К великой радости Вована, он нашел молотый кофе и занялся его приготовлением. Поставив турку на огонь, он как заправский фокусник выудил откуда-то початую бутылку водки.

– Давай, Серень, вздрогнем,– предложил Вован, ставя бутылку на стол.

–Хватит пить.– Сергей забрал у Вована водку и поставил на шкаф.– Утром вздрогнешь, если уж совсем будет хреново. Вован надулся.

– Ты какой-то вообще странный стал. Нельзя быть таким скучным!– Вдруг лицо Вована снова расплылось в улыбке. Он хлопнул себя по тощей ляжке.– Ты же Ковальскую пошел провожать!– торжествующе изрек он, ужасно радуясь,

что вспомнил такую важную деталь.

– Ну и?– Вован, с видом соседки-сплетницы, выжидательно смотрел на Сергея. Он даже рот приоткрыл, еще чуть-чуть и слюна закапает от нетерпения.

– Ну и?!– подбодрил он друга, видя, что тот не спешит посвящать его в подробности столь знаменательного события.

Теряя терпение, Вован в третий раз произнес, уже с некоторым раздражением:

– Серег! Ну?

– Баранки гну.– Совсем не по товарищески, огрызнулся тот.– Чего тебе надо? Чего ты заладил ну-ну?

– Ну,– снова, уже видимо на автомате, сказал Вован,– было чего-нибудь?

– Чего было-то?– сердито вопросом на вопрос ответил Сергей.

– Серег, ну ты чего, дурак? У вас с Веркой было что-то? Ну, тебе чего жалко, что ли рассказать? Ну, мы ж дружим с детства! Ты ж знаешь, я – могила! Ну?– заканючил Вован и заерзал на стуле от любопытства. Сергей смерил его ледяным взглядом.

– Ты сам, что ли дурак, Вован? Ничего не было.– Отрезал Сергей, и то только для того чтобы Вован отвязался наконец.

Вован с заговорщицким видом закинул ноги на стол. Жесткие каблуки с грохотом стукнулись о деревянную поверхность столешницы. Вальяжно откинувшись на спинку стула, и с улыбкой умудренного жизненным опытом знатока

отношений между мужчинами и женщинами, Вован торжественно заявил:

– А я знал, что тебе ничего не светит!– не дождавшись никакой реакции от Сергея, он продолжил.– У нее парень есть. Жених. В ноябре свадьба.

В ожидании эффекта произведенного этой новостью он многозначительно посмотрел на Сергея, но тот продолжал сидеть все с таким же непроницаемым лицом, как и до этого. Надо признать честно, известие о наличии жениха и предстоящей свадьбе, отчего-то были ему неприятны. Но Вовану знать об этом было не обязательно.

– Я ведь и сам к ней подкатывал, еще на первом курсе.– Продолжал вещать Вован, нисколько не смущаясь молчанием собеседника.– Я, правда, тогда травы накурился, может, поэтому она мне от ворот поворот дала. Так-то бы точно не устояла.– Ухмыльнулся Вован.– Чего-то помню ей про глаза, про улыбку. Давай, говорю, отправимся в плавание по океану большой и чистой любви. А она такая грубиянка оказалась. Прямо ужас! Дурак ты, говорит, Телянин. Иди ты со своей большой и чистой любовью, знаешь куда.

Вован вздохнул, взъерошил и без того торчавшие во все стороны волосы.

– Эхе-хе! Жестокая, короче, она женщина, Ковальская эта. А жених ее, тьфу! Задрот! Я вообще не понимаю, что она в нем нашла! Она же такая, как тебе объяснить?– он с сомнением посмотрел на друга, как бы прикидывая, позво-

лят ли его умственные способности понять столь глубоко-мысленные рассуждения.— Она вся такая воздушная, к поцелуям зовущая. Мечтательная такая. Ей даже преподаватель наш один сказал: «Вы, Ковальская — мечтательная натура. Вам нужно что-то легкое воздушное проектировать. Зачем Вы хотите промышленной архитектурой заниматься? Это не Ваше совсем. Вам что-то радостное нужно, уютное, дарящее тепло». А Верка, она упрямая. Глазами на него сверкнула. Надулась. «Отойдите,— говорит,— в сторону, не мешайте! Во мне инстинкт просыпается»,— процитировал Вован Шарика из мультфильма про Простоквашино. Отсмеявшись над собственной шуткой, он продолжил живописать портрет Вериного избранника. — А он, этот жених ее — приземленный, приземленней не бывает. Этакий орангутанг.— Вован не поленился, скинул ноги со стола и изобразил скачущего орангутанга, сопровождая сие действие соответствующими звуками. Вышло бесподобно.

— Здоровый такой,— с явным неодобрением продолжил Вован, как будто это был страшнейший из недостатков Вериного жениха.— Вот как ты!— ткнул Вован пальцем в сторону Сергея, радуясь удачно и вовремя найденному сравнению.— Высоченный... Орангутанг короче.

Вован помолчал и, неожиданно погрузнев, добавил:

— И Верка ведь не любит его! Просто ломает себе жизнь, дура, и все.

— Откуда ты знаешь, что не любит?— не удержался Сергей.

– От верблюда!– Вован хитро посмотрел на друга и погрозил пальцем.– Значит тебе все-таки интересно? Ладно уж, слушай, внимай моей мудрости. Когда женщина влюблена, она светится вся и порхает как бабочка. Она смотрит на своего мужчину совершенно не так как на всех остальных и сразу видно, что вот он для нее единственный и неповторимый, а все остальные тьфу, так, особи мужского пола, существа похотливые и бесполезные.– Вован перевел дух, и, чуть не лопааясь от гордости, заявил,– Ну я, блин психолог! Может, я не там учусь, может, гублю, зарываю свой талант? – он посмотрел на Сергея и, по сложившейся за этот вечер традиции, он говорит – Сергей молчит, быстренько закончил свой психанализ.– А Верка не светится и не порхает. И не смотрит, так как я сказал, а так же смотрит, как и на всех остальных. Уф!– шумно выдохнул Вован, утомившись от своей длинной речи. Минут пять он сидел молча, думая о чем-то своем. Лицо его, впервые за сегодняшний вечер, сделалось серьезным и даже немного грустным.

– Когда ты на свой северный полюс-то отправляешься, Амундсен?– как можно более равнодушно спросил Вован.

– Через неделю. И не на полюс, а в Якутию, я же тебе говорил, орангутанг ты необразованный.– Усмехнулся Сергей. Он вдруг почувствовал, что сильно устал и глаза у него слипаются.

– Пошли спать, Вован.– сказал он, вставая.

– Ага, разбежался спать, тут еще место найти надо, где

спать. Ведь всю же квартиру засрали. – проворчал, почти полностью протрезвевший Вован. Его уже не восхищало и не радовало то, что сотворили сегодняшние, вернее уже вчерашние гости с его некогда уютным домом.– Завтра придется дворничиху звать. Она за определенную сумму умеет в сказочную фею превращаться. Я домой прихожу, а тут все как было, даже лучше. А если еще чуть-чуть заплатить, она даже косметический ремонт наколдовать может.– Зевая, во весь рот, сказал Вован.

26.09.1990г.

– Вер!– раздраженно крикнула сестра, в очередной раз, попытавшись стащить одеяло с не желающей просыпаться Веры. Одеяло не поддалось, и она стала трясти его вместе с тем, что находилось под ним.– Я уже пятый раз тебя бужу! Я на работу из-за тебя опоздаю!

– Сейчас встаю,– жалобно застонало из-под одеяла.

– Я это уже слышала! Все. Я ухожу. Проспишь, сама будешь виновата,– исчерпав все угрозы, сестра направилась к двери, но, вспомнив самое важное, остановилась на пороге комнаты:

– Ты вчера во сколько пришла? Я в полдвенадцатого легла, тебя еще не было.

– Я не помню. Не знаю. Я напилась.– У Веры не было сил что-нибудь придумывать. Она решила сразу все рассказать, лишь бы ее оставили в покое. Лохматая, заспанная голова,

наконец, показалась из-под одеяла.

Брови сестры взметнулись вверх. Она немного постояла, переваривая информацию.

– И как ты до дома добралась среди ночи да еще пьяная?– видимо, ей нужна была вся правда, с подробностями. Как же без них.

– Меня проводили.– Вера слегка помотала головой, проверяя ее на пригодность к дальнейшей эксплуатации.– У меня голова болит,– сказала она, в надежде, что сестра отстанет и уйдет, но не тут-то было. Та, уже совершенно забыв, что еще две минуты назад опаздывала на работу, вернулась к кровати и встала рядом с младшей сестрой, сверля ее взглядом посланца инквизиции.

– Пить надо меньше, и голова болеть не будет.– С чопорным видом особы из королевской семьи заявила она.

– Отстань,– простионала Вера и вылезла, наконец, из-под одеяла. С трудом, надев халат и тапки, она поплелась в ванную, умываться и заодно спастись от несносного занудства и поучительных нотаций.

– Тебе Сева звонил вечером,– ледяным тоном сообщила ей вслед сестра.

– И чего он хотел?– без особого интереса спросила Вера.

– Узнать под каким забором тебя искать!

– Ха-ха! Как остроумно,– вяло огрызнулась Вера. Сестра осуждающе посмотрела на нее:

– Он сказал, что у него изменились планы, и он сегодня не

сможет приехать,— не дождавшись ответа, морально устойчивая, не склонная к порокам и неводержанности сестрица не смогла удержаться и добавила с явным ехидством.— Наверное, нашел себе другую, непьющую.

— Ага, и без родственников...— сказала Вера и захлопнула дверь перед ее носом.

Сева нередко отменял или переносил их свидания под разными предлогами. Обычно Веру это немного огорчало и злило, и иногда она даже обижалась и устраивала разборательства. Но сегодня она не только не огорчилась, но даже была искренне рада, что его планы изменились. Сегодня ей было совершенно все равно, по какой причине он не может приехать на этот раз и какую там непьющую, некурящую или не говорящую, он себе нашел. На этот раз у нее были свои собственные, очень определенные планы — дожить до конца занятий, доехать до дома и рухнуть в свою постель. Больше ей сегодня ничего не нужно.

—Вован! Тебе во сколько вставать нужно? Ты в институт сегодня пойдешь?— Сергей с силой тряс безвольное, не подающее признаков жизни, тело.— Вован!!! Вставай. Я кофе сварил.

— Серега отстань!— Вован наконец зашевелился и даже дрыгнул ногой в надежде лягнуть надоедливового друга, но удар не достиг цели и нога безвольно плюхнулась на пружинный матрас родительской кровати. Ночью, в поисках бо-

лее-менеe пригодного для сна места они обнаружили, что изo всех помещений квартиры только родительская спальня почти не пострадала от нашествия буйной молодежи. И, недолго думая, завалились спать в святая-святых, кровать которую, когда находились в Москве, делили супруги Телянины.

–Вов!– не унимался Сергей.

–Че, ты пристал?! Не иду я ни в какой е...й институт, пошел он на ...! Понял!– заорал Вован и тут же мучительно скривился от боли, потому что в голове у него разорвалась маленькая граната. Вован осуждающе посмотрел на Сергея, как на главного виновника всех своих страданий, и с головой скрылся под одеялом.

– Вован!– не унимался на удивление не чуткий Сергей.

– Что?– взвизгнул Вован. Еще одна граната взорвала остатки бедного измученного мозга. Вместе с одеялом он начал отползать к дальнему краю необъятной кровати, надеясь спастись от надоедливого и бессердечного друга детства.

– Во сколько у вас занятия заканчиваются?

Вован застонал и с видом мученика сел, сверля Сергея неприязненным взглядом мутных воспаленных глаз.

–Ты придурок?!– почти с сочувствием спросил Вован.– Тебе какая разница?! Ты чего из Бауманки к нам решил перевестись? Хочешь узнать, подойдет тебе график или нет?!– Заорал он, наплевав на свою несчастную, многострадальную голову. – Не помню я во сколько. Ты чего пристал-то ко

мне?! Уйди!– умоляюще простонал Вован, третий взрыв в голове лишил его последних сил. Он в изнеможении откинулся обратно на кровать. Гигантский матрац, бережно принял почти безжизненное тело и несколько раз плавно качнул его вверх и вниз, успокаивая и убаюкивая. Сергей пошел к двери.

– В 3.15– раздался слабый голос из-под одеяла.

Сережа Кречетов и Володя Телянин подружились в самый первый в своей жизни учебный день. На первой же перемене, когда 1-й «Б» отправился в столовую, доверчиво семени маленькими ножками вслед за своей учительницей Натальей Степановной. Самый страшный хулиган начальной школы, третьеклассник Васька Зубов, заметив, что Наталья Степановна, не оглядываясь назад, уверенно прокладывает путь по школьному коридору, с силой ухватил одного из ее питомцев. Мелкого, тощего, с железными брекетами на зубах. И поволок его в сторону. Васька крепко прижал к стене свою добычу. И когда Наталья Степановна, не заметив пропажи своего подопечного, завернула вместе со всем остальным классом за угол, Васька, что было сил, потрянул свою жертву за лацканы синенького школьного пиджачка и, показав здоровый кулак спросил: «В рыло давно не получал?».

Васька обожал пугать и мучить тех, кто младше и слабее его. Ему нравилось издеваться. Слезы и мольбы малышни доставляли ему истинно садистское наслаждение. И он уже

радостно предвкушал, как заморыш с железками на зубах сейчас расплачется и начнет проситься к мамочке. Но Володя Телянин не был похож на тех, кого привык мучить и третировать Васька. Он с интересом посмотрел на Васькин кулак и, ухмыльнувшись, сказал: «А ты?». От неожиданности Васька на некоторое время впал в ступор. Придя, в конце концов, в себя, он замахнулся на наглого сопляка. И уже готов был расквасить ему нос или наградить фонарем под глазом, как вдруг, совершенно неожиданно сам получил достаточно болезненный удар кулаком в живот, но не от замухрышки, которого он продолжал крепко держать, а от другого первоклашки, правда чуть пошире и повыше этого. Васька впервые за свою недолгую жизнь встретил отпор. Причем, сразу от двух малявок и пришел в полное замешательство. Зато мелкие шпингалеты, быстро сориентировавшись, набросились на него и достаточно сильно поколотили.

Первое сентября закончилось для родителей Сережи и Володи вызовом в школу, в кабинет директора, а для самих малолетних нарушителей порядка раз и навсегда сложившейся дружбой, сразу же проверенной в боевых условиях.

Сережа и Володя были настолько же разными как соленое и сладкое, как ночь и день, как лето и зима. Но их дружба была от этого только крепче. Они тянулись друг к другу и были практически неразлучны.

Сергея растила мама, работавшая инженером в конструк-

торском бюро. Отец умер, когда Сережа был совсем маленьким, он его и не помнил почти. Мама старалась придерживаться строгих правил в воспитании сына, что бы он, не вырос тряпкой или размазней, что бы умел справляться с жизненными трудностями. Она очень переживала и боялась, что без мужского участия не справится с задачей вырастить из сына настоящего мужчину, каким был его отец. Переживала зря. И справилась, и вырастила. Сережа с раннего детства был очень серьезным, увлеченным мальчиком. Любил что-то мастерить, изобретать. Все время что-то паял, конструировал. Много читал. Обожал футбол. И был наделен обостренным чувством справедливости. Именно поэтому когда отставший от класса, по причине посещения туалета, Сережа увидел, что Васька Зубов вот-вот врежет его однокласснику, он, не раздумывая, бросился на помощь, хотя Васька был намного больше и сильнее.

Володя Телянин родился в семье, где всем руководила мать – Алина Николаевна, женщина властная, решительная и необыкновенно деятельная. Володя был поздним ребенком. Когда он появился на свет, родителям было уже далеко за тридцать. Алина Николаевна обожала сына, тряслась над ним, и Володя вертел матерью как хотел. Отца, Родиона Петровича, занимавшего серьезный пост при Министерстве иностранных дел, постоянно отправляли в заграничные командировки и, во время отсутствия родителей с Володей оставалась бабушка, мать отца. Бабушка придерживалась иных ме-

тодов воспитания, нежели ее невестка. Она не давала внуку спуска и драла его нещадно ремнем за нескончаемые проделки и проказы. Но строгое воспитание бабушки давало абсолютно тот же результат, что и чрезмерное обожание матери – то есть никакой. Бабка наказывала внука за очередную выходку, била, что называется, пока рука не устанет, он стойко переносил наказание, никогда не проронив ни одной слезинки, и тут же шел и вытворял что-нибудь новое. Володя никогда не жаловался, ничего не подозревающей матери, на бабушкину «науку», как она это называла. Он вообще не был маменькиным сынком, несмотря на то, что Алина Николаевна носилась с ним как наседка, опекая сына во всем. Отец, конечно, тоже очень любил Володю, но он настолько был под каблуком у своей жены, что его отношения с сыном, за редкими исключениями, сводились к «спроси у мамы» и «если мама согласится, то так и сделаем».

После беседы с директором школы родители, естественно, захотели узнать, почему их дети затеяли драку в свой первый же учебный день.

Мама Сережи, очень расстроенная, с красными пятнами от волнения, на щеках, едва сдерживая слезы, усадила сына рядом с собой и дрожащим голосом спросила:

– Сережа, ну как ты мог?

Маленький Сережа с удивлением посмотрел на мать. Он совершенно не мог понять, что он сделал не так и из-за чего

мама так расстроилась.

– Сережа, – снова обратилась к сыну Галина Андреевна, – я чуть со стыда не сгорела! Первый день в школе, и ты устроил драку! – она судорожно вздохнула. – Ты же добрый мальчик. Ты всегда всем помогаешь. И вдруг вы вдвоем набрасываетесь на одного мальчика и бьете его. – Галина Андреевна не выдержала и расплакалась. К сожалению, родителям драчунов не продемонстрировали «несчастную жертву». – Это же подло, Сережа! Двое на одного, так нельзя!

Сергей смотрел на мать широко раскрытыми глазами. Почему она считает, что он поступил подло? Он ведь просто защищал более слабого Вовку, своего друга. Сергей тяжело задышал, зашмыгал носом. Очень хотелось расплакаться, уткнуться матери в колени и объяснить, что ничего подлого он не сделал. Что Васька Зубов, вот кто подлый, он мучает малышкой. Но Сережа не мог позволить себе заплакать – он же мужчина, он мамина опора. У мамы никого больше нет. Он должен защищать и оберегать ее, а получается, что она расстраивается из-за него. На душе сделалось ужасно скверно.

– Сергей! – прикрикнула мать, приняв его молчаливое сопение за упрямство или за нежелание отвечать ей. Не дождавшись никакого ответа, Галина Андреевна строго сказала. – Значит так! Ты, Сергей, наказан. Неделю никакого футбола и никаких игр. Уроки и помощь мне по дому. Ты меня понял?

– Угу.– Это было все, что он смог ответить, потому, что слезы душили его, норовя выплеснуться наружу обильным потоком. Он чувствовал себя очень несчастным от несправедливости происходящего и от того, что мама считает, что он поступил подло и еще потому, он жить не может без футбола. Это самое страшное для него наказание. «Ненавижу Ваську Зубова!»– думал Сергей.

Разговор был окончен. Мама встала и пошла, готовить ужин, а Сережа украдкой смахнул предательскую слезу, которая умудрилась-таки выкатиться из глаза.

В то же самое время в квартире Теляниных шел семейный совет. Совещавшихся было двое: Алина Николаевна и Родион Петрович. Председательствовала, Алина Николаевна, а Родион Петрович исполнял роль слушателя.

– Родик!– зывала к мужу Алина Николаевна с трагическим выражением лица.– Мне кажется, эта школа не подходит Вовчику. Подумать только, первый день, а бедный ребенок уже оказался вовлечен в какую-то почти криминальную историю.

– Лина,– решил выразить скромное мнение Родион Петрович,– мне кажется, ты преувеличиваешь... Он же мальчик. Мальчишки всегда дерутся.

– Правильно, давай подождем, пока ребенка искалечат!– взвилась Алина Николаевна.

– Ну насколько я понял это они с другом побили того мальчика,– вновь попытался возразить не в меру строптивый

сегодня супруг.

– Родик! Ты должен устроить перевод Вовчика в нормальную школу! Где не будут учиться малолетние бандиты.– Безапелляционно заявила Алина Николаевна. Муж по опыту знал, что возражать или спорить бессмысленно и себе дороже, поэтому тут же согласился и сказал:

– Хорошо Лина, скажешь в какую школу, и я все устрою.

Родион Петрович уже хотел быстренько ретироваться с кухни и скрыться у себя в кабинете, но властный взгляд супруги пригвоздил его к стулу.

– Нам еще нужно поговорить с Вовчиком. Господи, бедный ребенок! Такой стресс!.. Да, кстати,– спохватилась Алина Николаевна,– что ты имел в виду, когда сказал про друга Вовчика?– обратилась она к мужу и, как всегда, не дожидаясь ответа, продолжила,– Что общего может быть у Вовчика с этим мальчиком? У нашего сына не может быть друга-уголовника, вовлекающего его в драки!

Родион Петрович не выдержал и даже чуть-чуть повысил голос:

–Лина! Ради бога! Это же дети, ну какие уголовники?

Алина Николаевна с упреком посмотрела на мужа, и уже хотела обвинить его в бесчувственности и безответственности, но решила, что сейчас важнее всего поговорить с бедным ребенком, пережившим тяжелое потрясение.

– Вовчик!– пропела она нежным голосом, полным неприкрытого обожания.– Вовчик, иди сюда. Нам с папой нужно

с тобой поговорить.

В дверном проеме возникла маленькая взъерошенная фигурка Вовчика. Алина Николаевна взяла сына за руку и притянула к себе.

– Сынок!– торжественно сказала она и погладила Володю по лохматой голове,– Ты не волнуйся, больше ты в эту школу не пойдешь, мы с папой решили, что она тебе не подходит. Мы переведем тебя в другую, хорошую.

– Я не хочу в другую,– сказал Вовчик,– мне в этой нравится. У меня тут друг. Сережка.

Алина Николаевна обняла любимое чадо.

– Вовчик! Ну, какой друг? Этот хулиган, который вовлек тебя в драку, в которой ты мог пострадать?

– Он не вовлекал,– сказал Вовчик.– Он меня защищал.

Алина Николаевна вытаращила глаза.

– От кого?– спросила она, схватившись за сердце.

– От Васьки Зубова. Когда он меня утащил и побить хотел.

Алина Николаевна в ужасе смотрела на сына. Все было еще страшнее, чем она думала, ее сына вообще, оказывается, могли сегодня похитить, покалечить и убить!

– Родик!!! Что ты молчишь? Ребенка чуть не убили.– Задыхаясь, выкрикнула она. Родион Петрович издал странный звук, подозрительно похожий на сдерживаемый смех. Сделав над собой усилие, чтобы успокоиться, он обратился к сыну:

– Володя, давай-ка, расскажи нам с мамой все по порядку. С чего там у вас все началось и чем закончилось. Хорошо?

– Хорошо, – кивнул Вовчик и, глядя на родителей ясным безмятежным взглядом серых глаз, рассказал всю историю от начала до конца. К концу его рассказа Алина Николаевна находилась в предобморочном состоянии и ловила воздух ртом, а Родион Петрович, закрыв лицо руками, сотрясаясь от беззвучного смеха. Положительный результат был налицо, во-первых, Вовчика решено было все-таки оставить в прежней школе. Естественно, Алина Николаевна решила завтра же снова посетить кабинет директора школы и на этот раз провести воспитательную беседу с ним самим по поводу безответственности и попустительства с его стороны. А, во-вторых, с этого момента и на всю оставшуюся жизнь Сережа Кречетов из малолетнего уголовника превратился для Алины Николаевны в нежно любимого голубчика Сереженьку. Со временем, говоря о Володе и Сереже вместе, она говорила «мои дети».

Подкаблучник Родион Петрович не зря занимал свой высокий пост в министерстве. Он умел направить разговор в нужное русло, разъяснить и разрешить любую ситуацию не только в масштабах одной отдельно взятой школы, но и на международном уровне. Единственное, что ему никогда не удавалось, так это справляться с собственной супругой.

Успокоившись и выпив сердечных капель, Алина Николаевна потребовала, что бы ее мужчины оделись «прилично, на выход», и семейство Теляниных, в полном составе, во главе с Алиной Николаевной, отправилось в соседний дом зна-

комиться и налаживать контакт с Кречетовыми. Адрес которых, по указанию жены, по своим каналам быстренько раздобыл Родион Петрович.

Появление шумного, шикарно разодетого семейства Теляниных в маленькой, скромной квартирке Кречетовых сильно смутило Галину Андреевну, не привыкшую к таким бурным проявлениям эмоций. А уж тем более со стороны практически незнакомых людей. Когда все, наконец, немного успокоились и кое-как разместились в малюсенькой кухне, и первая неловкость прошла, дипломатичный и интеллигентный Родион Петрович, быстро и четко разъяснил Галине Андреевне ситуацию со школьной дракой. Все обвинения с Сережи были сняты и мир в семье Кречетовых восстановлен. Справедливость восторжествовала, а Алина Николаевна заявила, что Сереженька герой и спаситель ее Вовчика. И он должен обязательно пойти в выходные вместе с ними в цирк. Галине Андреевне, естественно, ничего не оставалось, кроме как согласиться.

Вера с группкой однокурсников вышла из здания института. На невысоком заборчике, напротив входа, сидел Сергей. Увидев Веру, он легко спрыгнул на землю и пошел ей навстречу.

– Привет,– улыбнулась Вера.– А Вовки сегодня не было. Прогулял после вчерашнего.– Сообщила она.

– Я знаю.– Признался Сергей.– Вообще-то, я тебя ждал.

Хотел тебя в кино пригласить, ну или еще куда-нибудь сходить.

– О!– Верины губы сложились уже знакомым бубликом. Она явно была в растерянности.– Я не знаю... Я... Я не могу.– Она посмотрела на Сергея и как-то, как ему показалось, грустно сказала. Хотя, конечно, может ему просто хотелось думать, что грустно.– Вообще, ты знаешь, у меня молодой человек есть. У нас свадьба через два месяца.

У нее два месяца в запасе, у него пять дней. Отступить было некуда. Да он и не хотел.

– Вер, я в следующий вторник улетаю. Просто хотел сходить с тобой куда-нибудь до отъезда. Пообщаться. Просто по дружески.

Это была полная чушь, самое глупое объяснение в его жизни. А это «я в следующий вторник улетаю» звучало вообще как «Вы же не откажете умирающему в последней просьбе?» Но у него не было времени разводить церемонии, он действительно улетал, улетал надолго. А к моменту его возвращения она вообще уже будет замужем.

– О!– маленький рот снова округлился, и тут они оба неожиданно рассмеялись. Это уже становилось их личной традицией, начинать одновременно хохотать совершенно без повода.

– Ладно, пошли,– решила она.

Они решили пройтись до ближайшего кинотеатра пешком. По дороге Сергей рассказывал смешные истории из их с

Вованом детства. Рассказал, как они однажды вместе были в пионерском лагере. Вован с большим трудом уговорил мать отправить его вместе с Сергеем в обычный лагерь, в котором отдыхали дети простых советских граждан, а не высокопоставленных партработников, дипломатов и писателей. Алина Николаевна, предварительно взяв с Сережи клятвенное обещание, что он будет присматривать за ее сыном, и Вовчик вернется домой живой и здоровый, с тяжелым сердцем, но согласилась.

К концу первой смены пребывания Володи Телянина в лагере, начальник, Федор Борисович, грузный, лысый дядька, успел превратиться в невротика и параноика, опустошил все запасы лагерного медпункта на предмет успокоительных и сердечных лекарств, потерял сон и аппетит. И, когда приехавшая на служебной машине мужа Алина Николаевна, заявила, извиняющимся тоном, что, к сожалению, ей придется забрать «своих детей». Так как мужу неожиданно дали отпуск, и они все едут в санаторий на море, Федор Борисович, прямо на глазах, помолодел лет на десять и только, что колесом не прошелся на радостях. Видя его волнение, Алина Николаевна, не желая обижать милого и приятного человека, так переживавшего, что двое его воспитанников покинут лагерь и не останутся на вторую смену, что бы как то успокоить его и подбодрить, правда с большим сомнением, сказала: «Может быть на третью смену...» Федор Борисович пошел пятнами и начал ловить воздух ртом и успокоился только то-

гда, когда мать ненавистного ему Телянина, сказала: «Хотя вряд ли получится в этом году. У нас планы... уж извините, Федор Борисович. Может на будущий год...» Федор Борисович страстно облобызал ей ручку, совершенно искренне заявляя, что какие уж тут обиды. Он все понимает.

Потом он, самолично запер лагерные ворота за их отъезжающей машиной, видимо, что бы собственными глазами убедиться, что маленькое чудовище покинуло вверенную ему территорию.

Еще Сергей рассказал, как в шестом классе Вован влюбился в девочку из параллельного класса Иру Лаврову. Она пару раз сходила с ним в кино, а потом, переметнулась к более-старшему мальчику, в которого были влюблены почти все девчонки из их школы. У него был мопед и, когда он заехал за Иркочкой после уроков, Вован заявил ей: «Лаврова, если ты сейчас с ним уедешь, я из окна выпрыгну!» Ирка засмеялась, считая это пустой болтовней и сказала: «Да прыгай, мне-то что!», села на мопед и укатила. А Вован поднялся на третий этаж и, войдя в первый попавшийся класс, открыл окно и сиганул вниз. Что тут началось! Учителя бегают, за голову хватаются. Скорая приехала, милиция. Алина Николаевна прибежала, а потом Родион Петрович прикатил на своей шикарной служебной машине. Директор школы ни жив, ни мертв, трясется стоит. Больше всего гнева Алины Николаевны боится. В общем, целое свето-представление. А, виновник всего этого переполоха, Вован только руку вывих-

нул и об кусты поцарапался. Про Ирку он никому не сказал, а чего-то там наплел про проверку возможностей человеческого организма, что он эксперимент проводил. Но впервые за все время, что его Сергей знал, он видел, как Вован плакал. Ему мать жалко стало и стыдно перед ней, что ей из-за него такое пережить пришлось. И он очень долго просил у Алины Николаевны прощения и руки ей целовал, и обещал исправиться и вести себя как нормальные дети. И целый месяц после всей этой истории вел себя примерно. Потом Ирку Лаврову ее принц бросил, и она к Вовану прибежала. Ты говорит мой герой, даже в окно из-за меня выпрыгнул. А Вован посмотрел на нее с удивлением и говорит: «Дура ты, Лаврова! С чего бы я стал из-за тебя в окно прыгать? Я просто эксперимент ставил. Ты тут вообще причем?» Ирка в слезы, а Вован с тех пор даже не смотрел в ее сторону.

Рассказал, как в детстве он сам был просто болен футболом, а Вован не любил футбол, но ходил с ним на все тренировки и на все игры и, сидя где-нибудь в сторонке, рисовал. Рисовал все, что видел – людей машины, дворовых кошек, небо, деревья. Потом, когда Сергей уже совсем серьезно заниматься стал и ходил в школу футбола, ездил на межреспубликанские игры, он получил очень серьезную травму колена, долго лежал в больнице, считая, что жизнь его закончилась, потому, что закончилась, едва начавшись, его футбольная карьера. Вован приходил к нему в палату каждый день. Иногда даже прогуливал школу и приходил с раннего утра,

сидел целый день на широком больничном подоконнике и рисовал. Сергей в те дни ни с кем не хотел говорить. И Вовка Телянин, который в принципе не умел спокойно сидеть и тем более молчать, сидел и молча рисовал, и молча показывал некоторые из своих рисунков, которые считал наиболее удачными, а потом говорил: «До завтра»— и шел домой.

Какое-то время Сергей шел молча, полностью погрузившись в воспоминания. Прикосновение Вериной руки вернуло его к реальности.

— Извини, задумался,— смущенно улыбнулся Сергей.

— Смотри!— Они проходили мимо школьного стадиона, и Вера с улыбкой показала ему на мальчишек, бегающих за мячом по футбольному полю.

— Ну, что покажешь этим салагам как нужно играть?

Сергей с удивлением посмотрел на нее. Предложение было настолько неожиданным, что он даже растерялся:

— Да ладно! Ты чего, это же мальчишки!— засмеялся он. Но Вера видела, как загорелись его глаза, как он весь подобрался, готовый ринуться вперед, на поле.

— Я буду там...— она махнула рукой в сторону импровизированной трибуны для зрителей, на которой сидело, лузгая семечки, несколько юных болельщиков. Время от времени они выкрикивали, что-то в адрес игроков.

Не дожидаясь ответа, Вера направилась к дырке в заборе, сделанной как раз рядом с трибунами. Сергей, отбросив сомнения, как в детстве, перемахнул через забор и, снимая

на бегу куртку, направился к маленьким футболистам.

Мальчишки сначала настороженно отнеслись к появлению взрослого дяденьки среди них. Но после того как Сергей ловко отбил несколько атак, и особенно когда команда, к которой он присоединился, забила два гола подряд, благодаря его умелым передачам, они забыли о разнице в возрасте. Он стал для них своим. В какой-то момент Сергей оглянулся, ища глазами Веру, и увидел ее, сидящей среди пацанов болельщиков. Она грызла вместе с ними семечки, смеялась, угощала их жвачкой, которой в больших количествах, регулярно снабжал ее Телянин. Так же как и мальчишки, Вера вскакивала с места и кричала: «Давай! Давай! Давай! Бей! Гол!». Потрясая в воздухе маленькими кулачками. Раскрасневшаяся, взволнованная она выглядела не на много старше их, как будто старшеклассница забрела на школьное поле поболеть за младшего братишку.

После того как были сыграны две игры, к великому сожалению мальчишек, Сергей, пожелав им удачи и спортивных успехов, пошел к Вере. Он тяжело дышал, рубашка промокла насквозь от пота, и он слегка прихрамывал, перетрудив, с непривычки, больное колено. Но его лицо озаряла счастливая мальчишеская улыбка. Глаза горели возбуждением и азартом.

– А ты, оказывается, заядлая болельщица! – поддразнил он Веру, которая, с очень довольным видом, пробиралась к нему, прощаясь со своими юными знакомцами.

Сергей протянул руку и помог ей спуститься на землю.

– Да нет. – Вера засмеялась. – Я сегодня вообще первый раз смотрела футбол. Ну, так, что бы действительно следить за игрой, болеть, переживать.

На душе было, почему-то, очень радостно.

– Знаешь, у меня в последние два дня столько важных событий: в первый раз напилась, в первый раз мучилась похмельем, в первый раз смотрела футбол.

Смеясь, она взяла Сергея под руку.

«Да, у меня тоже важное событие – взял и влюбился, можно сказать, с первого взгляда» – подумал Сергей. Но озвучивать свою мысль не стал. Глупости это все. Его спутница без пяти минут замужняя дама. Сергей разозлился, главным образом на себя самого. Что вообще ему лезет в голову? Вера почувствовала перемену в его настроении, обогнав его на полшага, она вопросительно заглянула ему в лицо. Вообще, она обычно чувствовала некоторую неловкость с малознакомыми людьми. Но с Сергеем, ей, почему то, было легко. Наверное, он человек такой. Есть же люди, с которыми ты просто на одной волне.

– Ты чего? – спросила она. – Что то случилось?

Он уже взял себя в руки.

– Все нормально. Ой, мы же в кино собирались! – он только сейчас вспомнил об их первоначальном плане.

– Да ну его! – Вера беспечно махнула рукой. – Мне больше понравилось болеть. И мальчишки эти такие смешные!

– Ты их всех очаровала, – улыбнулся Сергей. – Уверен. Они все за это время успели в тебя влюбиться. Мальчишки, в этом возрасте, любят более-старших девочек.

– В меня в седьмом классе влюбился мальчишка младше меня. Он ходил за мной везде. Он срывал мне свидания. Сидел под дверью квартиры. Звонил, писал записки.

– Ты была жестокая сердцеедка?

Вера засмеялась.

«Я больше не должен с ней встречаться. – Неожиданно подумал Сергей. – Провожу ее сегодня, попрощаюсь и все».

– Когда ты уезжаешь? – спросила Вера, выбрав самый неподходящий момент для своего вопроса.

– Сегодня четверг? Значит через пять дней.

Ей стало грустно. С ним было хорошо. Ну, что уж там ходить вокруг да около. Он ей нравился. Ну и, что? Ей просто приятно с ним общаться. Он просто очень хороший... Вера мысленно одернула себя. Хорошо, что он уезжает. Вообще неправильно было идти с ним, не важно, куда. Она не должна была соглашаться сегодня. Может она правда слишком легкомысленная?

Разговор не клеился. Они шли погруженные, примерно, в одни и те же мысли относительно друг друга.

Хорошо, что уже все решено. Он уезжает. Она выходит замуж. Просто случайная встреча. Маленькое, безобидное романтическое приключение. С кем не бывает?

Они доехали до Веринаго дома, обмениваясь, в основном,

ничего не значащими фразами. Возникшее между ними чувство близости было глубоко запрятано, на смену ему пришла несколько неестественная сдержанность.

Было еще светло, и Сергей не стал подниматься с ней до квартиры, простились на улице. Сергей поблагодарил за приятный вечер, пожелал всего хорошего. Она пожелала ему удачной поездки, тоже поблагодарила за вечер. Все как положено у хорошо воспитанных, ничего не значащих друг для друга людей.

Вера поднялась по ступенькам крыльца подъезда. Сергей повернулся и пошел в сторону станции. Все было кончено.

– Вера!

Она обернулась. Сергей подошел к ней.

– Я завтра еду к другу в деревню. Он только вернулся из армии, и мы давно не виделись. А теперь вот я уезжаю. Нужно встретиться.– Сергей помолчал.– В пятницу я вернусь. Мы можем встретиться?

«Я почти уже замужем. Конечно, мы не можем встретиться. Я должна сказать нет».

– Да.– Сказала Вера. Ужасно радуясь, сама не зная чему.

«Как жалко, что он не может меня поцеловать»– подумала она.

Когда Сергей и Вован учились в девятом классе, к ним пришла новенькая, Лара Липницкая. Высокая, красивая девочка сразу поразила воображение Сергея, даже не столько

красотой, а скорее необыкновенно уверенной манерой держаться. На фоне остальных одноклассников, неуклюжих, угловатых подростков, Лара выглядела царственной особой в окружении челяди. Обожание Сергея проходило на расстоянии. На переменах он украдкой бросал на нее взгляды, во время уроков влюбленно смотрел на ее спину со спускающейся по ней длинной, светлой косой. Во время школьных концертов, на которых Ларе всегда поручали читать стихи, он сидел замерев на месте, не сводя с нее восторженного взгляда. Лара читала громко, с выражением, красивым великолепно поставленным голосом. Глядя на нее, Сергей чувствовал, как его сердце бешено стучит в груди от переполняющего его чувства. Дома, лежа по вечерам в кровати, он представлял, как на Липницкую нападают хулиганы, а он спасает ее, и Лара с благодарностью улыбается ему и целует его в щеку. Дальше его фантазии не заходили. Вован неоднократно говорил другу:

– Да чего ты, Сергей! Да пригласи ты ее в кино или еще куда-нибудь. И дело с концом. Хочешь, отец билеты куда-нибудь достанет, что бы уж поразить ее совсем.

Сергей так и не решился. В конце концов, Вован отстал. Не хочет и не надо. Может человеку нравится просто так, издали, страдать. Сам он выбор Сергея не одобрял, считая Лару надменной задавакой, но свое мнение держал при себе, уважая чувства товарища.

Так Сережа страдал и вздыхал два года, до окончания

школы. Во время выпускного, он, наконец, отважился приблизиться к объекту своего обожания и пригласил Лару на танец. Он чуть не задохнулся от волнения, когда маленькие изящные руки легли ему на плечи. Собрав всю смелость в кулак, он пригласил Лару на свидание.

– С чего это вдруг?– кокетливо спросила она. И Сергей решился, сейчас или никогда.

– Ты мне два года нравишься.– Признался он, боясь, что и Лара и весь зал услышит, как бухает сердце в его груди. Лара рассмеялась.

– И куда же мы пойдем? В кафе мороженое или в кино?

– Куда хочешь,– смущенно сказал Сергей.

– Не трать время зря, Кречетов. Ничего не получится,– усмехнулась Лара.

– Почему?– чужим, глухим голосом спросил Сергей, почувствовав как сердце, бухнув в последний раз, теперь проваливается в бездонную пропасть.

– Да потому. Ты бесперспективный, понимаешь? Вот сейчас ты школу закончил, в институт пойдешь, а потом? Будешь всю жизнь где-нибудь инженером работать, свои 180 рублей получать. И что? Неужели ты думаешь, что я о такой жизни мечтаю. Вот если бы меня Телянин пригласил, я бы подумала. Хоть он и придурок, конечно, но у него папа в Министерстве работает, так, что сынок, наверняка дипломатом будет ну или еще кем-нибудь с хорошей должностью. Понимаешь? Жизненная перспектива!– Лара рассмеялась своим

чистым звонким смехом. Видимо от выпитого шампанского ее обычная сдержанность уступила место желанию поговорить. – Но знаешь Кречетов, в жизни ведь всякое бывает. Если, вдруг, выйдешь в люди, тогда поговорим. Шанс у тебя есть, внешне ты мне всегда нравился, – игриво взглянув на Сергея, закончила она.

Сергей ошеломленно смотрел на свою собеседницу. В милых нежных устах молоденькой девушки эта циничная речь, расчетливой торговли звучала настолько вульгарно и отвратительно, что он буквально оцепенел, и лишился дара речи. За два года он создал в своей душе чистый, светлый образ возлюбленной, возведя ее, почти, до ранга святой и теперь, в один миг, этот образ рассыпался, превратившись в прах, и на его месте осталась болезненная пустота.

Сергей осторожно снял девичьи руки со своих плеч и, не оборачиваясь, пошел к выходу из зала.

– Эй, Кречетов, ты куда? Сергей! Ладно, уговорил, схожу с тобой в кино, – донесся до Сергея голос Лары. Он не обернулся, не ответил. Выйдя из здания школы, он долго бродил по ночным Московским улицам.

После этого у него были и хорошие, и милые девушки. Но ни разу не екнуло в груди, ни разу сердце не начало колотиться как сумасшедшее. Не возникло чувство того, что поскорее бы дожить до следующей встречи. Не из-за Лары Липницкой, растоптавшей его первую, чистую, детскую любовь, а просто от того, что не встретил еще ту самую. Един-

ственную.

27.09.1990г.

В деревне осень была значительно заметнее, чем в Москве. Деревья стояли совсем голые. Было холодно. Дороги развезло. И, пока добрались до дома Филимона, чуть ли не по пояс вымазались в раскисшей глине.

Филимон радостно доставал из рюкзака водку и закуски, купленные в деревенском магазинчике. Расставляя все это богатство на столе, он рассказывал Сергею деревенские новости и сплетни.

Сергей с Филимоном, который был на самом деле никакой не Филимон, а Димка, просто фамилия Филимонов, знали друг друга почти с пеленок. Мать каждое лето отправляла Сергея к бабушке в деревню. Филимон был на два года младше Сергея. Он родился в деревне. Когда Сергей приезжал погостить, они были не-разлей вода. Их дружба стала менее тесной только после школы – сначала Сергей ушел в армию. Потом Филимон. За последние пять лет они виделись всего-то раза три. Филимона призвали на Морфлот, и он служил три года. И в отпуске за это время был только один раз. Именно поэтому, Сергей не мог уехать, не повидавшись с только, что вернувшимся другом детства.

Вечером истопили баню. Напарились. Мать Филимона напекла пирогов, наготовила в настоящей русской печи всяких вкусностей.

После бани пили водку. Разговаривали. В маленькой комнатке было жарко натоплено. После бани и от выпитого, разговор получался неспешный, тягучий. Клонило в сон.

– Я, Серега, в Москву в феврале уезжаю,– сообщил Филимон.– В школу милиции. Учиться.

– Ментом будешь?– поддразнил друга Сергей.

– Буду. Здесь ловить нечего. А там карьеру можно сделать.– Филимон налил еще по одной.– Давай, Серег! Чтоб наши с тобой планы осуществились!– чокнулись, выпили. Сергей поднялся.

– Мне завтра на первом автобусе уехать надо,– сказал он.

Филимон рассмеялся:

– Сдурел? Куда тебе торопиться? Отдыхай. Воздух, природа, закуска, водочка.– Он подмигнул.– Красота, Чего тебе еще надо?

– Не, Филимон. В другой раз. Может, летом приеду. Ты ж тоже на каникулы вернешься сюда?

Филимон, хитро улыбаясь, смотрел на Сергея:

– У тебя там девчонка в Москве?! Угадал? Давай колись!

– Не знаю,– честно ответил Сергей.

Филимон развеселился:

– Ну, ты чудак человек. Не знаешь, есть девчонка или нет? Сергею не хотелось обсуждать это сейчас. Он действительно ничего не знал.

– Филимон, давай, мы потом поговорим. Я спать пошел.

– Ладно.– Согласился Филимон.– Потом так потом.

26.09.1990г.

Вера вернулась домой в полном смятении чувств и в неприлично приподнятом настроении.

– Ты чего так поздно?– показала из кухни сестра и тут же снова скрылась, у нее там что-то шкварчало и шипело.

Вера переделалась в домашнюю одежду и тоже отправилась на кухню, на поиски еды.

– Мы в пятницу едем на дачу к друзьям.– Сказала сестра. Мы – означало она и молодой человек, с которым у них был вялотекущий роман, все никак не перетекавший в брак, что очень огорчало сестру. Ей было уже 26 лет, и она болезненно переживала, что ее избранник никак не решится на предложение руки и сердца.

– Хочешь, поехали с нами. Большая компания собирается. Будет весело.

– Охота была со старичьем сидеть.– Вера демонстративно сморщила нос, поддразнивая сестру.

– Можешь Севу с собой взять,– продолжала уговаривать та.

– Нет.– Сказала Вера.– Мне заниматься нужно.

Это было вранье, и они обе это знали.

– Какое рвение к учебе!– ехидно восхитилась сестра. Потом внимательно посмотрела на Веру и, усевшись за стол, напротив нее, спросила нормальным человеческим голосом, голосом старшей сестры, переживающей за младшую:

– Вера, что с тобой происходит?

– Я не знаю,– честно ответила Вера, а потом, улыбнувшись, добавила.– Я натура сложная, противоречивая.

– Дура ты, а не сложная натура. Вертихвостка.– Сказала сестра, но не сердито, а так как говорят о чем-то, что уже есть и ничего тут не поделаешь.

Сестры. Все детство они ссорились, орали друг на друга, обзывались и не хотели уступать ни в чем и никогда. Доходило до драк, до таскания за волосы. Обидные слова были почти единственной формой общения. Младшая ябедничала и вредничала, старшая отвечивала подзатыльники и безжалостно прогоняла ноющую, желающую во всем участвовать младшую. Редкие дни обходились без слез.

– И зачем я хотела, что бы ты родила эту дуру?– в слезах спрашивала Соня у матери, держа, очередную, изрисованную разноцветными карандашами школьную тетрадь.

– Сонька сама дура! Чего она обзывается?– вопила Вера и тут же получала очередной подзатыльник от Сони.

Эта нескончаемая война длилась до тех пор, пока Вере не исполнилось лет десять. Соня стала совсем взрослой, а у Веры появились другие увлечения, помимо приставания к старшей сестре и нескончаемого «Ах ты так! Тогда я тебе тоже так!». В доме воцарился мир и покой. Ссоры иногда вспыхивали, но теперь они не носили столь бурный и столь масштабный характер. Теперь это, скорее были короткие словесные перепалки, причем довольно редкие и довольно сдер-

жанные. А когда Вера уже совсем подросла, они с Соней даже начали как-то понимать друг друга. Не во всем и не всегда, но отношения перешли на новый уровень умеренно-доверительно-уважительный. Были тут свои тонкости: Соня считала Веру легкомысленной вертихвосткой, а Вера Соню – занудной и слишком правильной. Но общение между ними стало наконец-то дружеским.

Родители Веры и Сони разошлись, когда Вера была еще совсем маленькой. Разошлись по обоюдному согласию, мирно, интеллигентно. Вера этот момент из семейной биографии помнила плохо, а Соня была на восемь лет старше и перенесла развод родителей болезненно. Переживала.

Отец вскоре обзавелся новой семьей, а потом и вовсе уехал работать за границу. А мама, мужественно пережив войну сестер, несколько лет назад тоже вышла замуж во второй раз, за военного и уехала с ним, по месту его службы, далеко от Москвы. Время от времени наезжая к своим девочкам, проведать их. Конечно, это было довольно рискованным шагом оставить без присмотра двух юных особ женского пола. Но, слава богу, на панель никто не угодил и к наркотикам не пристрастился. Все как-то сложилось более-менее нормально.

Соня, наделенная от природы повышенным чувством ответственности, старалась, по возможности, приглядывать за своей бесшабашной, склонной к авантюрным приключениям, младшей сестрой. А Веру, порой, раздражали чрезмер-

ная опека и внимание, которыми окружила ее старшая сестра. Она воспринимала это исключительно как занудное посягательство на свою свободу и всячески пыталась оградить собственную независимость от Сониного вторжения, с ее советами и нравоучениями.

Соня надеялась, что, поступив в Архитектурный институт, Вера окунется в учебу с головой, станет серьезной, образумится. Но Вера, хоть и училась с удовольствием, продолжала скакать как стрекоза по каким-то вечеринкам, свиданиям, причем не серьезным свиданиям, а так развлечения-ради. Соня сама была другой, жила совсем другой жизнью и поэтому ей было так тяжело понять непоседливую, вечно витающую в облаках, живущую в мире грез сестру. Так же как слишком правильная, размеренная жизнь Сони казалась Вере скучной и однообразной. Ей казалось, что немного огня, немного безрассудства совсем не помешали бы старшей сестре. И она даже немного жалела «несчастную Соньку», ведущую такое тоскливое, на ее взгляд, существование.

28.09.1990г.

На первый, шестичасовой, автобус Сергей опоздал. Они с Филимоном проспали. Проснувшись в начале девятого, Сергей начал трясти друга, пытаясь узнать, во сколько будет следующий автобус.

Филимон долго не мог понять чего от него хотят. Потом так же долго пытался вспомнить расписание автобусов. И, в конце концов, зная, что Сергей не отстанет, кое-как умыл-

ся, надел телогрейку и пошел к соседке узнавать расписание. Вернувшись, он сообщил, что следующий автобус только в двенадцать и снова завалился спать. Сергей прикинул, что он как раз успеет заскочить домой, помыться и переодеться, а потом доехать до Вериного института к концу лекций. В десять часов он начал снова тормозить Филимона. Нужно было выйти почти за час, остановка была далеко, а дороги почти непроходимые. Филимон разразился потоком матерной брани, но потом все-таки встал и к одиннадцати часам был вполне готов сопровождать, друга.

Когда прошли половину дороги Филимон предложил срезать путь через небольшой лесочек, в котором они в детстве собирали орехи и ловили ежей.

– Чего тащиться по грязи? Щас мы через лесочек раз и уже почти на остановке.— Заявил он.

Свернули к лесу. Грязи там было не меньше, но путь, насколько помнил Сергей, действительно был короче. Шли друг за другом по узенькой тропинке, вдыхая сырой холодный воздух. Голова у обоих гудела, после вчерашнего, поэтому прогулка пошла на пользу.

– Я щас с тобой до соседней деревни доеду,— сказал Филимон,— там магазин большой открыли. Водки куплю, а то голова чугунная.

В это время, как из-под земли, навстречу Сергею и Филимону вышли трое молодых парней и один мужик уже в возрасте, сделавший на своем веку явно не одну ходку на зону.

– Здравсте!– широко улыбаясь и немного пришипетьвая щербатым ртом, сказал он, подходя развязной походкой и загородив дорогу.– А куда это мы идем?

– Куда надо,– сказал Сергей, который шел впереди.– Дай пройти.

– Ой, какие мы грубые, какие не разговорчивые!– плаксивым голосом сказал щербатый и заржал.

Двое молодых тоже подошли и встали вплотную к своему товарищу. Краем глаза Сергей заметил, что третий парень, сойдя с тропинки, продвигается между деревьями, обходя их с Филимоном сзади. А еще он заметил, что у молодых, из-под курток, торчат обрезки металлических труб и понял, что добром эта встреча на лесной тропинке не кончится.

– Ну, что молодые люди,– продолжая куражиться, вновь обратился к ним щербатый.– Помогите добрым людям на пропитание.– Он протянул вперед явно не знавшую ни о воде, ни о мыле, заскорузлую ладонь.

Так как ни какой реакции не последовало, он, перестав улыбаться, сказал спокойно, но с затаенной угрозой в голосе:

– Давайте, ребятки, бабло, какое есть, и разойдемся по хорошему,– и, обернувшись к двум своим помощникам добавил.– Ведь мы же не хотим ссориться с такими хорошими ребятами?

– Свали с дороги, тебе сказали!– сказал Филимон, вставая рядом с Сергеем. Его холодные голубые глаза, хмуро смотрели, из-под светлых бровей, на компанию уголовников.

Дальше все произошло очень быстро. Парень, обошедший их сзади, выхватил обрезок трубы и, сделав резкий замах, с силой обрушил ее вниз. В следующий миг раздался тошнотворный хруст и дикий, нечеловеческий вопль, вырвавшийся из груди Филимона. Сергей, как в плохом сне, с ощущением полной нереальности происходящего, повернулся к другу. Белый как полотно Филимон стоял, хватая воздух ртом. Правой рукой он прижимал к боку неестественно повисшую левую руку. В это время Сергей почувствовал сильный удар в спину. От боли все поплыло перед глазами и он, не удержавшись на ногах, отлетел к ближайшему дереву, и, ударившись головой, в кровь разодрал щеку об его кору. Сергей помотал головой, что бы прийти в себя и, развернувшись, наугад ударил кулаком. Удар попал в цель. Кулак врезался во что-то мягкое. Противно хрустнуло, чавкнуло, кто-то взвыл от боли. Сергей понял, что сломал одному из нападавших нос. Его снова ударили сзади, но уже не так сильно как в первый раз, удар пришелся вскользь и он устоял на ногах. Повернувшись, он очередным ударом сбил одного из молодых с ног и когда тот навзничь упал на спину, как следует, врезал по ребрам ногой. Остановившись на секунду отдышаться, Сергей увидел, что Филимон, прижав шербатого к дереву, молотит его здоровой рукой, на миг Сергей испугался, что Филимон забьет его до смерти. В драке он был страшен. Никто из деревни с ним не связывался. Худой, жилистый Филимон мог запросто проломить ударом деревянную доску, не то, что

человеческий череп.

Когда все закончилось и нападавшие ретировались, понеся не меньшие, а скорее даже большие потери Сергей с Филимоном являли собой двух персонажей из какого-нибудь фильма о войне – два грязных, израненных партизана, в разодранной, окровавленной одежде, из последних сил пробираются через вражеский лес, к своим. У одного безжизненно болтается сломанная рука, и он еле переставляет ноги, поддерживаемый своим товарищем, у которого корка из застывшей крови и грязи закрывает пол лица.

Пока добрались до шоссе. Пока поймали попутку, довезшую их до районной больницы. Пока Филимона осматривали, делали снимок, накладывали гипс. Пока добирались обратно, наступил вечер, и последний автобус на Москву уже давно уехал. Сергей клял себя, на чем свет стоит, что не взял у Веры номер телефона. Он даже упросил молоденькую смешливую медсестричку, дежурившую в больнице, разрешить ему позвонить в Москву с больничного телефона. Он набрал номер Вована, что бы тот сообщил Вере, что Сергей сегодня приехать не сможет. Но у Теляниных никого не было дома. А услужливая, правильная и разумная его часть начала нашептывать: «А может и к лучшему? Судьба». Но он тут же отогнал эту мысль и, послав судьбу подальше, решил выехать завтра первым автобусом и поехать сразу к Вере. А там будь, что будет.

Вера огляделась по сторонам. Не увидев Сергея нигде поблизости, она села на лавочку недалеко от входа, достала книжку и стала ждать. Она не могла сосредоточиться на чтении и решила просто делать вид, что читает. Что бы, Сергей не подумал, когда придет, что она так уж его ждет. Через двадцать минут «деланья вида» Сергей так и не появился и Вера начала слегка нервничать. Через полчаса она начала злиться. После сорока минут ожидания, Вера начала чувствовать себя душой, со злостью зашвырнув книгу в сумку, делать вид все равно было не для кого. Когда прошел час, она встала с лавочки, кипя негодованием, проклиная себя, Сергея и вообще все вокруг и, гордо вскинув голову, отправилась в сторону метро. Счастье еще, что Телянин сегодня снова не явился на занятия. А то пришлось бы в другой ВУЗ переходить от его насмешек.

Увидев в окошко вернувшихся страдальцев, мать Филимона всплеснула руками. Выбежав из дома, она кинулась им навстречу, причитая и утирая на ходу слезы.

– Сыночек! Господи! Да что ж это? Сыночек!

– Мам, да нормально все.– Пытался успокоить ее Филимон заплетающимся языком. В больнице его накачали обезболивающими, и он говорил и двигался все равно как пьяный.– Мам, ну мам, ну не плачь, – повторял он, нежно обнимая мать здоровой рукой и глядя на ее заплаканное лицо осоловелыми глазами.

Выслушав, рассказанную, естественно, без подробностей

и с минимумом драматизма, историю их злоключений, она снова заохала и запричитала, и несколько раз украдкой утерла слезы. Филимона уложили спать. Он сразу уснул, но спал очень беспокойно. А когда действие лекарств закончилось, начал стонать и ворочаться, а потом вообще встал и ходил по комнате, из угла в угол, почти до самого утра, баюкая больную руку и пытаясь найти для нее удобное положение, что бы боль была не такой изматывающей.

Мать Филимона, как могла, почистила и зашила одежду Сергея, приготовила ему завтрак, так как он сказал, что рано утром уедет. Перекрестила его, и тихонько причитая: «Вот горе-то, горе!» ушла к себе спать. Сергей долго не мог уснуть. Потом начал стонать и ворочаться Филимон. Несколько раз Сергей вставал, выходил на улицу покурить. Потом вновь ложился, но сон все не шел. В пять утра, не выспавшийся, разбитый, он вышел на морозный октябрьский воздух и отправился на автобусную остановку. К счастью на этот раз все обошлось без приключений.

29.09.1990г.

Суббота. В институт идти не нужно. Можно спать хоть целый день. Но по закону подлости Вера проснулась в девять. Открыла глаза и почувствовала себя несчастной и злой. Она полежала глядя в потолок, жалея себя и думая о том, что жизнь не имеет никакого смысла. Жалеть себя надоело. Вера встала и отправилась в ванную умываться.

Как только она закончила чистить зубы, в течение почти десяти минут машинально вода щеткой туда-сюда, рассматривая при этом отсутствующим взглядом сердитое отражение, и продолжая думать о несправедливости и бессмысленности существования, противно задребезжал дверной звонок.

«Кого там еще принесло? Может не открывать?» Может, у звонившего проснется совесть, и он или она просто уйдет. Ей никого не хотелось видеть. После вчерашнего ожидания на лавочке она чувствовала себя униженной и опозоренной. Причем, униженной и опозоренной на веки вечные. Наверное, примерно так, чувствуют себя невесты, брошенные у алтаря. В жизни еще ее так не унижали, что бы назначить свидание и просто не прийти. Звонок снова истерически задребезжал.

«Господи, какой противный звук!»— поморщилась Вера и пошла открывать настырному посетителю. За мутным стеклом двери «общего» коридора маячил большой, темный силуэт.

– Привет.— Сказал с виноватой и в то же время довольной улыбкой Сергей распахнувшей перед ним дверь Вере. Извлек из-за спины небольшой букет и протянул ей.— Извини, вчера не получилось прийти.

Причина неявки была точно уважительная, и на лицо, и на лице. Вид у него был такой, что предъявлять претензии было совершенно глупо. В потрепанной одежде, заляпанной

засохшей глиной, с разодранной щекой и воспаленными после бессонной ночи глазами выглядел он просто ужасно. Но Вера была так рада его видеть, что он показался ей прекраснейшим из прекрасных.

– Что случилось?– спросила она, указывая на разбитую щеку.

Он так боялся, что не застанет ее дома, что даже не стал заезжать домой, что бы переодеться и привести себя в порядок. Хотя и понимал, что выглядит не совсем подобающе для встречи. Он бежал всю дорогу, где только можно было бежать. От автобуса до метро. В метро бежал по эскалаторам, перескакивая через несколько ступеней, наверное, до смерти пугая при этом других пассажиров, своим странным видом. На вокзале бежал до электрички, а потом от электрички до ее дома. Он боялся, что ее нет, что она куда-нибудь ушла, уехала, пропала из его жизни, и он больше не увидит ее. Что она со своим приземленным орангутангом обсуждает предстоящую свадьбу, и он держит ее за руку, и они радостно смеются и говорят друг другу всякие глупости, которые всегда говорят друг другу влюбленные. В общем, он был ужасно рад, что она здесь, что они все-таки встретились, и она улыбается ему своей милой улыбкой.

– Ну так , что случилось?– повторила свой вопрос Вера.

– Да так, потом расскажу,– отмахнулся он, продолжая неподвижно стоять и, улыбаясь, смотреть на нее.

– Ну, ты зайдешь или как?– поинтересовалась она, видя,

что он прирос к косяку.

Первым делом Вера отправила гостя в ванную, чему он очень обрадовался.

– Ты есть будешь?– спросила Вера, протягивая ему большое чистое полотенце.

– Буду.– Не в силах перестать улыбаться и, чувствуя себя из-за этого полным дураком, сказал Сергей.

– Сейчас, что-нибудь сделаю, пока ты моешься. Только должна тебя предупредить,– почти торжественно сказала Вера,– я не умею готовить.

– Ты полна достоинств.– Рассмеялся Сергей.– Пьющая, не умеющая готовить...– он начал загибать пальцы.

Вера засмеялась и, хлопнув его полотенцем, ушла на кухню.

Чистый, свежeweымытый, Сергей вошел на кухню, наполненную аппетитными запахами. На столе стояли гренки, яичница с ветчиной и свежесваренный кофе. Только сейчас Сергей почувствовал, как сильно он хочет есть.

– А говорила, что готовить не умеешь.

– Ну, я имела ввиду, что-то более серьезное,– улыбнулась она.– Ну, и, что же с тобой случилось?– Подойдя к нему совсем близко, чтобы он не отвертелся от ответа, снова спросила Вера.– Ты оказывается драчун?

– Ну, я тоже полон достоинств,– рассмеялся Сергей.

Он почти болезненно ощутил ее близость, он чувствовал тепло исходившее от ее тела, легкий запах шампуня от во-

лос. Они были одни, и он не знал, как найти в себе силы, что бы удержаться и не обнять, не дотронуться до нее, не поцеловать.

– Вера!

– Что?– она смотрела на него снизу вверх, потому что она была совсем маленькая, а он высокий и здоровенный как шкаф. И ему стало немного неловко, что он такой большой и ведет себя как самый настоящий приземленный орангутанг.

– Можно я тебя поцелую?

Это было так трогательно и мило, и даже по-детски, что она не выдержала и рассмеялась. А потом подошла еще ближе и сама его поцеловала. И это был очень долгий и очень приятный поцелуй, такой после которого хочется повторить еще раз и еще.

В какой-то момент, где-то очень глубоко, в затуманенном этим волшебным поцелуем сознании, всплыл бледный и какой-то размытый образ Севы, и чувство вины зашевелилось в ней, пытаясь образумить, вернуть ее на землю. Но Вера безжалостно пресекла эти слабые и бесполезные попытки и отдалась вся и полностью захлестнувшему ее, неведомому до этого момента чувству абсолютной принадлежности другому человеку. И это было так прекрасно, так непередаваемо, так ни на, что не похоже, что она вообще не могла понять, как она жила до этого дня. Ее жизнь была пуста и бессмысленна. И только сегодня, сейчас, ее жизнь началась по настоящему, в полную силу, обрела смысл и значение.

Наконец, с огромным трудом они нашли в себе силы оторваться друг от друга. И какое-то время просто стояли, улыбаясь, всматриваясь друг в друга. Они ничего не знали друг о друге, и у них было очень мало времени на то, что бы хоть что то узнать. Сейчас, совершенно неважно было, что случится дальше. Не было ни прошлого, ни будущего, было только сейчас. Были они. Их поцелуй. Эта кухня. Сейчас это был весь их мир. Все остальное существовало в совершенно другом измерении и не имело к ним совершенно никакого отношения.

Они поели, как давным-давно живущая вместе семейная пара. Вера убрала со стола, помыла посуду. А Сергей сидел и просто смотрел на нее, стараясь насмотреться на время предстоящей разлуки, «про запас». А потом он взял ее на руки и отнес в комнату. И весь мир опять исчез, снова перейдя в другое измерение, никак и ничем не связанное с ними. И все было именно так, как они оба себе и представляли. Потому, что на свете у каждого есть своя половинка. И эти две половинки встретились. И из двух половинок получилось одно целое.

А потом они просто лежали рядом. Очень долго. Радуюсь и наслаждаясь, близостью друг друга. Они блаженно улыбались и чувствовали себя очень счастливыми, категорически запрещая себе думать о будущем, о предстоящей разлуке. Только не сейчас. Не в этот сказочный, неповторимый момент. Это все будет. Будет, но потом.

Когда сумерки за окном сменились непроглядной ночной чернотой, Сергей опомнился, что Вера, все-таки, живет не одна и, что ему, наверное, уже пора.

Она обняла его и нежно поцеловала.

– Ты можешь остаться?– спросила она. Ему хотелось закричать во весь голос: «Да! Да! Конечно, могу!», но он просто поцеловал ее в ответ, и они продолжали лежать в темноте, улыбаясь своим мыслям, переговариваясь друг с другом и впитывая в себя эти счастливые беззаботные и безмятежные минуты.

30.09.1990г.

Было очень здорово проснуться рядом. Увидеть глаза, губы, улыбку друг друга. Обрадоваться тому, что они вместе. Прикоснуться, ощутить тепло. Это было совершенно новое переживание для них обоих, прекрасное, волнующее.

Они провели замечательный, совершенно бессмысленный и очень счастливый день. Предаваясь любви, рассказывая друг другу о себе и, так же как и накануне, наслаждаясь этим коротеньким отрезком времени, когда они могут быть только вдвоем. Они не боялись пресытиться друг другом. У них, не было на это времени. Они боялись не успеть получить друг от друга все, что только можно за этот короткий срок, что у них еще оставался.

Время неумолимо шло, оно просто летело, и стрелки часов безжалостно и незаметно приблизились к четырем, а по-

том снова стремительно полетели вперед, и вот прошла одна коротенькая минутка, а на часах уже половина пятого. Скоро должна вернуться Соня. Пора было расставаться. Они, по-прежнему, не говорили о том, что будет дальше.

Вера проводила Сергея до лифта. Последний поцелуй. Нежный, долгий, отдающий горечью предстоящей разлуки.

– Завтра последний день. Встретимся после занятий?– взгляд, обращенный на нее полон нежности и грусти.

– Я не пойду завтра на занятия. Сестра уходит в восемь,– решительно сказала Вера. К черту институт, к черту все. Завтра последний день.

– Я приеду в половине девятого.– Быстро пообещал он.

Двери закрылись. Было слышно, как лифт спускается вниз. Вера стояла глядя перед собой, не в силах сдвинуться с места. Еще один день. Как отсрочка перед казнью. На глаза навернулись слезы. Почему всегда все не вовремя и все не так?

«Какая же я дура! Что же я делаю?– думала она, возвращаясь в квартиру,– Как я буду жить без него?». Она закрыла дверь и расплакалась.

Зазвонил телефон. Вера взяла трубку.

– Привет, малыш!– радостно поприветствовал ее из трубки Сева. Вера чуть не взвизгнула от этого «малыша». Почему, почему он все время называет ее этим идиотским словом?– Извини, что не смог тогда приехать. Тебе Соня пере-

давала, что я звонил?

– Да, передала,– подтвердила Вера обязательность и ответственность сестры.

– Ты чего сама не звонишь. Я как не позвоню, тебя нет. Где ты пропадаешь?– немного обиженным голосом безостановочно тараторил Сева.

– Сева, нам нужно поговорить.– Твердо сказала Вера.– Не по телефону. Нужно встретиться.

– Давай я приеду.– Обрадовался Сева. Видимо на сегодня не было никаких других планов, он был свободен.

Но Вере нужна была нейтральная территория.

– Нет. Давай встретимся где-нибудь в центре,– сказала она.

Сева был несколько разочарован. Ехать в центр, а потом еще тащиться куда-нибудь, ему не очень хотелось. Но, что поделаешь. У Веры бывали свои заскоки. Приходилось идти на жертвы.

Договорились встретиться в скверике, напротив «Пушкинского» кинотеатра. Это место Сева, далеко не ярый поклонник прогулок по Москве, хотя бы знал.

Оставив бдительной и вечно волнующейся сестре записку, Вера поехала на встречу на нейтральной территории.

Они встретились на дне рождения одного общего приятеля, с которым Вера подружилась во время вступительных экзаменов, а Сева жил в одном подъезде.

Празднование шло уже во всю, когда Сева заметил, как именинник появился в дверях комнаты, в которой веселились гости, с девушкой, которая, по всей видимости, только, что пришла. Маленькая, стройная и очень хорошенькая, новая гостья прошла к столу. Хозяин вечера, Генка, вился возле нее винтом, накладывая закуску и предлагая выпивку. Запоздавшая гостья поблагодарила хозяина и отправила его к другим гостям. Генка, что-то сказал ей, они оба посмеялись, после чего он, наконец, удалился. Сева с интересом рассматривал девушку. Больше всего его поразило насколько юной и невинной она выглядела. Не красавица, но очень даже. И еще была в ней какая то загадочность, что то чего Сева не мог объяснить, но как большой знаток и любитель женщин почувствовал безошибочно. Как охотник, выследивший дичь, начинает ее преследовать, так и Сева решил, что вот объект достойный его внимания на сегодняшнем вечере.

Перед приходом прелестной незнакомки Сева некоторое время присматривался к рыженькой девушке с милой мордашкой и соблазнительными формами, которая то и дело одаривала его весьма недвусмысленными взглядами. Он уже совсем было собрался подсесть к ней, но тут появилась загадочная юная чаровница и Сева напрочь забыл о рыженькой, которая была простовата и привлекала только своими объемными формами.

Сева уже оторвался от стены, у которой он стоял, прислонив свое великолепное мускулистое тело, как вдруг к юной

особе подсел маленький невзрачный очкарик. Радостно поприветствовав друг друга, они начали, что-то оживленно обсуждать, девушка звонко смеялась, а очкарик, естественно, старался во всю и болтал, не закрывая рта. Сева вернувшись на свой наблюдательный пост, с некоторым раздражением следил за веселящейся парочкой, ожидая, когда же этот словоохотливый кавалер, наконец, отвалит. Ожидание было вознаграждено. Очкарик покинул свою собеседницу, и Сева решительно протиснулся между гостями, пока еще какой-нибудь уродец не спутал ему карты.

– Привет! Сева!– представился он, протягивая руку и улыбаясь самой обворожительной улыбкой. Ее маленькая ладошка, буквально, утонула в его руке.

– Вера.– Сказала девушка, рассеянно скользнув взглядом по почти двухметровому красавцу с фигурой древнегреческого бога.

– Я видел, ты опоздала.– Сказал Сева, что бы как то начать разговор. Ничего остроумного или интересного на ум, как назло, не приходило. Честно говоря, обычно этого и не требовалось. Девушки начинали таять сразу же при виде одной только ослепительной улыбки.

– Я заблудилась. Тут все улицы похожи как близнецы.– Объяснила она, по-прежнему, совершенно не собираясь сойти с ума от восторга, что рядом с ней такой мачо. Она вообще на него не смотрела, а выискивала кого-то среди гостей.

Сева мучительно решал, как действовать дальше? Сле-

лать ей комплимент, предложить выпить, пригласить потанцевать, позвать в кино?

– Смотрела ...– Черт! Он забыл название нового фильма, который сейчас крутили во всех кинотеатрах.

– Извини,– сказала Вера и, выпорхнув из-за стола, направилась к одной из «никаких» девушек, которых Сева отбракковал еще в самом начале вечера.

– Черт!– выругался Сева. Все шло не по плану. Не правильно.

После «Никакой» девушки к Вере опять подошел именинник, пообщавшись с ней, минут пять, повел ее танцевать. Когда натанцевавшись, они отошли в сторону, к ним снова присоединилась «никакая» с еще двумя, неизвестными Севе парнями, и они долго смеялись и о чем-то разговаривали. Видимо они все учатся в одном институте, решил Сева. Он с каким-то непонятным для себя самого упорством наблюдал за девушкой, в ожидании момента, когда же, наконец, она останется одна и можно будет продолжить знакомство. Вот, наконец, настал долгожданный момент, компания разошлась.

– Привет! Куда ты все время смотришь?– перед Севой возникла рыженькая, загородив ему нужный сектор обзора.– Вика. Я тебя давно заметила.

Рыженькая протянула наманикюренную ручку и кокетливо улыбнулась.

«Черт бы тебя побрал! Выбрала самый подходящий момент!»– мысленно проклинал Сева рыженькую Вику, пожи-

мая мягкую теплую ладошку. В этот момент он увидел, что Вера уже снова общается с давешним очкариком. Он был готов придушить и Вику, и очкарика, и Веру. Да, что ж это такое, в конце концов?

– Потанцуем?– потянула его за рукав новая знакомая, Вика.

– Почему нет, конечно, потанцуем,– обреченно сказал он, следуя за рыженькой к остальным танцующим гостям.

Он почти не слушал, что там ворковала Вика, практически прижимаясь губами к его уху. Еще не смолкли последние звуки музыки, когда Сева поблагодарил свою партнершу за танец и, высвободившись из ее объятий, начал искать взглядом Веру. Заиграла новая мелодия и к своему неудовольствию, он увидел ее, в обнимку с очкастым хмыренком. «Может плюнуть?»– подумал Сева, которому начинало надоедать это идиотское «выслеживание с преследованием». Но плюнуть, означало поступиться своей мужской гордостью. Он решительно вошел в круг танцующих гостей.

– Разрешите.– Сказал он, перехватывая у хмыренка Веру. Она не сопротивлялась, но посмотрела на него с некоторым удивлением.

– Ты здесь сегодня самая красивая девушка.– Сказал Сева.

– Всем когда-нибудь везет,– совершенно спокойно с легкой иронией сказала Вера.

Он совершенно не знал как с ней себя вести. Почему она

даже на комплимент не могла ответить как все нормальные девушки? Засмеяться радостно, засмущаться, запротестовать, напрашиваясь на еще один комплимент. Почему у нее все не так? Почему она так странно себя ведет с ним? Это раздражало его, даже злило, но именно это притягивало его к ней.

– Вера, может, встретимся на следующей неделе?– хватит ходить вокруг да около, надо брать быка за рога и переходить к решительным действиям, а то он так весь вечер будет, как дурак следить за ней и бегать, что бы успеть перехватить.

Она как-то непонятно посмотрела на него.

– Вряд ли у меня получится,– сказала она, слегка пожав плечами.

Сева тупо уставился на нее. Она его достала. Пока он обдумывал, что предпринять дальше Вера снова сказала:

– Извини,– и, помахав кому-то рукой, упорхнула из его объятий.

Пробираясь между танцующими, с каменным лицом Сева очень быстро проговаривал про себя все матерные слова которые знал. Больше он и не взглянет в ее сторону!

В оставшуюся часть вечера он предлагал ей выпить, подносил зажигалку к ее сигарете, расспрашивал о ее учебе. Она принимала знаки внимания, отвечала на вопросы с совершенно спокойным равнодушным видом, как и раньше и, конечно же, как и раньше постоянно исчезала куда-то, быстро бросив ему «Извини». Это был самый странный и самый

унизительный вечер в его жизни. Увидев, что Вера собирается уходить, Сева подошел к ней и, галантно подержав ее пальтишко, пока она его одевала, так же галантно сказал:

– Я тебя провожу.

– Спасибо. Меня уже провожают,– как всегда, вежливо-нейтральным тоном, сообщила она.

В коридоре возник ее очкастый приятель и, быстренько напялив короткую куртешку и поношенные ботинки, нахально подхватил Веру под руку.

– Пока,– бросила она Севе уже на ходу.

На лестничной клетке раздался ее звонкий смех. Видимо очкастый квазимодо сказал что-то очень-очень смешное. Вон как она заливается.

– Да пошла ты ...– со злостью сказал Сева в сторону входной двери и с силой пнул ее ногой.

Вернувшись к столу, он схватил первый попавшийся бокал для вина и налив в него водки до краев выпил залпом. К концу вечера он так набрался, что имениннику пришлось тащить его до квартиры на себе.

Вера очень удивилась, увидев стоявшего напротив входа в институт самовлюбленного красавчика со дня рождения. Как его зацепило! Аж из ближайшего Подмосковья не поленился притащиться.

Вера, конечно, заметила проявленный им интерес во время праздника, но его танцы перевозбужденного павиана во-

круг нее, не произвели на нее совершенно никакого впечатления. Может чуть-чуть позабавили. Но к моменту его появления в институтском дворе она про него и думать забыла. Помахав одноклассникам она, без особого энтузиазма, направилась к своему поклоннику.

– Привет.– Сказал Сева, одаривая ее очередной ослепительной улыбкой.

– Привет.– Равнодушно и даже с тенью недовольства ответила Вера.

Эти два дня, прошедшие после дня рождения, он не мог думать ни о чем кроме странной девчонки. Он думал выбросить ее из головы, забыть. Но мысли его вновь и вновь возвращались к ней. Промаявшись первый день похмельем, на второй день он решил, увидеть ее во что бы то ни стало. И, узнав у соседа адрес института, отправился навстречу своей судьбе.

Он видел, что она не в восторге, но это только еще сильнее раззадорило его.

Они зашли в кафе и съели по мороженому, потом немного прогулялись по старым московским улочкам. Сева проводил свою спутницу до электрички. От провожания до дома она наотрез отказалась, решив, что нечего такому настырному поклоннику знать, где она живет. Сева не стал настаивать, решив, что только отпугнет ее.

На следующий день он был тут как тут. Стоял на прежнем месте, ждал ее после занятий.

– Экого орангутанга ты себе завела, Ковальская! – прокомментировал второе появление Севы, как всегда, ухмыляющийся Телянин. – Смотри, птичка моя, уволочет он тебя в свою орангутанью стаю и будет там с тобой вытворять всякие ужасы.

Вера, сердито посмотрела на ржущего Вована. И не менее сердито на «орангутанга», готовящегося уволочь ее в свою стаю. Честно говоря, она надеялась, что он отстанет. Продолжать знакомство желания у нее не было.

На этот раз она решила не церемониться и сразу расставить все точки над «и».

– Сева. Я не знаю, чего ты добиваешься, – начала она, но решила, что нечего тут рассусоливать и надо просто честно сказать все как есть. – Я так понимаю, что, ты, таким образом, за мной ухаживаешь. Но, честно говоря, не думаю, что у нас что-нибудь получится.

Сева мужественно принял удар, хотя больше всего ему хотелось взять ее за шкуру и как следует тряхнуть. Что она о себе возомнила эта пигалица? Сосчитав мысленно до десяти, он совершенно спокойно сказал:

– Ты мне очень нравишься, но я все понимаю. Но мы же можем быть просто друзьями?

На это Вере возразить было нечего. В конце концов, он же не волочет ее в свою стаю. Они же не в детском саду, чтобы говорить не хочу с тобой дружить, иди отсюда.

Еще одна прогулка по Москве. Еще одно провожание до

электрички.

Сева надеялся, что его неотразимость, безотказно действовавшая на других женщин, быстро растопит лед в сердце юной упрямицы. Он, жестоко ошибался. Шесть месяцев он таскался за ней как дрессированный медведь за цыганским табором. Гулял с ней по Москве, ходил в кино, на какие-то выставки, ездил с ней по полуразрушенным монастырям, по архитектурным стилям которых она писала курсовую. Забирался с ней по осыпающимся стенам и лестницам, рискуя сломать себе шею. Даже пару раз ходил на нуднейшие лекции какого-то известного архитектора. И ведь она сама его никуда не приглашала, он сам напрашивался с ней, куда только мог, уверяя, что все это ему страсть как интересно.

Постепенно Вера начала привыкать к его присутствию в ее жизни. Ей даже стало иногда не хватать его. Она сама не могла понять, что чувствует по отношению к Севе. То он ей даже нравился, то надоедал своим повышенным вниманием.

– Пряма твой гигантский сиамский близнец.– Как всегда блистал юмором Вован.

Иногда, неожиданно для самой себя, Вера начинала думать о нем как о мужчине. И эти мысли носили далеко не невинный характер. Мужественная внешность и атлетическая фигура ее поклонника пробуждали в ее невинном неопытном еще сознании очень откровенные фантазии, которые, впрочем, она не решалась пока воплотить в реальность.

За полгода этого марафона в погоне за сердцем прекрасной, но капризной и своенравной Веры Сева совсем вымотался. Она измучила его, он чувствовал, что стал просто одержим одной целью. Вера должна его полюбить. Он должен обладать ею целиком и полностью. Она должна принадлежать ему и душой и телом.

Несколько раз он готов был плюнуть на все. Прекратить эту дурацкую погоню за призрачной мечтой. Он принимал твердое решение больше не приезжать, не встречаться с ней. Давал себе слово и на следующий день снова летел к ней.

Через полгода, Вера, наконец, сдалась. Она почувствовала, что влюбилась. Она была очень молода и неопытна. Даже целовалась до этого она только с одним мальчиком, своим ровесником. Конечно, она влюблялась, она вообще была натурой романтической, склонной к переживаниям, приключениям. Но это все было так, не серьезно. Детские влюбленности, с держанием за ручку и нежными взглядами, робкими признаниями и вырезанием на коре сердечка с двумя именами и плюсиком посерединке. То, что она начинала испытывать сейчас, было совсем другим. Это была влюбленность юной, но уже девушки, а не девочки, в практически взрослого, двадцатичетырехлетнего мужчину, который умело и настойчиво ухаживал за ней. Его преданность и терпение, его привлекательность и исходившая от него мужская сила сделали свое дело. Чувство накрыло Веру внезапно и с головой. Она даже удивлялась теперь, как она могла так равнодуш-

но относиться к нему до этого. Как не замечала, какой он необыкновенный и прекрасный.

Сева, имевший за плечами большой опыт общения с женщинами, сразу почувствовал перемену. Он ощущал ее с каждым днем все сильнее, но боясь спугнуть свое счастье, не торопил события, терпеливо дожидаясь подходящего момента. И вот в один прекрасный день, спустя семь с лишним месяцев после знакомства с Верой он, все еще немного побаиваясь все испортить, предпринял робкую попытку поцеловать Веру. И какое же облегчение он испытал, встретив с ее стороны весьма чувственный отклик. Так, они целовались и обнимались еще месяц, и Сева решил, что, все, хватит, пора переходить к решительным действиям, пока Вера не передумала и снова не изменила свое отношение к нему. Он сделал предложение, на которое Вера ответила согласием.

Узнав о том, что сын собирается жениться, его мать сказала: «Я категорически против! Эта девушка тебе совсем не подходит. Сева ей всего 18! У нее еще ветер в голове. И дело не в возрасте. У нее всегда ветер будет в голове. Она по натуре вертихвостка. Испортит тебе жизнь. Не совершай глупость. Скажи ей, что свадьба отменяется. Хочешь встречаться встречайся. Вот увидишь – скоро сам наиграешься, и она тебе надоест. Такие пустышки как она всегда быстро надодают».

Почти двухметровый красавец Сева в свои неполные двадцать пять лет, даже сам не подозревая об этом, находился

под очень сильным влиянием матери. Она умело и незаметно для него самого руководила им, направляя его жизнь в нужное русло, подталкивала к правильным, с ее точки зрения, решениям. Сева обычно соглашался, прислушивался к ней и почти всегда поступал так, как она советовала. Но на этот раз он принял решение и не собирался его менять. Сердито взглянув на мать, он, почти грубо, с нескрываемой злостью, сказал:

– Я люблю ее, и я женюсь! И не смей так говорить о моей будущей жене.

За то Соня, которой нравился Сева, так преданно ухаживавший, за ее легкомысленной, взбалмошной сестрой, узнав о предстоящей свадьбе, вздохнула с облегчением. Наконец-то ее младшая сестра остепенится и повзрослеет, перестанет совершать всякие глупости. Выйти замуж это не хухры-мухры, там уже не поскачешь как стрекоза, не будешь делать, что левая нога захочет.

Двадцати пятилетие Севы отмечали у него. В небольшой двухкомнатной квартире, расположенной в хрущевке, собралось человек двадцать молодежи. Гости были веселые, много пили и много ели. Мать Севы, еще вначале вечера категорически отказавшись от предложенной Верой помощи, то и дело сновала туда сюда подавая, убирая, заменяя опустевшие бутылки на новые. Весь вечер она варила, жарила, пек-

ла, и результаты ее трудов моментально исчезали в бездонных молодых глотках. Слыша громкую музыку, то и дело перекрываемую взрывами хохота, хозяйка дома с нетерпением поглядывала на часы, в ожидании, когда же расходившаяся молодежь, наконец, нагуляется, и в ее квартире снова воцарятся покой и тишина. Войдя с очередным блюдом, до краев наполненным горячим, Севина мать увидела, как ее будущая невестка лихо отплясывает на пару с одним из ребят посреди круга, образованного другими гостями. Гости восторженно аплодировали танцующим, подбадривая их радостными криками. Сильно подвыпивший именинник, слегка покачиваясь, хлопал в ладоши и наравне со всеми кричал: «Давай, Верка! Давай!». Раскрасневшаяся и радостно улыбающаяся, Вера ходила по кругу, все быстрее и быстрее перебирая красивыми стройными ногами, а ее партнер то догонял ее, прижимаясь почти вплотную, то немного отставал, одаривая откровенно-восхищенными взглядами темных смеющихся глаз.

– Вера! Ты не устала? – не выдержала будущая свекровь.

Немного задохнувшись от быстрого танца, Вера, не останавливаясь весело крикнула:

– Да, что Вы! Я так всю ночь могу!» – и понеслась по кругу еще быстрее. Гости неистовствовали, крики молодых людей перешли в рев. Поджав тонкие бесцветные губы, Севина мать с каменным лицом вышла из комнаты. Увиденное лишний раз убеждало, какую ошибку совершает ее неожиданно

лишившийся рассудка сын. Кто бы сомневался, что эта подзаборная девка еще, наверное, и не так может всю ночь!

В конце вечера, когда гости начали расходиться, Сева был не в состоянии не то, чтобы проводить Веру до дома, а и вообще лыка не вязал. Под неодобрительным взглядом будущей свекрови Вера жизнерадостно выпорхнула из их квартиры в сопровождении двух молодых людей, которым тоже нужно было ехать в Москву.

На следующий день мать завела с более-менее пришедшим в себя сыном еще один разговор по поводу его решения о женитьбе. На этот раз она решила действовать осмотрительнее и по аккуратнее выбирать выражения.

– Я смотрю, Верочка вчера хорошо повеселилась, – с нескрываемой ноткой злобного сарказма сказала она.

– Да, вчера все хорошо повеселились. – Легкомысленно ответил Сева, не искушенный в ведении бесед с саркастичными намеками.

– Сева! Я понимаю, ты вчера выпил и может не совсем понимал и не мог, извини за каламбур, трезво оценить происходящее. Но этот танец! – мать закатила глаза.

– А, да! – Сева расплылся в радостной улыбке, – Ты видела, как Верка жгла?! А Гарик?! Настоящий джигит!

Мать изумленно посмотрела на него. Господи, то ли ее сын слабоумный, то ли сейчас молодежь вообще на все смотрит как на совершенно нормальные вещи. Его будущая жена потаскуха, чуть ли не легла под этого джигита Гарика на

глазах у всех, а он сидит и еще восхищается.

– Да конечно,– холодно сказала она,– а потом еще два джигита поехали среди ночи провожать ее в Москву.

– Да, блин,– массируя пальцами, ноющие виски сказал Сева погрустнев.– Получилось некрасиво. Мне самому неудобно. Я вчера чего-то не рассчитал. Хорошо хоть ребята Веру проводили.

Ее сын идиот! Теперь это окончательно ясно. Мать преувеличенно осторожно поставила на плиту только, что вымытую сковородку, из опасения не совладать с собой и запустить ею в голову сына.

– Сева! Мне кажется, ты не совсем понимаешь. Этот танец, эти отношения с посторонними молодыми людьми. Это неприлично! Господи, Гарик только, что не набросился на нее на глазах у всех. Взглядом ее раздевал, а она только рада была, смеялась, ногами дрыгала.

– Мам, ну ты чего? Да всем весело было. Они просто танцевали, развлекались. А Гарик он на всех девушек так смотрит, у него такой взгляд он же человек восточный. Я же говорю – джигит.– Сева смотрел на мать, совершенно искренне улыбаясь, посмеиваясь про себя над ее устаревшими взглядами на жизнь.

– Извини, но так себя ведут только уличные девки.– Забыв о своем решении выбирать выражения, почти выкрикнула она.

– Мам! Да просто Вера еще очень молодая. Ей повесе-

литься хочется, подурачиться. Да все нормально,— добродушно убеждал мать Сева.

Поняв, что и на этот раз образумить сына не удастся, она, холодно взглянув на него сказала:

— Ну, если тебя все устраивает, прекрасно! Пусть хоть голая танцует. Она же молодая, ей повеселиться хочется. Только потом не удивляйся, если твой ребенок будет похож на Гарика, на Толика, а может и вообще ни на кого из тех, кого ты знаешь.

— Мам! Ну, прекрати! Чего ты из мухи слона делаешь?— начал раздражаться Сева.

— Лучше из мухи слона, чем из слона муху.— Ответила мать и с гордым видом удалилась.

Как бы Севина мать не была против предстоящей свадьбы, но раз свадьба все же состоится все должно быть, как положено. Солидно и с размахом. Ненавидеть невестку это одно, а любовь к сыну это совсем другое. Свадьба ее единственного сына должна пройти на высшем уровне. Взяв себя в руки, она начала бурную деятельность по подготовке предстоящего мероприятия.

Мать Севы была наделена примерно теми же качествами характера, что и Алина Николаевна Телянина, которая при необходимости вполне могла бы командовать армией. Но, если Алина Николаевна, при всей своей властности и деловитости, была человеком необыкновенно отзывчивым и, ино-

гда, даже излишне чувствительным. И ее сердце полководца было переполнено душевной теплотой и любовью, которые она щедро изливала на окружающих ее людей. То Севина мать отличалась чопорной холодностью и каким-то безразличием и даже равнодушием к чувствам и переживаниям других людей, за исключением только собственного сына.

Заказав ресторан, фотографа и машины, она составила подробный список всех остальных вещей, о которых нужно позаботиться, «чтобы не ударить в грязь лицом» и составила программу знаменательного события. Покончив с этим, она созвала молодых, что бы огласить им результаты своих трудов и дать необходимые инструкции. Зачитав список всего необходимого, пусть знают, сколько трудов она вложила, она перешла к программе проведения свадьбы:

– После ЗАГСа едем на Красную площадь. Фотографируемся...

– Зачем на Красную площадь?– перебила будущую свекровь Вера.– Холодно же будет. Конец ноября.

Севина мать смерила ее ледяным взглядом.

– Это свадьба моего единственного сына, и она должна пройти по-человечески, как у нормальных людей. А не как какая-то очередная попойка в придорожном кабаке, с пьяными песнями и плясками.

Когда вся намеченная программа свадьбы единственного сына была озвучена, его мать обратилась к своей незадачливой невестке:

– Вера, нужно съездить посмотреть тебе платье. Ты такая худая, что его, наверняка придется подгонять. Сева, а кольца возьмете наши с отцом, нечего деньги тратить.

– Может, что бы сэкономить я и платье ваше возьму? Хотя нет. Так как это свадьба не только единственного сына, но и меня единственной, то своим платьем я все-таки сама займусь. Что-нибудь тепленькое посмотрю, что бы к Царь-колоколу не примерзнуть.– Улыбаясь, и одновременно с вызовом сказала Вера, которой надоело, что Сева пляшет под дудку своей матери. Сева, как всегда, приняв все за чистую монету, радостно засмеялся, находя шутку Верочки очень смешной, а любящая мать с жалостью смотрела на него и еле сдерживалась, чтобы не заорать во все горло: «Убей ее! Убей прямо сейчас! Не дай ей испортить свою жизнь!». Господи! Ну что, нашло на ее сына? Откуда вообще взялась эта маленькая наглая дрянь?

– Никакой благодарности!– возмущенно говорила мать, после того как Вера уехала.– Мало того, что добилась того, что на ней женятся лишь благодаря смазливой мордашке. Так еще идет на все готовенькое, и то не соизволит хотя бы попытаться вести себя прилично и проявить хоть чуть-чуть уважения! Ее родственники-то хоть на свадьбу пожалуют? Или она у тебя так сиротинкой замуж и выйдет?

– Мам!– Сева с упреком взглянул на ни как не желавшую успокоиться мать. Ссориться ему не хотелось и, улыбнувшись, он примирительно сказал.– Вера не сиротинка, ты же

знаешь. Просто у нее отчим военный и служит где-то далеко от Москвы. Поэтому мама редко приезжает. Но на свадьбу они, конечно, приедут. И сестра будет. И бабушка.

Вначале знакомства Вера честно пыталась быть с Севиной матерью приветливой и дружелюбной. Но, встречая каждый раз, ледяной взгляд, недовольно поджатые губы и обращение к себе исключительно через Севу, например: «Сева, твоей девушке сахар в чай класть?», или «Сева, а девушка к нам надолго, а то к нам сегодня дядя Леня приехать должен». Она очень скоро перешла на официально-вежливый тон. И пока не встал вопрос о свадьбе их общение при редких встречах свелось к «Здравствуйте, до свидания».

Вере было неприятно такое отношение. Ее обижала и удивляла такая неприкрытая враждебность, и непонятно откуда возникшая явная нелюбовь. Ее стали тяготить даже редкие встречи, и она старалась избегать их всеми возможными способами.

Как то, обсуждая свои планы на будущее, Вера с Севой сильно поссорились.

Они лежали в его кровати. У Веры в этот день была всего одна лекция и они, решив воспользоваться моментом, поехали к нему домой.

– А где мы будем жить после свадьбы?– легонько водя пальцем по его груди, спросила Вера. Сева удивленно посмотрел на нее.

– Здесь, где же еще?

– Я не буду здесь жить,– твердо сказала Вера.

– Почему?– ничего не понимая спросил он. Может это ее очередной заскок?

– Потому, что твоя мать меня терпеть не может. Я с ней жить не буду.

Сева засмеялся:

– Вер, да брось! Ну, что за глупости? Просто вы не привыкли друг к другу. Все будет хорошо. Еще подругами станете. Вы друг друга полюбите, вот увидишь. Вы ведь обе хорошие и обе меня любите, а я люблю вас, значит вы просто не можете не найти общий язык.

При всей своей неопытности Вера понимала, что это полная ерунда. Просто Сева как мужчина, совершенно наивен в таких вопросах.

– Нет,– она помотала головой.– Как хочешь, а я не буду здесь жить. Можем жить у меня.

Сева разозлился. Опять она начинает свои капризы и выкрутасы! К этому времени, он уже успел забыть неприятный разговор с матерью, и ему казалось, что Вера просто придумывает несуществующую проблему. Ну, что за взбалмошный характер?

– Вер, перестань! Я не могу ее тут одну оставить. Она привыкла, что я рядом, ей будет плохо одной.

– Ну, так и живи с ней!– Вера встала и вышла из комнаты. Сева решил, что она надулась и ушла на кухню или в ванну

и теперь сидит и ждет когда он придет ее успокаивать, но тут услышал, как хлопнула входная дверь. Вера ушла.

Два дня он сходил с ума. Она не подходила к телефону. После занятий он ее не нашел – или не пришла или специально прошла незаметно, не желая с ним разговаривать. На третий день он поехал к ней домой. Дверь никто не открыл. Он устроился на лавочке возле подъезда и стал ждать. Спустя час он увидел Соню, идущую с работы. Соня немного смутилась, когда Сева спросил, не знает ли она где Вера. Ей было неудобно за сестру, которая ведет себя совершенно безответственно. Пригласила Севу зайти и выпить чая. Когда Вера вошла в квартиру Соня злобно посмотрела на нее, а Сева, забыв обо всем на свете, кинулся обнимать Веру и выпалил:

– После свадьбы можем жить у моего дяди. Он в деревню уехал, у него там любовь образовалась на старости лет.

Мир был восстановлен. Как и положено последовали объятия, признания, поцелуи. Романтика, одним словом.

Сева никогда еще не был так счастлив. Он был счастлив с тех пор, как его многомесячные изнурительные ухаживания завершились взаимностью с Вериней стороны. Он любил ее. Он добивался ее любви. Он справился, выдержал и добился своего. Он был очень-очень счастлив. Жизнь прекрасна. Жизнь замечательна и полна радужных надежд на будущее вместе с Верой. Сева светился от переполнявшего его чувства и улыбался. Все время улыбался. И это его состо-

ание делало его привлекательным как никогда. И все окружающие его люди чувствовали это его состояние. И вот та милая блондинка, сидящая в метро напротив и мило улыбающаяся ему в ответ, потому, что нельзя не улыбнуться такому радостному, такому счастливому человеку. И вот та черненькая с милой родинкой над верхней губкой. Она тоже улыбается Севиному счастью, тоже чувствует его. И шатенка, идущая на встречу по улице. И даже та совсем некрасивая с неопределенным цветом волос, тоже улыбается ему. И еще много блондинок, черненьких, рыженьких, русоволосых и крашенных. Все они готовы дарить свои улыбки такому счастливому и такому красивому молодому мужчине. Сева вдруг осознал, что в последнее время он вообще не замечал других женщин и думать забыл о них, думая только об одной единственной. А ведь вон их сколько, всяких и разных. И это пьянящее чувство собственной власти над женскими взглядами, над их желаниями. И это ощущение своей привлекательности, неотразимости, превосходства над большинством других представителей мужского пола. Как же он мог забыть как это прекрасно?

Сева прежний начал пробуждаться от спячки, расправлять плечи, распрямляться в полный рост. Себя не переделаешь. Можно до безумия любить другого человека, но если ты кобель, то кобелем и помрешь и ничего с этим не поделать. И закрутило, завертело Севу. Все больше времени он начал уделять прежним увлечениям: качалка, друзья, ка-

кие то ночные гулянки. Женщины. Он почти женатый человек. Просто флирт. Что тут страшного. Просто для остроты чувств. Он же мачо, самец. Он должен чувствовать, что он мачо. Пара взглядов, несколько комплиментов. В этом ничего такого нет. Ничего это не значит для него. Он любит Веру. А это все так, ерунда, просто для развлечения, повышает самооценку. Ах, какая грудь у этой девушки, весь вечер на него посматривающей. Да хороша! Но он же просто смотрит, уж посмотреть то он может. Что она делает? Пересела к нему, но ведь ничего страшного. Он же мужчина, он же не обязан закрывать глаза, в конце концов, отворачиваться. Да и она сама пересела, не гнать же ее. Девушка склоняется все ближе. У нее такие приятные губы. И эта грудь. Она уже касается его.

Утро в чужой постели. Потом еще одно. И еще и еще. Но это все, все равно ничего не значит. У него есть любимая. Он скоро женится. Просто сейчас же еще можно насладиться свободой. До свадьбы-то еще три месяца.

Как-то так получилось, что они стали видеться с Верой сначала пару раз в неделю, потом один раз, а потом и вовсе раз в полторы-две недели. Все время находились какие-то важные дела, веские причины, что бы отложить свидание. Вера дулась, иногда злилась. Ну, а ему разве легко? Он же тоже скучает, тоже радуется встрече, когда они, наконец, видятся. Просто много разных дел. А Вера просто любит покапризничать, повредничать.

Скорее всего, их союз стал бы союзом двух эгоистов. Не готовых жертвовать, не готовых уступать и отдавать. Их чувства не были для этого ни достаточно сильны, ни достаточно глубоки. Вера была слишком молода и неопытна и слишком легкомысленна и неспособна понять ни свои собственные чувства, ни тем более чувства другого человека. Она находилась в том возрасте, когда девушка мечтает о любви, хочет любить и быть любимой. Она приняла свое увлечение, свою привязанность и привычку за сильное настоящее чувство. Она хотела любви, и она придумала ее себе. Чувство, заполняющее пустое место в душе. А Сева очень целенаправленно шел к желаемому. Шел не от сердца, а на поводу у задетой гордости и самолюбия. От недостижимости цели, она казалась ему все желаннее. Он полюбил, скорее недостижимую мечту, чем реального человека. Отличие настоящей истинной любви от влюбленности в том, что когда человек влюблен, он скорее любит в объекте своей влюбленности себя самого. Хочет обладать, хочет все для себя, не думая, по большому счету, о желаниях того кого любит. Настоящая любовь наоборот отдает, для нее важнее не собственные желания и чувства, а желания и чувства любимого человека. Настоящая любовь великодушна и жертвенна. Она готова все отдать, всем пожертвовать ради любимого. Лишь бы он был счастлив. Потому, что его счастье важнее собственного. Потому, что его счастье это и есть твое счастье.

Вера окинула сквер взглядом. Сева сидел на лавочке в нарочито небрежной позе красивого самца. Заметив Веру, он встал и направился к ней легкой походкой хищника обходящего свою территорию.

«Господи, какой же он павлин!»— Вера начал разбирать истерический смех, который всегда начинался у нее в моменты сильного волнения.

— Привет! — Сева наклонился, чтобы поцеловать ее. Увернувшись от поцелуя в губы, Вера дала поцеловать себя в щечку, после чего они сели рядом на лавочку.

— Я так соскучился! Вер, ты такая красивая!— беря ее за руку, несколько преувеличенно восторженно сказал Сева. Он ужасно любил эффекты. Поглаживая ее ладошку, он с энтузиазмом начал рассказывать что-то про знакомых ребят, про то, как они тут на днях отлично погуляли на чьем-то очередном дне рождения и т.д.

— Сева!— прервала нескончаемый поток информации Вера.— Я.. Я встретила другого человека. Прости. Я не хотела делать тебе больно.— Она, не отрываясь, смотрела на пятнышко на асфальте у своих ног, цепляясь за него взглядом как за спасительную соломинку. Сева молчал и, в конце концов, Вера, собравшись с силами, все же оторвалась от созерцания асфальта и посмотрела на него. Он сидел очень прямо. Лицо было похоже на застывшую маску, только желваки ходили на щеках, живя собственной жизнью на неподвижном безжизненном лице. В глубине зеленых глаз притаилось,

что то темное, первобытное. Из груди, высоко вздымавшейся при каждом вздохе, на выдохе воздух выходил с хрипом и свистом, как будто у него внезапно началось тяжелое воспаление легких.

Вера сидела в нерешительности, не зная, что еще сказать и что делать.

—Кто он? Я его знаю?— глухим, полным сдерживаемой ярости голосом, наконец, спросил Сева.

Что за дурацкий вопрос? Вера рассердилась. Какая разница, кто он. Важно только то, что они больше не вместе.

— Нет, не знаешь,— сухо ответила она.

— И что, ты теперь с ним?— все так же глухо спросил Сева.

Вера пожала плечами.

— Я не знаю. Я просто не с тобой.

Его глаза полыхнули страшным огнем. Он непроизвольно сжал кулаки, костяшки пальцев побелели. С какой радостью он сейчас вцепился бы в глотку этому уроду, который забрал у него его Веру! Он вцепился бы в нее зубами и не отпустил бы, пока эта тварь не захлебнется собственной кровью. Он уже забыл всех светленьких, темненьких, рыженьких и крашенных во все цвета радуги. Он бы даже удивился сейчас, скажи ему кто-нибудь о них. Сколько их было и сколько еще будет. Сейчас существовала только Вера, и она не принадлежала больше ему. Она принадлежала теперь тому другому. И тот другой теперь целует ее, прикасается к ней, говорит ей нежные слова. Да как он смеет, как он смеет прикасать-

ся своими лапами к ней, к его девочке? Она его. Она только его и принадлежит ему, а не тому другому, недостойному ее. Сева посмотрел на Веру, взгляд у него был пугающий. Он представил, как возьмет сейчас ее маленькую голову своими большими сильными руками и будет сжимать ее до тех пор, пока этот ее недоносок не исчезнет из ее головы, пока даже память о нем не исчезнет... Сева судорожно всхлипнул и закрыл лицо руками.

– Господи, Вера, как ты могла?– почти простонал он, раскачиваясь из стороны в сторону.

– Прости,– прошептала она, понимая, что это глупо, но, не зная, что еще тут можно сказать.

– Прости!– заорал он и от неожиданности Вера даже подскочила.– Не смей мне говорить прости! Ты обещала, ты слово дала! Ты должна! Слышишь?

На них начали оборачиваться. До этого момента ей было его жалко, и она чувствовала свою вину. Но его слова, обвинения, которые он проорал ей в лицо, разозлили ее.

– Что я обещала, Сева? Какое я слово дала?– она сердито смотрела на него, не испытывая больше ни жалости ни угрызений совести.– Что буду всегда с тобой, и мы будем жить долго и счастливо, и умрем в один день, нарожав, перед этим десяток детей? Ничего я не обещала и никакого слова не давала. И я ничего не должна!

Она встала, что бы уйти, Сева хотел удержать ее, но она вырвала руку. Приступ гнева и ярости прошел, и Сева сидел,

опустив плечи, несчастный и потерянный. Сейчас он был похож на большого ребенка, не знающего, что ему делать дальше. Он печально посмотрел на Веру.

– А маме я что скажу?– неожиданно спросил он.

Вера подавила новый приступ истерического смеха.

– Скажешь, что сегодня ее счастливый день, я ушла из ее жизни навсегда.

Вера, не оглядываясь, пошла в сторону метро. На душе у нее сделалось легко-легко. И голова была легкой – никаких мыслей. Ни о прошлом, ни о будущем, ни о настоящем.

Она глубоко вдохнула холодный осенний воздух. Как хорошо! Как хорошо жить! Как хорошо ощутить себя свободной, как будто она сбросила какую-то тяжелую ношу, тянущую ее к земле. Сбросила и теперь парит легкая, как осенний листок, и такая же беззаботная.

Решив ничего пока не говорить Соне про кардинальное изменение своих жизненных планов, Вера весь вечер, старательно избегала, старшую сестру. На счастье, та и сама не стремилась к общению, приехала злая и ходила по квартире, громыхая какими-то вещами, перекладывая их с места на место. А потом молча ушла спать в свою комнату. Наверное, что-то опять у нее там не заладилось с ее возлюбленным. «Брось его Сонька! Брось!– хотелось крикнуть Вере.– Найди себе нормального мужика, выйди замуж, нарожай детей. Не губи свою жизнь. Он мизинца твоего не стоит». Но сказать

сестре такое Вера не могла. Да и какое право она имеет советовать, она со своей-то жизнью разобраться не может.

Ночью позвонил пьяный Сева, начал что-то говорить о любви, еле ворочая языком. Вера повесила трубку. Телефон снова зазвонил. После третьего звонка Вера отключила телефон и уснула крепким сном младенца.

01.10.1990г.

Все кончается. Подходил к концу последний вечер. Держась за руки, они медленно шли по набережной Москвы – реки. Дул пронизывающий октябрьский ветер, пробиравший до костей, заставлявший прохожих прятать носы в воротники, а озябшие руки в карманы курток и пальто. Вера с Сергеем как будто не замечали холода, они шли не спеша, стараясь как можно дольше оттянуть неизбежный момент прощания.

Он приехал, как и обещал, рано утром. Полдня, они провели в постели и готовы были провести там и вторую половину, и еще много-много дней, но Соня должна была вернуться с работы, и пришлось покинуть их маленький теплый мирок и отправиться гулять по хмурой промозглой Москве. Они пообедали в ресторане – Сергей продал свой мотоцикл и шикавал, решив устроить для них праздничный, запоминающийся вечер. Он предлагал ей сходить куда-нибудь, в любое место, куда она захочет, один звонок Родиону Петровичу, и для них любая дверь открылась бы как по волшебству, но Вера отказалась. Ей хотелось побыть вдвоем, что бы рядом

не толкались чужие, незнакомые люди. Они прогулялись по Красной площади и потом, не спеша, дошли до набережной. Момент, о котором они старались не думать, становился все реальнее, все сильнее сжимала сердце глухая непроглядная тоска. Сейчас они дойдут до метро. Доедут до Вериного дома. Попрощаются. И все. Конец.

Оба думали о завтрашнем дне, оба боялись его и не решались высказать свои мысли вслух. Как будто опасаясь, что волшебство последних дней развеется, и что реальность захлестнет их и поглотит, наполнив их сердца темнотой и печалью.

– Во сколько ты завтра улетаешь?– все же не выдержала Вера.

– Самолет в 6-30 утра,– сказал Сергей, сердце болезненно сжалось «Так рано!», как будто если бы он сказал, что самолет в 10 или 12, что то изменилось.

Сергей остановился и, взяв Веру за плечи, развернул ее лицом к себе. Она отворачивала голову, стараясь отвести взгляд, потому что боялась разреветься.

– Вера, Верочка!– Сергей безуспешно пытался заглянуть ей в глаза. Легонько взяв ее за подбородок, он заставил Веру посмотреть на себя.– Я знаю, что не должен этого говорить. Но я прошу тебя, не выходи замуж. Пожалуйста, Вера! Дождись меня. Ну, хотя бы, отложи свадьбу. Я вернусь, и тогда ты решишь. Просто подожди, пожалуйста!

Она почувствовала такое облегчение.

– Хорошо. Я подожду тебя.– Сказала Вера, тупая ноющая боль, сковывавшая сердце отпустила. Она чувствовала себя возвращающейся к жизни, ощущала как тревога и неизвестность, разъедающие душу все последние дни, отступают, покидают тело, и на смену им приходит просто грусть.

Он обнял ее и, прижав ее голову к груди, вдыхая запах ее волос, наслаждаясь ее близостью и долго-долго не отпускал. Когда есть надежда, это так здорово!

Вера не стала говорить о своей встрече с Севой. Ей казалось, что этим она наложит на него какие-то обязательства. Она не хотела, чтобы он чувствовал, что что-то должен. Девять месяцев очень долгий срок. Девять месяцев в разлуке это почти бесконечность. Что-то может измениться за это время. Они сами могут измениться. Он вернется, и они все решат. Сейчас ей достаточно, что он просто есть, есть в ее жизни. Даже если у них ничего не выйдет, она будет знать, что он был. И будет помнить это чудесное время, проведенное вместе. Вера почувствовала, как горячие слезы катятся по ее замерзшим щекам.

– Ты будешь писать мне длинные-длинные письма?– почти строго спросил Сергей.

– Конечно, – она улыбнулась, незаметно смахивая дурацкие слезы.– Про одного Телянина можно листов по пять писать в каждом письме.

– Ты и про себя пиши листов по пять в каждом письме. Хорошо?

– А знаешь,– задумчиво сказала Вера,– ведь мы с тобой почти незнакомые друг другу люди. Мы знаем друг друга меньше недели.

Он чмокнул ее в нос.

– Мне кажется, я знаю тебя намного лучше, чем все остальные,– выразительно глядя на нее засмеялся Сергей. Вера хлопнула его ладошкой по спине.

– Я буду подписывать свои письма – Твоя почти незнакомка. Это загадочно и волнующе.– Улыбнулась Вера.

Все кончается. Расставание у дверей квартиры. Последнее объятие, последний поцелуй. Едва-едва сдерживаемые слезы. Так невыносимо трудно расстаться, когда тебе 18. И когда тебе 23 тоже невыносимо трудно расстаться. И сердце рвется из груди и невозможно разжать свои руки и выпустить руки другого. Сергей решительно поцеловал Веру в последний раз и, вскочив в приехавший на его счастье лифт, уехал.

Соня уже спала. «Ох и соня наша Соня» скаламбурила сама для себя Вера. У нее было странное ощущение полного отсутствия ощущений. Она смотрела вокруг невидящим взглядом. В голове не было никаких мыслей. Защитная реакция организма, которая спасает нас от болезней, стрессов, потрясений. Только от любви она спасти не может, не предусмотрена для нее такая функция. Вера, не раздеваясь, легла на диван и долго просто смотрела перед собой невидящим взглядом, чувствуя во всем теле легкость и тяжесть одновре-

менно.

Около часа ночи зазвонил телефон. Уверенная, что это опять отвергнутый жених Вера неохотно сняла трубку, готовясь высказать все, что она думает по поводу его пьяных ночных звонков.

– Я тебя разбудил?– спросил Сергей.

– Нет, я не сплю. Хорошо, что ты позвонил.

– Я не хотел так поздно звонить. Мы с Вованом немного засиделись. Просто хотел еще раз услышать твой голос.

– Я рада, что ты позвонил,– улыбаясь, сказала Вера.– Ты Вовке сказал, что-нибудь?

– Сказал, что попросил тебя отложить свадьбу.– Ответил Сергей немного смущенно. Он сначала ничего не хотел говорить Вовану, не зная, как это воспримет Вера, но потом решил, не вдаваясь в подробности, сказать о своем чувстве к ней и о просьбе отложить свадьбу. Потому, что все равно все тайное становится явным и пусть уж лучше Вован узнает от него, чем потом начнет доставать Веру своими шуточками и дурацкими комментариями. Вован, естественно, отреагировал на новость о «большой и чистой любви» в свойственной ему манере: бурно, шумно, с задором. Излив на друга целый поток восторженных высказываний и шуточек. Сергей потребовал, что бы Вован не смел приставать к Вере и не лез к ней с расспросами, на что Вован радостно заявил: «Ты ж меня знаешь, Серег! Я, сама тактичность». Чем внушил Сергею еще большие сомнения в правильности приня-

того решения посвятить друга детства, пусть даже, в часть правды их отношений с Верой.

– И что он сказал?– Вера прекрасно знала, что предугадать, то, что мог сказать Телянин невозможно, потому что он мог сказать, все что угодно.

– Сказал, что я молоток.– Нехотя ответил Сергей. Он, все больше, переживал из-за последствий, которые могло повлечь его признание.– Вер, я наверное, не должен был ему вообще ничего говорить, ведь знаю его как облупленного. Прости меня, пожалуйста. Просто я подумал, что он все равно узнает и начнет тебя доставать. Хочешь, я ему сейчас позвоню и заставлю поклясться, что он ни слова тебе на эту тему не скажет?

Вера засмеялась:

– Да все нормально! Зато мне врать не придется. И потом, зная нашего общего друга, уверена, заткнешь ему рот, он пантомиму начнет изображать, или плакаты писать будет, или еще что-нибудь придумает. Пускай подшучивает. С ним весело, он забавный.

У Сергея отлегло, как камень с души свалился. Но кое, что его все же беспокоило.

– Он сказал, что станет твоей дуэньей на время моего отсутствия,– мрачно сказал Сергей.– И ведь станет, я его знаю, так что ты с ним не церемонься. Посылай его в случае чего, он же меры ни в чем не знает.

– Да ладно,– расхохоталась Вера, представляя Телянина

в роли дуэньи.— Я с ним справлюсь, не переживай. Сереж, возвращайся скорее. Ладно?— сказала она уже грустно и серьезно.

За последние дни Сергей очень мало спал, и столько всего произошло, что он вымотался, но до этого не замечал усталости. Некогда было. А сейчас она как — то сразу навалилась на него, ноги и руки отяжелели, потянуло в сон. Он привалился к стене, что бы удобнее было сидеть, и слушал Верин голос. Приятное тепло разливалось по телу. И очень захотелось спать, но он не хотел с ней прощаться, хотел слушать ее голос.

— Вера, расскажи мне, что-нибудь о себе. Я хочу все о тебе знать,— попросил он.

Вера задумалась. В голову не приходило ничего интересного.

— Я не знаю, что рассказать. Ничего, так сразу, не вспоминается. Давай я лучше тебе расскажу сказку, мне ее бабушка в детстве часто рассказывала.

Сергей засмеялся:

— Мне сто лет уже никто не рассказывал сказки. Слушаю тебя, моя Шахерезада.— сказал он, устраиваясь поудобнее.

Вера начала рассказывать историю об очень красивой, но очень ленивой девушке, которую увидел в окне, проезжая мимо ее дома король и влюбился в нее, и увез ее к себе во дворец и решил на ней жениться. А мать девушки уверила короля, что ее дочка первая рукодельница во всем королев-

стве, потому, что ей было стыдно признаться, что дочка ничегошеньки не умеет и не хочет делать. Перед свадьбой король дал красавице задание напрясть за ночь пряжи из шерсти, которой была завалена целая комната дворца. Ночью, когда ленивая красавица, не умевшая прясть, сидела и горько плакала, понимая, что король на ней не женится, а она уже тоже успела его полюбить, перед девушкой появился карлик и сказал, что поможет ей выполнить задание, данное королем, но она должна будет отдать за это карлику своего первенца. Девушка решила, что первенец еще, когда будет, и, что можно будет что-нибудь придумать и обмануть карлика, и согласилась....

Тихий, нежный голос убаюкивал, обволакивал, прикрыв глаза, Сергей начал погружаться в блаженную дремоту и не заметил, как уснул. Вера, дошедшая в своем повествовании до места, когда карлик является к красавице, уже ставшей королевой, за обещанной наградой – ее маленьким сынишкой, заподозрила по долгому молчанию и полному отсутствию признаков жизни в трубке, что Сергей уснул. В приступе озорства, она рывкнула страшным голосом прямо в трубку:

– А теперь, злобный карлик, я оторву тебе голову и сожру твои мозги!

От неожиданности Сергей дернулся, с глухим стуком ударившись головой о стену.

– Какая страшная сказка!– потирая затылок, засмеялся

он. На другом конце провода хохотала Вера.— Тебе бабушка всегда такие страшные сказки рассказывала? Я тут вмятину в стене затылком сделал, с перепугу, так что давай говори, чем там все у них закончилось? Карлик выжил?

— Ишь, какой хитренький,— вытирая выступившие от смеха слезы, сказала Вера.— Мало того, что проспал пол сказки, так еще и чем дело кончилось, хочешь узнать. Нет уж! Шахерзада сказки до конца никогда не рассказывала. Самое интересное, всегда на потом оставляла. Так, что когда вернешься тогда и конец сказки узнаешь. Если, конечно, ты снова не задрыхнешь.

Было уже почти два часа ночи. Вере нужно было с утра на занятия. Пора было прощаться. Уже во второй раз за этот долгий, такой хороший и такой печальный день.

— Я, как только приеду сразу тебе напишу. Хорошо?— пообещал он.

— Я буду ждать.— Ответила Вера, стараясь, что бы, голос не дрожал. Хватит уже слез. Пусть прощание будет приятным.— Я буду ждать твоих писем, буду писать сама, и буду очень ждать твоего возвращения, Сережа.— Она быстро повесила трубку и, уткнувшись в подушку, разрыдалась. «Дура плаксивая!»— мысленно ругала она себя, тоненько подвывая и вздрагивая худеньким тельцем от сотрясавших ее рыданий.

02.10.1990г.

Самолет готовился к взлету. Картинка за окном медлен-

но начала двигаться. Самолет плавно скользил по взлетной полосе, набирая скорость. Картинка мелькала все быстрее и быстрее. Наконец, оторвавшись от земли, самолет взмыл в воздух и устремился ввысь, поднимаясь все выше и выше. И вот уже стало невозможно разглядеть людей и машины, крыши домов превратились в маленькие темные прямоугольнички, а дороги казались тонкими извивающимися и разветвляющимися в разные стороны нитями, опутавшими город и расползавшимися далеко за его пределы. Сергей думал о Вере, о предстоящей работе, о матери. Мысли лениво ворочались в голове. Когда они с Верой закончили телефонный разговор, было уже больше двух часов ночи, а в четыре ему нужно было вставать, что бы успеть в аэропорт. Он решил не ложиться, а поспать уже в самолете. Когда он вышел перекусить перед отъездом, на кухню пришла мать. Она была грустная и молчаливая. Когда Сергей только сообщил, что собирается ехать работать на север, мать пыталась отговорить его.

– Зачем тебе ехать, сынок, в такую даль так надолго? Что ты в Москве денег не заработаешь?– спрашивала она.

– Столько и за такое время не заработаю.– Ответил Сергей твердо. Зная характер сына, мать поняла, что если он решил, то не передумает и бесполезно уговаривать. Она больше и не пыталась, только с грустью думала, что скоро он снова уедет от нее и дома опять станет пусто, как тогда, когда он ушел в армию.

Она старалась не думать о его отъезде, но каждый день, глядя на календарь считала, сколько дней еще осталось. И вот он сидит на кухне такой большой и совсем взрослый, завтракает, улыбается ей, стараясь подбодрить, а потом подхватит сумку с вещами, наскоро обнимет ее на прощание и умчится далеко-далеко за своей мечтой, а она останется совсем одна. Так вдруг захотелось, что бы он снова стал маленьким, белобрысым Сережкой. Что бы можно было посадить его на колени, прижать к себе и не отпускать. Гладить светлые волосики, которые с возрастом потемнели и стали темно-русыми. И оберегать его от всех опасностей, как в детстве.

– Ох, сынок, сынок!– сказала она, подходя к нему и глядя жесткие густые волосы, бывшие когда-то мягоньким беленьким пушком.

– Он накрыл ее руку своей большущей ладонью.

– Мам, я скоро вернусь. Не переживай.

Тяжело вздохнув, она, пошла проверять, все ли он собрал в дорогу.

Сергей открыл глаза, когда самолет уже начал заходить на посадку. Летели долго, он успел хорошо выспаться и теперь снова чувствовал себя бодрым и полным сил .

Через несколько минут самолет приземлился и Сергей стал пробираться к выходу. Взглянув в окно, он с изумлением увидел, что вокруг взлетной полосы все завалено толстым

слоем снега. Из дождливой Москвы он как по волшебству попал в самую настоящую зиму.

Выйдя из самолета, он мгновенно ощутил, что зима не только настоящая, но еще и морозная. Причем мороз был не шуточный, градусов за двадцать. Ледяной ветер дул с такой силой, что пока Сергей в своей несерьезной кожаной курточке, предназначенной для московской осени, и ботинках на тонкой подошве, добежал до здания аэропорта, ему показалось, что он замерз не только снаружи, но все его внутренности превратились в один сплошной кусок льда.

Внутри было не особо тепло, но по сравнению с улицей просто замечательно. В небольшом зале ожидания рядами стояли скамьи, на которых сидело несколько пассажиров, ожидающих посадки на свой самолет. Справа находился буфет с выставленной поверх прилавка табличкой «Обед», весьма огорчившей Сергея, не отказавшегося-бы сейчас выпить чего-нибудь горячего. В дальнем углу расположилась группка мужчин, рядом с которыми на полу были свалены кучей большие спортивные сумки и рюкзаки. Сергей понял, что это его новые коллеги. Он проспал весь полет, поэтому не разглядел других пассажиров. Но, был уверен, что часть, из сидящих, в глубине зала, прилетела на одном самолете вместе с ним.

– Ой, простите!– молодой белобрысый парень, налетев на Сергея, сзади врезался в его плечо. Парнишке на вид было лет восемнадцать–девятнадцать. Наивные голубые глаза,

опушенные густыми светлыми ресницами, растерянно смотрели с совершенно, детского, веснушчатого лица. Одет он был так же как Сергей – совершенно неподходяще для местной погоды. Коротенькая красная курточка, джинсы и кроссовки. Уши и щеки, в данный момент, были абсолютно идентичны цвету его пижонской курточки. Еще сильнее покраснев, но уже от смущения он почти робко спросил. – А Вы случайно не знаете, как найти 24 бригаду?

«Как же тебя занесло-то сюда, такого птенца желторотого? Тебе ж еще рядом с мамкой надо сидеть и сиську сосать» – подумал Сергей, с сочувствием глядя на, как теперь он уже знал, юного коллегу.

– Думаю, что это она и есть.– Сергей указал рукой в сторону группы, к которой направлялся сам.

Навстречу им поднялся мужчина, лет за сорок, с густой бородой и потемневшей, от уже навсегда приставшего северного загара, кожей. Возле глаз и на лбу пролегли глубокие бороздки морщин. Несмотря на суровый вид человека, немало повидавшего на своем веку и привыкшего к трудностям, в глазах его плясали веселые огоньки, а улыбка была добродушной и располагающей.

– Здорово ребята! Вы в 24-ю?– спросил он, протягивая по очереди, широкую мозолистую ладонь Сергею и молодому парню. Оба кивнули.– Ну, милости просим. Я начальник бригады, Иван Николаевич Кузнецов.

– Сергей Кречетов.

– Алексей Кукушкин.

Один из сидящих засмеялся:

– Кукушонком будешь!

Все остальные тоже засмеялись, только обладатель нового и очень подходящего ему прозвища стоял смущенный, снова слившись цветом лица с собственной курткой.

Иван Николаич с сомнением смотрел на вновь прибывших.

– Вот что, ребята,– сказал он, наконец,– тут жизнь суровая. Работать приходится в трудных условиях. Тут у нас жесткая дисциплина, работа тяжелая. Условия самые, что ни на есть спартанские. Ни тебе развлечений...– он немного помолчал, как бы обдумывая, чем еще припугнуть двух новеньких.

– В общем, не все выдерживают. Бывает, что и сбегают люди. Мне нужно, что бы бригада работала. Если не уверены, что хотите остаться, срок-то долгий, а впереди зима, из лагеря, бывает, по два месяца не выедешь, так дороги заносит, то вы лучше прямо сейчас садитесь на самолет и назад, домой к мамке.

– Я остаюсь,– спокойно сказал Сергей.

– Я тоже.– Распрямив плечи и вскинув голову вверх для солидности, насупив белесые брови, сказал Кукушонок, в глазах которого стояли слезы. «Молодец, с характером»– мысленно похвалил Сергей мальчишку.

Веселые искорки, вновь заплясали в глазах нового началь-

ника.

– Ох, ребята. Я вас предупредил. Мы скоро выезжаем. До лагеря ехать больше трех часов, так, что тянуть нечего, нужно засветло доехать. Давайте переодевайтесь. Есть, что теплее-то?– Иван Николаич с усмешкой посмотрел на почти полетнему одетых мальчишек. После того, как они, по-армейски, одновременно ответили «да», он продолжил.– Одевайте все, что есть. В лагере выдам вам унты и одежду. Распорядок, план работ, обязанности, это все завтра будем обсуждать. На сегодня у нас задача до лагеря добраться и сгрузить в ангар все, что сейчас с собой привезем. Давайте ребятки. Пятнадцать минут вам даю на переодевания и на знакомство.– Он кивнул на остальных членов бригады, знакомьтесь мол, и пошел в сторону выхода, надевая на ходу, теплую шапку и поднимая воротник толстой зимней куртки.

До лагеря добрались уже в сумерках. Еще в аэропорту, когда Кукушонок сменивший свою тонюсенькую красную куртку на ненамного более теплую синюю и натянув на голову вязаный «петушок», робко высказался по поводу «жуткой холодины» на улице, один из новых знакомых, Генка Рыжов, хлопнул его по плечу и, радостно смеясь, сказал:

– Это разве холодина? Вот будет минус 60, вот это холодина! А сейчас, считай так, легкий морозец.

– Минус 60?!– с ужасом повторил Кукушонок.

Дорога была ужасной. Ехали на двух гусеничных вездехо-

дах. В один погрузили оборудование и запас продуктов, доставленных грузовым самолетом. Иван Николаич, которого большинство ребят, называло запросто, Николаичем, сел за руль. Во второй набились все остальные члены бригады. Развернувшись в противоположную от города сторону, поехали через заснеженную северную равнину. Несмотря на то, что ехали по снегу всю дорогу жутко трясло. На каждом ухабе людей, сидящих внутри вездехода, подбрасывало и швыряло из стороны в сторону. Гул от тарахтевшего мотора стоял такой, что, для того что бы что то сказать приходилось кричать. К концу дороги, Кукушонок был уже больше похож на лягушонка, весь зеленый с остекленевшими глазами. Сергей чувствовал, что его тоже начинает мутить от непрерывной тряски. Заметив их состояние, Паша Головин, маленький, смешливый парень, чуть старше Сергея, сочувственно сказал, вернее прокричал:

– Уже почти приехали. Это с непривычки. Первый раз всегда так. Привыкните.

Картина, представшая перед глазами вновь-прибывших, когда они выбрались, наконец, из, ставшего ненавистным, за время пути, вездехода была весьма унылой, даже тоскливой. Куда не глянь, в какую сторону не посмотри – уходящая вдаль, насколько хватает глаз, снежная пустыня. Несколько сбившихся в кучку вагончиков для жилья, в небольшом отдалении от лагеря большущий железный ангар для оборудования, в который загоняли технику в конце рабочего

дня. Ни дерева, ни кустика. Вокруг лагеря ровная белая поверхность, плоская как блин. Во-все сгущающихся сумерках, впечатление получалось еще более удручающее. Сергей почувствовал, как тоска сжимает сердце, как будто тиска-ми – 9 месяцев, целых 9 месяцев здесь, это же просто ужас! Взглянув на Кукушонка, он заметил, что тот стоит с совершенно ошалелым видом и как-то подозрительно часто моргает. Сергей догадался, что мальчишка изо всех сил старается не заплакать. Но понять его вполне можно, Сергей и сам готов был расплакаться.

Пока разгружали тяжелые ящики с оборудованием и съестные припасы, привезенные на втором вездеходе, наступил вечер. Темнота накрыла маленький лагерь, только окошки вагончиков светились желтыми огоньками посреди бескрайней заснеженной равнины.

После ужина пошли заселяться на новом месте. Николаич, занимал вагончик на пару с якутом по имени Эрчим. В переводе с якутского, как объяснил Эрчим новеньким, его имя означает -энергичный, и это на удивление точно соответствовало его характеру. Невысокий, быстрый в движениях, очень ловкий, Эрчим, казалось, не знал усталости и носился по лагерю, появляясь то тут то там с неизменной широкой улыбкой на смуглом широкоскулом лице, в то время, когда остальные уже почти падали от усталости, измотанные дорогой и погрузочно-разгрузочными работами.

– Могу кого-нибудь одного у себя приютить. – предложил Николаич, обращаясь к четверым новеньким: Сергею, Кукушонку, хмурому Андрею Зимину и серьезному, уже взрослому, по сравнению с остальными Игорю Ильину.

Кукушонок, немного осоловевший, похожий на большого, сонного ребенка, непроизвольно придвинулся ближе к Сергею. Он как-то сразу проникся к нему, привязался, и теперь не хотел разлучаться с новым товарищем.

Игорь отправился в вагончик Николаича, а остальных повел пристраивать неугомонный Эрчим.

– Не грусти! Все будет хорошо, – очень мягко сказал он Кукушонку, почувствовав его подавленное состояние. Кукушонок благодарно улыбнулся в ответ.

По-русски Эрчим говорил очень чисто, без особого говора, свойственного жителям севера. Сразу после школы он работал в оленеводческом хозяйстве, потом отслужил в армии, вернувшись, проработал пару лет на нефтедобывающей вышке и затем уехал в Москву учиться в геологоразведочный институт.

После института вернулся в родные места и вот уже четвертый год работал с Николаичем, который тоже был перекати-поле, вел кочевую жизнь, работая в самых отдаленных уголках необъятной родины.

Эрчим открыл дверь одного из вагончиков, жестом приглашая остальных проходить внутрь. После морозного воздуха в жарко натопленном вагончике показалось очень душ-

но. Обстановка была почти убогая. Три двухъярусные кровати, из соснового бруса, одна из которых, судя по разбро- санным вещам, уже была кем-то занята. Небольшой стол, пара стульев и шкаф, явно сделанный собственными силами. Рядом с входной дверью к стене был приделан деревенский умывальник.

Пока новые обитатели наслаждались разглядыванием своих апартаментов, вернулись уже жившие здесь Гена Рыжов и Паша Головин.

– Давайте мужики! Чего встали? Проходите, обувь можно не снимать!– засмеялся Гена Рыжов. Заметив, что Кукушонок с недоумением разглядывает умывальник с пимпочкой внизу, он радостно объявил.– Это наша ванная Кукушонок. А до-ветру мы вон туда ходим.

Он подошел к двери и, распахнув ее, показал на, едва заметное, в темноте, маленькое сооружение, в назначении, которого сомневаться не приходилось.

Наивные голубые глаза Кукушонка округлились.

– А в мороз?– еле слышно прошептал он, вспомнив про обещанные шестидесятиградусные морозы.

– А в мороз в ведро по малой нужде сходишь,– смеясь, сказал Гена.

– А ... все остальное?– Еще тише с совершенно несчастным лицом спросил Кукушонок.

Гена заговорщицки хлопнул его по плечу.

– А для всего остального тебе Николаич подгузник вы-

даст.

Взрыв хохота сотряс стены вагончика. Смеялись все, и лишь Кукушонок, как обычно, залился густым румянцем. Говорила ему мама, говорила. А он вообразил себя взрослым и рванул за романтикой. Наелся он уже этой романтики. В первый же день наелся, уже не лезет.

Сергей думал, что не уснет. Матрац был жесткий, казалось, что лежишь на голых досках. Воздух в вагончике был спертый, душный. Присутствие пяти наработавшихся за день молодых мужчин, их одежда, обувь, дыхание, все это в небольшом пространстве вагончика создавало еще ту атмосферу. Но, едва коснувшись подушки, Сергей почувствовал, как начинает проваливаться в сон. Хорошо бы увидеть во сне Веру, улыбаясь, подумал он, уже засыпая. Но Веру он не увидел, как не увидел и ничего другого. Он спал очень крепко, без сновидений и проснулся только когда Паша Головин начал расталкивать их с Кукушонком, который спал на втором ярусе кровати. Сергей посмотрел на часы. Было 7 утра. Через час начинался его первый трудовой день на севере.

Октябрь 1990г.

Начались суровые трудовые будни. Работа была тяжелая, к вечеру все возвращались усталые, с одним желанием поскорее забраться в кровать и уснуть. Утром вставали, завтракали и отправлялись в ангар, предварительно прогретый де-

журным по лагерю, выводить технику.

Работа на морозе, а температура на улице уже приближалась к -30, шла медленно. Если что-то ломалось или выходило из строя, приходилось сначала отогреть замерзший металл паяльными лампами, что бы хрупкие от мороза детали не раскрошились. Что бы открутить болт или гайку приходилось снимать толстые рукавицы и работать в рабочих перчатках, и буквально через пару минут руки теряли чувствительность и переставали слушаться.

По вечерам, если оставались силы, играли в «козла», в карты, в шахматы. Больше развлечений не было. Иногда Николаич выделял ребятам бутылку водки, для подъема настроения, как он говорил. Выпивали по 50 грамм, больше начальник не позволял, да и на десять человек больше не получалось. Всего в лагере их было двенадцать, но Эрчим и Кукушонок водку не пили.

Из приехавших в лагерь, вместе с Сергеем и Кукушонком, только они и Андрей Зимин, прозванный Зимой, были новичками. Все остальные, если и работали до этого не прямо здесь, то в других подобных местах и имели представление обо всех трудностях и условиях жизни связанных с такой работой.

Сергей довольно быстро втянулся, тем более, что особо скучать или переживать было некогда. Труднее всего пришлось Кукушонку, первую неделю он ходил тихий, как в воду опущенный, но к концу второй недели уже совсем привык

и, чувствовал себя опытным покорителем севера.

Все, включая молодых ребят, относились к добродушному доверчивому и смешливому Кукушонку с отеческой заботой. Как всегда бывает с самыми младшими, над ним все время подшучивали, но по-доброму. И Кукушонок, освоившись и успев ко всем привыкнуть, уже не краснел как маков цвет, а хохотал над шутками вместе с остальными.

Зима был полной противоположностью Кукушонка. Прозвище очень подходило ему. Он всегда был хмурым, молчаливым, редко улыбался и в свободное время обычно лежал на своей кровати и курил, редко принимая участие в игре в карты или в общей беседе.

Сергей привез из Москвы несколько книг и по вечерам иногда читал, а иногда просто лежал и вспоминал Веру. Милое нежное лицо, улыбку, мягкие шелковистые волосы. Иногда ему казалось, что он ощущает прикосновение ее волос к своей щеке, чувствует их аромат, ее запах. В такие минуты он ощущал почти невыносимую тоску по ней, тоску по дому, по маме.

Время незаметно шло. Спустя три недели после его приезда в лагерь, начались обильные снегопады. Снега наметало столько, что по утрам назначали двух дежурных. Один готовил завтрак, а второй шел откапывать двери ангара, что бы потом прогреть его до начала работы бригады.

Мело неделю, а потом снег прекратился, и грянули обещанные шестидесятиградусные морозы. Николаич отменил

работы, пока мороз немного не спадет. Пришлось отменить запланированную поездку в город. Раз в месяц ездили пополнить запас продуктов, забрать и отправить почту и рабочие отчеты. Потянулись унылые, однообразные и бесконечно-долгие дни. Сидение в четырех стенах маленьких вагончиков, оказалось, куда большим испытанием, чем работа на лютом холоде.

Поначалу обрадовавшись неожиданному отдыху, люди уже на второй день начали сходить с ума в крошечном душном пространстве своих жилищ, запертые в них как в тюрьме. На улицу было не выйти. Никакая одежда не спасала от лютого мороза. До соседнего вагончика добежали бегом, чтобы не обморозить лицо. По вечерам, изнывающие от бездействия, обитатели лагеря, отрезанные от всего мира снегами и холодом, собирались все вместе в одном из вагончиков. Травили байки, играли в карты, кости, того же козла, выпивали, ради поддержания боевого духа уже по 100 грамм (Николаич расщедрился, понимая, что ребята маются и не знают куда себя деть) и потом расходились. Так продолжалось десять дней. На десятый день мороз начал ослабевать, а на одиннадцатый столбик термометра поднялся до -30. Все высыпали на улицу, радостные, счастливые, что закончилось это вроде бы и не долгое, но тягостное заключение. Гонялись друг за другом как дети, кидали друг друга в снег, смеялись и радовались долгожданной свободе, даже не замечая, что на улице, по-прежнему, страшно холодно.

На следующий день, за завтраком Николаич объявил, что по случаю страшной жары, на улице было всего -25, он отправляет Эрчима и Пашу Головина на одном из вездеходов в город. Остальные, отдав письма, приготовленные для отправки заждавшимся матерям, женам, девушкам и друзьям, вернулись, к прерванной морозами, работе.

Ноябрь 1990г.

Первое письмо пришло, когда Вера уже начала сходить с ума от ожидания и тревоги. После отъезда Сергея, она, выждав неделю, потому что прекрасно понимала, что даже и через неделю, навряд-ли, письмо успеет дойти до Москвы, стала ежедневно проверять почтовый ящик. Каждый раз, заглядывая внутрь и не находя желанного письма, она испытывала разочарование. После двух недель ежедневных проверок, она открывала почтовый ящик уже не с надеждой, а скорее со страхом – вдруг опять нет. Спустя месяц она совсем извелась и поручила Соне проверять почту, что бы зря не расстраиваться, но через два дня не выдержала, и снова стала заглядывать в ящик сама.

Единственное, что ее успокаивало, что и Вован не получал от Сергея писем, и мать Сергея еще ничего не получала. Вован ходил ее проведать, и она пожаловалась, что Сережа не пишет.

– Может быть с ним, что– то случилось?– с тревогой спросила Вера у Вована.

– Ничего с ним не случилось.– Спокойно ответил бесчуживенный Вован.– Если бы что-то случилось, тогда бы мы уже точно знали. У них там рация есть. Радиограмму бы отправили.

Вера с сомнением посмотрела на него.

– Почему же тогда он не пишет?

– Ты прогноз погоды смотришь по телевизору? У них там холодина страшная. Может их там снегом завалило, выехать не могут. Чего ты паникуешь? Куда он денется от тебя с крайнего севера?– видя, что Вера немного успокоилась, он не выдержал и, расплывшись в улыбке добавил.– Хотя, может, нашел там якутку какую-нибудь или чукчу, сидит там с ней в чуме и посмеивается, ждет меня Верка в Москве, а я тут сижу, чай гоняю с северной красавицей под боком, а во дворе олень копытом бьет. Красота, нафиг мне эта Москва.

Вера пихнула его в бок, и Вован жизнерадостно заржал.

И вот открыв ящик в очередной раз, уже, скорее по установившейся ежеутренней традиции, чем в надежде найти там, что ни будь, Вера дрожащей рукой достала конверт и прямо в подъезде, не в силах больше ждать, начала читать.

«Здравствуй моя прекрасная Шахерезада.

Ты не представляешь, как я соскучился по тебе. Как хочу увидеть тебя, дотронуться до твоих волос, обнять тебя крепко-крепко и не отпускать. Иногда ночью я представляю, что ты рядом и тогда, мне просто безумно хочется

бросить все и бежать к тебе. Все время думаю о тебе. Даже во время работы ловлю себя на мысли, что вспоминаю твой смех, твои глаза, твою улыбку.

У нас тут страшный холод. Когда я только прилетел, оказалось, что из дождливой Москвы я попал в снежную морозную зиму.

Наша база расположена примерно в 120 километрах от Среднеколымска. Вокруг только снег и небо над головой. Кажется, что находишься на необитаемом острове, отрезанном от всего остального мира бесконечными снегами. Находясь в Москве даже невозможно представить, что где-то могут быть такие места, где до ближайшего живого человека не меньше сотни километров.

Прости, что так долго не писал, но как оказалось письмо можно отправить, только когда кто-то едет в город за продуктами и всякими нужными для работы вещами. Обычно такие поездки бывают раз в месяц. Но у нас тут вначале были очень сильные снегопады, а потом грянул шестидесяти градусный мороз и мы сидели в своих вагончиках, в которых живем, и не могли носа на улицу высунуть. Не работали и сходили с ума от безделья десять, показавшихся просто бесконечными, дней. Поездка в город из-за этого тоже задержалась.

Здесь отличные ребята. Самый молодой парень Кукушонок, его так прозвали из-за фамилии Кукушкин, твой ровесник. Тоже из Москвы. Он бы тебе понравился, хороший

парень и очень добрый. А еще здесь работает якут Эрчим. Мы с ним очень подружились. Несколько раз ходили на лыжах, он родился в этих краях и катается прекрасно, любой олимпийский чемпион позавидует. За ним не угонишься, хотя я и неплохо катаюсь, но Эрчим летит как стрела, причем со стороны вообще не заметно, что бы он прилагал какие-то усилия, у меня ни разу не получилось его обогнать. Еще он учит меня стрелять из охотничьего ружья. У нашего начальника Николаича есть ружье. Летом он охотится из него на уток и Эрчим говорит, что они необыкновенно вкусные, если их запечь с травами и ягодами. Обещает приготовить, как только утки вернуться после зимовки. Правда он говорит, что они прилетят тощие и жир нагуляют только к осени, но осенью меня уже здесь не будет, так, что обойдемся тощими. У меня уже неплохо получается стрелять. Мы ставим консервные банки на старую железную бочку, и я уже попадаю с пятидесяти шагов, почти не промазывая.

Здесь не особенно много развлечений, поэтому занимаем себя в свободное время, чем только можем. Даже хорошо, что его не особенно много. Обычно к вечеру уже хочется только поужинать и спать. На сильном морозе тяжело работать, к концу дня все без сил.

Говорят, что зимой здесь можно будет увидеть полярное сияние. Эрчим утверждает, что тундра это самое красивое место в мире. Особенно весной. Поживем-увидим. Пока она

больше напоминает, безжизненную снежную пустыню.

Как там Вован? Не замучил тебя своим любопытством и шуточками. Ты с ним по строже. Он совершенно без комплексов и не умеет вовремя остановиться. Хотя в трудной ситуации он отличный товарищ и на него можно полностью положиться. Но это не мешает ему дурачиться и быть совершенно несерьезным.

Напиши мне обо всем, что у тебя происходит. Кажется, я не видел тебя, уже целую вечность. Может это глупо, но я постоянно думаю, вдруг ты передумала, вдруг, когда придет это письмо, ты уже будешь замужем. Эта мысль пугает и сводит меня с ума. Чувствую себя ужасным эгоистом, но ничего не могу с собой поделать. Больше всего на свете не хочу этого. Больше всего на свете мечтаю, что бы ты все же дождалась меня. Прости, я наверное вообще не имел и не имею права говорить тебе об этом. Неизвестность сводит с ума. Очень тяжело, когда нельзя поговорить, хотя бы по телефону. Узнать новости. Это видимо отрезанность от цивилизации так на меня действует. Все-таки мы привыкли к жизни в городе и, оказавшись в таких условиях, чувствуешь себя немного растерянным и даже беспомощным. Хотя некоторые наши ребята не первый раз так работают и уже привыкли, не ощущают никакого дискомфорта. Николаич вообще уже лет двадцать живет такой кочевой жизнью. Он на этой базе уже четвертый год подряд работает и говорит, что иной жизни не представляет.

Верочка, милая моя девочка. Я нежно целую тебя и обнимаю. Мечтаю, думаю о встрече. Жду этой встречи. Пиши мне, пожалуйста. Что бы ни произошло в твоей жизни, напиши мне.

18 ноября 1990г.

Сергей»

В электричке Вера еще раз перечитала письмо. Она ругала себя, что не сказала, о том, что отменила свадьбу, что рассталась с Севой. Она ругала себя, что не сказала самые главные слова. Теперь она точно знала, что это правда. Она не сказала, что никто ей кроме него не нужен.

Вопреки обыкновению не приходиться на первую пару, сегодня Вован уже сидел в аудитории, небрежно развалившись на одном из жестких сидений для студентов.

– Ну, что Ковальская, письмо получила?– вместо приветствия спросил он у Веры.

– Получила,– улыбнулась Вера, догадавшись, что Вовану тоже пришло письмо от Сергея.

– А я тоже получил!– сказал Вован и помахал конвертом у нее перед носом.– Хочешь почитать?

– Не знаю. Ну, давай,– несколько растерявшись от неожиданного предложения, сказала она.

С одной стороны, в письме Вовану навряд-ли были какие-то тайны или, что-то очень уж интересное. Но ей стало любопытно, как общаются между собой Сергей и Володька.

Вместе-то она их и не видела.

Вера быстро прочитала письмо. Оно было довольно короткое и, как она и предполагала, в нем были только описание жизни в лагере, немного про коллег Сергея и пара шуток, которые они, видимо, использовали, общаясь друг с другом. В конце письма, Сергей передавал привет родителям Вована, и еще шла приписка, с просьбой вести себя прилично и не доставать Веру.

Вера вернула Вовану конверт. Убрав его в карман, он протянул руку и сказал:

– Ну!

– Что ну?– не поняла Вера.

– Ну, ты мое письмо прочитала. Давай теперь твое читать.– Нахально улыбнулся Вован.

Вера вытаращила глаза.

– Ага, сейчас! Разбежался.

– Да ладно, Ковальская! Так нечестно. Я же тебе свое дал. Теперь ты должна.

– Ничего я не должна. Я тебя не просила.– Сказала Вера, не переставая удивляться нахальной изобретательности Вована.

– Да ты меня буквально умоляла,– заявил Вован.– Я по глазам видел.

– Телянин, ты дурак?!– Вера снова рассмеялась. Все-таки он неподражаем.

Великодушно простив грубость, Вован продолжал угова-

ривать.

– Вер, ну мне как священнику, можно доверить любой секрет. Не ломайся, давай, – он снова протянул руку.

– Володь, отстань!

– Так чего, не дашь? – обиженно спросил Вован.

– Нет.

Вован демонстративно отодвинулся от Веры.

– Да не очень-то и хотелось. Я вообще из вежливости спросил. Думаешь, мне интересно читать про ваши шуры-муры, или про то, как тебе Серега пишет «Привет мой маленький тараканчик!», или «Целую тебя в пяточок, мой сладенький, розовенький поросеночек!». – Вован оценивающе посмотрел на Веру. – Хотя на поросеночка ты не тянешь, скорее «жабка» или «гусеничка».

– Слушай, заткнись! Или маленький тараканчик сейчас съездит большим учебником по твоей пустой болтливой голове.

После отъезда Сергея Вован «взял шефство» над Верой, как он сам это назвал. Они и раньше были в дружеских отношениях, но не в близких, а просто общались по-приятельски, хорошо друг к другу относились. Любили поболтать, посмеяться. Вере нравилось неумное, даже буйное чувство юмора Вована. Его склонность к разного рода проделкам, которые никогда никого особо не задевали, но всегда были ужасно смешными. Вован тоже симпатизировал Вере. Ему нравилось, что она не строит из себя какую-нибудь цацу, а ведет

себя естественно, не притворяется и не рисуется как многие девушки. А еще ему очень нравилось, как она смеется. Вован буквально обожал ее смех. Смеялась Вера искренне, заразительно, и нередко хохотала до слез, совершенно не стесняясь такого бурного проявления эмоций.

Теперь Вован начал садиться рядом с Верой во время лекций. При этом неизменно говоря: «Посижу уж с тобой Ковальская. Присмотрю. Сама понимаешь, другу слово дал. А то ты ж такая несамостоятельная, беспомощная». После этой фразы он с видом великомученика опускался на сидение рядом с ней и еще долго, потом кряхтел и вздыхал, давая понять на какие жертвы он идет ради данного другу слова. В институтский буфет они тоже ходили теперь вместе. Вован произносил примерно такую же речь, менялось только начало «Поем уж с тобой вместе...». Время от времени он провожал Веру до электрички, говоря: «Провожу уж тебя и т.д.». Когда они вместе с ребятами из группы устроили поход в кино, Вован, естественно, уселся рядом с Верой, заявив: «Посмотрю уж с тобой кино...» — после чего строго посмотрел на Веру и сказал: «Только смотри Ковальская! Мы с тобой в темноте еще ни разу один на один не оставались. Надеюсь, будешь вести себя прилично, не воспользуешься моей беззащитностью и неопытностью. Понимаю тебе трудно устоять, но держи себя в руках». Сначала Веру все это смешило. Но, по прошествии пары недель, уже порядком поднадоело и начало раздражать.

– Телянин, не пора сменить пластинку?– сказала она Вовану, когда он в очередной раз толкнул речь, про обещание данное другу. Вован с печальным видом вздохнул и сказал:

– И рад бы, Ковальская, сам устал, надоела ты мне хуже горькой редьки, но сама понимаешь, я слово другу дал.

Вера только рукой махнула.

Как то ночью зазвонил телефон. Вера взяла трубку.

– Вер ты чего делаешь?– спросил Вован.

– Сплю, конечно. Володь, чего случилось?– сонно спросила Вера, пытаясь рассмотреть, сколько сейчас времени. На часах было 2-15.

– Одна спишь?

– Что?!– Вера подскочила на кровати.

– Да ты не волнуйся! Мне-то все равно, сама понимаешь.

Просто я должен присмотреть...

Вера швырнула трубку на телефон.

На следующий день Вера крепко ухватила, подошедшего к ней, радостно улыбающегося Вована за ухо.

– Если ты, скотина, еще раз скажешь мне про свое обещание...

– Ааа! Больно же!– завопил Вован.– Ты мне ухо оторвешь сейчас!

– Я тебе кое, что другое оторву! Понял?– пообещала Вера, отпуская, ставшее малиновым, ухо.

– Да понял, понял я. Ладно, перегнул малость. Но ведь прикольнo же получилось?– ухмылялся Вован, потирая по-

страдавшее ухо.— Все не буду больше. Убедила, ты вполне самостоятельная и морально устойчивая. Слагаю с себя тяжкое бремя.

Вера засмеялась. Ну, что с ним делать. Телянина можно либо убить, но к таким решительным действиям она еще не готова, либо не обращать на него внимания.

— Смотри у меня.— Сказала она строго.

— Смотрю, смотрю. Жизнью, можно сказать, рискую, здоровьем своим. И все ради данного другу обещания!— уже, несясь по коридору, от бегущей за ним Веры прокричал Вован.

Первую неделю после Вериного признания Сева пил. Пил по-черному, как алкоголик со стажем. С утра вставал, опохмелялся и так по чуть-чуть, продолжал целый день, пока к вечеру, снова не доходил до совершенно неменяемого состояния. Несколько раз ночью он звонил Вере, но она не желала разговаривать, бросала трубку или вообще не подходила к телефону. Сева порывался съездить к ней, но в таком состоянии просто не мог. По прошествии недели, он все же взял себя в руки, прекратил пить. Помылся, побрился, кое-как привел себя в порядок. Из зеркала на него смотрел незнакомый мужик, опухший, взъерошенный, с пожелтевшей кожей, с отвисшими мешками под налитыми кровью мутными глазами. Совершенно не похожий на того писаного красавца, которым он был еще несколько дней назад. Сева даже испу-

гался. Бросив пить, он возобновил посещение качалки, тягая железки с остервенением, до полного изнеможения, пытаясь вернуть своему телу прежнее совершенство. На встречах с друзьями старался ограничивать себя в спиртном. Конечно, появились и новые подруги. Но Сева ловил себя на том, что все время сравнивает. И сравнение каждый раз оказывалось не в их пользу. Он уже не получал прежнего удовольствия от ночей проведенных в объятиях все новых и новых красоток. Он стал холоден и почти груб со своими партнершами, ему уже не доставляли радости любовные игры. Подобно животному, он почти механически исполнял свою роль самца, получая физическую, но не эмоциональную разрядку, совершенно не заботясь о том, что чувствует его очередная подруга. Девушкам, естественно, такое отношение не нравилось. Все чаще и чаще он стал ловить разочарованный взгляд после того как все заканчивалось. После очередной такой «примитивной случки», не доставившей удовольствия, ни одному из партнеров. Девушка, ожидавшая от прекрасного мачо бурной, полной страсти, ночи любви, высказала Севе свое недовольство в лицо. Сказав, что кроме внешности ему нечем гордиться и такого примитивного и нудного секса у нее еще не было. Сева едва сдержался, чтобы не ударить ее. Но так низко он еще не пал. Сорвав свою злость на входной двери, он захлопнул ее за собой с такой силой, что задрожали стены и оконные стекла во всем подъезде.

Сева злился и страдал. Страдало его уязвленное, непо-

мерное эго. Он чувствовал, что скатывается в какую-то пропасть, теряет вкус жизни, превращается в другого человека. И во всем виновата она, Вера. Подло предавшая его, растоптавшая его любовь, его доверие. Он уже почти ненавидел ее. Пару раз у него даже мелькала безумная мысль убить ее. Но, во-первых, он, честно сам себе признавался, что для такого у него кишка тонка. А, во-вторых, ему самому-то как это поможет. Она сломала ему жизнь. Она изменила ему с каким-то там уродом. И теперь они вместе смеются над ним, лежа в одной постели. Именно картина, лежащих рядом любовников, насмехающихся над ним, приводила его в страшную ярость. Ему казалось, что он слышит их смех, Верин задорный и звонкий, и мужской грубый и издевательский. Как она смела так поступить с ним, маленькая, подлая дрянь. Так вероломно нанесла удар исподтишка по самому больному месту, по его самолюбию. Мысль о Верином предательстве превратилась для него в такую же навязчивую идею, как до этого мысль о ней самой. Целыми днями он пережевывал ее как жвачку, не в силах остановиться, переключиться на что-то еще. Накануне дня несостоявшейся свадьбы Сева приехал к Вериному институту. Им овладела какая-то мелочная мстительность. Он хотел унижить ее, бросить в лицо обвинения, на глазах у одноклассников, рассказать о ней все. Пусть все знают правду, какая она тварь.

Пару раз Сева ездил к Вериному дому и сидел «в засаде» в маленькой беседке недалеко от ее подъезда, в надежде уви-

дочь Веру с ее новым воздыхателем. Ему хотелось увидеть, на кого она променяла его. Ради кого разрушила, то, что у них было. Но оба раза Вера вернулась домой в одиночестве и вполне в нормальное детское время. Сева даже начал думать, что может быть, она его просто обманула, и нет никакого другого. Просто случился очередной заскок. После этого он вновь пытался звонить, но Вера очень холодно сказала ему, что все кончено. Попросила больше не звонить и повесила трубку.

И вот он стоит у института и ждет ее появления. Дверь в очередной раз распахнулась, и вышла Вера с каким-то хлыщом, который приобнимал ее за плечико. Первым порывом Севы было броситься на Вериного спутника и избить до полусмерти, а потом высказать ей все в ее наглые, бесстыжие глаза. Но справившись с собой, он решил понаблюдать за счастливой парочкой.

Парень был никакой. Тощий, ушастый. На смешливом остроносом лице целая россыпь ярких веснушек. Короткие каштановые волосы торчат во все стороны. В общем, смотреть-то не на что. Что она в нем нашла, любительница уродцев. Единственное, что вообще было примечательного в этом невзрачном Верином ухажере, так это, явно дорогие, импортные шмотки. В стране советов такие не купишь. Уж Сева то в таких вещах разбирался. Может Верка на деньги клюнула? Может он из богатой семьи? Хотя кого-кого, а Веру бы он этим не прельстил. Она может и дура, и дрянь по-

следняя, но расчетливой ее ни как не назовешь.

Сева медленно шел за парочкой по улице. Ручонку свою с Вериного плеча тощий мозгляк убрал. Теперь они просто шли рядом, разговаривали. Что-то он такое сказал, и Вера рассмеялась своим безудержным заразительным смехом. Сева напрягся, подавляя желание догнать их и поступить, так, как хотел вначале. Дошли до метро, спустились по эскалатору. Сева наблюдал за всем происходящим как будто со стороны. Ему казалось, что он не чувствует своего тела. Что это вообще не он, а кто-то другой ведет эту шпионскую игру, выслеживая его бывшую невесту и ее нового друга. Сели в вагон. Тощий заморыш, не переставая, что то болтал. Вера то и дело смеялась. Просто идеальная пара, со злостью глядя на них думал Сева. Через пару остановок тощий направился к выходу, бросив уже на ходу: «Пока!». Кроме, весьма невинного, обнимания за плечи, Сева не заметил ни держания за руки, ни поцелуев, ни влюбленных взглядов. Даже на прощание не поцеловались. Может они просто друзья? Сокурсники, например, они же из института вместе вышли. Сева решил проследить за Верой, куда она направиться дальше. Но увидев, как Верин спутник выходит из вагона Сева, сам не зная почему, решительно шагнул вслед за ним. Верин приятель поднялся по эскалатору и, выйдя из метро, неторопливо побрел по улице, явно никуда не спеша. Севу раздражала такая медленная ходьба, кипевшим в нем эмоциям требовался выход, и, проклиная ушастого хмыренка, он был вынуж-

ден еле-еле плестись следом за ним, держась на некотором расстоянии. Тащась черепашьим шагом за объектом своего преследования, Сева, размышляя о Вере и тощем парне, решил, что отсутствие объятий и поцелуев ни о чем не говорит. Как раз в Верином стиле. Она любит помариновать мужика. Помучить, потянуть время, строя из себя недотрогу. Его она вон, сколько изводила, не один месяц. В его затуманенном обидой и злостью мозгу Вера представляла уже коварной расчетливой интриганкой, которую хлебом не корми, дай только поиздеваться над мужиками, поунижать их, а потом, попользовавшись, выплюнуть и выбросить, втоптать в грязь. Он так себя накрутил, что решил догнать тощего хмыря и врезать ему как следует, даже не из-за Веры, а просто, что бы выплеснуть кипевшую в нем злобу. Сева прибавил шаг, тощий парень в это время свернул во двор. Сева рванул за тощим и, ухватив за воротник куртки, развернул к себе.

– О, орангутанг. Здорово!– немного удивленно, сказал тощий и нахально ухмыльнулся.

Сева хотел знать про их отношения с Верой, поэтому пропустил орангутанга мимо ушей.

– Еще раз с Верой увижу, убью!– прорычал он.

Тощий ухмыльнулся еще шире:

– Ну-ну, давай человек-гора, валяй. Ты ж ничего другого-то не можешь!

Сева вытаращил на него глаза. Он чувствовал себя сейчас примерно как, некогда, Васька Зубов, приведенный в полное

смятение наглостью маленького щуплого Вовки Телянина.

– Отстань от Веры!– заревел Сева.

– Да ты сам от нее отстань. – сказал Вован насмешливо глядя снизу вверх на своего собеседника. – Ты чего думаешь, что набьешь мне морду, и она к тебе вернется. Да не вернется она к тебе. Потому, что не любит тебя. Ты ж ее измором тогда взял. Я ж помню, как ты таскался за ней, как к институту приезжал. Очаровывал ее своей неземной красотой, идиот ты, распрекрасный. Мужественностью своей. Да ты же охотился за ней как за призом, потому, что она не упала к твоим ногам сразу, не растаяла как другие. Да такие, как ты, жить не могут, если своего не получают.

Сева так и стоял с вытаращенными глазами, открывая и закрывая рот как рыба, силясь, что то сказать. Ему очень хотелось врезать по этой нахальной ухмыляющейся физиономии, но он продолжал стоять и молча слушать наглого недоноска в импортных шмотках, не в силах двинуться с места.

– Ты думаешь, ты сам любил ее? Да ты просто хотел ее, как хотят вещь, красивую куклу. Ты хоть раз поинтересовался, о чем она думает, о чем мечтает, чего хочет? Ты знаешь, что у нее внутри творится? Какая она? Что для нее важно?– Вован уже не ухмылялся. Он уже почти кричал, гневно сверкая глазами на застывшего Севу.– Если ты ее действительно любил, хоть чуть-чуть, оставь ее в покое. Отпусти ее и иди своей дорогой. Живи сам и дай жить ей. Исчезни.

Последние слова Вован произнес уже спокойно, почти пе-

чально. Из Севиной груди вырвался не то хрип, не то всхлип, плечи его поникли, он развернулся, и медленно пошел в сторону улицы, какой-то шаркающей, стариковской походкой.

– Блин, а ведь он бы меня изуродовал!– не то удивленно, не то восхищенно сам себе сказал Вован, поправляя куртку. Веселая ухмылка снова расплзлась по его лицу. «Все-таки передались мне от папеньки способности к дипломатии. Может зря я из МГИМО ушел в архитектурный, больших высот мог бы достичь»– веселился про себя Вован, поднимаясь по лестнице на второй этаж к своей квартире.

После школы Сергей поступил в Бауманский, но ко-всеобщему удивлению, решил сначала отслужить в армии, а начать учиться уже по возвращении.

– Ты чего совсем дурак?– возмущался тогда Вован.– Нахрена тебе эта армия, у тебя в институте военная кафедра, тебе вообще служить не надо. Но у Сергея были свои представления о жизни, и он ушел служить, добровольно. Вована Родион Петрович пристроил, естественно, в МГИМО. Вовану было все равно куда. Ему нравилось только рисовать, но он не рассматривал это увлечение как занятие на всю последующую жизнь. Он рисовал для себя, получая от этого удовольствие, а сделать это своей профессией, значит перестать получать наслаждение от любимого занятия, считал Вован.

Кое-как, в основном, стараниями отца он отучился в

МГИМО два курса. Почти все эти два года он пил, посещал вечеринки и торчал по барам с такими же бездельниками, сыновьями богатеньких папаш, как и он сам. Учеба занимала в его жизни очень маленькое, практически незаметное место. После окончания летней сессии, когда Вован с горем пополам был официально переведен на третий курс, он, вернувшись как-то домой сообщил родителям, что забрал документы из института и перевелся в архитектурный, да еще и на первый курс, потому, что там совершенно другая программа.

Алина Николаевна схватилась рукой за сердце, на этот раз не театрально, как обычно, а вполне по-настоящему. А Родион Петрович, в первый раз в жизни, позволил себе наорать на сына и, даже, обозвать его идиотом несчастным. Вован был не из пугливых, родительский гнев не привел его в трепет, преспокойно усевшись за стол он заявил:

– Мне там не нравилось. Это не мое. И вообще, в этом МГИМО одни папенькины сынки учатся. Пустоголовые, с самомнением размером с Австралию. Я хочу быть архитектором.

Обретя дар речи, Алина Николаевна попыталась образумить сына:

– Володя! Ты понимаешь, что папа приложил очень много усилий, что бы ты учился в престижном вузе и получил профессию, которая позволит тебе всю оставшуюся жизнь заниматься интересной, важной и хорошо оплачиваемой работой, быть уважаемым человеком. И мы не для того потра-

тили столько сил и своих нервов, что бы наш сын в конце концов стал каким ни будь третьеразрядным проектировщиком в каком-нибудь захудалом конструкторском бюро.

Алина Николаевна повернулась к мужу.

– Родик! Ты должен завтра же договориться о переводе Володи обратно.– Родион Петрович не успел ничего ответить, потому, что Вован, все это время с невозмутимым видом поедавший виноград из вазы на столе, ожидая пока родители, наконец, выпустят пар и успокоятся вдруг резко встал и сказал очень твердо:

– Если кто-то из вас хоть пальцем пошевелит по поводу моей учебы, я уйду из дома, и больше вы меня не увидите.

Алина Николаевна снова схватилась за сердце, похватила ртом воздух, а Родион Петрович, хоть и был зол на сына, но даже испытал некоторое чувство гордости, за неожиданную твердость.

Через пару минут Алина Николаевна взяла себя в руки и сообщила своим мужчинам, что через пять минут будет обед.

Вопрос о будущей профессии Вована был решен раз и навсегда.

Декабрь 1990г.

В декабре начались обильные снегопады, задул сильный ветер. Начались страшные северные метели. Во время работы снег слепил глаза, моментально заполнял собой все склад-

ки одежды, а ветер дул с такой силой, что только что не сбивал с ног. Невозможно было дышать, ледяной наполненный мелкими острыми снежинками воздух обжигал горло и легкие, к концу дня все были измотаны до предела.

– Ничего, ничего!– подбадривал ребят Николаич, похожий на Деда Мороза с залепленной снегом бородой и усами.– Мы тут для того и работаем, что бы испытывать технику в самых, что ни на есть суровых условиях.

Пара человек серьезно простудилась, и Эрчим отпаивал, заболевших какими-то травами, которые он заваривал в небольшом жестяном чайничке. Растирал их тюленьим жиром, привезенным из родного села. И вскоре больные перестали страшно кашлять по ночам, а через несколько дней они уже вновь вернулись к работе. Молодой якут, казалось, не знал усталости, ни мороз, ни страшная метель были ему нипочем. После ужина он доставал странный маленький музыкальный инструмент и играл на нем какие-то свои печальные якутские мелодии.

Еще до начала метелей, Николаич планировал отправиться в город 20 декабря. Нужно было и к встрече Нового года подготовиться, но из-за погоды поездка снова задержалась, на этот раз к радости всех, ненадолго. 24 декабря во время завтрака начальник объявил, что сегодня поедет в город и предложил, в честь предстоящего праздника, сделать заказы, кому, что нужно купить.

После завтрака Сергей подошел к Николаичу.

– Иван Николаич, можно мне сегодня с вами поехать?– спросил он. Николаич хитро посмеиваясь в бороду, подмигнул Сергею.

– И чего тебе в том городе надо? Небось, в Москву девушке звонить собираешься?

Сергей кивнул.

– Ну, поехали Ромео. Только ты учти, тут тебе не Москва. Тут у них телефон междугородний через раз работает. Если повезет – позвонишь, а нет, так уж не обессудь. Это я тебе к тому, что бы ты в случае чего не сильно расстраивался.

Николаич хлопнул Сергея по плечу и велел быть готовым к отъезду через полчаса.

Дорога на этот раз показалась Сергею менее мучительной, чем в первый раз, когда они ехали из аэропорта до лагеря. Возможно от того что его мысли были сосредоточены на предстоящем разговоре с Верой, вернее на возможном разговоре. Правда в Москве будет глубокая ночь, когда они доберутся до города, и он, наконец, сможет позвонить, но он надеялся, что она его простит и надеялся, что она будет рада, и надеялся... Он надеялся, на все сразу и просто хотел услышать ее голос. Он настраивал себя на то, что даже если позвонить не удастся, то , наверняка в аэропорту его будут ждать письма и от нее в том числе. И от матери, и от Вована. В любом случае, он был рад выбраться ненадолго из лагеря. Однообразный пейзаж и дни, почти не отличающиеся один от другого порядком надоели за прошедшие два с половиной

месяца, проведенных в лагере.

Доехали они довольно быстро, но в пути Эрчима, с которым ехал Сергей в одном вездеходе, насторожил какой-то звук в работе двигателя. И, когда они с Сергеем приподняли тяжелую крышку, под которой находился мотор, Эрчим покачал головой и сказал, что возможно сегодня придется заночевать здесь. Поломка была серьезная.

– Хорошо, что в пути не застряли, – сказал он. – Хотя, если бы раньше остановились, и проверили, легче было бы починить.

Сергей с Николаичем и Пашей Головиным отправились к зданию аэропорта, узнавать о присланном для их бригады грузе из Москвы, а Эрчим занялся двигателем вездехода. Сергей пообещал вернуться и помочь, как только управится с делами. Якут беззаботно улыбнулся:

– Не торопись, делай свои дела. Еще успеешь помочь. Это надолго, – он постучал по закопченным внутренностям машины.

Забрав ящики с инструментами и запчастями, продукты и запас горючего они погрузили все в один из вездеходов. После чего Николаич, специально немного помедлив, поддразнивая Сергея, распаковал почту и, выбрав несколько конвертов, протянул ему.

– Ишь, как его разобрало! Аж, пританцовывает. – Улыбаясь, сказал он Паше Головину. Сергей, радостно схватив конверты и, обнаружив среди них долгожданное письмо от Ве-

ры, спрятал все в карман и уже на ходу крикнул:

– Я пойду, попробую позвонить.

– Беги, беги, звони своей ненаглядной,– сказал Николаич и почти мечтательно добавил.– Любовь...

Телефон безжизненно молчал. Сергей разочарованно повесил трубку на рычаг.

– Девушка, а вы не знаете, телефон когда починят?– обратился Сергей к румяной пышнотелой буфетчице.

– Да кто ж его знает.– Пожала она плечами.– Обрыв на линии. Снегопады-то, какие были.

По расстроенному лицу Сергея она, со свойственной женщинам проницательностью, догадалась, что для него звонок по межгороду связан с сердечными переживаниями.

– Вить!– крикнула она, куда-то вглубь зала, звонким сильным голосом.– Слышь! Вить! Телефон, когда обещали починить?

– С утра ребята заезжали, может к вечеру починют. Сказали, что провода в нескольких местах оборвало. Если найдут где обрыв, починют.– отозвался невидимый Витя.

– Может к вечеру,– заботливо глядя на Сергея повторила она слова Вити.– У тебя самолет то во сколько? Может, еще и успеешь позвонить.

Сергей поблагодарил сердобольную буфетчицу и отправился искать своих.

С вездеходом провозились до вечера. Николаич, оставив ребят чинить машину отправился на попутке в город, нужно

было кое-что купить, сверх присланного из Москвы, и попробовать добыть то, что назаказывали ребята.

– Все работает.– Сообщил Эрчим, подходя к Николаичу, дремавшему в зале аэропорта, в ожидании пока закончат с ремонтом.

– Переночуем здесь. С утра пораньше выедем.– Сказал Николаич. Ночью по темноте ехать было опасно. Да и смысла не было. Только измотаются все и не выспятся. Ребята и так почти целый день возились с этой железякой, устали.

Перекусили в буфете. Буфетчица дружески кивнула Сергею.

– Ты еще здесь? Не починили еще телефон. Но ты не унывай, может, еще и успеют, до твоего самолета.

Паша заржал:

– До его самолета еще новую телефонную линию успеют проложить.

Сергей пихнул его в бок.

Он несколько раз за день проверял телефон, но в трубке, по-прежнему, было глухо. Сев в сторонке от остальных, Сергей достал письмо от Веры и начал читать.

«Здравствуй Сережа.

Получила твое письмо. И ругаю себя последними словами, что не сказала тебе сразу. Я рассталась со своим женихом и не выхожу замуж. Не могла и не хотела врать. Сказала, что поняла, что не люблю его. Не стала тебе говорить, из-за какой-то глупой боязни, что навяжусь тебе какие то обя-

зательства. Прости меня, пожалуйста. Я ужасно скучаю по тебе. И хочу, чтобы ты знал, что я думаю о тебе постоянно. Жду тебя и не знаю, как прожить то время, что еще осталось до твоего возвращения ...»

Прочитав начало письма, Сергей долго сидел глядя перед собой. Облегчение, радость, чувство необыкновенной легкости и счастья наполнили его. Ему хотелось закричать, заорать на весь зал, сообщить всему миру, что девушка, которую он любит, ждет его, что она не выйдет замуж за другого, что она будет ждать его, Сергея. Ему было так хорошо.

– Серег! С тобой все нормально?– полушутя, полуобеспокоенно спросил Паша, заметив, как неподвижно сидит Сергей, уже несколько минут, глядя в одну точку, куда-то перед собой.

– Все отлично! У меня все отлично!– улыбаясь до ушей, сообщил Сергей.– Пойду, телефон проверю.

– Господи, что любовь с людьми делает. Нормальный парень, а письмо от девчонки прочитал, и крыша напрочь съехала. Николаич, как считаешь, пока до лагеря доедем, оклемается пацан, работать сможет?– заржал Паша.

– Балабол, ты, Пашка, тебе лишь бы позубоскалить. А у человека чувства,– улыбнулся Николаич.– Молодой он еще, зеленый. И, видать, в девушке своей души не чает. Скучает человек, а тебе все смешно.

Предприняв очередную, безуспешную попытку дозвониться Сергей вернулся на свое место и продолжил читать.

Письмо было длинным, почти как он и просил при расставании, Вера писала об учебе, о погоде, о прочитанных книгах, целая страница содержала рассказ о новых подвигах Вована. Подписано письмо было «Твоя почти незнакомка». Сергей аккуратно сложил драгоценные листки и убрал в нагрудный карман рубашки.

Затем Сергей прочитал письма от мамы, от Вована и от Алины Николаевны, которая сочла своим долгом написать «своему дорогому голубчику Сереженьке».

Спали на жестких, неудобных сидениях зала ожидания. Сергей каждые полчаса проверял треклятый телефон, впрочем, уже не надеясь на результат, а так на всякий случай. К тому же в Москве сейчас был день и Вера, скорее всего, была в институте.

В три часа ночи Сергей решил сделать последнюю попытку и даже вначале не поверил собственным ушам, когда в трубке послышался гудок. Дрожащими пальцами он набрал код города и номер Веры. Как он и опасался трубку никто не взял. На всякий случай Сергей попробовал позвонить матери, но тоже безрезультатно, мать была на работе. Оставалась последняя надежда дозвониться хоть куда-нибудь. Сергей набрал номер Теляниных.

– Алло!– бодро отозвался голос Алины Николаевны, немного искаженный помехами на линии.– Алло! Говорите, слушаю Вас.

– Алина Николаевна! Здравствуйте, это Сергей.

– Господи! Серезенька, мальчик ты мой дорогой! Сереза, как ты там? У тебя все в порядке? Ты не болеешь?– засыпала энергичная Алина Николаевна Сергея вопросами.

– У меня все замечательно, Алина Николаевна. Я хотел Вас попросить передать Вере Ковальской, Вовка с ней вместе учится, Вы ее, наверняка знаете...

– Верочку! Конечно, я знаю Верочку, такая милая, хорошая девочка. Володя сказал, что вы... что у вас...– Алина Николаевна замялась, не зная как правильно подобрать нужное выражение, не словами же сына, который назвал это «любовью-морковью и всеми делами».– что у вас отношения.

– Алина Николаевна, передайте Вере, пожалуйста, что я получил ее письмо, и что я очень-очень рад. И скажите, что я пытался ей дозвониться, но сначала телефон не работал, а сейчас она, наверное, в институте. Я попробую еще попозже позвонить, мы здесь еще несколько часов будем. И маме передайте, тоже, что я звонил и что у меня все хорошо.

– Хорошо, мой дорогой, все передам. Сереза, что тебя понесло на край света? Мы все волнуемся. Ну ладно, не буду тебя учить. Взрослый уже. Целую тебя мой милый.

Проснувшись в шесть утра, Сергей снова рванул в телефонную будку, вдруг Вера уже вернулась с занятий. Но трубка вновь встретила его уже знакомой тишиной. Сергей с раздражением швырнул ее на рычаг. Через полтора часа, наскоро перекусив, они отправились в обратный путь. Телефон

так больше и не ожил.

-Ковальская, хватит жрать!— Вован с отвращением проводил взглядом остатки третьего эклера, исчезнувшего в маленьком, хорошеньком ротике Веры. На тарелке лежал еще один. Взяв его двумя испачканными шоколадной глазурью пальцами, и, откусив большой кусок, Вера принялась медленно жевать, не обращая внимания на Вована. Вера обожала сладкое, а эти эклеры с шоколадным кремом, продававшиеся в институтском буфете, были ее любимые.

Вован из сладкого признавал только фрукты. А сегодня он пребывал в дурном настроении, мучаясь похмельем после очередной гулянки накануне вечером. И вид еды, в принципе, вызывал у него этим утром неприязнь и тошноту. Он хотел как всегда, после пьянки, прогулять занятия, но жесткая мать, застукавшая его в три часа ночи, пьяным в коридоре их квартиры, сегодня с утра разбудила несчастного сына и, не слушая его жалобных причитаний, отправила в институт.

— Ковальская, будешь столько есть, скоро превратишься в жирную, страшную тетку. Вон, смотри, у тебя уже второй подбородок намечается.— Вован ткнул пальцем в сторону худенькой тоненькой шеи.— А там и третий не за горами. Оглянуться не успеешь, а ты уже бегемот. И Серега тебя бросит. И будешь ты толстая и страшная, и ни кому не нужная. Заведешь себе кота или двух и будешь целыми днями сидеть с

ними в кресле и жрать пирожные.

Вован так увлекся печальной и пугающей перспективой Вериного будущего, что даже забыл про свое плачевное состояние.

– Заткнись!– смеясь, сказала Вера, расправившись, наконец, с последним эклером.

Они вышли из буфета и направились в сторону аудитории, в которой через несколько минут должна была начаться следующая лекция.

– Ты знаешь, что, если есть столько сладкого, то мозги засахарятся, а сверху заплывут сахарным сиропом,– не унимался Вован.

– Телянин, не у всех рацион состоит из водки и пива. Кстати, чем там мозги заплывут от такого питания?

Они были уже в двух шагах от дверей аудитории. Вован остановился и с торжественным видом посмотрел на Веру.

– Ковальская! Вот ты знаешь, хоть мозги у тебя и засахарились, но иногда, в них появляется некий проблеск, здравого смысла, и ты говоришь просто гениальные вещи!– Вован развернулся и направился в обратную сторону.

– Ты куда?– крикнула Вера.

– Пиво пить. Я сегодня не ел еще. Пойду, позавтракаю, а заодно и пообедаю.

Размечтавшись о кружечке холодненького пива, Вован не заметил приближения, идущего ему навстречу, преподавателя и с разгону налетел на него.

– Извините Виктор Борисович!– с самым виноватым видом сказал Вован.

– А куда это, Вы, Телянин, собрались? Лекция-то у нас с Вами будет там.– Виктор Борисович любезно показал рукой нужное направление.

– Да Ковальская забыла учебник на прошлой лекции в другой аудитории. Она вообще такая растяпа, все время все забывает. А я же не могу не помочь человеку, вот и бегаю целыми днями по всему институту за ее вещами. Она ведь изведется вся, если я ей учебник сейчас ни принесу, такая нервная. Я бегом одна нога здесь другая там.– Заверил Вован.

Виктор Борисович был третий калач, на своем веку повидавший не одного такого Телянина. Обняв Вована за плечи и, развернув в нужном направлении, он повел его к распахнутой двери.

– Ничего Телянин. Никуда Ваш учебник не денется. На следующей перемене сбегаете, одна нога здесь другая там.

Едва досидев до конца лекций Вован начал уговаривать Веру поехать к нему в гости. Вера отнекивалась.

– Да ладно, Ковальская, поехали. Чего тебе дома то делать?– говорил Вован, таща ее за собой в сторону дороги. Вытянув руку, он пытался поймать машину, не на метро же тащиться в таком состоянии.

– Да не ломайся, поехали, тем более ты пирожных нажралась, не объешь нас бедных.

Вера возмущенно выдернула руку.

– Да ладно-ладно. Накормим мы тебя, не переживай.

Остановилась машина и Вован, чуть ли не насильно втолкнул в нее Веру.

– Вер, ну мне очень нужно, что бы ты со мной поехала.

Меня мать ночью застучала, когда я вернулся. Я, чего-то равновесие потерял, и сшиб ее любимый, дурацкий столик в коридоре. Вообще не понимаю, зачем он нужен, совершенно бесполезная вещь. Ну, шум, грохот, маман выбегает из спальни, а тут я спасаю ее столик, сидя на четвереньках. Одна ножка у меня в одной руке, другая в другой, а все остальное на полу передо мной. Мать кричит: «Что случилось? Это же антиквариат?» А потом на меня глянула и про антиквариат забыла и уже кричит: «Что случилось? Ты почему в таком состоянии?». А с утра разбудила меня в 7 часов, представляешь? А ведь всегда говорила, что любит меня, я даже верил, – пожаловался он на свою несчастную, полную трудностей и лишений жизнь.– Так, что сегодня она меня начнет воспитывать и лекции о моем поведении читать. А если я тебя приведу, при тебе она не станет. Здорово я придумал? И к тому же она тебя любит. Все время говорит...

Что все время говорит Алина Николаевна Вера так и не узнала, потому что, заехав во двор старинного дома, машина остановилась, и Вера отправилась спасать Вована от материнских нравоучений.

Услышав, как хлопнула входная дверь навстречу Вере и

Вовану выплыла Алина Николаевна.

– Ой, Верочка! Ой, какая жалость!– увидев Веру, всхлинула она, прижимая руки к груди.

– Да ладно, мам, она же к нам не навсегда!– сострил Вован.

– Володя, прекрати!– прикрикнула на него мать.– Верочка, милая моя!

Устремившись вперед, Алина Николаевна нежно обняла Веру, прижимая ее худенькое тело к своей монументальной груди, продолжая всхлипывать при этом. Вера испуганно посмотрела на нее.

– Алина Николаевна, что случилось?

– Мам, чего ты ее пугаешь? Ковальская у нас нервная, легковозбудимая. Чего случилось-то?– тоже забеспокоился Вован.

– Прекрати называть Верочку по фамилии, у нее есть имя и очень красивое.– Отчитала сына Алина Николаевна. И, выпустив, наконец, Веру из объятий, повела ее на кухню.– Пока вы были на занятиях, звонил Сережа. Просил тебе передать, что очень скучает и еще, что получил от тебя письмо и очень рад.

– Как трогательно! Я сейчас зарыдаю!– сказал Вован. Одарив сына взглядом великомученицы, Алина Николаевна ласково погладила Веру по голове.

– Сейчас я вас накормлю.– Сказала она, извлекая из недр холодильника кастрюлю за кастрюлей и сверток за свертком.

– Я, есть не буду.– Заявил Вован, с ужасом глядя, на гору еды, выставленной матерью на стол.– А Верка, наверное, уже проголодалась, она сегодня всего десять эклеров съела, да тут еще такое потрясение. Удивляюсь, как она вообще на ногах еще держится, не падает в голодный обморок.

– Володя! Ну, в кого ты такой?– умоляюще посмотрела на сына Алина Николаевна.– Тебя воспитывали в интеллигентной семье. С детства учили быть вежливым мальчиком. Ну почему ты все время несешь, бог знает, что?

– Да не знаю я, мам. Само как то получается. Я не специально.– Обезоруживающе улыбнулся Вован.

– Верочка, ты такая худенькая, я тебе две котлетки положу,– сказала заботливая хозяйка.

– Давай–давай. Она скоро ни в одну дверь не пройдет со своими эклерами и с твоими котлетами. В бегемота превратиться. Мы тут на профсоюзном собрании решили скинуться на новые двери для института, что бы Ковальская смогла в них спокойно проходить, ей же нужно институт закончить, а то, что же, она так необразованная и останется.

–Володя!!!– полным страдания голосом крикнула Алина Николаевна и, обращаясь к хохочущей Вере, сказала.– Верочка, извини. Это, видимо, из-за того, что мы Володю в детстве слишком часто с бабушкой оставляли, это ее воспитание его испортило. Я говорила твоему отцу, что нельзя так часто уезжать, что нужно больше времени уделять ребенку.

– Да ладно, мам. Нормально меня бабушка воспитывала.

Старалась старушка, как могла, не покладая рук, можно сказать,— ухмыльнулся Вован, вспомнив какие трепки устраивала ему бабушка, крича при этом: «Чертово отродье, да что ж это за наказание такое? Ты ж меня в могилу сведешь, паразит ты этакий!».— Ну, просто я такой вот получился. Вы меня хорошо воспитывали, правда, мам. Вы у меня замечательные родители, а уж терпеливые...

Алина Николаевна растроганно обняла Вована и поцеловала в макушку с торчащими, в разные стороны волосами.

Когда Вера собралась уходить, Вован вскочил и двинулся следом за ней к двери.

— Я Веру провожу, а то она еще заблудится, она вообще плохо дорогу находит, хорошо хоть как до института добираться запомнила. — Зататорил Вован, протискиваясь мимо матери.

— Верочку на машине отвезут, я уже предупредила Валеру. А с тобой у нас будет серьезный разговор, по поводу вчерашнего.— Алина Николаевна многозначительно покосилась в угол, где аккуратной кучкой были сложены останки антикварного столика.

Вован обреченно вздохнул и сел обратно на свой стул. «Блин, день обломов! А ведь как хорошо бы сейчас пошла кружечка пива»— подумал он, с тоской глядя в кухонное окно, за которым были свобода и пиво...

Отмечать Новый год Телянины пригласили Веру к себе.

– Мама сказала, что бы я обязательно тебя уговорил прийти к нам. Так, что сама понимаешь, выбора у тебя нет, – в своей обычной манере заявил Вован. – Она вообще, почему-то считает тебя очень милой, хорошо воспитанной девочкой. Такая странная! Ну, она вообще иногда чудная бывает, ты же ее знаешь, – ухмыльнулся Вован.

– Как говорит, Сереже повезло, как я за него рада. Они будут такой красивой парой! Ну, просто оборжаться можно! Пигалица и шкаф. Маленький тараканчик и медведь.

Вера отвесила Вовану подзатыльник.

– Вот я и говорю, ввела в заблуждение, мою доверчивую родительницу. Она же не знает, какое чудовище скрывается под маской милого невинного личика. – Потирая затылок, продолжал веселиться Вован.

Соня звала Веру отмечать в свою компанию. После сообщения об отмене свадьбы, сестры сильно поругались. Соня не могла понять, как Вера может быть такой безответственной и даже к такому серьезному шагу как замужество подходить как к какому-то совершенно незначительному событию. Хочу, выйду замуж, не хочу, не выйду. В результате наговорили друг другу обидных слов, и долго дулись по разным комнатам, не желая ни одна, ни другая сделать шаг к примирению. В конце концов, Вера решила, что хуже уже не будет и решила все-таки поговорить с сестрой, помириться. Соня к тому моменту тоже уже остыла, ей надоела тягост-

ная атмосфера вражды. В общем, сестры помирились, а через какое то время, Соня боявшаяся, что Вера теперь совсем пойдет в разнос, с удивлением, а потом даже с тревогой стала замечать, что Вера стала какая-то тихая, грустная. Почти никуда не ходит, после занятий, чаще всего сразу приезжает домой, лишь изредка, выбираясь куда-нибудь, и то возвращается рано. Понаблюдав за младшей сестрой, Соня решила поговорить, может Вера жалеет о своем решении и поэтому теперь грустит и не знает, что ей делать. Но, на Сонины вопросы, Вера сказала, что на нее не угодишь. То она несерьезная вертихвостка, то теперь сидит дома и опять все не так. Соня махнула рукой. Может у Верки переходный возраст какой-то запоздалый. У нее вообще все не так как у нормальных людей.

– Поедем с нами отмечать, – звала Соня.

– Нет, меня Вовка Телянин к себе пригласил.

Заметив вопросительно приподнявшиеся брови сестры, Вера решила прояснить положение вещей.

– Мы просто дружим. Будем мы и его родители. У них очень интересная семья.

Соня решила не лезть. Пусть делает, что хочет. В конце концов, Вера уже совершеннолетняя и быть ее нянькой Соня не занималась.

У Теляниных приготовления шли полным ходом. Алина Николаевна наготовила столько, что можно было еще чело-

век десять пригласить и все равно все бы не съели.

– Мама радуется, что хоть сегодня можно будет больше центнера в кого то впихнуть, а то мы с папой малоежки и мама страдает. Верка, ты же осилишь больше центнера? Я в тебя верю. Ты, на эклерах натренировалась, так, что все будет отлично, порадуешь маму.

– Володя! Ну, хоть сегодня можно обойтись без своих дурацких шуточек.– Возмущалась Алина Николаевна.– Вот, возьми лучше пирожки. Отнеси на стол. И вот этот салат.

– Ковальская, ты, где будешь сидеть? Я пирожки поближе поставлю, что бы ты через весь стол не тянулась когда захочешь в себя их засыпать все разом.

– Володя!– крикнула в отчаянии Алина Николаевна.– Верочка, милая, как ты его выносишь? Он и в институте так себя ведет?

– Да все нормально, Алина Николаевна. Просто у него чувство юмора такое, и энергия бьет ключом. С ним весело и он хороший друг.– Уверила Вера несчастную мать.

– Да вообще Володя добрый мальчик,– согласилась Алина Николаевна.– Просто болтает все, что в голову взбредет.

Стол ломился от вкусной еды. В дальнем углу комнаты стояла очень красивая пушистая живая елка, увешанная какими-то необыкновенными елочными игрушками сказочной красоты.

– Какая у вас елка!– восхитилась Вера.

– Я так люблю Новый год и елку признаю только настоя-

шю, никакой пластмассы.— Сказала Алина Николаевна.

— Очень красивая.— Вера потрогала пушистую колючую веточку, пахнущую хвоей, и почему то этот запах напомнил ей о Сергее, в памяти всплыло его лицо сильные руки, его улыбка. Радостный голос Вована вернул ее к реальности.

— Конечно красивая. Перед Кремлем другие не сажают. Папа вчера всю ночь пилил. Им на работе специальные пропуска выписали. Одна елка в одни руки.

— Володя!!! Ты, что с ума сошел?! Ты думаешь, что ты говоришь?— взвизгнула Алина Николаевна.

— Да ладно, Верка ни кому не скажет. Правда, Вер?

— Ты меня в могилу сведешь своими шуточками,— сердито сказала мать.

Пришел Родион Петрович, увешанный подарками для всех собравшихся. Праздник получился на славу. Было весело и по-домашнему уютно. Как в детстве.

Когда пробили куранты, и все выпили шампанское и поздравили друг друга, Вован взял Веру за руку и потащил в коридор одеваться.

— Куда ты собрался?— встревоженно спросила его мать.

— Ну, все Новый год закончился. Отведу Верку к метро. Когда откроется, домой поедет.

Алина Николаевна издала то ли стон, то ли всхлип.

— Да шучу я, мам, шучу. Мы с друзьями договорились в центре встретиться, погулять. Буду смотреть за твоей любимой Верочкой. Как за родной, не переживай.— Он неж-

но чмокнул мать в нос. – С новым годом, мам! Пока пап, с Новым годом! Ну что, Верка, идти-то сможешь? Вон, какое брюхо наела, тяжело небось? Ничего, сейчас растрясем.

Бригада Сергея отмечала праздник весело и шумно. В одном из вагончиков накрыли стол. Было ужасно тесно, но никто не жаловался. У всех было отличное настроение.

Елки не было. Ее просто негде было взять. Но у Николаича, уже который год, встречавшего этот праздник в полевых условиях, была припрятана коробка с елочными игрушками и даже гирлянда. Повесили шарики, зажгли разноцветные лампочки, и сразу в вагончике стало как-то уютно и нарядно. Николаич с Эрчимом притащили здоровенный мешок и начали раздавать подарки. Оказывается, многим родные прислали к Новому году посылки, а тем, кому посылка не пришла, Николаич сам приготовил, что-нибудь к празднику. Зиме достался блок сигарет. Сане Морозову, у которого, никого из близких не было, была подарена гитара, которую Николаич выпросил у мужика в аэропорту. Он хотел ее купить, но мужик, узнав, что они зимуют, отрезанные от города, от людей, просто подарил гитару, пожелав, что бы она радовала их долгими зимними вечерами.

Кукушонку посылку из дома прислали, но Николаич тоже приготовил ему персональный сладкий подарок: конфеты и печенье. И Кукушонок, со счастливым видом лопал шоколадные конфеты и угощал всех остальных.

Перед Сергеем Николаич поставил внушительных размеров ящик.

– Уж не знаю, что там тебе прислали. Может телевизор?— со смехом сказал он.

Оказалось, что посылка «общая». То есть от Теляниных, от Веры и от мамы. Это Алина Николаевна придумала собрать все вместе. Вера прислала Сергею теплый, очень мягкий свитер и зажигалку Зиппо, не задуваемую на ветру. Мама теплые носки, связанные своими руками. Вован прислал коробку самых настоящих сигар и бутылку виски. Ребята взвыли от восторга, когда Сергей выставил это богатство на стол для общего пользования. А Алина Николаевна устала дно ящика, в два ряда, всевозможными консервами. Тут были и крабы, и икра, и маринованные огурчики, и шпроты, и ананасы. Все это также пошло к общему столу и ко-всеобщей радости. Во времена, когда в стране вообще напряженно было с продуктами, а в лагере, так и вовсе, еда была однообразной, такие богатства казались самым, что ни на есть замечательным подарком. Последним из даров оказалась завернутая во множество слоев бумаги, чтобы не разбилась, бутылка импортного шампанского.

– Сидим как какие-нибудь английские лорды.— Попыхивая сигарой и отпивая глоток дорогого виски из алюминиевой кружки, радовался Генка Рыжов.

Когда до двенадцати часов осталось несколько минут разлили шампанское. Ровно в двенадцать дружно чокнулись,

выпили по глотку. Виски давно уже закончился, и Николаич выставил на стол водку. Пять бутылок, ради праздника, по полбутылки брата.

– Смотрите, как Кукушонок наяривает!– засмеялся Паша, глядя как Кукушонок жадно допивает шампанское из кружек. Что бы освободить кружки под водку перелили все остатки шампанского ему, все равно шампанское никто не пил, так налили по традиции, пригубили и все. Кукушонок, вообще никогда не пивший спиртного, быстро вошел во вкус. Сладковатый газированный напиток показался ему восхитительным. Быстро допив содержимое своей кружки, он потянулся за бутылкой и налил себе еще.

– Смотри май беби, утром головка будет бо-бо.– Предостерег его Генка. Но Кукушонок, уже успев немного охмелеть с непривычки, только блаженно улыбался, потягивая приятную жидкость из кружки.

Саня Морозов взял гитару и, пробежав пальцами по струнам и немного подкрутив колки, что бы настроить инструмент под себя, запел печальный старинный романс. Все притихли, слушая грустную мелодию. Кто-то вспоминал о доме, об оставшихся далеко-далеко любимых, родных, друзьях, а кто-то грустил о не сложившейся жизни и о тех с кем их разделяет не расстояние, а время.

Когда песня закончилась, Николаич сказал:

– Давай-ка, чего-нибудь повеселее, Сань. А то щас вся бригада затоскует, и еще заплачет кто-нибудь, и мы тут по-

тоном в слезах.

Саня ударил по струнам и запел веселую, даже хулиганскую песню, про молодку, которая шла по воду и встретила молодого красивого парня, и про то чего они потом вытворяли. Ребята развеселились. Смеялись и подпевали, когда Саня пел припев.

Потом были и веселые и грустные песни. Через какое-то время гитара перешла к Паше Головину. Спев несколько песен, он передал ее Сергею. Сергей сыграл пару военных песен, а потом тоже заиграл грустную песню на стихи Ахматовой. К этому времени уже всем было все равно, веселая песня или грустная. После сытного, вкусного ужина, выпитой водки и от духоты в маленьком, непрветриваемом вагончике всех разморило и клонило в сон. Кукушонок к этому времени уже успел допить бутылку и спал, положив голову на стол.

Стали расходиться. Сергей с Генкой подхватили Кукушонка, Паша прихватил со стола полбутылки водки «на утро», как он сказал, и компания отправилась в свой вагончик.

– Во нализался, дурачина!– посмеивался Генка, укладывая Кукушонка в кровать и заботливо укрывая его одеялом. Все улеглись по своим кроватям и моментально уснули. Сергей проснулся от того, что хлопнула входная дверь. Наверное, кто-то из ребят вышел облегчиться, подумал он. Захотелось пить, и Сергей стал спускаться вниз со второго яруса.

На его место внизу они вчера уложили Спящего Кукушонка. Нижняя постель была пуста. Значит это Кукушонок вышел на улицу. Попив воды, Сергей уже хотел лезть обратно, но тут заметил, стоявшую на столе бутылку, принесенную Пашей. Она была почти пустая. Сергей посмотрел в окно. Ночью опять началась метель. Почувствовав неясное беспокойство, Сергей надел куртку, натянул унты и вышел на улицу. Дошел до маленького домика с покатою крышей.

– Кукушонок.– Окликнул Сергей. Никакого ответа.– Ле-ха!

Сергей потянул за ручку. Дверь туалета распахнулась. Внутри никого не было.

– Кукушонок!– крикнул Сергей. Но, даже если, тот и был где то рядом, то, навряд-ли, услышал бы крик, ветер заглушал звук голоса на расстоянии уже нескольких метров.

– Вставайте,– сказал Сергей, включая в вагончике свет.– Кукушонок пропал. На улице метель. Надо идти искать.

Все начали быстро одеваться. В метель можно заблудиться в нескольких десятках метров от лагеря и замерзнуть на смерть. Нужно было как можно быстрее найти мальчишку.

– Идиот! Еще и водку выжрал!– со злостью сказал Паша.– Надо быть таким дураком. Ведь замерзнет же, уснет где-нибудь. И не найдешь.

– Заткнись!– сказал Генка.– Не каркай.

Взяли фонари, пошли искать. Разбудили тех, кто спал в других вагончиках. Два часа обыскивали лагерь вдоль и по-

перек. Эрчим надел лыжи и поехал искать вокруг. Далеко уйти от лагеря Кукушонок не мог, но, если даже отошел метров на 50-70, найти его, в такую погоду, было очень мало шансов. Все чувствовали себя подавленно. С каждой минутой шансы на успешные поиски уменьшались. К концу третьего часа поисков, когда уже пропала почти всякая надежда найти мальчишку живым, Сергей решил еще раз осмотреть ангар, просто так, там уже искали до этого, просто, что бы что-то делать, что бы, не прекращать поиски, не сдаваться. Сергей обошел ангар, освещая каждый уголок фонарем. И, уже от безысходности, поднялся на ступеньку одного из вездеходов и, распахнув дверцу, осветил внутрь. На полу, привалившись к сидению, сидела скрюченная фигурка. Сергей запрыгнул внутрь и потряс спящего за плечи. Кукушонок что то промычал. «Живой!»— с облегчением подумал Сергей. Взвалив Кукушонка на плечи, он начал выбираться из машины. На полпути от ангара к лагерю его заметили. Подбежали, подхватили Кукушонка. Кто-то побежал искать остальных, что бы сообщить, что поиски закончились благополучно.

– Серег, ты шапку-то, где потерял? Уши, небось, отморозил.— Крикнул Игорь Ильин, пытаясь перекрыть шум ветра.

– Я не заметил,— просипел Сергей севшим голосом.

– Пошли скорее, тебя растереть надо.

Кукушонка раздели и растерли водкой. Сергея Николаич тоже велел растереть. Эрчим намазал Сергею уши, начинав-

шие отходить от мороза и болеть, какой-то целебной мазью из трав.

– Одно ухо, Сергей, ты себе сильно отморозил. Отвалится, не отвалится, но след останется на всю жизнь.– Сообщил якут.

– Ну, все, потребу у Кукушонка одно здоровое ухо, это же из-за него я красоты лишился.– Сказал Сергей.

– Я могу у него пойти прямо сейчас, пока он спит, оба отрезать. Что бы одинаковые были.– Сказал Паша, который ужасно переживал пока шли поиски, а сейчас уже начал успокаиваться, и, на смену тревоге, пришла злость на глупого мальчишку, едва не погубившего себя по собственной глупости.

– Повезло Кукушонку, что Серега чего другое не отморозил,– заржал Генка.

Николаич поставил на стол еще две бутылки. Для согрева.

– Надеюсь, никто в вездеход ночевать больше не отправится?– строго спросил он. Руки у Николаича едва заметно дрожали, он боялся, что живым Кукушонка они уже не увидят.

На следующий день Николаич велел Кукушонку зайти к нему для воспитательной беседы. Ребята подшучивали, отпускали шуточки по поводу умело скрываемого пристрастия к спиртному, но зла никто не держал. Все радовались, что обошлось без непоправимой беды. В молодости, все чудид-

ли, каждый мог вспомнить какую-нибудь историю про себя. Слава богу, все хорошо закончилось и ладно.

Тихий, чувствуящий себя ужасно виноватым, Кукушонок, тенью слонялся все утро по лагерю, а после распоряжения начальства, понуро поплелся к вагончику Николаича. Генка не выдержал и пошел посмотреть в окошко, как будет проходить воспитательный процесс. Подкравшись к домику он аккуратно заглянул в окно, но, к его разочарованию, шторка с обратной стороны была плотно задернута. Остальным тоже стало любопытно. В конце концов, вся бригада собралась у вагончика Николаича. Увидеть ничего было нельзя, зато звуковое сопровождение было самое, что ни на есть интересное. К утру снегопад прекратился, ветер утих, и погода стояла, хоть и морозная, но солнечная и тихая. Вся бригада, посмеиваясь, вслушивалась в доносившиеся из вагончика выкрики Кукушонка:

– Ой, ай! Я больше не буду!

Эти жалобные вопли сопровождались топотом ног, грохотом и периодическими возгласами самого Николаича:

– Я тебе покажу, паразит ты этакий! Я тебя отучу людей до смерти пугать. Сопляк, ты мерзопакостный!

– Не прибьет он там его?– несколько встревоженно спросил Генка.

– Да не, поучит немного ремнем и отпустит.– Спокойно сказал Саня Белов.– В прошлом году, летом, был у нас здесь пацан, чуть постарше Кукушонка. Хотел радиogramму

в Москву отправить. Девушку с днем рождения поздравить. Все лампы попалил в радиопередатчике. Так его Николаич так воспитал, что он дня три ойкал, когда садился. Даже ел стоя.

В этот момент дверь вагончика распахнулась, и из нее вылетел, и, не удержавшись на ногах, скатился, по железным ступенькам вниз, раскрасневшийся, взъерошенный Кукушонок. Застегивая на ходу куртку, он опрометью бросился к своему вагончику.

– Я тебе покажу, паршивец!– погрозил ему вслед Николаич. Заметив собравшихся зрителей, он грозно рыкнул.– Чего тут, за делегация собралась? Еще с кем побеседовать? Давай, милости просим, щас каждому расскажу, что к чему. Ржут они стоят, обрадовались!

– Ой!– кряхтел в вагончике Кукушонок, забившись в угол с кружкой чая.– Я думал, Николаич меня прибьет. Рука тяжелая, ужас.

– Ничего. Николаич он педагог опытный! Знаешь, сколько он тут народа воспитал, и никто не помер!– засмеялся Паша.

Вечером, когда Кукушонок полез к себе наверх, Генка спросил:

– Кукушонок! А ты куда?

Тот с удивлением посмотрев на Генку и, не зная, какой еще каверзы ждать, испуганно пролепетал:

– Спать.

– А мы думали, ты теперь в вездеходе обоснуешься, что

б с утра далеко не ходить. Встал и уже, считай, на рабочем месте.

Генка заржал, а несчастный Кукушонок, как всегда, покраснев до ушей, поскорее скрылся от насмешек товарищей на своем втором ярусе.

Соня вернулась после празднования Нового года, первого января, ближе к вечеру. Вера отсыпалась, после бессонной ночи, проведенной на улицах Москвы вместе с однокурсниками. Услышав грохот и шум, которым обычно сопровождались все Сонины манипуляции по хозяйству, Вера, заспанная, недовольная выползла на кухню, где буйствовала сестра.

– Привет.– Пробурчала Вера, пытаюсь открыть глаза на привычную ширину.

– Привет,– ответила Соня, как показалось Вере, странно-торжественным голосом.

Соня бестолково переставляла кастрюли и совершала какие-то бессмысленные, на Верин взгляд, действия, ничего не спрашивала у Веры и вообще вела себя как то странно. Казалось, что ее так и распирает желание, что то сказать, но по одной ей известной причине она молчит. В общем, Сонька явно была не в себе.

– Что случилось?– спросила Вера.– Встретила живого Деда Мороза?

– Женя сделал мне предложение!– скромно потупив глазки и, как показалось Вере, даже слегка зардевшись, сообще-

ла Соня.

– О!– протянула Вера. На самом деле это «о», в данном случае, означало, что Вера поражена, тем, что тормозной Женя все-таки решился, спустя четыре года, осчастливить Соню и не дать ей состариться в одиночестве. Но сестре об этом знать не обязательно. Пусть считает это выражением восторга.

– Поздравляю. Когда свадьба?

Соня сердито посмотрела на сестру.

– Вера! Он мне только вчера предложение сделал. Что, думаешь, мы прямо в новогоднюю ночь побежали в ЗАГС заявление подавать? Не все же такие быстрые как ты.– Не упустила Сонька случая поддеть младшую сестру.

Вера пожала плечами. Да и пожалуйста. Ей-то, что. Куда торопиться, теперь можно еще года четыре подготавливаться к подаче заявления. А там, глядишь, еще до первых морщин, уже и муж с женой. И вот оно, счастье.

Соня, решив, что несколько перегнула, испытала легкий укол совести. Она то, теперь, счастливая невеста, а Вера одинокая и, как ей в последнее время казалось, несчастная, хоть, и по собственной глупости.

– Может в мае или июне, когда тепло будет,– уже более мягко сказала Соня.

– Ну, я за тебя рада. Если ты сама рада. А ты рада?– на всякий случай поинтересовалась Вера. Соня подозрительно покосилась на сестру, не скрывается ли в вопросе подвох, и,

не найдя к чему придрататься, в конце концов подтвердила, что она очень рада и даже счастлива.

Апрель 1991 г.

Это было странное время. Впереди были перемены, но пока еще не пахло грозой, пока еще жизнь шла в привычном ритме. Как затишье перед бурей. Все замерло в оцепенении, в каком то неестественном застывшем спокойствии. Страна жила, еще не зная о своем скором превращении из нерушимого союза братских республик в страну со странным названием СНГ. А уж до РФ было еще совсем далеко. Великая держава уже шаталась и трещала по швам, но для большинства обывателей это, пока еще было совершенно не заметно. Занимавшееся, то тут, то там, жаркое пламя вражды и беспорядков, касалось только тех, кто был непосредственным участником событий, кого эти волнения задели напрямую. Для большинства людей это были лишь репортажи из вечерних новостей, да газетные статьи, не вызывавшие особой тревоги. Люди привыкли за минувшие десятилетия к установившемуся укладу жизни, к установившимся порядкам. Всем казалось, что это навсегда. Что никаких перемен не будет. Что может случиться? Мы же великая страна, никто не допустит, что бы мелкие раздоры в отдаленных уголках страны переросли, во что-то большее. Людей больше волновало, где взять продукты, одежду, другие необходимые вещи, которых в магазинах становилось все меньше и меньше. Пу-

стые прилавки воспринимались как сиюминутное бедствие, как досадное неудобство, а вовсе не как предвестники чего то серьезного. Еще не грянула буря, не потекли кровавые реки межнациональной вражды. Еще не ринулись тысячи и тысячи беженцев, побросав свои дома и все, что нажито за целую жизнь, лишь бы спасти себя и своих детей. Еще было тихо. Еще несколько месяцев относительного спокойствия впереди. Еще можно просто радоваться долгожданному приходу весны. Весна всегда дает надежду.

Март выдался холодный. Температура не поднималась выше нуля. Все жадно ждали тепла, устав от долгой промозглой московской зимы.

В конце марта родители купили Вовану машину. Алина Николаевна потребовала, что бы водитель Родиона Петровича, Валера, лично провел с сыном курс вождения. После того как Валера уверил ее, что Володя готов к самостоятельному выезду на улицы города, Вован был наконец-то допущен за руль, на правах вполне самостоятельного водителя. Это знаменательное событие произошло пятого апреля, а десятого Вован разбил машину, въехав в мусорный бак во дворе собственного дома. Пострадавших было двое: сама машина и железный бак. Сам Вован отделался шишкой, на голове, полученной, исключительно, из-за собственной небрежности, так как не пристегнул ремень безопасности.

Алина Николаевна готовила обед и обнаружила, что в доме нет хлеба. Вован великодушно предложил матери свою

помощь. В отличие от героини известного фильма, он считал, что наши люди в булочную на такси ездят. А, если у них есть своя машина, то тогда ездят на ней. Взяв, у матери список продуктов, Вован, можно сказать, впервые в жизни, отправился в магазин. Конечно, в детстве его иногда брали с собой мать или бабушка в какую-нибудь булочную или в гастроном. Если, как сегодня, вдруг обнаруживалось, что чего-то нет. Но это было очень давно, и эти походы почти стерлись из памяти Вована. Он только помнил, что в булочной вкусно пахло выпечкой. Булки он не любил, но запах ему нравился. Так, что сегодня он отправился в магазин с радостью, можно сказать. Во-первых, он ехал на собственной машине, во-вторых, испытывал почти гордость как неоплаченный помощник по хозяйству, шутка ли, сходить матери в магазин за хлебом, осчастливить ее, наконец, на старости лет, а, в-третьих, ему почему-то очень захотелось снова почувствовать этот давно забытый запах из детства булок и свежего хлеба. Всю дорогу Вован радостно улыбался. Вот ведь какой он молодец, такая мелочь, а мать счастлива и самому так на душе приятно.

Вован ходил по большому, освещенному холодным белым светом залу гастронома приоткрыв рот и широко раскрыв ясные серые глаза. Как зачарованный смотрел он на пустые полки и прилавки. В овощном отделе он взял сетку полу-гнилого репчатого лука, значившегося в списке, данном матерью. И, просто из любопытства, с опаской, заглянул в здоро-

венный железный контейнер, стоявший посреди отдела. На дне железного ящика, из кучки сухих комков земли, торчало несколько тщедушных, сморщенных морковок. Рядом, в другом, но уже сетчатом контейнере стояли бумажные пакеты с картошкой. Судя по виду, морковь и картошка были с одного поля. Мелкие черные сморщенные картошины, не имели ничего общего с аппетитной гладкой картошкой, которую мешками привозил Валера откуда-то из деревни, и она потом хранилась на лоджии, не чернея и не сморщиваясь. Вован вспомнил, как захлебывалась в школе географичка, рассказывая про разные природные зоны нашей страны, про плодородные земли, дающие богатейшие урожаи, про бескрайние сады полные спелых фруктов. Где же это все? Где все эти урожаи? Неужели советские граждане взяли да и сожрали все сразу? Ведь страна огромная. Как такое вообще может быть? Или это заговор хмурых, и всех как одна упитанных продавщиц этого, отдельно взятого магазина, истребивших все продукты, чтобы покупателям ничего не досталось, и теперь мучающихся несварением. Продолжая пребывать в состоянии транса, Вован добрался до хлебного отдела. Никакой выпечкой тут не пахло, но, по крайней мере, хлеб был на месте. На одном деревянном поддоне лежали батоны белого. Вован взял один. Слава богу, хоть хлеб соответствовал привычному представлению о еде. Хлеб был мягким и пах хлебом, как и положено. Вован двинулся дальше. Ассортимент бакалейного отдела состоял из перловки и соли.

Заказанного матерью риса не было. Вован побрел дальше. Вывеска, висевшая, над прилавком сообщала, покупателям, что здесь продается мясо и молоко. Ни молока, ни мяса не было. За стеклом витрины сиротливо жались друг к другу два пакета кефира, явно оставленные здесь по недосмотру. Рядом лежало десятка два аккуратных прямоугольных брусочков обернутых в желтоватую бумагу, на которой крупными красными буквами шла надпись «Маргарин». Что такое маргарин Вован не знал и решил, что вполне проживет без этого знания и дальше. В списке была ряженка, пока Вован решал, сойдет ли кефир за ряженку, к прилавку подковыляла бабулька.

– Слава богу! Успела! – тихонько восхитилась она и, прижав к груди пакеты с кефиром, переданные ей недовольной продавщицей, бодро посеменила в сторону кассы.

На всякий случай Вован спросил у продавщицы:

– А сыр, колбаса какая-нибудь есть? – ни сыра, ни колбасы в материнском списке не было, это был чисто исследовательский интерес.

Продавщица презрительно хмыкнула:

– Конечно, вон у меня под прилавком полно! Тебе какой?

Вован чувствовал, что все это не реально. Это просто какой-то странный гастрономический сон, неизвестно почему, приснившийся ему.

Володя Телянин вырос в семье, где всегда все было. Он

всегда был малоежкой, и мать радовалась, когда Вовчик хоть что-то просил из еды. Если Вован, вдруг, хотел бутерброд с икрой, в ответ обязательно звучал вопрос, с какой именно икрой он хочет сегодня. Если просил колбасы, Алина Николаевна спрашивала какой колбасы отрезать, предлагая на выбор не меньше трех сортов. Бывали, конечно, случаи когда, что-то, что попросил Володя заканчивалось. Но Алина Николаевна звонила по телефону и, через какое то время, незаменимый Валера привозил полные сумки дефицитных продуктов. Вован не был уж совсем идиотом, считающим, что все живут именно так как его семья. Он бывал в гостях у друзей. И там его не кормили крабами. Но его угощали вкусными щами с мясом, котлетами, бутербродами. Ему не предлагали перловку или сморщенную картошку.

Пытливый, всегда готовый к познанию чего-то нового и любопытного, мозг Вована отказывался воспринять увиденное им сегодня. Он категорически противился принимать и анализировать полученную информацию. Ведь сейчас не война, и мы живем не в какой-нибудь нищей африканской стране. Как живут те, у кого папа не работает в Министерстве иностранных дел? Ведь они, что-то едят. Ведь на улицах не лежат голодные, умирающие люди? Вовану казалось, что в его голове с ужасным скрипом ворочаются старые заржавевшие шестеренки, которые с каждым оборотом вращаются все с большим и большим трудом и сейчас их совсем заклинит.

Подхватив сетку с луком и хлеб, он помчался к кассе. Скорее прочь из этого унылого места, больше похожего на прозекторскую, чем на магазин. Те же стены из белого кафеля и пустые гладкие поверхности прилавков из нержавеющей стали.

На кассе хмурая тетка пробила его немудреные покупки. Вован не удержался и спросил:

– А у вас всегда так?

– Как?– бесстрастно спросила кассирша.

– Да так, нет ничего!

– Вон лук есть, хлеб.– Кассирша кивнула на его покупки. – А ты чего хотел? Крабов?

Она даже рассмеялась собственной шутке. Потом сжалившись над незадачливым покупателем добавила:

– Вон, томатная паста импортная,– кивнула она куда-то в зал.– Бери, пока не расхватали. Тебя ж, небось, мать или жена в магазин послала. Бери, они обрадуются. Дефицит!

– Спасибо.– Поблагодарил Вован, представив, как умрет от счастья Алина Николаевна, увидев такую роскошь. Не зря сына вырастила. Спас семью от голодной смерти, добыл импортную томатную пасту. Теперь не пропадут Телянины.

В глубокой задумчивости Вован вышел на улицу и сев в свою новенькую, бесстыдно сверкающую сытостью и благосостоянием машину медленно поехал в сторону дома. Навстречу ему по улице шла Светка Беляева из соседнего подъезда. Вован, всегда равнодушно относившийся к Светке,

притормозил и высунулся в окно.

– Привет, Свет! А я сейчас в гастрономе был,– сообщил он, считая своим долгом, поделиться своим открытием с симпатичной соседкой.– Представляешь, там вообще ничего нет! Даже колбасы нет!

– Вот новость-то! Сейчас побегу скорей всем сообщу, что б в магазин сегодня не ходили. Там сегодня даже колбасы нет! Вот ужас-то!– Светка с издевкой посмотрела на Вована.– Телянин, ты чего с Луны свалился?

– А чего всегда так?– спросил Вован, видимо решив, устроить соцопрос по этому поводу.

– Володь, ты чего уже и за руль пьяный садишься?– Светка фыркнула и направилась дальше по улице.

Разговора по душам не получилось. Не поделила Светка его переживания. Еще и, совершенно несправедливо, заподозрила в нетрезвом вождении.

– Никакой я не пьяный.– Крикнул Вован.– Вон, смотри, как я сейчас как Шумахер во двор заеду.

Он вдавил педаль газа в пол и рванул с места с такой скоростью, что на асфальте остались черные следы от резины. Неизвестно, какое впечатление это произвело на Светку, но, влетев во двор на бешеной скорости, Вован увидел тощую, облезлую кошку, медленно идущую, через дорогу, буквально в нескольких метрах от несущейся на нее машины. «Тупая тварь», как потом называл ее Вован, подскочила и вздыбила шерсть, но вместо того, что бы бежать застыла на месте,

в ожидании неминуемой гибели. Вован резко выкрутил руль, пытаясь одновременно давить на тормоз. Новенькая машина с грохотом въехала в помойку, смяв мусорный бак и разломав кирпичное ограждение. Вована подбросило и швырнуло в сторону. Удар о боковое стекло был, конечно, не смертельный, но шишку он набил приличную.

Вызванный в срочном порядке с работы Родион Петрович, приехал домой, когда, врач со скорой, уже уехал. Осмотрев пострадавшего, он сообщил пребывавшей в панике Алине Николаевне, что никакого повода для беспокойства за жизнь ее сына нет. Простой ушиб. Сел в свою белую машину с красным крестом и преспокойно укатил. Проявив, по мнению Алины Николаевны, полную безответственность и непрофессионализм. Вопрос с участковым Иваном Степановичем тоже уже был решен.

За те годы, что чета Теляниных имела счастье быть родителями своего неугомонного сына, Иван Степанович превратился в неотъемлемую часть их жизни. Каждый раз после очередной проделки сына, один из родителей имел беседу с Иваном Степановичем. Беседы носили скорее утешающе-ободряющий характер.

– Ну, дети они ж и есть дети,– говорил участковый рыдающей матери или сидящему с непроницаемым лицом отцу.– Что ж я не понимаю, что ль. А Ваш, вон какой пряткий мальчонка. Ну, ничего-ничего. Повзрослеет, образумится.

Считая свою задачу выполненной, Иван Степанович вста-

вал, родитель, получивший ободрение, вручал понимающему участковому бутылку дорогого коньяка, виски или другого, невиданного по тем временам алкогольного напитка. После короткого отнекивания со стороны милиционера и уговоров со стороны родителя, бутылка заботливо убиралась новым владельцем, в неизменный кожаный портфель, и очень довольный участковый, пожав на прощание руку несчастного родителя, переходил к выполнению следующего пункта своих обязанностей.

Теперь наступала очередь воспитательной беседы с виновником происшествия. Иван Степаныч заглядывал в комнату Вована и, стараясь говорить поостроже, произносил примерно такую речь:

– Ну, ты это, Владимир, не озорничай у меня! Хватит уже, пора и за ум браться! Пожалей отца с матерью, не позорь. Они у тебя уважаемые люди, а ты озорничаешь. Нехорошо. Понял?

– Понял, Иван Степаныч.– совершенно искренне отвечал Вован.

С чувством выполненного долга, довольный Иван Степаныч покидал квартиру Теляниных.

За все это время родители Вована передали в руки понимающего участкового такое количество горячительных напитков, что его вполне хватило бы, что бы наполнить небольшой бассейн. Иван Степаныч стал большим ценителем хороших напитков и даже грустил когда Вован, после какой-ни-

будь, совсем уж выведшей из терпения родителей, шалости, на некоторое время брался за ум и вел себя прилично. Сегодня Иван Степаныч стал счастливым обладателем дорожущего коньяка. По просьбе несчастной матери, на этот раз, он не стал проводить воспитательную часть беседы и отчитывать раненого, отложив это до его выздоровления.

Взглянув на сына и убедившись, что он жив здоров. Все конечности в наличии, на своих местах, там, где им и положено быть, Родион Петрович опустил на стул и устало спросил:

– Ну, что там на этот раз у тебя приключилось? Володя, тебе не кажется, что въехать в мусорный бак в собственном дворе, это слишком даже для тебя?

Алина Николаевна в это время договаривалась о встрече со светилом в области нейрохирургии, бывшим учеником ее отца, профессора медицины.

Закончив разговор, Алина Николаевна взволнованно закричала:

– Родик! Господи, я чуть с ума не сошла! А все вы, со своей машиной!– напустилась она на обоих своих мужчин.– Я, сразу была против чтобы ребенок водил машину.

– Этому ребенку, как ты его называешь, 22 года.– Сказал Родион Петрович.– Володя, я все понимаю, но въехать в по-мойку во дворе, это же еще постараться надо.

– Я кошку спасал.– Хмуро ответил Вован. Машину было жалко, да и отец прав, авария была, прямо скажем, идиот-

ская.— Она дура, под колеса выскочила. Не давить же ее было. Живая все-таки, хоть и тупая тварь, нет, что бы убежать.

Родион Петрович вздохнул.

— Было бы не плохо, если бы ты не только о кошке думал, но еще и мать, хоть иногда, жалел, я уж не говорю о себе.

Вован отвернулся и смотрел в окно с надутым видом.

— У меня вообще сегодня стресс был. Я сегодня в магазин за продуктами ездил.

Родион Петрович непонимающе посмотрел на сына.

— И что?

— Да ничего. Там ничего нет! Вообще ничего. Хлеб и перловка. Я себя инопланетянином чувствовал. Можно подумать, что война идет. Голод, разруха. Я уже думал все, приехали, сейчас выйду на улицу, а там снаряды на голову падают. Пора бежать на призывной пункт, добровольцем на фронт записываться. Ан, нет. На улице все тихо, мирно. Никаких бомб, ни одного вражеского самолета поблизости не наблюдается. Люди идут, даже улыбаются. Солнышко светит. Где же несметные богатства Родины, про которые нам все уши прожужжали? Где прекрасная жизнь в самой замечательной стране на всей земле? Может, все запасы у нас в холодильнике спрятаны? Может это наше прожорливое семейство страну без съестных припасов оставило? Конец двадцатого века на дворе, а тут дикость какая-то! Я когда у продавщицы спросил, есть-ли у них колбаса, она на меня, как на умственно отсталого посмотрела. Можно подумать, я спро-

сил, почему она не в балетной пачке покупателей обслуживает.

Вован не на шутку разошелся. Даже вскочил с дивана, потрясая полотенцем, с завернутым, в него куском льда, которое до этого он прижимал к шишке. Прямо оратор-революционер, выступающий на митинге перед пролетарскими массами. Родион Петрович задумчиво смотрел на сына, потирая переносицу.

– То есть ты столкнулся с суровой действительностью, и она тебя так возмутила и потрясла, что ты решил выразить протест против несправедливости жизни, разнеся помойку и разбив собственный автомобиль? Решил, так сказать, отказаться, от каких бы то ни было привилегий и материальных благ, стать как все?– с ироничной улыбкой обратился он к сыну.

Вован насупился. Не из протеста разбил он машину. Не из идейных убеждений и, не от возмущения неприкрытой правдой жизни советских граждан. Нет. Машину он разбил от собственной глупости, потому, что решил покрасоваться перед Светкой. Показать какой он великий гонщик. Поразить ее воображение хотел. А ей наплевать. Она даже посмотреть не пришла, что там за шум во дворе. Не убился ли он. Слава богу, конечно, что не пришла, а то, до конца жизни припоминала бы, как он лихо сражался с мусорным баком. И когда на ужин мать подаст ему утку в белом вине с золотистой хрустящей деревенской картошечкой, приготовленные ею сего-

дня днем, пока он свои удивительные открытия делал, он не скажет: «Убери. Я теперь как все. Перловки мне навари».

Вовану стало ужасно тошно от собственной бесполезности и никчемности. И от всеобщей бессмысленности и несправедливости. Хоть иди, садись в машину и по второму разу, в мусорные баки с разгона въезжай.

Родион Петрович поднялся.

– Володя, сейчас такая обстановка, что мне совершенно не до твоих дурацких выходок. Мне нужно на работу вернуться. А ты, если надумаешь еще протестовать или спасти кого-нибудь, постарайся, пожалуйста, делать это менее дорогостоящими и опасными для жизни способами. Нервы у нас с матерью не железные, и я, все-таки, хоть и хорошо оплачиваемый, но госслужащий, живущий на оклад, а не на доходы от продажи закровов Родины.

Подойдя к двери, Родион Петрович остановился:

– Очень скоро могут наступить такие времена, когда отсутствие всего кроме хлеба и перловки будет казаться наименьшей проблемой. И бог его знает, чем это все может закончиться. Так, что прекращай валять дурака.

Выйдя из квартиры, он медленно начал спускаться по лестнице. Станный разговор пробудил давно забытые воспоминания. Родиону Петровичу вспомнилось голодное военное детство. В то время они бы очень обрадовались этой самой несчастной перловке.

В памяти всплыло как в конце 44-го, демобилизованный с

фронта сосед привез домой, в подарок жене, кулек иностранных шоколадных конфет. Десятилетний Родя с приятелем, пробравшись в соседскую комнату, достали драгоценный кулек и слопали все конфеты. Обнаружив пропажу, жена фронтовика устроила страшный скандал. Кричала, что они воры и вредители и нужно их посадить. И грозилась пойти «куда нужно» и донести на маленьких уголовников. Мать выдрала Родю так, что он потом несколько дней не мог сидеть. С тех пор он ненавидел сладкое, особенно конфеты. Возможно, именно от него Вовану передалась нелюбовь к сладостям, которые он никогда не ел, с самого раннего детства.

Конечно, сын прав. Сейчас не война. И страна наша одна из богатейших в мире всевозможными ресурсами. И то, что большинство живет, кое-как перебиваясь, хотя с лихвой хватило бы всего и на всех, это несправедливо. И неправильно. Но, если начать думать об этом, то можно смело уходить со службы. И жить гордым и честным, но, точно также перебиваясь, как и большинство сограждан великой державы. В работе Родиона Петровича не было места сантиментам и сопливым разглагольствованиям о правде и справедливости. Там все было серьезно и жестко. Все нацелено на благо государства, на его процветание и безопасность. Пусть и то, что это самое государство и есть люди живущие в нем, как-то забылось, теми кто трудился не покладая рук ради этого самого блага. Родион Петрович тяжело вздохнул и приказал шоферу ехать обратно, в министерство. Жизнь иногда была

примерзкой штукой, но от этого никуда не деться.

Алине Николаевне не было, в настоящий момент, дела до обстановки в стране, и до несправедливости жизни. Сейчас ее заботило только здоровье сына, которому, возможно грозит страшная опасность из за какой-нибудь скрытой, не определимой при внешнем осмотре, травмы . Счет, возможно, идет на минуты.

Необходимо серьезно обследовать Володю. Возможно, задет мозг. Вызвав Валеру, Алина Николаевна повезла, всячески отнекивающегося и упирающегося, Вована в клинику к светиле нейрохирургии. Он нашел в своем плотном графике время и, по настоянию Алины Николаевны, провел все-стороннее обследование, со всеми анализами, томографиями и всем чем только можно. Все методы, доступные медицине на тот момент, были применены к исследованию состояния несчастного пациента, желавшего только, побыстрее смотаться из этой суперсовременной и передовой больницы. Не найдя ничего серьезного, великий нейрохирург тоже заверил Алину Николаевну, что ни какой опасности нет. А шишка на голове простая гематома, явившаяся следствием удара о стекло. Для успокоения, не в меру волнующейся матери, он выписал безобидные таблетки от головной боли и велел принимать их несколько дней.

На следующий день Вовану было позволено не идти на занятия, что бы он мог восстановить силы после пережитого во

время аварии стресса. Уже вполне вернувшийся к привычному оптимистично-пофигистичному отношению к жизни, Вован немного взбодрился. Хоть какая-то польза от облезлой кошки.

Вечером позвонила Вера, которой Алина Николаевна сообщила о произошедшей трагедии, живописав испытанный ею ужас от того, что Володя чуть не погиб. И сообщив о полученной им травме головы. Подробностей о том, что это всего лишь шишка и ничего страшного у Вована нет, она опустила как несущественную.

– Как ты?– спросила Вера. В ее голосе Вован с удовлетворением ощутил искреннюю тревогу и волнение.

– Да ничего. Держусь,– поставив на паузу кассету с боевиком, слабым голосом ответил Вован. Довольно улыбаясь, представляя взволнованное Верино лицо, он с наслаждением отхлебнул пиво из жестяной банки. Все-таки жизнь приятная штука!

– Голова сильно болит? Как ты себя чувствуешь?

– Слабость. Подташнивает немного. Ничего, состояние терпимое. Ты не волнуйся за меня. Врач сказал, что я довольно легко отделался, могли быть очень серьезные последствия,– ответил Вован и для пущего эффекта слегка застонал.

– Может к тебе завтра заехать, проведать тебя? Тебе, наверное, скучно там одному лежать?– предложила Вера.

Вован расплылся в улыбке. Как здорово быть больным!

Все тебя жалеют, все волнуются. У Ковальской, кажется, даже голос дрожит. Нет, не зря, не зря он спас эту облезлую скотину. Заслужила она свою никчемную жизнь.

– Нет Вер, не надо. Я завтра в институт приду. Учиться-то надо, а то пропущу, потом догонять.– Вован тяжело вздохнул .

– А тебе уже можно? Я думала тебе лежать нужно.– Удивилась Вера, не зная чему больше, то ли тому, что получившему травму головы человеку можно посещать занятия через день после аварии, то ли неожиданному рвению Вована к учебе. Раньше он по несколько дней прогуливал и совершенно не парился по этому поводу. Может он сильно головой ударился, и там, что-то сместилось, мелькнула в голове у Веры злая шутка. За которую она тут же себя упрекнула. Вовка страдает, а она глумиться, хоть и мысленно, над больным.

– Ну, доктор сказал, что можно, если быть осторожным. Что разлеживаться тоже плохо.– Все тем же слабым голосом сообщил страдалец. Вован хотел снова застонать, но решил, что это будет уже перебор. Не нужно переигрывать. Зритель, а в данном случае слушатель, должен верить своему герою.

Никакого рвения к учебе не было. Просто Алина Николаевна, клятвенно заверенная светилом нейрохирургии, которому, в отличие от врача скорой, она вполне доверяла, что ее сын практически здоров и его жизни ничто не грозит, сказала, что один день можно отдохнуть, прийти в себя, но потом нечего дома сидеть, марш учиться. Можно было, конеч-

но, и перед ней разыграть слабость и недомогание, но, во-первых, она снова страшно распереживается, а Вован не мог себе позволить манипулировать матерью за счет ее здоровья и нервов, а, во-вторых, она его потом, по врачам затаскает, и его будут месяцами обследовать, как подопытного кролика, в поисках страшного недуга. Так, что селяви, как говорится. Ничего не поделаешь, придется тащиться в институт.

Появление Вована произвело настоящий фурор. Вован вошел в аудиторию, с замотанной бинтом головой, и нетвердой походкой медленно направился к месту, где сидела Вера. Он хотел еще побрызгать на бинт красной тушью. Но не стал, пожалел впечатлительную подругу.

Вера вскочила с места, помогла ему сесть. Ребята из группы подходили, спрашивали как он. Очень осторожно, что бы, не дай бог, не повредить больному, похлопывали по плечу. Говорили слова ободрения.

Войдя в роль, Вован, совершенно бессовестным образом, целый день гонял Веру по всему институту.

– Ой,– печально вздыхал он.– Вер, скажи преподу, что я опоздаю. Я куртку забыл на экономике.

Кряхтя и вздыхая, Вован сделал вид, что пытается встать. Зажмурив глаза, как при головокружении и придерживаясь рукой за подлокотник кресла.

– Сейчас пройдет. Нормально все.– Прошептал он, как бы успокаивая Веру.

Усадив страдальца обратно в кресло, Вера бросилась к выходу, до начала лекции оставалось несколько минут.

– Сиди! Я сейчас сама принесу!– взволнованно, уже на бегу, крикнула она и помчалась на другой этаж, в аудиторию, где до этого была экономика.

Видя, что Телянин сидит в напряженной позе, глядя куда-то в пространство, Вера испуганно спросила:

– Володь, тебе плохо?

Улыбнувшись «вымученной» улыбкой Вован, облизав, якобы пересохшие губы, ответил:

– Нормально все. Просто водички попить надо. Чего-то подташнивает и голова кружится.

Вера помчалась за водичкой, на обратном пути, изо всех сил стараясь не расплескать ее из граненого стакана, одолженного в буфете.

В течение дня она бегала в медпункт за таблеткой от головы, в ларек, расположенный неподалеку от института за йогуртом, что бы поддержать силы больного, чувствующего страшную слабость, еще два раза за водичкой. А в перерывах между беготней, водила, опирающегося на ее плечо или руку Вована, очень медленно и осторожно, по коридорам и лестницам от аудитории до аудитории.

После занятий Вован попросил Веру поймать ему машину.

– Боюсь, на эскалаторе голова закружится.– Жалобно сказал он.

– Господи, зачем врач вообще тебе разрешил так рано из дома выходить?– возмутилась Вера.

– Да, коновал, какой-то, мне он сразу доверия не внушил, в медицине, мне кажется, вообще ничего не понимает. И больница какая-то стремная. Оборудование поломанное, до потопное. Ну, думаю, ладно уж, переживу как-нибудь. Маму расстраивать не хотел. Она почему-то считает этого доктора отличным специалистом. Он ей сказал, что он профессор, а она наивная, ты же знаешь. Ее кто угодно вокруг пальца обведет. Любой шарлатан.– Вспомнив, что нужно говорить слабым голосом, Вован еще сильнее навалился на Веру и с тяжелым вздохом сказал,– устал сегодня, извини.

Они вышли на улицу, и Вера медленно пошла рядом с несчастным страдальцем, опиравшимся, на ее худенькое плечико. Вдруг Вован резко остановился.

– Вот черт!– сказал он своим обычным, вполне нормальным голосом. Вера удивленно посмотрела на него.

В нескольких шагах от них стояла Алина Николаевна. Расширившимися от ужаса глазами она смотрела на забинтованную голову сына.

– Мам!– сказал Вован, бодрым шагом отходя, на всякий случай, от Веры подальше.– Все нормально, не пугайся. Это я так, прикалывался.

Вован повернулся к Вере:

– Ковальская! Ну, без обид, ладно? Смешно же ведь получилось, правда? Напоминаю, меня бить нельзя, я после ава-

рии!– увидев гневно сверкнувшие глаза своей сегодняшней сестры милосердия, медленно двинувшейся в его сторону, завопил Вован.

Озираясь, в поисках выбора наиболее удачного пути для бегства, Вован заметил, что мать тоже смотрит на него далеко не добрым любящим взглядом, как обычно. В ее взгляде явственно читалось непреодолимое желание надавать драгоценному отпрыску оплеух и подзатыльников. Ее чаша терпения переполнилась. Сегодня он и ее достал.

– Я вызвала Валеру, что бы забрать тебя домой на машине. Чтобы ты не переутомлялся после травмы.– Ледяным тоном сказала Алина Николаевна.– А мой сын, оказывается, изображает перед своими друзьями умирающего, и идет, повиснув, на бедной маленькой хрупкой девушке! Свинья бессовестная!– уже не сдерживая себя, закричала она.

– Мне нужно идти Алина Николаевна, до свидания.– Сказала Вера, демонстративно не глядя в сторону Вована. Пусть сами разбираются. Она уже достаточно нанянчилась сегодня с этим великовозрастным идиотом.

– Мы с Валерой тебя довезем, ты же сегодня за тяжело больным ухаживала, шутка ли, таскать на себе целый день инвалида с отшибленными мозгами.– Взяв Веру под руку, сказала Алина Николаевна.– А ты,– она ткнула сына пальцем в грудь,– на метро доедешь, не принц. И из дома никуда! Вернись, будем курс лечения проходить, пора тебя ставить на ноги.

Вован с тоской смотрел вслед, идущим к машине матери и Вере. Мать-то, конечно, отойдет, уже к вечеру, он то ее знает. А вот Верка, другое дело. Потом он бы ей сам рассказал, как подшутил над ней. Она бы шутку оценила, он был в этом уверен. Еще хохотала бы, как всегда, до слез, восхищалась бы его изобретательностью. Но внезапное, совершенно несвоевременное разоблачение спутало все планы. Все раскрылось в самый неподходящий момент. Верка всерьез обиделась. А Вован дорожил их дружбой. Совсем не хотелось бы так глупо ее разрушить.

Уже дойдя до машины, Вера обернулась и, сердито посмотрев на Вована, вдруг скорчила ему рожу, а потом высунула и показала язык. Вован радостно помахал рукой вслед отъезжающей машине.

15 апреля стало великим днем. Свершилось чудо-чудное. Неторопливая парочка Соня и Женя добрались, наконец-таки, до священного учреждения, где вершились человеческие судьбы, и подали заявление. Свадьба была назначена на 20 июля. Знаменательное событие подачи заявления, решили отметить в маленьком ресторанчике. Чтобы, не умереть с тоски, Вера взяла с собой, в качестве кавалера, Вована. Предварительно проинструктировав и взяв с него торжественное обещание вести себя прилично.

– Ты мне должен.– Сказала Вера, намекая на выходку с ролью умирающего.

Вечер прошел вполне мило. Вован вел себя безукоризненно. Явился в костюме, при галстукe. Даже вечно взъерошенные волосы кое-как причесал. Счастливой, немного смущающейся собственным счастьем, невесте преподнес шикарный букет, облобызал ручку, наговорил комплиментов. С женихом раскланялся. Вере заметил, что она прекрасно выглядит. Стул ей весь вечер подвигал, выпивку наливал. В общем, вел себя как заправский кавалер. Шутил тонко и интеллигентно. И, к концу вечера, совершенно очаровал Соню и ее жениха. Соня потом восхищалась, какой приятный и воспитанный молодой человек. И даже высказала предположение, какой бы подходящей парой он бы был для Веры.

– Сразу видно серьезный и не нахальный. Умный, воспитанный, одет аккуратно. Вы бы очень подошли друг другу. Он бы уравновешивал твое легкомыслие и безответственность.– Пела Вовану дифирамбы Соня.

– Это ты его еще плохо знаешь. У него вообще столько достоинств, ты бы прямо зашла от восторга. Сама бы замуж за него захотела. Про Женю своего и не вспомнила бы.– Заверила сестру Вера.

– Ха-ха. Шутница ты наша,– улыбнулась Соня.– Но на твоём месте я бы подумала на эту тему. Он явно тебе симпатизирует.

– Да я думала,– стараясь не рассмеяться, потупив глазки, сказала Вера.– Жалко парня. Слишком уж скромный и воспитанный. Боюсь, испорчу.

21.04.1991г.

Снег уже местами сошел. И, не смотря на то, что было достаточно холодно, тундра начала покрываться зелено-бу-ро-желтым ковром растительности.

Когда земля немного просохла, Эрчим сводил Сергея к озеру, которое, оказывается, было на расстоянии пары кило-метров от лагеря. Лед на озере еще не сошел, и все во-круг казалось строгим и торжественным, наполненным осо-бым несколько печальным очарованием. И сейчас, когда все вокруг стало окрашиваться разными цветами, когда появи-лись птицы, и в воздухе запахло весной, Сергей, впервые за все время, проведенное здесь, признал, что тундра действи-тельно красива. Красива особой, северной, суровой красо-той.

Был выходной. Большинство ребят, радуясь, пусть и хо-лодной, но солнечной весенней погоде, веселому ярко све-тившему солнышку, отправились к ангару играть в футбол. Мяч был старый, латанный перелатанный, плохо надувался, но это никого не смущало. Молодым здоровым мужчинам, всю зиму провозившимся с железками, а в остальное время просидевшим в тесных душных вагончиках требовалось вы-плеснуть энергию, побегать, покричать. Они радостно носи-лись по ровной мягкой земле за стареньким мячиком. Все уже сбросили куртки, разгорячившись от стремительного бе-га и от охватывающего их все больше и больше азарта.

Со стороны лагеря к ангару подошел Николаич. Понаблюдал за игроками. Сам он в футбол никогда не играл и не понимал этой игры. Но глядя на своих ребят, радостно носившихся друг за другом, он испытывал чувство, редко приходившее к нему за годы суровой жизни в тяжелых условиях. Он чувствовал, что сама весна, сама молодость сейчас перед его глазами. Молодой задор играющих наполнил и его душу каким-то светом, какими-то давно забытыми воспоминаниями о далекой юности, о первой любви. Постояв еще немного, он крикнул:

– Сергей! Иди ка сюда.

Тяжело дыша и отдуваясь, подбежал довольный широко улыбающийся Сергей. Он встал, наклонившись вперед и уперев ладони в колени, что бы отдышаться.

– Чего Иван Николаич?

Пряча улыбку в бороду Николаич сказал:

– Тут такое дело, Сереж. Мне нужно в Москву лететь, отчеты сдать и бумаги подписать. А из Москвы потом еще в Якутск заехать, кое, что забрать для работы.– Николаич достал папиросы. Прикурил и затем продолжил.– Но сейчас пришла радиограмма, что сегодня ночью самолетом доставят оборудование и нужно ехать в город его получать. Хоть разорвись, понимаешь. Вот думаю, может, ты меня выручишь? Слетаешь в Москву вместо меня.

Хитро прищурившись, Николаич наблюдал как Сергей, чуть не подпрыгнув от радости, широко открыл рот, но от

переполнявших его чувств ничего не мог сказать, а только набрал полную грудь воздуха.

– Когда ехать надо?– справившись с собой, спросил он, чуть ли не подпрыгивая на месте от нетерпения. В Москву! Ему хотелось заорать во все горло: «Я еду в Москву! Я еду к Вере!».

– Через полчаса выезжаем. Мы тебя до аэропорта довезем. Вечером самолет.

– А в Москву надолго?– с надеждой спросил Сергей.

Николаич посерьезнел.

–Нет Сереж. Ненадолго. Завтра в 9 утра тебе нужно быть в управлении. Пока ты там со всеми делами справишься это часа два-три. А вечером, в 9 часов тебя машина отвезет на грузовой самолет до Якутска. Вот и считай, в Москве у тебя всего полдня будет.

Полдня. Это совсем мало. Но полдня это намного больше чем ничего. Зато он ее увидит. Прикоснется к ней, вдохнет запах ее волос. Голос Николаича прервал размышления раз-мечтавшегося Сергея.

– Не расстраивайся. Скоро уже насовсем домой вернешься. Чего тут осталось-то, два с половиной месяца. Ну, давай беги собираться. А я тебе пока все подготовлю и все адреса, и телефоны напишу.

Сергей бегом побежал к своему вагончику.

– Серега! Ты куда?– закричали с поля.– Не доиграли же.

Николаич махнул на них рукой.

– Я ему задание дал. Не вернется он. Без него доигрывайте, футболисты.

Сергей хотел позвонить Вере из аэропорта, предупредить, что прилетает. Но телефон снова приказал долго жить.

«Главное что бы она в Москве была»– думал он всю дорогу.

22.04.1991г.

Самолет приземлился в Москве рано-рано утром. Сергей взял такси и поехал домой. Он бы с радостью сразу поехал к Вере. Но с утра ему, все равно, нужно было ехать в управление, поэтому он решил съездить домой, привести себя в порядок, как можно быстрее покончить с делами и потом уже заехать за Верой в институт. Да и маму тоже нужно было повидать, раз уж приехал.

Увидев сына, похудевшего, возмужавшего, с загоревшим от северного солнца лицом, мама всплакнула, но быстро взяла себя в руки. Конечно, расстроилась, что Сережа ненадолго, но и то хорошо, что такая нечаянная радость, хоть на часок другой.

Пока мать кормила его завтраком Сергей, не переставая улыбался и рассказывал о своей жизни на севере. О ребятах, с которыми работал.

К девяти часам он приехал по указанному адресу. Его долго гоняли из кабинета в кабинет. Время уже подходило к одиннадцати, а он и половину бумаг не подписал. Снедаемый

нетерпением, в ожидании долгожданной встречи, замученный бюрократическими проволочками, Сергей не на шутку уже начинал злиться. Без десяти двенадцать, когда осталось поставить одну подпись, секретарша начальника, к которому нужно было Сергею, заявила:

– А его нет. И до обеда точно не будет.

На вопрос: «Когда же он, черт бы его побрал, будет?» девушка, пожав плечиками, ответила, что понятия не имеет.

– Да у меня самолет вечером! И еще другие дела!– взорвался Сергей.– Кто вместо него может подписать?

Девушка снова пожалала плечиком и сообщила, что никто.

Что бы окончательно не сорваться и обдумать, что же ему теперь делать, Сергей вышел на лестницу, покурить.

– Да не придет он сегодня,– сказал молодой парень, вышедший вслед за Сергеем.– Я слышал как ты с Риткой, секретаршей его ругался. Он вчера после совещания перебрал. Сегодня похмелье, сам понимаешь. Он в таких случаях никогда не приходит.– Сообщил парень, видимо, не особо любивший, нужного Сергею начальника.– Только я тебе ничего не говорил.

– Само собой.– Буркнул Сергей и направился назад к секретарше Ритке.

Подойдя к ее столу, он стукнул по нему кулаком и сказал:

– Звони своему начальнику, скажи я к нему домой приеду бумаги подписывать. И адрес пиши.

Секретарша вытаращила глаза.

– Вы там совсем у себя на севере одурели? Не собираюсь я никуда звонить ...

Сергей угрожающе склонился над ней:

– Да, мы там совсем одурели, работая и в мороз и в метель, пока твой начальник тут водку жрет и потом дома отсыпается, вместо работы. У меня самолет обратно через девять часов, а я девушку свою семь месяцев не видел и не увижу, если не закончу с этими чертовыми бумажками. Звони, давай!– рявкнул Сергей.

То ли Ритка решила, что лучше отвязаться от такого настырного и шумного посетителя, то ли романтическая история про встречу с девушкой тронула ее женское сердце, но она сняла трубку и принялась звонить. В конце концов, выслушав в изложении секретарши историю Сергея, начальник дал добро на визит к нему домой, с условием, что человек с севера захватит по пути водки или коньяка. Сергея почти восхитила такая наглость, но он уже был готов на что угодно, лишь бы покончить со всем этим.

Через час, с подписанными бумагами, он ехал в сторону Дзержинской к Веринному институту.

Войдя в здание института, он направился искать расписание занятий. Расписание он нашел быстро, но, во-первых, он не знал номера группы, а, во-вторых, видимо, расписание занятий студентов МАРХИ носило, какое-то стратегическое значение, потому, что не посвященному, не знакомому с каким-то тайным кодом или шифром, тут было не разобрать-

ся. Сергей уже даже хотел отправиться в деканат, но тут он заметил идущую навстречу ему до боли знакомую фигуру.

– Серега!– заорал Вован, бросаясь в объятия товарища.– Ты тут, откуда взялся? Здоровый стал, вообще как медведь. И морда загорелая, прямо как с югов приехал!

Сергей вкратце обрисовал ему сложившуюся ситуацию, объяснив, что времени у него в обрез.

– Ладно, помогу я твоему горю! Не бойсь!– радостно заверил его Вован.– Сейчас прилетит к тебе твоя принцесса. Вован же не может не выручить товарища. Вы ж без меня никуда. Жди здесь,– сказал Вован и отправился сообщать Вере радостную новость.

Зайдя в аудиторию, Вован, надеялся незаметно проскочить и сесть рядом с Верой, но увлеченно изображавший на доске какие-то, понятные только ему одному, схемы философ Игорь Константинович, каким-то непостижимым образом заметил перемещения Вована.

– Телянин! Вы, почему врываетесь посреди лекции?– спросил он.

– Игорь Константинович, я медкомиссию проходил. Вы же знаете, после аварии. Вот у меня справка.– Невозмутимо ответил Вован и помахал в воздухе какой-то мятой бумажкой, вытащенной из кармана.

– Ладно, садитесь Телянин.– милостиво разрешил философ, который терпеть не мог, когда его сбивали с мысли.

Вован сел рядом с Верой и склонившись к ее уху, зашеп-

тал, сообщая невероятную новость. Вера сначала побледнела, потом покраснела и застыла со стеклянным взглядом, лихорадочно соображая, как ей улизнуть с занятия, до конца которого оставалось почти полчаса.

– Игорь Константинович! – тоном первого отличника сказал Вован, старательно вытягивая руку вверх, как в первом классе.

Игорь Константинович раздраженно повернулся.

– Что там еще Телянин?

– А Ковальской плохо. Вон, видите, какая она вся красная сидит. Мне кажется, ее сейчас стошнит и прямо на меня. А вдруг она заразная? А я после аварии, вы же знаете. Вот у меня справка.– Вован снова потряс своей бумажкой.

Философ махнул на него рукой.

– Ковальская, Вам плохо?– обратился он к Вере, которая, в отличие от Телянина, по его мнению была студенткой серьезной, не склонной к клоунаде.

– Да.– Пропищала Вера.

– Идите Ковальская. До дома доедете? А то может Вам в медпункт?– проявил заботу философ.

– Нет, я доеду,– ответила Вера, быстро затолкав свои вещи в сумку и направившись к выходу.

– Игорь Константинович!– снова раздался голос Вована.

Философ обреченно посмотрел на него:

– Ну что на этот раз случилось Телянин?

– А можно я пересяду, а то вдруг, Ковальская, правда, за-

разная? А я же после аварии...

Игорь Константинович страдальчески закатил глаза.

– Пересядьте Телянин. И давайте, наконец, уже продолжим лекцию. Время то оно не резиновое.

Вера выскочила за дверь и помчалась по коридору. Сбежав по лестнице, она оглядела вестибюль института. Сергея не было. «Если Телянин меня надул, клянусь, это будет последняя шутка в его жизни» – мелькнуло в голове у Веры. Но тут сзади ее подхватили и закружили сильные руки. И перед ней возникло счастливое, смеющееся лицо Сергея. Издав, какой-то то ли писк, то ли визг, Вера обхватила его шею и прижалась лицом к широкой груди. «Вот он! Вот он! Вот он! Наконец-то! Наконец-то! Наконец-то!» – пело у нее внутри.

Чтобы не терять драгоценное время, поймали такси и поехали к Вере домой. В машине, держась за руки, смотрели друг другу в глаза, не в силах оторваться и даже почти не разговаривали. Слова были не нужны. И, хотя молодые пассажиры вели себя вполне прилично, в салоне автомобиля даже воздух, казалось, наэлектризовался, такой накал страстей исходил от них. А не молодой уже водила, даже подумал, не тряхнуть ли вечерком стариной. И даже рассмеялся, собственным мыслям. Придет же в голову, совсем спятил на старости лет. Вот, что весна с людьми делает, совсем голову теряют.

Вылезли из такси, и, бегом добежав до квартиры, начали

сбрасывать одежду в коридоре, прямо на ходу, пока, наконец, не добрались до комнаты. Казалось, что они просто сгорят как пылающий факел, если сейчас же не отдадут друг другу свое тепло, не выпустят этот безумный жар из себя на свободу.

Потом они лежали, тесно прижавшись, друг к другу, рассказывая обо всем, что произошло с каждым из них за это время. Сергей ни на минуту не отпускал Веру. Обнимал за плечи или держал за руку. Он был не в силах расстаться с ней, хотя бы на оставшиеся несколько часов. Как он мечтал о ней лежа на жесткой кровати в маленьком вагончике, разделенный с ней тысячами километров. Вера прикладывала ладошку к его груди, слушая, как бьется сердце. Нежно проводила кончиками пальцев по его лицу шее плечам, вспоминая и запоминая снова каждую его черточку перед новой разлукой.

– Сережа.– шептала она, и он улыбался глядя на нее с нежностью и бесконечной любовью.

Время бежало, неумолимо летело, не желая сжалиться над влюбленными. В шесть вечера Сергей сказал, что скоро ему нужно будет ехать.

– Я скоро вернусь,– говорил он ей, нежно глядя по голове как ребенка и вытирая слезы, помимо ее воли, сбегавшие по щекам.– Не плачь моя хорошая. Не расстраивайся. Осталось всего два месяца. И мы всегда-всегда будем вместе.

Он нежно поцеловал ее лицо, глаза, губы. Это было не

такое прощание как в прошлый раз. Оно было светлым, почти радостным. Потому, что скоро, очень скоро они снова будут вместе. Навсегда. Они оба об этом знали. Не было неизвестности, как в прошлый раз, тревожной, разрывающей душу безысходности. Просто очень трудно было отпустить друг друга так быстро после долгой разлуки. Просто они не успели даже наглядеться, наговориться друг с другом, а уже опять пора расставаться.

– Возвращайся скорее,– прошептала Вера.– Я схожу без тебя с ума. Ты мне нужен. Только ты.

– Я вернусь и буду всю жизнь носить тебя на руках. Моя маленькая, родная девочка,– улыбаясь пообещал он.

Вера проводила его до электрички. И стояла на платформе пока электричка не скрылась из вида. Грусть и радость, боль и ощущение счастья смешались в ней. Горечь и надежда, тоска, нежность. Все, что наполняло ее душу до краев, можно было назвать одним словом любовь.

Сидя в самолете, снова уносящем его от Москвы на этот раз в Якутск, Сергей вспоминал прошедшие счастливые часы. Как хорошо, что они встретились. Как хорошо, что старый хитрый Николаич послал в Москву его. Знал, как для него это важно, поэтому послал именно его, а не кого-то другого или просто не отложил поездку. Вера! Вера!

«Я вернусь и женюсь на ней. И мы будем вместе всегда. Не разлюбим и не надоедим друг другу»– мысль пришла в

голову неожиданно, в ней не было ничего странного, просто до этого он не думал о таких далеко идущих планах, не облекал их в слова, в конкретные решения. Но сейчас, когда эта мысль родилась у него в голове, придав его чувствам, его желаниям окончательность, конкретность, он ощутил себя ужасно счастливым. Как будто он долго пытался решить какую-то задачу, ответить на вопрос, мучавший его, и вдруг решение нашлось само собой. Единственное верное решение.

22.06.1991г.

Все казалось Сергею восхитительным. И цветущая, похожая на разноцветную палитру художника тундра, и голубое-голубое небо, и гомон птиц, которых, с наступлением тепла появилось в окрестностях лагеря видимо-невидимо. Даже надоедливая мошкара, изводящая всех днем и ночью, не могла испортить ему настроения. Десять дней! Через десять дней он улетает в Москву. Насовсем. Во время своего пребывания в Якутске, в ожидании самолета на Среднеколымск он зашел в ювелирный и купил Вере подарок. Маленький кулончик с сапфиром в обрамлении бриллиантов и цепочку. Он попросит ее стать его женой и наденет его ей на тоненькую шею. Он обязательно уговорит ее, если она вдруг, не согласится. Он расскажет, как любит ее, как хорошо они будут жить вместе. И она обязательно согласится. Он все сделает, что бы она была счастлива. Он горы свернет ради нее.

Сергей повернул голову к Кукушонку, лежавшему рядом

на траве. Была суббота, и они загорали на солнышке. Время от времени лениво переговариваясь.

– Кукушонок, ты чем в Москве займешься?– спросил Сергей.

– Не знаю. Работать пойду. А ты?

Сергей не хотел говорить о своих планах насчет Веры, чтобы не сглазить. Вместо этого он сказал:

– Тебе учиться надо. Ты способный. В институт поступаешь. В этом году, еще на вечерний можешь попробовать успеть поступить.

– Не знаю. Я про институт не думал. Хотя можно попробовать,– задумчиво сказал Кукушонок, даже удивляясь, почему такая мысль ни разу не приходила ему в голову.– А точно Серега, попробую. Если в этом году не поступлю, то в следующем обязательно попробую.

– Ты лучше не откладывай.– Посоветовал Сергей.– Когда начинаешь назавтра и на послезавтра откладывать, так может и вся жизнь пройти, и так ничего и не сделаешь. Поднажми, как в Москву приедешь. Подготовься и поступи. На будущий год, если захочешь, на дневной переведешься.

Солнышко приятно пригревало лицо, плечи, грудь. Оно было совсем не горячим, а ласково-теплым. Северное лето, по Московским меркам, было прохладным 17-18 градусов. В самые теплые дни градусов 20.

Николаич с утра поехал в город. Нужно было отвезти Эрчима в аэропорт. У его сестры была свадьба. Эрчим обе-

щал вернуться дней через пять. Так, что у них еще будет время проститься. Николаич, наверняка, привезет письма. Хоть поездка и внеплановая, но почта, наверняка, уже ждет в аэропорту. Все-таки сегодня просто отличный день улыбнулся Сергей, лежа с закрытыми глазами. От безделья, и от ласковых солнечных лучей тянуло в сон.

Ближе к вечеру вернулся Николаич. Как и ожидалось, он привез с собой письма. Еще с утра договорились, что вечером устроят баню, а потом устроят вечерние посиделки с водочкой и песнями под гитару. Настроение у всех было прекрасным.

Саня Белов отправился в вагончик, оборудованный под баню «подготавливать процесс», как он это называл, а остальные, разобрав почту, отправились по своим вагончикам.

Сергей заканчивал читать письмо от Веры, когда Зима, дочитав свое, встал и направился к двери. Сергей оторвался от чтения, услышав шум. Подняв голову, он увидел Пашу, потирающего плечо и ошарашенно смотрящего вслед Зиме, выходящему в дверь вагончика. В следующую секунду дверь захлопнулась с такой силой, что едва не слетела с петель, а весь вагончик содрогнулся от ее удара.

Все находившиеся внутри смотрели друг на друга с недоумением.

– Чего случилось? – спросил Сергей.

– Да хрен его знает. – Сказал Паша. – Налетел на меня,

чуть не сшиб. Плечо до сих пор больно. Может в письме, что. С женой у них, видать нелады. Она ему вообще редко пишет. Может, чего не хорошее написала. Он же вообще ничего не рассказывает, все при себе держит.

Зима, действительно, был самый неразговорчивый из всей бригады. Работал он ловко, толково. Не отлынивал. Но дружбу ни с кем не заводил. Когда выпивали в вагончике у Николаича, все смеялись, рассказывали разные истории. Зима всегда сидел молча. Редко улыбался. Ничего не рассказывал, ничего ни у кого не спрашивал. Был сам по себе. Единственное, что знали про его личную жизнь, что он женат. Жена писала ему редко. То ли не ладилось у них, то ли так просто заведено было. Никто не знал. Да никто и не спрашивал. Не хочет человек говорить и не надо. Но сегодня, видимо, действительно, что-то произошло, потому, что Зима был сдержан во всем. Никогда никого не задирали и, в общем-то, никто не видел, что бы он злился или из себя выходил.

Ребята еще немного пообсуждали, что такое с их товарищем, а потом и думать забыли. Со всяким бывает. А в таких спокойных, кто все в себе держит, чувства долго копятся. А потом как прорвет, так за раз все и выплеснется.

Пришел Саня и пригласил всех желающих попариться. Напарились от души. Нахлестали друг друга вениками, насмеялись. Потом распаренные, благодушные, расслабленные собрались перед вагончиком Николаича, прямо на улице. Сидели долго. Выпивали, пели песни, рассказывали смеш-

ные случаи. Могучие взрывы хохота то и дело разносились над ночной тундрой, пугая зверей и птиц, обитавших поблизости. Зима внешне выглядел спокойным, видимо выпустил пар и отошел. Сидел как всегда, в сторонке, молча. На этот раз засиделись допоздна, по случаю завтрашнего выходного никто спать не торопился. Самым первым поднялся Зима, и молча ушел. Никто даже и не заметил. Только Генка Рыжов, увидев, как Зима отошел от общего застолья, удивился, что тот направился не в сторону их вагончика, а в противоположную. Пошел за вагончик Николаича и исчез в ночной темноте. Ну и, что ж. Не маленький. Может ему прогуляться хочется, побыть одному. Генка выкинул Зиму из головы.

Когда, уже полу-сонные вернулись к себе, увидели спящего Зиму. И две пустые бутылки водки, валявшиеся, на полу, возле его кровати.

– Вот это Зима дал!– присвистнул Генка.– Теперь понятно, зачем он к вагончику Николаича пошел. Водку спер.

– Может у него серьезное, что случилось?– обеспокоенно спросил Паша Головин.

– Ладно, сейчас его будить бесполезно. Завтра будем разбираться.– Сказал Сергей. – Но что-то у него точно случилось. Сам на себя не похож.

23.06.1991г.

На утро Зима встал хмурый. На вопросы, что случилось, грубо ответил, что не их дело и после завтрака снова зава-

лился спать.

Про водку Николаичу решили не говорить. Если не заметит хорошо, а заметит тогда и видно будет. Ребята снова пошли играть в футбол. Набегавшись, наигравшись, все отправились в столовую, на летний период устроенную на улице под большим брезентовым тентом. После обеда снова, как то незаметно, начались истории, анекдоты. Заварили еще чая. У Сергея закончились сигареты, и он побежал в вагончик за новой пачкой.

– Серега, у меня там, в сумке конфеты остались. Принеси, – крикнул ему вдогонку сладкоezza Кукушонок. Сергей помахал рукой, принесу мол.

Взбежав по лесенке, Сергей распахнул дверь и замер на пороге. В дальнем углу вагончика, на своей кровати сидел Зима. Между его коленей было зажато охотничье ружье Николаича, дуло, которого, он дрожащими руками пытался приставить себе к горлу. Гладкое дуло соскальзывало, и Зима никак не мог пристроить его как надо. В первое мгновение Сергей оцепенел. Очень медленно он сделал шаг вперед и почти шепотом сказал:

– Андрей! Зима! Опусти ружье.

Зима повернул голову в сторону Сергея, и застыл, уставясь на него безумными, налитыми кровью глазами. Только сейчас Сергей заметил рядом с ним еще одну пустую бутылку. То ли он вчера так затарился, то ли уже сегодня прихватил, когда стащил ружье.

Зима снова занялся ружьем. Сергей сделал еще один шаг вперед.

– Андрюха, не надо. Положи ружье.– Все так же тихо, стараясь сохранять спокойствие, сказал он. Нужно было как-то забрать ружье, пока этот идиот, себя не убил или не покалечил.

– Уйди!– прорычал Зима.

Сергей сделал еще шаг.

– Зима, все наладится. Слышишь. Все будет хорошо,– пробовал успокоить он ничего не соображающего Зимина.

– Врешь сука!– вдруг заорал Зима.– Заткнись, заткнись, заткнись!

Зима направил ружье в сторону Сергея и нажал на курок.

Сергея отбросило назад, и, закачавшись, он начал оседать на пол. Темное красно-бордовое пятно начало расползаться у него на животе.

Сначала Сергей почувствовал, как его обожгло и сильно толкнуло назад. Тысячи разноцветных огоньков вспыхнули перед его глазами и начали кружиться. Почему-то было очень больно. Боль разрывала изнутри, казалось, что она повсюду, во всем его теле. Сергей почувствовал, как слабеют ноги, и он уже не может удержаться и падает. Он с удивлением увидел расплывающееся лицо Зимы и вдруг вспомнил, что ему же нужно в Москву, но у него совсем нет сил. И, наверное, он в Москву теперь не попадет. Потом глаза закрыла какая-то красно-коричневая пелена. А затем все пропало, и

он провалился в черную пустоту, где не было ничего, осталась только боль. Но вскоре исчезла и она.

Когда сидевшие в столовой слышали выстрел, в первый момент, все оцепенели, но уже через пару секунд, все повскакивали со своих мест и бросились бежать. Увидев, что дверь одного из вагончиков, распахнута настежь, кинулись туда.

Самые быстрые, добежав, застыли, как вкопанные, на пороге. Бегущие за ними, уперлись им в спины и заглянув через плечо тоже остановились. Не успевающий, за молодыми Николаич, растолкал столпившихся у двери ребят и прошел внутрь.

На полу, в нескольких шагах от входной двери, полу-бокком, привалившись к кровати, лежал Сергей. Футболка на животе была темной и мокрой, на полу, рядом с ним, растеклась небольшая темная лужица, края которой затекали под его неподвижное тело.

В дальнем углу на своей кровати сидел Андрей Зимин. Крепко сжимая двумя руками охотничье ружье, он, глядя куда-то перед собой, раскачивался вперед и назад и очень тихо, без какого-либо выражения, монотонно повторял одну и ту же фразу:

– Я не хотел. Серега, прости. Я не хотел...

Николаич быстро подошел к нему и забрал ружье. Зима не сопротивлялся. Видимо, даже не заметив Николаича, он продолжал раскачиваться и повторять одни и те же слова.

Передав ружье Ильину, Николаич склонился над Сергеем. Тот дышал. Слабо, но дышал.

– Чистое полотенце, простыню, тряпку какую-нибудь. Быстро!– заорал он на столпившихся, и бестолково переминавшихся ребят. Все были растеряны, не зная, что делать. Крик Николаича, казалось, вернул хоть какую-то способность соображать.

Ничего особо чистого не нашлось. Кукушонок, вытряхнув из рюкзака вещи, протянул, дрожащими руками, чистую футболку, приготовленную, для поездки домой. По щекам его двумя тоненькими ручейками катились слезы.

Приподняв пропитавшуюся кровью ткань, Николаич закрыл рану футболкой Кукушонка, которая тоже мгновенно пропиталась насквозь.

– Паша, беги за аптечкой. И, скажи Ильину, пусть по радиции вертолет вызывает. А ты Саня, иди вездеход заводи. Если они не прилетят, на вездеходе повезем в больницу.– Быстро и четко командовал Николаич, пытаясь унять дрожь в руках зажимающих рану.

Принесли аптечку. Сергей был без сознания, его кое-как перебинтовали, как смогли, специалистов среди них не было.

Прибежал Ильин, сообщил, что вертолет будет часа через полтора.

– Они, что там ох...?– выругался Николаич, но, скорее просто, что бы выплеснуть эмоции. Скорее вертолет и не мог

прилететь. Минимум час, но его же еще нужно завести. «Не успеют. Не успеют. Не успеют...»— крутилось в голове. Мысленно одернув себя, Николаич продолжил отдавать распоряжения.

— Я полечу с Сергеем. Ты, Саня и Паша поедете вслед за нами на вездеходе. Заодно этого отвезете.— Николаич, не глядя на Зиму, мотнул головой в его сторону.— Ты, Ильин, за старшего.

— Можно мне с вами? — размазывая по щекам слезы, спросил Кукушонок. Николаич, стараясь говорить помягче, помотал головой:

— Нет, Леш, нельзя. Я знаю, что ты к Сергею как к брату привязался. Вот Сергей поправится, и встретитесь в Москве. Договорились?

«Не довезем парня!»— крутилось в голове у Николаича.

Ожидание вертолета показалось бесконечно долгим. Николаич обтирал лицо Сергея влажным полотенцем. Ему казалось, это может как-то помочь, облегчить его состояние. «И Эрчима нет.— Сокрушенно думал он.— Уж он то сейчас достал бы какую-нибудь свою чудодейственную мазь или траву и, если бы и не вылечил сразу, то спас бы Сережку, смог продержаться до прилета вертолета». Николаич чувствовал, как время от времени, начинало щипать глаза, и в горле вставал комок. Он шурился и мотал головой, делая вид, что соринка попала в глаз, и завидовал Кукушонку, который, сидя все это время рядом с Сергеем, тихо плакал, не отрывая от

лица товарища наполненных слезами наивных голубых глаз.

«Не довезем...». Он, как мог, гнал эту мысль, но она снова и снова лезла в голову как назойливая муха.

Наконец, спустя целую вечность тревожного ожидания, послышался шум двигателя вертолета.

Очень осторожно Сергея перенесли внутрь, где им, наконец-то, занялся врач.

Пока летели, Николаич все время боялся, что они не успеют. Почему-то ему казалось, что главное долететь до больницы, а там появится большой шанс на то, что Сергей выживет. Господи, как глупо все получилось. Через неделю с небольшим, парень уже вернулся бы домой. Жил бы там, встретился со своей девушкой, был бы счастлив.

Николаич отвернулся к окну, чувствуя, что глаза опять защипало. Ну, что за идиот, этот Зима, что ему вздумалось забрать ружье и выстрелить? «Я во всем виноват!— вдруг похолодел Николаич.— Из-за меня Серега умрет. Я же видел вчера, что водка пропала. Думал, ребята разошлись, скоро же домой, вот и гуляют на радостях. Вот старый дурак! Нужно было разобраться. А я махнул рукой. Пускай повеселятся. Повеселились!» Николаич долго сидел и ругал себя на все лады. Потом мысли его снова переключились на Сергея, выживет – не выживет? Затем ему вспомнился Зима, раскачивающийся на своей кровати. «Нужно было его пристрелить, там же». Мрачно подумал Николаич. Мысли лихорадочно металась и крутились по кругу, возвращаясь снова и

снова. Тревога и беспокойство сменялись надеждой. Наконец вертолет начал снижаться и сел на ровную площадку, неподалеку от районной больницы.

«Держись Сережа! Держись сынок,— повторял про себя Николаич, сидя на жесткой скамейке в полутемном больничном коридоре.— Только держись, парень. Ты молодой, сильный. Должен выдержать». Операция длилась уже два часа. Иван Николаич успел выкурить пол пачки сигарет, выходя, то и дело, во двор больницы, не столько потому, что хотелось курить, а что бы чем-нибудь себя занять.

— Да не убивайтесь, Вы так. Все будет хорошо. Поправится Ваш парнишка. — раздался рядом ласковый певучий голос. Пышная, уютная медсестра, похожая на былинную красавицу, подошла к Николаичу и опустилась рядом с ним на скамейку.— Наш доктор, он знаете какой? Он мертвых с того света вытаскивает. У него руки золотые. К нам ведь со всего района везут и охотников покалеченных, и с ножевыми ранениями, после пьяной драки, и с переломами. У нас ведь тут народ беспокойный. Жизнь тяжелая, чуть что дерутся. Бывает, и постреляют друг друга. Вылечит он вашего мальчишечку, обязательно вылечит.— Ласково уговаривала она.— А пойдемте, я Вас щами накормлю. У нас там, на кухне с обеда остались. Вам поесть надо. А то совсем больной вид у вас.

Николаич помотал головой, отказываясь. Ему сейчас кусок в горло не полезет. Но голос медсестры и исходившие от

нее тепло и забота немного успокоили его, вселили надежду.

Через полтора часа подошел врач, тот у которого были золотые руки.

– Сейчас все нормально. Жизненно важные органы не задеты. Но крови он потерял много. День-два нужно ждать, пока его шансы пятьдесят на пятьдесят.

Вот так золотые руки, рассердился Николаич, понимая, что не прав и, в то же время, чувствуя злость на доктора.

К Сергею его врач не пустил. Сказал, что может быть завтра. Николаич пошел к выходу, ждать своих. Нужно еще было отвезти в местное отделение Зиму. Пусть теперь им местные власти занимаются. У выхода его перехватила все та же медсестра и все же отвела его поесть. После вкусных горячих щей и чая, на душе немного стало полегче. Должен Сережа выкарабкаться. Должен, иначе и думать нельзя, приказал себе Николаич.

– Вы сюда надолго?– поинтересовалась сестра.

– Не знаю. Пока с Сергеем не решится. Он из Москвы. Может, удастся его туда отправить.

Медсестра с сомнением покачала головой. Москва она вон где! Десять тысяч километров. Кто же станет заниматься отправкой больного из крошечной больницы, находящейся на краю света.

– Переночевать Вам есть где? Вы ж не из местных?– спросила она.

– Нет, работаем в 100 километрах отсюда. На вертолете

прилетели, Сергея привезли.

– Если ночевать негде, у меня комната свободная есть.–

Предложила она.

– Да сейчас еще двое наших ребят подъехать должны.

Неудобно, Вас стеснять.– Смутился Николаич.

– Ничего, места всем хватит,– улыбнулась она своей доброй улыбкой.– Приходите. Меня Зоя зовут.

– Иван Николаич. Иван, то есть,– совсем засмущавшись, и, даже слегка покраснев, сказал он. Совсем он отвык от женского общества, одичал вдали от людей.

Примерно через час подъехали Саня с Пашей. Николаич быстро рассказал, как обстоят дела у Сергея.

– Мы там, в болоте чуть не застряли.– Объяснил Саня их долгое отсутствие. После дождей дорогу развезло, а там низина, место болотистое.

– Где этот?– хмуро спросил Николаич. Саня кивнул на вездеход.

– Ладно, поехали. Давай, в поселок поезжай. В отделение заехать надо.

Николаич залез в вездеход. На заднем сидении сидел Зима. Николаич быстро отвернулся.

– Я не хотел,– тихо сказал Зима.– Сергей жив?

– Заткнись!– рявкнул на него Николаич.

– От меня жена ушла. Письмо прислала. Я не хотел. Я в себя хотел...– с ноткой отчаяния в голосе заговорил Зима.

– Да лучше б ты, правда, застрелился. Если такой м...к из

за бабы стреляться.— Зло сказал Николаич. Ты и парня чуть на тот свет не отправил и себе жизнь поломал.

Пока нашли участкового. Пока ждали милицейскую машину из ближайшего города, что бы забрали Зиму, здесь держать его во время следствия было негде, наступила уже глубокая ночь. Немного поплутав по поселку, наконец, нашли домик гостеприимной медсестры Зои.

— Проходите, проходите!— Радужно встречала она гостей. Смущенные Саня с Пашей, отвыкшие от женского общества, переминались и топтались у двери. Пока Зоя не взяла ребят за руки и не отвела в комнату, где уже был накрыт стол, с ожидавшим их ужином.

После всех сегодняшних волнений и долгой поездки до больницы, наевшиеся до отвала молодые ребята, сразу же уснули в своих непривычно мягких кроватях. Николаичу не спалось. Нужно было сообщить кому-нибудь в Москву, про случившееся несчастье. Николаич взял сумку с вещами Сергея, привезенную с собой ребятами. И начал осматривать содержимое в поисках записной книжки или чего-нибудь подобного. Записной книжки не было, нашлась только небольшая пачка писем. Николаич начал перебирать конверты. Вот, наверное, от девушки. Но девушке он сообщать не хотел. Хоть и не сам он доставит телеграмму, но почему то ему было невыносимо тяжело думать, как молоденькая девчонка, к которой так рвался Сергей, вдруг получит телеграмму с известием, что с любимым произошло несчастье.

Вот письма от матери. Николаич вспомнил, что Сергей на днях говорил, что мать на весь июнь всегда уезжает к сестре в деревню. Значит, слать телеграмму ей нет смысла. Вот еще письма, наверное, от друга. На конверте взрослый человек, навряд-ли, напишет в графах обратный адрес и имя отправителя единственное слово «Вовану». Была пара писем от какого-то Д. Филимонова, но обратный адрес был не московский, так, что Д. Филимонов, кто бы он ни был, тоже отпадал. Одно письмо было подписано красивым аккуратным почерком. От некоей А. Н. Теляниной. Нежелание сообщать плохую новость девушке или рука провидения толкнула Николаича достать и просмотреть это письмо. Он чуть не подпрыгнул от радости. В самом конце было написано «Сереженька, милый, прошу тебя если тебе что-то понадобится или возникнут любые проблемы, совершенно не стесняясь, звони Родиону Петровичу, ты прекрасно знаешь, как он тебя любит». Дальше был крупными цифрами написан номер телефона и пояснение «Это рабочий номер, домашний ты знаешь».

Мысленно возблагодарив, пишущую красивым почерком, А.Н. Телянину, так своевременно указавшую номер телефона, какого то, видимо не безразличного к судьбе Сергея Родиона Петровича, Николаич прикинул разницу во времени. Было почти три часа ночи, значит в Москве почти два часа дня.

Николаич тихонько постучал в комнату хозяйки. Заспан-

ная Зоя, кутаясь в халат, испуганно посмотрела на него:

– Что случилось? С вашим парнишкой, что?

– Нет, нет. Зоя, Вы простите меня, столько хлопот Вам доставляю... – сконфуженно сказал Николаич. – Просто мне в Москву нужно позвонить, хотел Вас спросить, в больницу меня сейчас пустят? Там ведь есть телефон, я бы оттуда позвонил.

– Так ведь ночь же. – Удивленно посмотрела на него Зоя. Николаич улыбнулся.

– Так это здесь ночь. В Москве как раз день. Это насчет Сергея, нужно кому-то из близких сообщить. Вы простите, что разбудил Вас. – Снова начал он извиняться. – Но дело-то серьезное.

– Сейчас я оденусь, вместе пойдем в больницу. А то там может и закрыто ночью-то. Тут ведь не город. Народу мало, если уж совсем какой срочный случай, то конечно и ночью приезжают, а так в основном утром или днем.

Они довольно быстро дошли до больницы. Ночью в незнакомом поселке, он один, наверное, долго плутал бы по темным, разбитым дорогам. Зоя шла рядом с ним, стараясь не отставать, от его быстрого, привычного к дальним расстояниям шага. Она запыхалась и Николаич сбавил скорость, ругая себя, что он такой медведь неотесанный, совсем одичавший на своей работе вдали от людей и нормальной жизни, замучил бедную женщину, которая по доброте душевной и приютила и накормила, и теперь вот, тащится с ним,

вместо того, что бы спать в теплой мягкой кровати. Что бы скрыть неловкость он закурил и исподтишка, как школьник, разглядывал милое доброе лицо, настоящей русской красавицы. Ему нравились ее ясные серые глаза, нежные полные щеки с легким неисчезающим румянцем и толстая русая коса, которую она оборачивала вокруг головы, как в старину. Глядя на женщину, идущую с ним рядом, Николаичу стало грустно, что как то незаметно прошла его жизнь. Ни жены, ни детей. Только работа, дикие, суровые места, в которых он провел, почти двадцать лет. Много лет назад он был женат. Но жена не выдержала такой жизни, когда мужа нет по полгода дома, и развелась с ним. Он особо никогда не горевал об отсутствии семейного очага. Неустроенность жизни не тяготила его, и не возникало желания, что-то изменить. Устроить свою жизнь по-другому. Но сейчас, он вдруг представил, как было бы здорово приходить каждый день с работы, а тебя встречала бы такая же, как Зоя милая, добрая, уютная и домашняя жена. Может быть, сынишка или дочь выбегали бы навстречу и, цепляясь за колени, висли бы на нем, крича: «Папа, папа пришел!». Придет же в голову. Николаич отшвырнул докуренную сигарету и красный огонек, прочертив в темноте дугу, упал на дорогу, далеко впереди. «Вот старый дурак, размечтался! Это от волнения и усталости»— сказал он сам себе и, всю оставшуюся дорогу, старался не смотреть в ее сторону, а только вперед.

В больнице было тихо. Коридор освещала одна тусклая

лампочка. Зоя провела Николаича к палате, где лежал Сергей и, приоткрыв дверь, прошептала:

– Спит, милый. Все будет в порядке, не волнуйтесь!

Николаич заглянул в палату, освещенную только светом луны, пробивавшимся из окна. Сергей лежал на больничной кровати, неподвижный и как показалось Николаичу в неясном лунном свете очень-очень бледный.

Они прошли дальше по коридору, и Зоя впустила его в небольшой кабинет. Вдоль стены стояли застекленные шкафы с лекарствами, а у окна был стол, на котором находился, единственный в больнице телефон.

– Вот.– С гордостью сказала Зоя указав на чудо цивилизации.

Николаич достал письмо и, набрав код Москвы, начал набирать указанный номер. Раздался щелчок и приятный женский голос сказал:

– Добрый день. Приемная Телянина.

Николаич от неожиданности растерялся.

– Здравствуйте, можно поговорить с Родионом Петровичем?

– Родион Петрович сейчас встречает делегацию. Что ему передать.

– Пожалуйста, передайте, что это по поводу Сергея Кречетова,– пробормотал Николаич.– А когда ему можно позвонить?

– Вы можете оставить номер телефона, и Родион Петро-

вич Вам перезвонит.— Девушка была очень вежливая и голос звучал так доброжелательно, как будто в жизни этого Родиона Петровича не было большего удовольствия, чем перезванивать незнакомым людям.

— Да я по межгороду звоню. Может я сам...— забормотал Николаич, уже начавший жалеть, что не послал телеграмму девушке Сергея. С Родионом Петровичем все очень сложно, делегации, вежливые секретарши.

— Ничего страшного. Давайте я запишу номер и Ваше имя.— Предложила обладательница приятного доброжелательного голоса.

Терять Николаичу было нечего и, продиктовав, подсказанный Зоей номер телефона больницы и свое имя он осмелился добавить:

— Передайте, что это очень важно, пожалуйста.

— Конечно, я все передам. Всего доброго, Иван Николаевич.

Это, видимо, была самая вежливая девушка изо всех девушек на свете.

— Ну, что?— спросила Зоя. Николаич пожал плечами. Он не знал когда перезвонит и перезвонит ли вообще Родион Петрович, находящийся сейчас с делегацией.

— А черт его знает. Сказали, перезвонит,— ответил он, чувствуя себя ужасно виноватым, что напрасно переполошил ее среди ночи и теперь сам не знает, что делать дальше.

— Ну тогда я сейчас чаю принесу.— Улыбнулась Зоя.

Они попили чаю, и Николаич решил, что если загадочный Родион Петрович не перезвонит в течение часа, то они вернуться к Зое домой.

– А вы давно на такой работе?– спросила Зоя.

– Давно, уж почти два десятка лет.

– Надо же, и все время так, вдали от людей, от семьи? Это ж тяжело, наверное, так. Не надоедает такая жизнь?– почти жалостливо глядя на него спросила она.

– Да не знаю, я даже не думал об этом. Я привык. И семьи нет...– он почувствовал что краснеет. Как будто Зоя подслушала его мысли по дороге сюда и теперь хочет, чтобы он вслух озвучил их.

– Ой. Да как же так можно, что бы человек все время был один? Вы, мне кажется такой хороший человек, и один. Вон, Вы, как из-за парнишечки-то вашего убивались!– Зоя покачивала головой, как бы жалея его бедного одинокого бродягу. Николаич не хотел продолжать этот разговор, да и смысл какой. Жизнь его так сложилась. Уже ничего не переделаешь.

– Почему один? Нас целая бригада. Ребята хорошие.– Буркнул он.– Вы лучше о себе расскажите. Это поинтереснее будет. К примеру, как Вы медсестрой стали.

Николаич смотрел на нее в ожидании ответа, радуясь, что так ловко перевел разговор с неприятной темы на ее жизнь. Тем более ему действительно хотелось, что-нибудь о ней узнать. Но ничего про Зою, на этот раз, по крайней мере, он

узнать не успел. На столе зазвонил телефон, захлебываясь истерическими звуками междугороднего звонка.

– Да!– взволнованно прокричал Николаич в трубку.

– Здравствуйте, Иван Николаевич.– Донесся из трубки такой же вежливый, как до этого у девушки, но уже мужской голос.– Это Родион Петрович. Мой секретарь передала, что Вы звонили по поводу Сергея Кречетова. У Сергея, какие-то неприятности?

– Дело в том э...– Замямлил Николаич, пытаясь сообразить, как объяснить сложившуюся ситуацию. Видимо, угадав его затруднения, Родион Петрович пришел к нему на помощь:

– Иван Николаевич, Сергей друг моего сына, и мы с супругой относимся к нему как к собственному ребенку. Так что, если у Сережи проблемы, я приму самое непосредственное участие, что бы помочь их разрешить.

Николаич вкратце рассказал о произошедшем несчастье. Родион Петрович оказался отличным слушателем, не перебивал, ненужных вопросов не задавал. Когда Николаич закончил, после некоторой паузы, его собеседник, наконец, сказал:

– Я созвонюсь с лечащим врачом. Если он разрешит, то, в ближайшие день-два, Сережу переправят на самолете в Москву. Близких Сережи я поставлю в известность о случившемся. Я очень Вам благодарен, Иван Николаевич. Спасибо.– Голос Родиона Петровича, на протяжении его речи,

оставался все таким же ровным и спокойным, только казалось, что он внезапно слегка охрип. Николаич очень зауважал этого совершенно не знакомого ему, видимо занимающего важный пост, человека. Настоящий мужик. Все четко, понятно, без ненужных охов ахов.

Закончив разговор, он прямо почувствовал, как будто камень с души свалился. Груз ответственности за родных и близких, за отправку в Москву, фактически, взял на себя только, что говоривший с ним по телефону человек. Теперь главное, что бы Сергей поправился.

Николаич повернулся к Зое, которая с волнением и неподдельным переживанием смотрела на него. Он радостно улыбнулся ей:

– Все хорошо. Сказал, Сергея в Москву на самолете переправят. Хороший мужик. Ну, что пошли домой?

– Да, пошли, – кивнула Зоя и взяла его под руку. И Николаич почувствовал, какую-то необъяснимую гордость, от того, что она идет рядом с ним, опираясь на его руку.

24.06.1991г.

Сергею казалось, что он плывет под водой. Где-то высоко над ним, сквозь толщу воды, пробивался слабый свет. «Нужно поскорее всплывать, а то воздух закончится» – мелькнуло, в его голове. Но почему-то ноги и руки отказывались слушаться, и вода казалась какой-то темной и вязкой. И временами накатывала ноющая, тупая боль. «Я же сейчас захлеб-

нужь»— снова подумал он, но мысли ворочались слабо, лениво. Он не испытывал страха, просто почти равнодушно размышлял, о том что может произойти.

В следующий раз он вынырнул из темноты и почувствовал, как резанул глаза свет, когда он их приоткрыл. Он зажмурился и через какое-то время попробовал снова открыть глаза очень медленно, что бы привыкнуть к яркому дневному свету. Сквозь полуоткрытые веки он увидел прямо над собой белый потолок. Чуть повернув голову, Сергей разглядел окно, гладкие окрашенные желтоватой краской стены. «Где я?»— подумал Сергей. Он был в лагере. Он скоро должен был лететь в Москву. Но сейчас он был в совершенно незнакомом месте. Он попробовал сесть, но почувствовал резкую боль и даже застонал.

– Тихо! Тихо! Миленький!— успокаивающе произнес ласковый женский голос, и заботливая рука легла ему на плечо, удерживая на месте.— Нельзя тебе вставать. Полежи, не вставай только, ладно? Я сейчас.

Судя по звуку быстро удаляющихся шагов, женщина, говорившая с ним, куда-то побежала. Хлопнула дверь. «Постойте, не уходите!— хотелось крикнуть Сергею ей вслед.— Объясните где я, что со мной». Он приоткрыл потрескавшиеся губы, но вместо крика из его рта донесся еле слышный хриплый шепот.

– Иван Данилыч! Большой из третьей палаты очнулся!— раздалось откуда-то из-за закрытой двери.

Через пару минут Сергей услышал шаги. Теперь это был уже не один человек.

– Таак! Посмотрим.– Над Сергеем склонился мужчина лет сорока пяти. В белом халате, из кармана которого выглядывали свернутые трубочки стетоскопа.– Ну, с возвращением, молодой человек!– улыбнулся мужчина, который был определенно доктором.

– Это больница?– просипел Сергей. Доктор широко улыбнулся и энергично закивал головой.

– Больница, больница. Давайте-ка мы Вас осмотрим.

– Что случилось?– снова просипел Сергей.

– Что случилось, что случилось? Дырку в Вас проделали, вот что случилось. Но, Вы не волнуйтесь, мы ее уже того, зашили, в общем.– Врач снова широко улыбнулся. Сергею пришла мысль, не приходится ли веселый доктор каким-нибудь дальним родственником Вовану.

Осмотрев пациента, доктор остался, вполне доволен.

– Вам, молодой человек, удивительно повезло. Вот буквально сантиметр вправо или сантиметр влево и все могло быть очень-очень печально. В общем, через какое-то время, будете как новенький. Там Ваши друзья дожидаются. Вы как, готовы к аудиенции? Или их того, попросить позже зайти? Вы на правах больного можете и покапризничать! Я вам как врач говорю.– Доктор рассмеялся.

«Ну, точно, Вован номер два». Сергей попытался улыбнуться, симпатичному доктору. Но сухие, потрескавшиеся

губы отказывались растягиваться в улыбку.

Неожиданно посерьезнев, доктор сказал, уже как обычный врач, а не шутник и балагур, случайно нацепивший белый халат и изображающий из себя врача.

– Так. Друзей я ваших пущу, потому, что они очень волнуются и надоели мне уже хуже горькой редьки. Но вам переутомляться нельзя. Запоминайте: они говорят – вы молчите, не приподниматься, не вставать, не садиться, с боку на бок не вертеться. Полный покой. Вашим друзьям и коллегам даю десять минут. Все ясно?

Сергей слышал, как за дверью доктор инструктирует его друзей, наверное, кого-то из бригады. Строгим голосом говорит им, что-то, видимо объясняет правила посещения больных, в которых, по его словам, проделана дырка. Сергей пока не мог вспомнить, что произошло. Что еще за дырка такая. Но подробно расспрашивать врача у него не было сил, пока это было не важно.

Очень осторожно ступая по покрытому линолеумом полу, в палату зашли Николаич, Саня Белов и Паша Головин. Тихо, почти на цыпочках, запуганные врачом, подошли они к кровати больного и встали на некотором расстоянии.

– Смотри-ка, а он и правда, живой! И глаза открыты и дышит.– Тихонько заржал Паша. Все трое посетителей выглядели настолько искренне счастливыми, что Сергей даже растрогался.

– Здорово мужики!– просипел он, забыв запрет врача.

– И даже разговаривает!– не унимался Пашка.– Серега, брат, ну ты нас напугал!

– Что случилось?– спросил Сергей. Все трое переглянулись, не зная можно ли ответить на заданный вопрос и, не повредит ли это больному. Таких инструкций строгий доктор не дал. Николаич покашлял, пытаясь потянуть время:

– Ты ничего не помнишь, Серезж?

Сергей слегка мотнул головой.

– Ну, в общем, тут такое дело. Зима он...– Николаич замолчал, увидев, как напряглось лицо Сергея. При упоминании о Зиме он начал смутно, что-то вспоминать. Но пока все было очень расплывчатым. Зима на своей кровати. У него совершенно безумный, лишенный всего человеческого взгляд. И еще у него ружье Николаича. Он пытается приставить его к горлу. Хочет выстрелить. А потом звук выстрела.

Сергей смотрел на Николаича, на ребят. Он не мог понять, почему они молчат. Почему выглядят такими смущенными и даже испуганными. Может Зима застрелился?

– От него жена ушла. Ну вот, он и слетел с катушек.– Сказал Николаич.

– Он застрелился?– чуть слышно задал вопрос Сергей. Он очень устал. Глаза у него начали закрываться, и он так и не узнал, что случилось с Зимой. Но сейчас ему было все равно, он снова провалился в черноту.

Вечером они снова зашли навестить Сергея. На этот раз,

что бы попрощаться. Врач сказал, что из Москвы в Средне-колымск должны прислать за Сергеем самолет. Какой-то мужик, видимо большой начальник, то ли родственник, то ли друг Сергея, договорился с военной медслужбой. Поэтому с утра его на вертолете переправят туда.

Прощание получилось немного грустным. Не так должно все было быть. Если бы ничего не произошло, за день или два до отъезда накрыли бы они у себя в лагере большую «поляну». Выпили, поговорили по душам напоследок, повспоминали бы забавные случаи, произошедшие за долгие девять месяцев, которые они провели вместе. Но вышло не так. И поэтому всем было жаль, как будто недополучили они чего-то хорошего и важного, что осталось бы в их памяти на всю оставшуюся жизнь, одним из тех воспоминаний, которые потом вызывают улыбку, и, забыв все трудности и невзгоды, через которые пришлось пройти, думаешь, вот было время!

Обменялись адресами. Пора было уходить. Ребятам рано утром нужно было возвращаться в лагерь.

Сергей к этому времени уже вспомнил, может без лишних подробностей, но вспомнил, что произошло.

– А что с Зимой будет?– спросил он. Николаич пожал плечами.

– Посадят. А что с ним может быть, если он тебя, чуть на тот свет не отправил.

Сергей задумчиво смотрел, куда-то мимо него.

– Да он пьяный был. Не соображал, что делает. Не хотел он... – сказал Сергей.

Лицо Николаича стало суровым.

– Он тоже все твердил, что не хотел. Хотел, не хотел это ничего не меняет. Он человека чуть не убил. А если он в следующий раз напьется и убьет кого-нибудь? Что тогда?

Сергей упрямо повторил:

– Он не хотел. Ты же знаешь, он не такой.

Николаич махнул рукой, не хотел спорить перед расставанием. Паша, что бы разрядить обстановку сказал:

– Кукушонок очень переживал. Ревел как маленький, с нами просился. А когда мы Андрея в вездеход повели, он, как кинется на него. «Убью, гад!» – орет. И откуда столько сил взялось, ребята еле оттащили его. Пока мы отъезжали так и держали, а он все вырывался и кричал. Вы там повидайтесь с ним в Москве. Хороший паренек. Зеленый еще совсем, но с характером. Мужик оказался. – Паша засмеялся. – Я думал, он к мамке прямо из аэропорта сбежит, в первый же день.

Все улыбнулись. Пора было прощаться. Наскоро пожали Сергею руку, каждый жал очень осторожно, как будто боялся повредить хрупкую вещь.

Рано-рано утром вертолет доставил Сергея в Среднеколымск. Где уже ждал небольшой военный самолет.

Радион Петрович обладал самыми разнообразными полезными связями. Сергей улыбнулся, подумав, смог бы отец

Вована, в случае необходимости, раздобыть подводную лодку. Во всяком случае, и такое вполне могло случиться.

Самолет оторвался от земли и, набирая скорость, устремился вперед, в западную часть огромной страны. «В Москву!— думал Сергей.— Наконец-то в Москву...».

25.06.1991г.

Рано утром Николаич отправил Саню с Пашей заводить вездеход.

– Спасибо Вам за все. Выручили нас. И приютили, и обогрели.— Поблагодарил он Зою.

– Будете в наших краях, милости просим.— Улыбнулась она ему, но глаза у нее были грустные.

Пора было ехать. И понимая, что тянуть время и глупо и бессмысленно Николаич все-таки не мог заставить себя окончательно попрощаться и уйти.

– Что-то крыльцо у Вас совсем покосилось.— Нашел он повод задержаться еще на несколько секунд. Зоя сокрушенно махнула рукой.

– Да, не говорите. Того и гляди совсем обвалится. Вот, в следующем месяце, в отпуск пойду, так позову ребят из лесхоза. Тогда они и починят.

Николаич смотрел на нее и мучительно пытался принять решение. Решившись, наконец, он быстро сказал:

– У меня отпусков накопилось не отгулянных лет за десять, начальство меня все ругает за это. Так может, я тоже

возьму отпуск и приеду, почию Вам крыльцо.

Светлая улыбка озарило ее милое доброе лицо.

– Приезжай, Ваня. Я буду ждать.

Зоя наклонилась к нему и поцеловала в небритую щеку.

Николаичу показалось, что он сейчас задохнется от переполнивших его в это мгновение чувств.

– Я приеду.– Твердо сказал он и побежал в сторону уже во всю тархтящего вездехода, сдерживая себя, чтобы не начать подпрыгивать как молодой козленок или не заорать, что-нибудь во все горло от переполнявшего его чувства радости.

27.06.1991г.

После окончания летней сессии будущим архитекторам полагалось пройти месячную практику в одной из организаций связанных с их будущей профессией.

Веру пригласило архитектурное бюро, директора которого впечатлил ее курсовой проект. Вовану отец предложил пристроить его, для прохождения практики, в одно из посольств, здание которого реконструировали и там требовался человек на подхвате, для исполнения мелких поручений архитектора проекта. Вован отказался и стал напрашиваться вместе с Верой. Директор бюро курсовую работу Вована тоже видел и счел ее весьма талантливой и перспективной. Но сам студент был просто неуправляем, и только после того как Вера пообещала присматривать за ним и контролировать его действия во время работы, директор дал согласие взять

и Вована.

– Смотри у меня!– сказала Вера, погрозив Вовану маленьким кулаком.– Я за тебя поручилась.

– Подумаешь!– презрительно закатил глаза Вован.– Ты просто знаешь, что без меня тебе не справиться. Ты ж такая несамостоятельная.

– Ты меня раскусил,– усмехнулась она.– Даже не знаю, как я работать буду после окончания института, без твоей-то помощи.

– Не рви мне сердце, Ковальская. Не заставляй меня раньше времени нервничать и переживать за тебя, неумеху. Как ты жить будешь, когда добрый друг Вова пойдет своей дорогой? Пропадешь ведь совсем.

Работа была не особо творческая. Двум студентам не поручишь серьезный проект. На предстоящий месяц, перед Верой и Вованом поставили задачу проверить и заархивировать всю старую документацию, а также проверить, какие еще согласования нужно сделать по новой. И составить список.

– Я такой нуднятиной заниматься не буду.– Заявил Вован через пять минут после начала первого рабочего дня.– Всему есть предел, Ковальская. Ты умоляла меня проходить практику вместе. Буквально насильно затащила меня в эту контору, потому, что без меня ничего сама не можешь. А теперь выясняется, что я должен сидеть и копать в старых пыльных бумажках. Нет, все Ковальская, с меня хватит. Пойду

работать в посольство, а ты можешь идти к начальству. По-ной, поплачь. Скажи, Володечка Телянин ушел, я сама ничего не умею, потому, что я бестолочь полная. Может директор сжалится и засчитает тебе практику. Ты почему-то ему нравишься. Странно конечно.

Вера, прислонившись к стене, с насмешливой улыбкой ожидала окончания выступления приятеля.

– Ну, все? Отфонтанировал? А теперь, бери вот эти чертежи и тащи их в соседнюю комнату.– скомандовала она.

– Не ну нормально! Я, что теперь и грузчик? Я же специально, Ковальская, в институт пошел, чтобы тебе чертежи таскать!– возмутился Вован.

– Ты мне надоел! Не хочешь ничего делать, иди отсюда, под ногами не мешайся,– рассердилась Вера, уже начиная жалеть, что купилась на предложение Вована проходить практику вместе.

В конце концов, договорились так: Вован приносит и уносит чертежи, папки и коробки с бумагами, которые нужно рассортировать. А всю писанину и проверку документов, Вера взяла на себя. Вован и тут, остался верен себе:

– Конечно, отлично придумала! Володя таскай тяжести, спину себе надрывай, а она, как королева сидит себе целый день и только бумажки с места на место перекладывает, и каракули кривой лапкой пишет, создает видимость работы.

Вера рассмеялась.

– Знаешь, Телянин, меня все время удивляет, как тебя ни-

кто не убил до сих пор.

Дни проходили за днями. Вера занималась документами, Вован, приносил ей очередную партию бумаг, не забыв при этом посетовать, как Вера его эксплуатирует и гоняет, просто заездила совсем. Поставив в углу комнаты свою ношу и поныв о своей тяжелой жизни, Вован отправлялся в обход, по бюро, очаровывать и флиртовать со всеми более-менее молодыми представительницами женского пола, работавшими в нем.

– А я сначала думала, что Вера твоя девушка.– Выпуская сигаретный дым и кокетливо глядя на Вована, сказала мило-видная молоденькая бухгалтерша Леночка, во время перекура на лестничной площадке.

– Ковальская? Да нет. Мы просто друзья. Хотя, знаешь, жалко ее конечно. Мне кажется, она-то в меня влюблена, до потери памяти. Все время ходит за мной, вздыхает, в глаза смотрит преданно, грустно так. Ну, такие вещи всегда чувствуешь. Понимаешь. Она хорошая. Мне ее, правда, жалко, но ведь сердцу не прикажешь.– Вован грустно смотрел на Леночку, всем своим видом изображая сочувствие к несчастной безответно влюбленной в него подруге. Леночка с нежностью посмотрела на Вована, надо же, такой шалопай, а гляди-ка, какой чувствительный.

– Лен, может, сходим куда-нибудь после работы?– предложил Вован.

– А Вера не расстроится, если увидит нас вместе? Мне она нравится.– Леночка задумалась.– Давай встретимся где-нибудь, чтобы Вера не знала. Ладно?

Вован кивнул. Вечно Ковальская создает ему проблемы. Вместо того, что бы взять Леночку под локоток в конце рабочего дня и отправиться с ней в какое-нибудь приятное место, теперь придется сначала тащиться с Веркой до метро, а потом ехать куда-нибудь встречаться с Леночкой. И угораздило же Верку в меня влюбиться, засмеялся Вован.

Вера курила на лестнице. Зацокали каблучки, и на площадку вышла Леночка из бухгалтерии.

– Привет!– улыбнулась Вера. Леночка была очень милой, приятной девушкой.

На Верино приветствие Леночка еле слышно ответила и, опустив глаза, и, даже слегка покраснев, тут же отвернулась.

– У тебя все в порядке?– встревоженно спросила Вера. Не то что бы они были подругами, но обычно болтали и смеялись во время перекуров и при встрече.

– Все нормально,– не глядя на Веру, быстро сказала Леночка. Вера пожала плечами. Может настроение у человека плохое.

– Вера!– в голосе Леночки слышалось отчаяние.– А тебе Володя очень сильно нравится?

Вера в недоумении уставилась на Леночку.

– Да как тебе сказать. Очень сильно мне обычно хочется

его убить. А нравится? Не знаю, мы дружим.

– Извини, конечно, это не мое дело, но для меня это важно. Ты в него влюблена?– Леночка смотрела на Веру широко открытыми наивными глазами.

Вера начала догадываться, откуда ветер дует. «Бедная ты бедная. Даже не представляешь, что тебя может ждать, если ты сей же момент не пнешь этого ловеласа под его тощий зад и не пошлешь куда подальше»– искренне пожалела она несчастную, доверчивую Леночку.

– Нет. Не влюблена. Сама не знаю, как я устояла перед таким сокровищем!– ответила Вера и с жалостью отметила, как буквально расцвела Леночка, избавленная от мук совести.

Влетев в комнату, где Вован отдыхал от непосильной работы и своих любовных изысканий, лежа на большом письменном столе, прикрыв голову от яркого света одним из чертежей, Вера с угрожающим видом начала надвигаться, на ничего не подозревающего приятеля:

– Все, Телянин! Страсть во мне кипит, не могу больше сдерживаться. Не знаю, что и делать?

Открыв глаза, и приподнявшись на столе, Вован непонимающе уставился на Веру.

– Ты чего, Ковальская, сдурела, что ли совсем? Переработала? Ну, сказала бы, я бы уж помог, так и быть.

Вован, напрочь, забыл, что он вчера наговорил Леночке,

приглашая ее на свидание.

– Люблю я тебя, Телянин, жить без тебя не могу. Если не ответишь мне взаимностью, пойду сейчас под поезд брошусь, как Анна Каренина – Со злобной улыбкой говорила Вера, все ближе подходя к столу. В памяти Вована начали всплывать отдельные фрагменты, что-то он такое сказал вчера про Веркину влюбленность. Схватив здоровенный деревянный треугольник, Вера бросилась на него.

– Хотя нет. Что это я? Лучше я тебя убью! Не достанешься мне, так ни кому не доставайся.

Она замахнулась тяжелым треугольником на Вована.

– Да пошутил я, не понятно, что ли?– завопил Вован, уворачиваясь от удара.– Да ладно, Ковальская, ты чего, шуток не понимаешь?! С ума сошла, ведь этой хреновиной и правда убить можно. А!!! Помогите!

Соскочив со стола, Вован хотел броситься к двери, но Вера преградила ему дорогу, и, отбежав назад, он спрятался за стол.

– Ах ты, скотина, безмозглая! Шутник! Ты уже достал, Телянин, ты у меня в печенках сидишь. Все, не подходи ко мне больше. Понял!– раскрасневшись от злости, кричала Вера.

Через полчаса, успокоившись и помирившись, они вместе сидели на письменном столе, болтая ногами и хихикая.

– Ты просто невыносимый человек!– смеялась Вера.

– Зато, не скучный, как некоторые.– Поддразнил ее Вован.– Да ты не бойся, Ковальская, я Сереге ничего не скажу,

про то, как ты в меня влюбилась. Ты же теперь понимаешь, что тебе ничего не светит. Придется смириться и уж как-нибудь продолжать там с Серегой.

Вера потянулась за валявшимся на полу треугольником.

– Вера! Возьми себя в руки. Ты же взрослая девочка. Ты же должна понимать, что как бы я хорошо к тебе не относился, любовь это такое дело... – смеясь, Вован выбежал в коридор.

Соня готовилась к предстоящей свадьбе. Узнав о намечающемся событии века по цепочке Вера-Вован-Алина Николаевна, Родион Петрович организовал для торжественного события хороший ресторан с хорошей едой и пообещал достать для будущих молодоженов путевки, на время «медового месяца». Соня была на седьмом небе. Не переставая нахваливала Вована и его семью, не оставляя мысли о том, какая хорошая они с Верой были бы пара. Вере надоело выслушивать советы Сони рассмотреть кандидатуру Вована, и она решила раз и навсегда, закрыть эту тему.

– Он меня не любит. Успокойся.

Соня уставилась на сестру:

– С чего ты взяла?

– Он мне сам сказал.– Глядя в глаза Соне заявила Вера.

Соня с трагическим выражением лица прошептала:

– А ты?

– А, что я?– тяжело вздохнув, Вера развела руками.– Лю-

бовь это такое дело, сердцу не прикажешь. Я смирилась. Будем друзьями.

– Вера!– пристально глядя на сестру, сказала Соня.– Ты шутишь!? Опять придуриваешься? Он тебе не нравится?

Вера рассмеялась.

– А ты думала, я в Телянина влюбилась? Ой, упаси боже!

– Господи, да когда же ты повзрослеешь уже?– Серdito спросила Соня.

– А зачем?!

– Действительно! Зачем?– фыркнула Соня и, махнув рукой ушла.

Веру удивляла активная Сониная суета с подготовкой к свадьбе. Казалось, ей нравится сам процесс. Она так долго этого ждала, что теперь хочет насладиться всем, что связано с этим событием в полной мере. «Бедная ты моя, бедная!» улыбалась Вера, наблюдая за бессмысленной, на ее взгляд, суетой старшей сестры, приносящей ей, судя по всему, огромное удовольствие.

В общем, последний месяц ожидания, хоть и не пролетал стрелой, но проходил вполне сносно, по сравнению с первыми совершенно невыносимыми месяцами, когда Вере казалось, что время застыло на месте и девять долгих месяцев никогда не кончатся.

27.06.1991г.

Утро было чудесное. И жизнь была чудесная. Неделя.

Осталась одна неделя. И он вернется. И она его снова увидит и бросится ему на шею, а он будет обнимать ее, целовать, шептать нежные слова. Неделя! Ура! Ура! Ура!

И погода замечательная, тепло, но не жарко. Вере хотелось петь, летать над землей.

Пора было ехать на практику. Оглядев себя еще раз в зеркале, и оставшись вполне довольной собой, Вера, чуть ли не пританцовывая, направилась к лифту.

У подъезда стояла знакомая большая черная машина. А возле машины еще более знакомый Телянин.

Вера, чуть не споткнулась от неожиданности, увидев приятеля, в столь ранний час, у подъезда своего дома, да еще при папиной служебной машине. Да еще из машины на нее, оказывается, смотрела Алина Николаевна, которую Вера сначала не заметила. Все это вместе взятое и еще то, что Вован не улыбался как обычно, нахально и вызывающе, а как-то робко и ненатурально, начало внушать Вере тревогу, быстро перераставшую в панику. Случилось что то ужасное!

Вован шагнул ей навстречу, и она с надеждой ждала, что он сейчас нагло ухмыльнется и скажет, что-нибудь типа: «Ковальская, ты такие каблуки нацепила, не боишься, что ноги подломятся как две вермишелины и ты рухнешь?». Но Вован подошел к ней продолжая улыбаться этой дурацкой вымученной улыбкой и противным ласковым, почти нежным голосом сказал:

– Вер, привет. Пойдем в машину. Сейчас поедем к Сереге.

И даже обнял ее за плечи, но не как обычно развязно и снисходительно, а так бережно и осторожно, что она его просто возненавидела в этот момент, потому, что так вести себя он мог, только если случилось, что то очень-очень плохое.

Вера попыталась спросить, что случилось, и почему они поедут сейчас к Сергею, если он на севере и только через неделю прилетит в Москву. И почему Алина Николаевна здесь, и почему они вообще все сюда приехали. Но ни одного вопроса она так и не задала. Почему-то она открывала и закрывала рот, а ни одного звука произнести у нее не получалось.

– Вер, не волнуйся. Серега в Подмоскowie, в военном госпитале. Вер, он живой, все в порядке!– затараторил Вован, видя, что она сейчас просто упадет, действительно рухнет с этих чертовых каблуков.– Мам! Да скажи ты ей!

Спустя десять минут, машина уже мчалась в сторону от Москвы, а к Вере, которую ободряла Алина Николаевна, отругав «идиота Володю», который чуть не довел бедную девочку до потери сознания, вернулась временно утраченная способность произносить звуки и даже целые слова и предложения. Алина Николаевна, запретив сыну открывать рот, коротко рассказала, что произошел несчастный случай, что Сережу доставили в Москву и теперь все хорошо.

Вера шла по длинному коридору следом за врачом.

Высокий, подтянутый, с военной выправкой доктор,

встретил приехавших внизу и, проводив в свой кабинет, быстро и четко рассказал о состоянии Сергея на сегодняшний день. И сразу сумел успокоить всех, внушить уверенность, что все хорошо и волноваться совершенно не о чем. Он разрешил Вере, в виде исключения, навестить больного, но остальным твердо сказал, что еще несколько дней придется подождать с посещениями.

Наконец они остановились у дверей палаты, в которой находился Сергей.

– Постарайтесь быть спокойной и держать себя в руках. Ему сейчас нужен покой и поменьше волнений. Через неделю другую будет как новенький,– улыбнулся врач. У него была очень хорошая улыбка, совершенно преобразившая суровое мужественное лицо, сделав его похожим на озорного мальчишку. Легонько подтолкнув Веру к дверям палаты, он ободряюще кивнул ей.

Довольно просторная палата была не просто по больничному чистой. Она сверкала чистотой, больше напоминающая операционную. Посреди палаты стояла больничная кровать, рядом с которой была установлена капельница. Длинная, тонкая, полупрозрачная трубочка, присоединенная к капельнице, заканчивалась на тыльной стороне руки Сергея, скрываясь под кусочком пластыря. Сергей спал. Вера очень тихо, на цыпочках, подошла к кровати и, опустившись на колени, осторожно, погладила короткие волосы, вглядываясь в такое родное любимое лицо. Она наклонилась и, едва кос-

нувшись губами, чтобы не разбудить, поцеловала Сергея в лоб.

– Не волнуйся, когда голова отваливается, врачи ее просто на место ставят и все.

Сергей, улыбаясь, смотрел на нее.

– Привет!– прошептала Вера, зарываясь лицом в его широкую ладонь и целуя ее.– Ты не представляешь, как я испугалась.

Она почувствовала, как горячая слезинка катится из уголка глаза и, скатываясь по щеке, падает на ладонь Сергея.

– Ты не представляешь, как я рад тебя видеть! Вера! Не плачь. Все хорошо. Посмотри на меня! Я так по тебе соскучился.– Говорил он ей, нежно перебирая ее волосы и успокаивая как маленькую.

Перед самым уходом, врач не разрешил долгого посещения, Вера поцеловала Сергея в губы, тоже очень осторожно, боясь как-то повредить ему, не зная как обращаться с тяжелобольным или раненым. Он, улыбаясь, поймал ее за руку.

– Так, чем там закончилась та сказка? Ты обещала рассказать. Я вернулся! Рассказывай.

Вера засмеялась.

– Ладно. Слушай.– Она села на краешек кровати и начала рассказывать с того места на котором остановилась девять месяцев назад.

Дойдя до конца сказки, где королева, должна была угадать имя карлика. Что бы, он не забрал ее ребенка, Вера сказала:

– И когда королева уже совсем отчаялась, и остался один последний день, из тех, что дал ей карлик, она пошла гулять по королевскому саду и случайно забрела в самый дальний его уголок, и услышала, как кто-то поет песню. Королева пошла поближе и увидела, что это карлик варит варенье перед своим домиком и поет песню, о том, как он принесет в свой домик дитя королевы. И в конце песенки он назвал себя по имени. Вечером он пришел к королеве, уверенный, что она так и не догадается, как его зовут, а она произнесла его имя. Карлик топнул ногой и исчез.

– Так я и знал. Ленивая и коварная королева все-таки сжила со света несчастного карлика.– Улыбнулся Сергей. Вера засмеялась, а потом сказала серьезно:

– С другой стороны, она защищала того, кто ей дорог, а ради этого можно сделать, что угодно.

Алина Николаевна с Верой вышли из здания госпиталя. Обиженный тем, что его не пустили повидаться с другом, Вован курил, стоя прислонившись к машине. На самом деле он ужасно распереживался, когда родители сказали ему про Сергея. Сейчас, после разговора с врачом он успокоился, и просто больше из вредности, делал вид, что дуется.

– Ковальская, ты бы еще повыше каблучки нацепила, не боишься, что ноги подломятся?– крикнул Вован радостно смеющейся Вере.

11.07.1991г.

Вера и Сергей, держась за руки, вышли из здания военного госпиталя. Валера галантно распахнул перед ними дверцу машины, любезно присланной Родионом Петровичем, по случаю выписки Сергея. Улыбающиеся и необыкновенно счастливые, они выехали за больничные ворота и помчались навстречу новой жизни, новому счастью, туда, где они больше не будут расставаться, где, как им очень хотелось верить, они будут вместе навсегда.

Вована, тоже рвавшегося поехать встречать Сергея из госпиталя, Алина Николаевна не пустила. Сказав, что двум влюбленным, наконец встретившимся после долгой разлуки, нужно побыть вдвоем. И он, то есть Вован, со своими дурацкими и бестактными шуточками им сегодня совершенно не нужен.

– Да ладно,– сказал, обиженный до глубины души, Вован,– им уже через пять минут надоест целоваться, обниматься и говорить всякие сюси-пуси. Они еще сами начнут говорить, ну где же наш любимый обожаемый друг Вованчик. Как же без него плохо и одиноко. А может даже заплачут. Я же знаю, они без меня никуда.

Он без дела слонялся по квартире. Мать готовила обед, и он притащился к ней на кухню и даже предложил помочь.

– На вот лук почисть и порежь мелко.– Смилоствовала Алина Николаевна, передавая сыну через стол, пару луковиц

и нож.

– А интересно, как Сережа и Верочка познакомились? Наверное, какая-нибудь ужасно романтическая история.– Мечтательно сказала Алина Николаевна.

– Очень мам. Ты даже не представляешь!– рыдая над луком, сказал Вован.

Алина Николаевна, бывшая сегодня по случаю воссоединения влюбленных, романтически настроена, уселась напротив сына и, подперев подбородок руками, попросила:

– Ну, расскажи, не вредничай.

Отерев слезы, лившиеся в три ручья, Вован гнусавым голосом сказал:

– Боюсь, ты не выдержишь! Это слишком трогательно.

Решив, что сын, просто из вредности хочет ее подразнить, Алина Николаевна игриво сказала:

– А хочешь, Вовчик, я тебе расскажу, как мы познакомились с твоим папой, а ты потом про Верочку с Сережей расскажешь.

– А вдруг я не выдержу?– ухмыльнулся Вован. Алина Николаевна с упреком посмотрела на сына. Все-таки он не выносимый.

– Да шучу я, шучу.– Примирительно сказал Вован.– Просто ты мне уже рассказывала, как ты сломала каблук, а папа, молодой и красивый, как истинный рыцарь, тащил тебя вместе с каблуком до подъезда твоего дома на руках. А ты знаешь, мам, папа то, оказывается, был проказник в молодости.

Вот так запросто взять и схватить на руки незнакомую девушку, это знаешь, очень рискованно даже в наше время, более свободное от предрассудков, чем во времена вашей молодости.

Алина Николаевна сидела, мечтательно улыбаясь. Взор ее затуманился, видимо перед ней вставали картинки из прошлого, переноса ее в те времена, когда Родион Петрович был молодым проказником, а она была еще юной стройной Линочкой, которую молодой проказник Родион Петрович с легкостью мог донести до ее подъезда, не заработав при этом грыжу и не сорвав себе спину. Алина Николаевна вздохнула, и растроганно посмотрела на сына.

Вован приосанился.

– Ну, так, что, готова слушать? Но смотри! Ты сама напросилась! – погрозил он матери пальцем. Выдержав паузу, он с торжественным видом спросил еще раз. – Точно готова? Учти, Ромео и Джульетта отдыхают.

Алина Николаевна уже начала чувствовать смутное беспокойство. Но, любопытство одержало верх, и она промолчала.

– История о любви и страсти. – Зычным голосом возвестил Вован. – Действующие лица: твой покорный слуга, Боська, юная, прекрасная Ковальская, неотразимый и мужественный Серега, ну и еще пара-тройка друзей, ты их не знаешь и они так, на заднем плане, массовка.

Тихий осенний вечер. Наша квартира. Это я атмосферу

создаю,— пояснил Вован.— Юная и прекрасная Ковальская, напившись как сапожник, отправилась помечтать в тишине и уединении ванной комнаты, чтобы поразмышлять там о своем, о девичьем. В это же самое время, наш несравненный, великолепный, мужественный и неотразимый Серега, совершенно случайно, буквально волею судьбы, повстречался, посреди коридора, с нашим Боськой. Ну, дальше сама понимаешь. Серега-Боська, Боська-Серега. Серега в собачьих слюнях, что новогодняя елка в шарах. Прямо стих получился!— сам собой восхитился Вован.— Ну, Серега такой: «Фу, фу, фу!». Подумаешь! У нас вся квартира в слюнях и ничего, привыкли. В общем, кинулся этот чистоплюй в ванну, в обитель девичьих грез, так сказать, где Ковальская совсем замечталась о прекрасном, и возвышенном. В общем как принцесса из сказки сидела там и своего принца ждала. Ну, тут слюнявый принц к ней и ворвался. И естественно, страсть такое дело, в любой момент настигнуть может и шандарахнуть. Вот они как увидели друг друга так их и шандарахнуло на полную катушку. Еще бы, пьяная вдрабадан юная красотка и облепленный слюнями прекрасный принц, тут никто бы не устоял. Посмотрели они друг на друга, пришли в восхищение, и после этого Серега как вылетит, глаза горят, пар из ушей валит и как бросится на меня. «Скажи мне, о Вован!— кричит.— Кто эта прекрасная юная дева, предающаяся мечтам у тебя в ванной?» Спятил совсем от любви, короче. А тут и юная дева выплывает, правда не так резво, а с досто-

инством, как положено, скромненько, за стеночку держится, мол, такая я нежная и беззащитная, спасайте меня мой прекрасный рыцарь. А мне говорит: «Я убью тебя, Телянин, за то, что ты нас раньше не познакомил. Я ведь уже обручена с орангутангом, о горе мне, горе несчастной!» Представляешь, чуть меня влюбленные не порешили, на пару. Очень кровавая парочка попалась. А потом, вышли они за дверь, и ночная мгла поглотила их, и только огонь любви освещал их путь. Ну, этого я уже не видел, это я так, уже от себя добавил. Для пущего эффекта, так сказать.— Вован сделал поклон головой.— Все я закончил. История короткая но пробирает до глубины души. Согласна? А главное, без всякой там банальщины.

Алина Николаевна во все глаза смотрела на сына.

– Володя!– наконец, снова обретя дар речи, обратилась она к нему.— Вот скажи, откуда в твоей голове все время берется вся та чушь, которую ты несешь?

– Не умеешь слушать трогательные истории, так в следующий раз не проси меня рассказывать. Вот я тебе теперь ни за, что не расскажу, как отставной адмирал ухаживал за бабушкой, пока вы с папой полгода были в Австрии.

– Сейчас же прекрати! Я не желаю этого слышать!– закричала Алина Николаевна.

Соня, наконец-то вышла замуж.

Кукушонок вернулся в Москву и поступил в физико-технический.

Андрею Зимину дали год условно. Сергей, после выписки, написал заявление, что произошедшее было несчастным случаем.

МОСКОВСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ ИНСТИТУТ

ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА № 1701/18 от 04.11.1991г.

Студентку 3 курса 2 гр. Факультета Промышленной архитектуры Ковальскую В.Н. считать Кречетовой В.Н. с 25.10.1991г. на основании свидетельства о заключении брака серия

26 декабря распался Советский Союз. Безвозвратно ушла в прошлое целая эпоха. На ком-то это событие отразилось сильнее, для кого-то прошло, почти не замеченным. Но и тех, и других впереди ждали радость и грусть, счастье и горе, взлеты и падения. Впереди была жизнь.

Часть II

В горе и в радости. Кое, что из психологии семейной жизни.

Вера.

20.03.1995г.

– Сейчас, Верочка, сейчас. Потерпи. Скоро уже приедем.–
Вцепившись в руль и следя за дорогой безумным взглядом,

уже в тысячный раз, наверное, повторял Сергей.— Потерпи родная.

Бросив быстрый взгляд на жену, скрючившуюся на соседнем сидении в неестественной напряженной позе, Сергей, издав звук похожий на вскрик, яростно надавил на газ. Машина понеслась еще быстрее.

Боль отпустила. Вера сделала глубокий вдох. Слава богу, какое облегчение. Взглянув на проносящиеся за окном дома, деревья, мелькающие с такой быстротой, что ничего невозможно разглядеть, Вера покосилась на мужа, продолжавшего повторять одни и те же фразы, и, не отрываясь смотреть вперед остекленевшими глазами. «Господи, да мы сейчас разобьемся! Совсем с ума сошел».

— Верочка, сейчас. Потерпи родная. Чуть-чуть осталось.— Снова повторил Сергей, прибавляя еще скорость.

— Сережа! Прекрати! Мы сейчас врежемся в кого-нибудь или с дороги слетим.— Серdito крикнула на мужа Вера.— Что ты делаешь?

Он обернулся на звук ее голоса, пытаясь улыбнуться ей, но его губы смогли изобразить, только какую-то жалкую кривую гримасу.

— Сейчас Верочка, потерпи.

«Да ведь он же ничего не соображает!» Вера почувствовала, как боль снова скручивает все тело, разрывая его изнутри, не давая дышать. Ей стало безразлично, с какой скоростью они едут и, что может произойти. Только бы это по-

скорее закончилось.

Обретя вновь способность дышать, думать и ощущать не только боль, но и свое собственное тело, Вера снова посмотрела на мужа. Костяшки пальцев, держащие руль побелели. Лицо застыло с выражением страдания и ужаса.

– Верочка, сейчас милая потерпи.

– Хватит! Успокойся!– закричала Вера.– Это у меня схватки, а не у тебя. Прекрати панику!

– Да, Верочка. Сейчас, скоро уже приедем.

Вера закатила глаза. Может, все-таки повезет, и они доберутся до роддома живыми, и самой большой неприятностью окажется сошедший с ума муж. Почему она не вызвала скорую? Ведь видела же, как подействовала на Сергея первая, далеко не самая сильная схватка. Как он носился по квартире как безумный, в поисках ключей и документов. Как тряслись у него руки, и даже голос дрожал, когда он беспрерывно спрашивал: «Все хорошо? Верочка, с тобой все хорошо?».

Въехав во двор роддома, Сергей выскочил из машины и заметался по двору с воплями:

– Где врачи? Почему никого нет?

– Узнали, что к ним едет ненормальный папаша и все попрятались. Теперь сам будешь роды принимать.– Сердито сказала Вера.– Сереж, перестань. Если ты не успокоишься, лучше сразу садись в машину и уезжай.

– Все-все. Успокоился. Взял себя в руки, извини.– Глядя на нее все тем же безумным взглядом сказал Сергей.– Да где

же эти чертовы врачи?!

– Пойдем.– Вера взяла своего ненормального мужа за руку и повела ко-входу в роддом. Показав пальцем на дверь, она медленно, как будто обращалась к слабоумному, сказала.– Видишь дверь? Врач там, за ней. Сереж, у меня схватка начинается. Держи себя в руках, ладно, а то ты сейчас в обморок грохнешься, а я тут так на пороге и рожу.

После того как в приемной Вере выдали больничную одежду, а ту, в которой она была, передали Сергею, ее повели в родильное отделение. Сзади раздавались вопли:

– Да почему нельзя-то? Это моя жена! Я с ней рядом должен быть! Да идиотские правила!

«Повезло им сегодня»– усмехнулась Вера, очень надеясь, что в роддоме все-таки, строгие идиотские правила и Сереже не удастся прорваться внутрь, а то потом врачам придется то ли роды принимать, то ли ее мужа откачивать.

Через три часа на свет появился мальчик. Сенечка . Когда все закончилось, Вера с облегчением закрыла глаза. Сенечка родился большой 4кг 100г. Для худенькой, маленькой Веры он был очень крупный. Роды были мучительные. Во время родов она об этом не думала, но теперь, лежа на больничной кровати и отдыхая от всего пережитого, она представила, что было бы с Сережей, если бы он действительно присутствовал при родах. Либо лежал все это время в глубоком обмороке, либо придушил врача, который посмел не избавить, в первые-же пять минут, его любимую жену от страданий.

Когда Сенечку первый раз принесли к ней в палату, Вера, взяв малыша на руки, и прижав его к груди, испытала удивительное, ни с чем несравнимое чувство. Целую гамму чувств бесконечной любви, нежности, восхищения, удивления, восторга, страха и ответственности за это крошечное, родное, любимое существо. Боже! Она стала мамой. Это ее ребенок! Ее и Сережин. Вера нежно, очень осторожно поцеловала маленький лобик. Прижалась к нему щекой. Кожа была мягенькая-мягенькая, теплая и необыкновенно нежная. «Сережка с ума сойдет от счастья!»— и с радостью, и со слезами на глазах от переполнивших ее чувств, подумала Вера. «Хотя он и так уже с ума сошел, дальше уже некуда». Как только она сказала, что у нее схватки начались, так и все, совсем сбрендил муж. Всегда надежный, сильный, готовый решить любую проблему. Ее опора. Стена. А как увидел, как жена согнулась от первых схваток, так мозги у человека отключились. Не соображает, руки трясутся, глаза безумные.

Сверхпереживательный Сенечкин папа стал притчей во языцех на то время, что Вера находилась в роддоме, а может и дольше. Каждый врач, каждая медсестра, заходившая к ней в палату, считали своим долгом сказать:

– Ну, ваш папа тут шороху навел! Так переживал! Все в родильное отделение рвался.

«Да наш папа он такой. Он может».

Одна из медсестер, в очередной раз, сообщив Вере о подвигах мужа, со смехом сказала:

– Чуть на нашего доктора не кинулся, который в это время в приемную спустился. Доктор ему даже успокоительное хотел вколоть. Во как переживал! Это ж надо.

– Ну, он вообще-то нормальный, всегда себя в руках держит. Просто за меня очень переживал,– вступилась за мужа Вера, уже готовая убить его собственными руками, за то, что ей раз двадцать пришлось все это выслушать.

– Да нет. Это наоборот хорошо.– Сказала медсестра.– А то некоторые, знаешь, жена в роддоме, а папаша каждый вечер к ней под окна, чуть не ползком заваливается. На радостях, видите ли, что ребенок у него родился. Это ж он тут на родильном столе-то корчился, а до этого девять месяцев в себе этого ребенка таскал. Смотришь и думаешь, бедная ты бедная, что ж тебя дома-то ждет с грудным ребенком на руках да с такой папашей?– она ласково посмотрела на Веру.– Нет. Твой, молодец. Небось не пьет водку с друзьями, а ждет жену и ребеночка своего, готовится и помогать тебе потом будет. Не повесит все на жену, как эти.

В квартиру Сергея и Веры, «с инспекцией», приехала Алина Николаевна с Вованом. Она хотела убедиться, все ли готово к возвращению домой Веры и Кречетова младшего.

Когда Сергей позвонил Теляниным, сообщить радостную новость, что он стал отцом, он, от волнения, мог говорить только одну фразу. И на все вопросы, про рост, вес, будущее имя он отвечал:

– У меня сын! Верочка мальчика родила.

– Волнуется. Он очень чувствительный и Верочку очень любит.– Объясняла странное поведение Сергея Алина Николаевна.

– Ага, а, похоже, что у него крышу снесло.– Сказал Вован.– И вообще, я не понял, у Сереги сын, Верка родила мальчика. Так че детей двое, что ли получается?

Алина Николаевна с упреком посмотрела на сына. Даже в такой трогательный момент не может обойтись без своих шуточек.

Войдя в детскую комнату и увидев количество детских вещей, общим объемом, больше напоминающее стратегический запас небольшого государства, Вован тоже испытал некоторое потрясение.

– Вы чего, сразу на десятерых все приготовили? Что б остальные девять раз уже в магазин не бегать, чего потом время зря терять.

– Володя, ребенку нужно очень много всего,– сказала Алина Николаевна.

– Зачем? Он же маленький, даже ходить не умеет! Что ему может быть нужно? Памперс и грудь. Все. Ну, еще коляска. Зачем ему еще, что-то?– удивлялся Вован.

– Вот когда у тебя будут свои дети, тогда поймешь.– Решила закрыть тему детских вещей Алина Николаевна.

– После вот этого?– Вован обвел детскую рукой. Потом

повернулся к Сергею, стоявшему с не сходящей с лица улыбкой слабоумного, и показал рукой на него.— И вот этого? Да ни за что. Что я спятил, что ли. Вон, был нормальный человек. Бауманку с отличием закончил. А теперь? Посмотри, готовый пациент для психлечебницы, хорошо не буйный.

— Когда время настанет, ты сам поймешь какое это счастье.— Сказала Алина Николаевна.

— Знаешь, если это счастье, то время не настанет, лучше я несчастным буду.— Ответил Вован.

Алина Николаевна вздохнула. Она так мечтала о внуках, но сын не спешил сделать ее любящей бабушкой. Он и жениться-то, пока не спешил.

— Сережа, а какой у малыша вес?— задала она традиционный вопрос.

В первую секунду Сергей с недоумением посмотрел на нее, способность нормально соображать еще не полностью восстановилась, после того состояния ужаса и отчаяния, в которое он впал, видя Верины страдания. Поэтому, даже такие простые вопросы, как вес и рост малыша, которые, по непонятной причине, волновали всех и каждого с кем он говорил после рождения Сенечки, в первый момент ставили его в тупик. Все его мысли были заняты Верой и Сенечкой, тем, что они есть, тем, что у них все хорошо и, что скоро они вернуться домой. Он не понимал, почему так важно знать вес ребенка, что они по килограммам его раскладывать будут? Для него было важно только то, что Сенечка здоров, что

он очень хорошенький и смешной, как сказала ему Вера по телефону, что у него крошечные ручки и ножки и темные волосики.

– 4кг100г.– сказал Сергей, вспомнив цифру, названную ему Верой.

– Такой большой!– удивилась Алина Николаевна.

– Четыре килограмма это большой?– в свою очередь удивился Вован, не имевший не малейшего представления о том, сколько должен весить новорожденный.– Да облезлый кот, который у нас на лестнице живет, наверное, четыре килограмма весит, чего он большой, что ли?

– Конечно большой, не кот, а ребенок, естественно.– Серdito сказала Алина Николаевна. Ну, что за наказание, речь о ребенке, а он облезлого кота приплел.– Сколько, по-твоему, ребенок весит?

– Да откуда я знаю!– пожал плечами Вован.– Ну, килограмм десять, наверное.

Алина Николаевна уставилась на него, как на полоумного.

– С ума сошел? И как женщина должна рожать твоего десятикилограммового младенца? Ты вон родился три с половиной, а знаешь, как я намучилась, а Сенечка на шестьсот грамм больше.

– Мам! Ты чего говоришь!– заорал Вован.– Вон посмотри!

Вован кивнул на Сергея, который стоял с застывшим лицом, и полными ужаса глазами смотрел на Алину Николаев-

ну, руки у него дрожали.

– Ой! Сережа. Ну, успокойся мой хороший. Все ведь уже позади. Верочка справилась. Все хорошо.

Алина Николаевна обняла Сергея, впавшего в оцепенение. Погладила по голове.

– Ну, все, мой хороший. Прости меня дуру старую. Разболталась. Дети-то они всегда в мучениях рождаются. Ничего в этом нет такого. Все, не переживай.

– Ну, ты вообще.– Сказал Вован матери, когда Сергей немного отошел и успокоился.– Ты чего, хочешь сама этого ребенка воспитывать? Еще одно такое заявление, и его папаша пойдет, и головой вниз с девятого этажа жахнется. Ты чего не видишь, что у него крыша съехала? Даже не знаю, чего Верка с ним делать будет. Посадит их рядышком и будет кашей кормить обоих, ложку за маму, ложку за психиатра папы.

На Верину и Сенечкину выписку собрался чуть ли не весь персонал роддома. Всем было интересно посмотреть, как пройдет встреча впечатлительного папаши со своим маленьким сыном.

Сергей сиял. Буквально светился от счастья. Он уже успокоился, снова превратившись в уравновешенного, надежного и вполне вменяемого главу семьи. Так, что ничего, особо интересного, для собравшихся не было. Поразил всех только размер букета, преподнесенного счастливой молодой маме.

Не миллион роз как в песне, конечно, но больше сотни точно. Вера отдала цветы медсестрам. Все сердечно поздравили счастливых родителей и порадовались, глядя на них, что есть еще такая любовь, которая сразу чувствуется по одному взгляду, по одному прикосновению, по поведению мужа во время родов.

Не правы те, кто считает, что сказки заканчиваются свадьбой, потому, что дальше уже не интересно. Конечно, интересно, просто, по-другому. Дальше уже не голая романтика с ахами и охами, дальше идет жизнь со всеми ее разными разностями. После свадьбы, вчерашние влюбленные, по-хорошему и не особо знавшие-то друг друга, сталкиваются с интереснейшими открытиями относительно своей второй половинки. Потому, что, для того что бы узнать, нужно пожить вместе, разглядеть друг в друге не только внешние черты, но и те, что скрыты глубоко внутри, о которых можно даже и не подозревать, пока идет период ухаживания. Рождение ребенка это вообще отдельная история. Это то событие, которое отражается на каждой семье. Меняет отношения. Меняет всю привычную жизнь. Это проверка на прочность, которую не каждый может пройти. Это событие может укрепить или наоборот разрушить семью. Если люди не готовы к такому ответственному шагу, если их чувства не достаточно сильны, то, в их отношениях образуется трещина, которую потом почти невозможно заделать, может она и зарастет со

временем, но шрам останется на всю жизнь. Но и в том, и в другом случае, ребенок меняет жизнь родителей, меняет привычки, меняет ритм жизни. Меняет самих мам и пап.

Даже для самой счастливой семьи рождение ребенка, а особенно первого, это испытание. И Вера с Сергеем не стали исключением из правил.

Обалдевший от счастья Сергей хотел быть помощником Вере во всем. Хотел участвовать в каждом процессе, связанном с уходом за грудным ребенком. Он сидел с Сенечкой по ночам, давая Вере возможность поспать, а потом сам клевал носом на работе, гулял с коляской, помогал менять подгузники и купать малыша. В общем, он был просто прекрасным заботливым, любящим папой.

Первые дни Сергей ужасно переживал. Он создавал вокруг малыша столько суеты и волнений, что Вере, порой, казалось, что у нее не один, а сразу два ребенка. И неизвестно который из них доставляет больше хлопот.

Сенечке было около двух недель. После кормления Вера занялась глажкой, а Сергей укачивал сынишку, тихонько напевая ему песни.

Вера погладила крошечные Сенечкины комбинезончики и кофточки и принялась за, гораздо большие по размеру, вещи мужа. В квартире было очень тихо, и Вера даже начала чувствовать, что монотонная работа начинает ее усыплять. Неожиданно из комнаты раздался полный ужаса крик Сергея. Похолодев, Вера кинулась в детскую. Сергей с искажен-

ным страхом, бледным лицом вглядывался в лицо сынишки. У Веры подкосились ноги, и стало трудно дышать.

– Сенечка весь краснеет, перестает дышать и хрипит.– Чуть не плача, сказал Сергей.– Вызывай скорую!

В предобморочном состоянии Вера подошла ближе и взглянула на сынишку. В это время, Сенечка, спокойно лежавший на руках у умиравшего от волнения папы, весь покраснел, сморщил личико и громко закричал. Сергей задрожал, а Вера, почувствовав, что снова может нормально дышать вздохнула с облегчением.

– Сережа,– сказала она, стараясь говорить спокойно и преодолевая желание сходить за утюгом, и треснуть им мужа как следует.– Сенечка тужится.

Сергей с такой силой выдохнул, что Сенечка недовольно заворочался у него на руках, а потом снова покраснел, сморщился и закричал.

– Блин!– с облегчением и с долей смущения сказал Сергей.– Я думал, что все.

Вера смотрела на своего мужа и не знала плакать ей или смеяться.

Закончив со всеми делами, уставшая за день Вера, добралась, наконец, до кровати. Кровать была пуста. Она отправилась в детскую. Сергей сидел рядом с кроваткой, с нежностью глядя на спящего сына.

– Сереж, пойдем спать.– Позвала его Вера.

Сергей посмотрел на нее и улыбнулся.

– Я посижу, посмотрю, как он спит, на всякий случай.–

Сказал он. Вера пожала плечами.

– Я пошла. Если, вдруг, Сенечка проснется и заорет, и начнет дрыгать ручками и ножками, это не от того, что он умирает, и нужно срочно вызывать скорую, и падать в обморок, просто, значит, он захотел есть, и ему нужно дать грудь. Между прочим, можешь попробовать предложить свою, я не возражаю.

Сенечке исполнился месяц. По случаю грандиозной даты собрали близких. Приехала мама Сергея. Она, в последнее время, плохо себя чувствовала и редко куда-то ездила, но ради внука, все-таки собралась с силами и приехала. Нарядоваться не могла на сына с невесткой, как они хорошо живут, как ладят, и на маленького Сенечку смотрела с нежностью и любовью, чувствуя себя счастливой. Соня приехать не могла, у нее самой был полугодовалый сын. Верина мама, должна была приехать в Москву только через месяц.

Приехали Телянины, всей семьей. Родион Петрович и Алина Николаевна ворковали над Сенечкой, надеясь, что и Вован, все же осчастливит их, рано или поздно. Вован сначала смотрел на Сенечку с опаской. Очень уж маленький, даже подойти страшно. А потом, улыбающаяся Вера, осторожно положила Сенечку ему на руки, и Вован моментально превратился в совершенно другого человека. Нежная трогатель-

ная улыбка появилась на губах, вместо привычной нагловатой ухмылки. Он смотрел на малыша с таким восхищением, как на самое большое чудо изо всех, что он видел в своей жизни. Он что-то нежно говорил ему, осторожно покачивая, поглаживал крошечные пальчики.

– Смотри, что твориться с нашим Володькой!– подойдя к Сергею, сказала Вера. Он притянул ее к себе и обнял.

– Я сам даже не думал никогда, что маленький человечек может так влиять на взрослых здоровых мужиков.– Улыбнулся он.

Сенечка уснул прямо у Вована на руках. Вера аккуратно забрала его и положила в кроватку.

– Осторожнее, Ковальская. Смотри, ручку ему неудобно подвернула. Кто тебе только ребенка доверил!– прошипел Вован.

Вера засмеялась.

– Телянин, я тебя обожаю!

Ревниво проследив весь процесс укладывания, до того момента пока криворукая мамаша не укрыла Сенечку одеяльцем, Вован, наконец отошел от кроватки. И сразу возвратилась привычная ухмылка и нагловатое выражение лица.

– А он ничего, симпатяга! Ты точно уверена, что он твой?

Полюбовавшись еще немного на симпатягу Сенечку, Вован сказал:

– Знаешь, Ковальская. Я, конечно, к этому еще не готов, но когда соберусь, можешь мне такого же сделать, я не воз-

ражаю. У тебя хорошо получается.

– Ты самый ужасный из всех кого я знаю!– улыбнулась Вера.

Сенечка рос спокойным, здоровым, любознательным ребенком. С каждым днем он внешне становился, все больше и больше похож на Веру, только глаза были не ярко голубые, как у нее, а скорее серые, как у отца. То, что сын похож на Веру, приводило Сергея в полный восторг. Каждый раз, когда их навещали Телянины и Алина Николаевна умилялась, что Сенечка вылитая Вера, только высокий и широкоплечий как папа, Сергей с гордостью соглашался. А Вован, обычно, говорил после этого:

– Да ладно, с лица воду не пить. Он же мужик, внешность не главное.

Или:

– Ну, ничего, Верка то вон живет и замуж даже вышла. А с возрастом люди вообще меняются, может Сеньке и повезет еще.

После подобных высказываний Алина Николаевна и Сергей одаривали его сердитыми взглядами, а хохочущая Вера говорила:

– Ох, смотри Вовка, договоришься. Сережка смотри, как на тебя глазами сверкает. Прибьет ведь, за нас любименьких.

1998г.

Когда Сене исполнилось три года, его отдали в сад. Вера

вышла на работу. Сергей, скрепя сердце, выпустил любимое чадо из-под постоянной опеки себя и Веры. Вслух ничего о своих переживаниях не говорил, понимая, что нельзя слишком опекать сына. Мальчик должен расти мальчиком.

Вера начала работать в агентстве, занимавшемся строительством и проектированием производственных и общественных зданий. После распада союза в стране, как грибы начали расти всевозможные фирмы и фирмочки, открываться частные производства и компании. Кто-то предпочитал использовать уже существующие помещения, но многие хотели начать с нуля. Сделать все по своему, под свои нужды и потребности. Поэтому специальность архитектора была востребованной. Работы было много.

Сергей, открывший, как и мечтал, после возвращения с севера, свою фирму, наконец, тоже развернулся, дела пошли в гору. После начала девяностых, когда мелких, да и крупных предпринимателей, на каждом шагу, ждали трудности в виде бюрократических проволочек, препятствия со стороны постоянно меняющихся законов, и полный беспредел рекекторов и мафии, сейчас все стало налаживаться. Фирма начала приносить неплохой доход.

2000г.

У Сергея была мечта. Построить большой красивый дом. Он представлял, как хорошо они будут жить в этом доме. Как, дай бог, у них появятся еще дети. Вера будет хозяйни-

чать, заниматься украшением этого дома, дети будут бегать по просторным комнатам, а потом с визгом, криками и смехом бежать во двор, где будет много места для игр. Перед домом будет зеленая лужайка, где они поставят беседку и теплыми вечерами, будут сидеть во дворе, пить чай, разговаривать. Будут приглашать друзей, и устраивать веселые шумные праздники. Его так захватывали все эти мечты, что он уже даже во сне видел свой дом и ту счастливую жизнь, которая их в нем ожидает.

Наконец Сергей решил, что пора осуществить свое заветное желание. Весной 2000г. началось строительство дома. Сам дом спроектировали Вера с Вованом. Строительные работы контролировал Сергей, заявив Вере, что нечего ей портить себе нервы, решая проблемы с рабочими. Она пыталась объяснить, что половина ее собственной работы, как раз и состоит в разрешении таких проблем, но Сергей стоял на своем. Он мужчина, он должен решать все проблемы, по крайней мере, связанные с его семьей, сам. В конце концов, Вера сдалась. На его собственной работе дел было тоже по горло. И он постоянно мотался туда-сюда, разрываясь между делами фирмы и строительством дома. Видя его измученное лицо, как он усталый вечером падает в постель и сразу засыпает, едва коснувшись подушки, Вера начала беспокоиться.

– Не нужен мне никакой дом, если мой муж гробит себя, пытаюсь все везде успеть.– Сказала она Сергею, когда в один из редких, теперь выходных они вечером сидели и просто

отдыхали, попивая красное вино у себя на кухне.— Мы с Сене́й тебя не видим. Ты уходишь, он еще спит, приходишь, он уже спит. Скоро начну ему твою фотографию показывать и говорить: «Вот сынок, это папа. Помнишь, он иногда тут храпит по ночам, но ты еще маленький и сам ночью спишь, поэтому и не видишь, как он похрапывает».

Сергей улыбнулся. Взяв Верину руку, он поднес ее ладонью к губам. Уткнулся в ладошку носом, чувствуя себя необыкновенно счастливым.

— Сережа! Я серьезно говорю!— почти сердито сказала Вера.— Найми кого-нибудь или вон Вовку попроси присмотреть. Там ведь не круглые сутки находиться надо.

Вован взял на себя заботу о стройке с удовольствием. У него уже тоже была собственная фирма, занимавшаяся проектированием домов для новых русских, грозивших в скором времени, по своей численности, переплюнуть старых. Но своей фирмой Вован управлял также легко, как и вообще шел по жизни. Не особо напрягаясь, поручая всю скучную и грязную работу подчиненным. Он с радостью взялся помочь, естественно, толкнув перед этим речь о том, что без него Сергей с Верой пропали бы уже давно. И вообще, он все время удивляется, как они хоть с чем-то сами справляются.

Вован, неожиданно, оказался очень требовательным, почти деспотичным, куратором строительства. Работа закипела так, что рабочие взвыли, вспоминая счастливое время, когда Сергей приезжал, орал, требовал, но после его отъезда

все снова затихало. Вован не орал. Он целый день мог околачиваться возле строителей, наблюдая ту или иную операцию от начала до конца и заставляя переделывать по нескольку раз, то, что, по его мнению, было плохо сделано.

– Конечно, пока Вова не подключился, там вообще ничего не делалось. Сидели семечки лузгали целыми днями и посмеивались, как им повезло, какой лопух заказчик им попался,— рассуждал Вован, сидя у Веры на кухне и попивая чай.— Ковальская, налей мне еще чайку, а то этот остыл, а потом сделаешь мне массаж ног. Устал я сегодня. Тружусь ради вас не покладая рук с утра до ночи. Так, что давай, не зыркай на меня своими злобными маленькими глазками. После массажа, я тебе разрешу мне еще спинку почесать и, даже в это время послушаю какие-нибудь твои глупые женские истории. Ты сегодня везучая.

2001г.

Наконец, процесс строительства, начал подходить к концу. Окончание работ было запланировано на июль-август.

Где-то с начала апреля Вера начала чувствовать себя не очень хорошо. Начала сильно уставать. Утром с трудом заставляла себя встать с постели. Днем ходила сонная и разбитая, все время чувствовала усталость. К концу дня мечтала уже только поскорее добраться после работы домой и, покончив с домашними делами, поскорее лечь. Сергею она ничего не говорила, прекрасно зная, что ее недомогание вызо-

вет у мужа очередной приступ паники, и он начнет сходить с ума и заставит ее проходить какие-нибудь обследования. У Веры сейчас был очень ответственный проект, и непонятная болезнь пришлась как нельзя некстати. Через пару недель, решив основные задачи с новым проектом, Вера все же решила сходить к врачу, ей становилось все хуже и хуже, и она сама уже начала беспокоиться.

Вечером, вернувшись, домой после работы, Сергей застал жену в крайней задумчивости.

– Нам нужно поговорить.– Сказала Вера, отвечая на вопрос мужа, что с ней сегодня такое. За ужином Вера была молчаливой и расстроенной.

Уложив Сеню, Сергей, сгорая от волнения и нетерпения, уселся рядом женой и обнял ее. Вера вдруг расплакалась и уткнулась ему в плечо. Сергей, уже в ужасе глядя на нее, чувствуя, как сжимается сердце от плохого предчувствия, спросил, стараясь придать голосу обычную твердость:

– Вер, что случилось? Верочка, милая ну, что такое?

Подняв заплаканное лицо, Вера встретила устремленный на нее испуганный взгляд.

– Я беременна!– сквозь слезы еле выговорила Вера и разрыдалась уже по настоящему, вздрагивая всем телом и громко всхлипывая.

Сергей испытал облегчение, радость, восторг. У них будет еще один ребенок.

– Что же ты плачешь, глупенькая?– нежно целуя, обнимая

и укачивая жену, как маленькую, спросил он со счастливой улыбкой.— Это же здорово! Нужно радоваться, а ты плачешь.

— Ага, радоваться.— Вера перестала плакать и сидела, вздрагивая всем телом в теплом, уютном кольце рук Сергея.— Я опять превращусь в бегемота. Опять буду сидеть дома и не смогу работать. Сеня только-только подрос, а сейчас снова пеленки, памперсы, стирка, глажка, кормление с утра до ночи. Я только начала заниматься интересным делом.— Вера снова начала рыдать.

Продолжая улыбаться, Сергей долго-долго сидел рядом с Верой, обнимая ее, вытирая текущие из ее глаз, казалось неиссякаемые слезы, нежно целуя ее волосы и терпеливо выслушивая жалобы на жизненную несправедливость, своей любимой беременной жены. Он был счастлив. И это был замечательный вечер. И Вера успокоится, и поймет, что нет повода расстраиваться. И тоже будет радоваться. И будет с нетерпением ждать этого ребенка. С таки же нетерпением, как она ждала Сенечку. И будет любить его. И потом будет еще смеяться над собой, что сидела и горько плакала узнав о своей беременности. Сергей думал о том, как ему повезло в жизни, как ему повезло, что она у него есть. И о том, что он сделает все для нее, для Сенечки, для того малыша, который скоро появится в их жизни. И это было замечательно и прекрасно.

Сергей привез Веру посмотреть на дом. Осталось совсем,

чуть-чуть. Скоро можно будет переезжать. Пока он сам отправился поговорить с бригадиром, Вован повел будущую хозяйку дома на экскурсию.

– Осторожно, Ковальская. Ты своим пузом сейчас все косяки тут посшибаешь.– Бережно придерживая Веру под локоток, говорил Вован, переходя с ней из комнаты в комнату.– Бедный Серега, как ты его не раздавила еще? Или он тебе отдельную кровать купил?

Они спускались по лестнице, и неожиданно Вера вскрикнула и оступилась.

– Вера!– заорал Вован, вцепившись ей в плечо мертвой хваткой. Лицо у него стало белым, и яркие веснушки начали казаться выпуклыми на бледной коже.– Господи, ты чего же кривоногая то такая, Ковальская? Все думаю, сейчас как завалится, все перила снесет. Делай потом все по новой.– Выдохнув, с облегчением сказал он.

Вера посмотрела на Вована и неожиданно рассмеялась.

–Ага, попался!– заливаясь смехом, сказала она.

– Ты чего совсем, что ли? Я чуть не умер от страха.– Со злостью сказал Вован.

– Да ладно тебе, Телянин, шутка же! Без обид, ладно! Смешно же получилось!– передразнила Вера обычную манеру Вована.

– Да, просто обхохочешься, я чуть не умер, а ты ржешь.– Сердито огрызнулся он.

– Вот, примерно так, я себя и чувствую постоянно, обща-

ьясь с тобой.— Вера протянула ему руку с оттопыренным мизинчиком.— Мир?

Вован, с видом, как будто делает величайшее одолжение, зацепился своим мизинцем за ее.

— Детский сад прямо!— брюзжал он, пока Вера весело читала детский стишок «Мирись, мирись, мирись и больше не дерись».

В октябре семья Кречетовых въехала в новый дом. В просторном двухэтажном доме было пять комнат на втором этаже. Две из них сделали детскими, одну, сразу запланировали, как кабинет для Сергея. Из одной устроили гостевую комнату, а самую большую отвели под спальню.

На первом этаже, прямо от входной двери, начиналась просторная гостиная, совмещенная с кухней, за ними находились, небольшой спортзал, бильярдная, это была причуда Сергея и Верина мастерская, совмещенная с библиотекой. Еще имелись две небольшие кладовки.

Вера принялась, пока было время, обставлять дом. Целыми днями она подбирала ткани, мебель, подходящие цвета красок и различных покрытий.

Сенечка, совершенно обалдев от такого простора, носился по дому и все время спрашивал:

— Мы правда будем здесь жить?

— Правда, сынок.— Улыбался Сергей, сажая сына на шею.— Пошли обходить наши владения. Нам же надо знать, что тут

находится по соседству.

Сергей ходил с Сеней по мокрой, заваленной листьями, дороге. Водил его в расположенный неподалеку от дома небольшой лесок. За пару выходных они обошли все окрестности. Все были заняты важными приятными делами. Всем было очень хорошо. И все находились в ожидании появления на свет нового члена семьи.

12.12.2001г.

12 декабря Вера родила еще одного мальчика. На этот раз все прошло спокойно. Вера наотрез отказалась ехать в роддом с мужем на машине и вызвала скорую. Сергей, уже имеющий опыт отцовства, держал себя в руках, насколько мог, по крайней мере, с ума так явно как в прошлый раз не сходил. Единственное, чем удивил новоиспеченный папа врача сообщившего, что все прошло хорошо, так это тем, что услышав, что его жена родила, он первым делом спросил не про пол ребенка, а какой у ребенка вес и ужасно обрадовался, услышав в ответ три килограмма триста грамм.

На этот раз Вера лежала в палате вместе с новорожденным. Когда медсестра вкатила в палату кювезу с крошечным кулечком, Вера, встав с постели, подошла и наклонилась над своим вторым сыном.

– Привет!– тихонько сказала она, нежно улыбаясь.– Я твоя мама. Из белой ткани роддомовских пеленок на нее смотрел маленький Сережа. Вера засмеялась.

– Ты знаешь, что ты очень похож на своего папу? Скоро я тебя с ним познакомлю.– Пообещала она сынишке, беря на руки маленького драгоценного человечка и прижимая его к груди.– Ты ведь поможешь мне за ним присматривать?

Сержины глаза, только пока не серые, а мутновато голубые, как у всех младенцев, внимательно и, как казалось Вере, с пониманием смотрели на нее.

Малыша назвали Алешей.

2009г.

Время летит стремительно. Отсчитывает часы, дни, годы. А когда нужно успеть сразу много всего, то время вообще проносится, не давая ни минуты передышки, некогда остановиться, оглянуться, все время вперед, вперед. Лишь бы все успеть, ни о чем не забыть.

Для Веры и Сергея время, после рождения второго сына, несло, летело, скакало вприпрыжку с бешеной скоростью.

Сергей был завален работой. По возможности, в свободное время, которого у него почти не было, помогал Вере. Вера, занятая малышом и еще достаточно маленьким Сеней, сбивалась с ног.

Совершенно неожиданно ее первым и незаменимым помощником стал Сеня. Он помогал Вере во всем, так же как это делал до этого Сергей. Вера бежала к плачущему Алеше, поменять памперс, а Сеня, в это время уже переодев братишку, играл с ним, или что-то рассказывал, и Алеша внимательно следил серьезными серыми отцовскими глазами за

братом. Приходя из сада, Сеня, первым делом, бежал к маленькому братику и подолгу занимался с ним, пока Вера готовила, убирала и делала еще кучу дел, которые накапливались за день.

– Ты мой помощник! Что бы я без тебя делала?– нежно целуя старшего сына, говорила Вера.

Сене было уже шесть, и родители отдали его на футбол. Сергей заразил сына любовью к игре, часто гоняя с ним мяч во дворе их дома. Сеня был ужасно доволен, что теперь он занимается серьезно и у него настоящая форма и бутсы. Единственное, что огорчало его, что теперь он реже сможет помогать Вере и сидеть с Сенечкой.

– Ничего сынок,– успокаивала его Вера.– Мы с Алешей будем болеть за тебя во время игр. Он подрастет, и будет гордиться своим братом. А потом вы с папой и его научите играть. И вас будет почти целая команда.

Когда Алеше исполнилось два года, Вера наняла няню, которой Сергей устроил допрос с пристрастием, прежде чем допустить к сыну. Вера вышла на работу. Уже в другую фирму, занимавшуюся в основном проектированием общественных заведений, кинотеатров, выставочных залов. Вован звал Веру к себе. Но она, со смехом припомнив ему практику, которую они проходили вместе, сказала, что если у него будет, что-то уж очень интересное, то можно будет временно посотрудничать.

Фирма Сергея процветала. Она уже давно переехала из маленького старого здания на окраине Москвы в недавно построенную многоэтажную офисную громадину и занимала там почти целый этаж.

Вере часто предлагали заняться проектами в других городах. Но она всегда отказывалась. И дети были маленькие, и уезжать, минимум на месяц, на два, от семьи ей не хотелось.

В конце весны Вован предложил Вере поработать вместе. Нужно было спроектировать концертный зал для одного из приморских городков.

– Поехали, Ковальская. Дай хоть отдохнуть от тебя своим. Они тебя, конечно, терпят, даже привыкли, наверное, немного, но нельзя же бесконечно злоупотреблять человеческой добротой. Устрой людям праздник.

Вера всегда мечтала создать что-то вроде зала или театра, что-то связанное с творчеством, с развлечениями, с искусством, с тем, что дарит людям радость и удовольствие. Что бы те, кто будут приходить сюда, не только смотрели спектакль или слушали музыку, но и чувствовали атмосферу самого здания. Что бы возникало желание вернуться, потому, что здесь комфортно и отдыхает душа.

За завтраком, когда они по традиции обсуждали предстоящие планы, Вера сообщила своим мужчинам о сделанном ей предложении. Все мужчины отреагировали по-разному. Сеня выслушал с интересом, он был творческой натурой. По складу гуманитарий. Алеша был рад, что мама так вооду-

шевлена. Сергей сидел, улыбаясь, но улыбка была несколько неестественной. Новость была замечательная, кроме маленького пустячка, если Вера согласится, ей нужно будет уехать на полтора–два месяца.

– А что, ты уедешь в другой город?– спросил Алеша немного встревоженно. Вера едва сдержала улыбку, заметив, как его отец примерно с таким же выражением на лице удивления и испуга, как у сынишки, подался вперед в ожидании ее ответа.

– Если я соглашусь, то да, мне нужно будет уехать на месяц или два.

Алеша немного расстроено посмотрел на мать. Его папа посмотрел не менее расстроено. Только Сеня, которому уже все-таки было 14, сидел с невозмутимым видом. Он придерживался мнения, что самое главное, что бы маме было хорошо. И, в отличие от Алеши, он уже не так нуждался в постоянной опеке матери.

– А ты хочешь поехать? – снова задал вопрос младший сын. Он с самого маленького возраста был необыкновенно серьезным и рассудительным.

Вера немного помолчала. Что ей сказать? Да она хочет поехать. Но и не хочет оставлять их. И не хочет, что бы они грустили и переживали.

– Я хочу.– Сказала она.– Но, если вас это расстраивает, я откажусь.

Младший Кречетов и старший переглянулись и одновре-

менно, улыбнувшись Вере почти одновременно запротестовали:

– Да нет, если ты хочешь, то конечно поезжай, а мы будем скучать и ждать тебя. И гордится, что у нас такая мама и т.д.

Улыбка Кречетова старшего, правда была кривенькой и не натуральной. Но он был мужчина и умел держать себя в руках, конечно, если только его жена не рожала или ей не грозила какая-нибудь другая опасность.

Вечером Вера подошла к Сергею, лежавшему на кровати с рабочими бумагами, которые он просматривал перед сном. Сев рядом она провела рукой по жестким темно-русым волосам.

– Сереж. Скажи честно, ты не хочешь, что бы я уезжала?

Сергей отложил документы в сторону и притянул ее к себе.

– Я хочу, что бы ты была счастлива,— сказал он и поцеловал ее.— Конечно, я не хочу, что бы ты уезжала. Но еще больше я не хочу, что бы ты потом жалела, что не поехала, не осуществила свою мечту. Мы тут справимся, ты не волнуйся за нас. Будем ждать тебя. Зато представляешь, как мы все обрадуемся, когда ты вернешься.— Глаза у него были грустные-грустные. И Вера любила его в эту минуту так сильно, как никогда раньше, хотя это и было почти невозможно. Ей хотелось сказать, я остаюсь, но Сергей прав, она потом будет жалеть. Как всегда мы жалеем о том, что не сбылось, о том, чего не сделали.

Через два дня Вера улетела.

Сергей, Сеня и Алеша проводили ее в аэропорт. Пока ждали рейса все, наперебой, говорили ни о чем. Каждый боялся замолчать, чтобы не повисла пауза, и тогда уже невозможно будет скрыть расстроенный взгляд, грусть и нежелание расставаться. Приехал Вован. Наскоро поздоровавшись с мужчинами, заявил Вере, что они сейчас из-за нее опоздают, и, подхватив ее чемодан, пошел к стойке регистрации. Уже пройдя контроль, Вера оглянулась. Ее маленький преданный отряд смотрел ей в след, махая на прощание. Сеня смотрел спокойно и понимающе, Алеша чуть-чуть расстроено, а Сергей улыбался во весь рот такой ненатуральной радостной улыбкой, что Вера еле удержалась, чтобы не кинуться назад к ним, к своим родным и любимым и таким дорогим. Она послала им воздушный поцелуй. Вован схватил ее за руку и потащил за собой.

– Пошли, Ковальская. Ты всего-то на полтора месяца уезжаешь. Ничего с ними не случится. Ну, подумаешь, забудут они тебя за это время. Ну, ничего, вернешься, объяснишь кто такая, можешь фотографии семейные показать, глядишь, вспомнят, может даже обрадуются.– Тяжело отдуваясь, говорил Вован, быстро несясь по длинному коридору, держа вещи Веры и свои в одной руке, а ладошку Веры, еле успевающей за ним, в другой.

Веру очаровал небольшой старинный городок на берегу моря. Еще не наступила летняя изнуряющая жара. Воз-

дух был наполнен запахом моря, ароматами цветущих деревьев и кустарников. Тихие, узкие улочки, невысокие старые особняки, все это создавало удивительную атмосферу уюта и очарования маленького провинциального города. Спокойная размеренная жизнь, где не нужно никуда бежать сломя голову. Где время течет плавно, не торопясь, давая насладиться каждым мгновением.

Дойдя до небольшой гостиницы, и нырнув в приятную прохладу внутри нее, Вован с недовольным видом оглянулся и ворчливым голосом сказал:

– Куда ты меня притащила? Зачем вообще ты уговорила меня поехать с тобой? А я, как всегда, поддался, наивный простак. Ладно, Ковальская, иди, заказывай номера. Мне двухэтажный люкс с личной массажисткой и видом на море. Запомнила? А я пойду пивка попью.

– Ты только не торопись, а то, боюсь, массажистка не успеет достроить второй этаж в твоём люксе.– Посоветовала Вера.

На следующий день они осмотрели площадку, отведенную под будущее строительство. Закончив обход, и, сделав пометки в рабочем блокноте, Вован подошел к Вере.

– Предлагаю назвать наш проект «Гений и бездарность».– Обняв подругу за плечи, сказал он ухмыляясь.– Ну, что, Ковальская, пошли работать. Готова внимать моей мудрости?

– Для этого и живу, Телянин.– улыбнулась Вера.

Вера уехала. Просыпаясь по утрам и, не увидев, жены рядом, Сергей вспоминал, что она улетела вместе с Вованом, в другой город. Спускаясь со второго этажа, он уже знал, что ее нет, но каждый раз, все равно, бросал взгляд в сторону кухни, где она готовила по утрам завтрак для них всех. Даже кофе по утрам был теперь не таким вкусным. А разговоры за столом, не такие веселые. Сергей сажал мальчиков в машину и отвозил в школу. Сам ехал на работу. Там было еще сносно. Целый день он был занят и даже забывал, что жены нет. Но вечером, вернувшись, домой и, окинув взглядом гостиную и находящуюся за ней кухню, не увидев идущей навстречу ему улыбающейся Веры, он каждый раз ощущал, как сердце сжимает тоска. Это было глупо, конечно. Ему уже за сорок, а он как мальчишка. Иногда смотрели с Сеней и Алешей телевизор, сидя на большом уютном диване в гостиной. Или просто разговаривали, обсуждали, что произошло за день, как дела в школе. С преувеличенно радостным видом рассказывали о разговорах с мамой по телефону. Дети тоже скучали. Но это не была та тоска, когда хочется бросить все, вскочить в самолет и лететь к ней. Он бы, наверное, так и сделал, но работа не позволяла. Сейчас он никак не мог уехать. Да и Вера поехала не развлекаться, а работать. И Сергей терпел. Вечером, поднимаясь к себе в спальню, он иногда открывал дверь в небольшую гардеробную и, зарывшись в одну из ее вещей, вдыхал запах, родной и знакомый до боли. «Прямо

извращенец-фетишист»— поддразнивал он себя. Даже дом, его любимый дом, уже не казался таким уютным. В нем стало пусто и тоскливо.

Закончив работу, по вечерам они обычно сидели в каком-нибудь кафе на берегу. Пили вино, болтали, любовались закатами. Потом Вера шла к себе, а Вован, как она подозревала, отправлялся «на охоту» за прекрасным полом. Иногда Вера видела его во время завтрака в ресторанчике при гостинице с девушками и молодыми женщинами и всегда с разными.

– Володь. А почему ты не женишься?— спросила как-то Вера, когда, устроив себе выходной, они решили пойти позагорать на берегу моря.

– Я чего дурак, что ли? Охота была постоянно выслушивать чье-то нытье и претензии. Нет уж. Я птица свободного полета.

– Ну, бывают счастливые браки. Вон мы с Сережкой счастливы и любим друг друга, хотя, женаты уже, бог знает сколько лет.

Вован с сомнением посмотрел на Веру.

– Вот, кстати, да. Я всегда смотрю на тебя и на Серегу и удивляюсь. Ведь, правда, со стороны, выглядите вполне счастливой парой. Я бы с тобой пяти минут не выдержал, а Серега ничего, вроде даже доволен. Говорят, есть такие люди, которые наибольшее наслаждение получают от собствен-

ных мучений. Страданий им подавай, да посильнее. Может Серега такой?

Вере было лень огрызаться, она разомлела на солнышке. Приятная сонная нега охватила ее тело. Сквозь полудрему она слышала, как Вован долго еще разглагольствовал сам с собой. Влюбится ли когда-нибудь он, так, что бы вся эта его дурусть разом прошла, что бы потерять голову, что бы хотя бы с любимой превратится в нормального человека, не болтающего каждую секунду всякий вздор. А вдруг ему встретится такая же как он? Вот была бы парочка! Искры бы сыпались во все стороны. Вера улыбнулась.

Вечером Вован заявил, что раз уж у них сегодня выходной то он, так и быть, не оставит ее убогую как обычно вечером после ужина, а проведет весь вечер с ней.

– Не благодари, потом при случае считаешься за мою доброту. Будем смотреть кино,— заявил Вован.— Ты ведь сидишь тут каждый вечер, одинокая, заброшенная и, небось, извелась вся, что у меня-то жизнь бьет ключом, а ты в номер придешь, зубной протез в стакан кинешь, и все развлечения на этом закончились.

Долго выбирали, что смотреть. Вован из вредности отвергал каждый из предложенных Верой фильмов. В конце концов, ей надоело.

– Слушай, мне уже скоро пора будет протез в стакан бросать. Или смотрим, что-то, или иди уже, бей себя своим ключом.

Выбрали «Отъявленных мошенников». Вера их обожала, и Вовану этот фильм тоже нравился, как он соизволил признаться. Еще бы, это же почти про него, только в отличие от героев фильма он из своих женщин деньги не тянул.

После просмотра Вован принес из ресторана бутылку вина. Видимо ему поднадоела роль донжуана и ловеласа, и он решил просто провести тихий спокойный вечер.

– Слушай, а это классная мысль говорить девушкам, что я твой психиатр, а ты моя неизлечимая пациентка и поэтому все время за мной таскаешься.– Просмотр фильма дал буйному воображению Вована непочатый край для новых идей его неиссякаемой фантазии.

– Только попробуй и я тебя придушу.– Засмеялась Вера.

– Просто, иногда, нужна какая-то отмазка, прикрытие, понимаешь? Типа того, что ты мне нравишься, но у меня связаны руки, дорогая. Извини.– Объяснил Вован.– Бывает, что начинается, ах, ну нам же было так хорошо вместе мой мурмурзик, ну куда же ты?

– И не совестно тебе доверчивых девушек обманывать, пользоваться их чувствами, похотливый ты кобель?– полушутя, полувозмущенно спросила Вера.

– Да никого я не обманываю. Я же не говорю: «Эй, красотка, пойдем, переспим, а потом я на тебе женюсь». Все же взрослые люди. Все, все понимают.– Возмутился Вован несправедливо предъявленным обвинением.

– Ну, тебя иногда вообще трудно понять. Даже с многолет-

ним стажем общения. Что уж говорить о доверчивых юных девушках, которые видят тебя первый раз и принимают все за чистую монету.

Через некоторое время Вера спросила:

– Так какое же прикрытие ты себе придумал, что бы спастись от назойливых поклонниц?

С самым невозмутимым видом Вован ответил:

– Я всем говорю, что ты моя жена.

– Что?! – Вера подскочила в кресле, едва не расплескав на себя вино. – Телянин, ты идиот, что ли?

Вован заржал:

– Да ладно, а ты и поверила. Не говорю я так, успокойся. Кто же поверит, что я мог жениться на своей неизлечимо-больной пациентке?

Вере нравилась работа, ей нравился город, ей нравились эти тягучие южные вечера на берегу, приправленные для остроты дурацкими шутками Вована. Но она безумно скучала по дому. По Сереже, по сыновьям. Она буквально извелась и к концу третьей недели просто места себе не находила, а работы было еще недели на две, на три. Потом можно будет просто прилетать на один–два дня. Но сейчас, никуда не денешься, нужно быть здесь. Все чаще она сидела на веранде кафе, с задумчивым видом, и пропуская мимо ушей трескотню Вована, смотрела полным грусти взглядом куда-то вдаль, душой стремясь к самым своим дорогам и любимым.

Вера звонила своим по несколько раз в день. Но по телефону это было совсем не то общение. Она не любила телефон. Мальчишки рассказывали как у них дела в школе, в спортивных секциях. А Сергей говорил с ней по долгу, но таким неестественно бодрым тоном, что ей хотелось сесть в первый же самолет и лететь в Москву.

Как-то, за завтраком, Вован, появившийся на этот раз без очередной красотишки, подсел к Вере и в своей обычной манере сказал:

– Ковальская, мне надоело, видеть твою кислую физиономию, я уж молчу о тебе самой, как ты мне надоела за все эти годы. Бери-ка ты билет на самолет и дуй домой. Тут уже почти все сделано. А остальное я сам закончу. Если, что прилетишь на денек. В твоём возрасте полезно двигаться, арт-рита не будет.

Вера хотела возразить, сказать да как же так, как я тебя брошу. Но она обошла стол и поцеловав Вована в щеку просто сказала:

– Спасибо!

– Фу, облизнявила меня всего!– демонстративно вытирая все лицо салфеткой, возмутился Вован.– Так и ждешь повода, на меня набросится. Такой лакомый кусочек, а тебе не достался! Никак не успокоишься.

Счастливо улыбаясь Вера пошла в свой номер собирать вещи.

Такси подъехало к дому, и расплатившись с водителем, Вера вышла из машины и пошла по выложенной камнем дорожке, ведущей через зеленую лужайку. Вроде она не была тут всего месяц, но казалось, что прошли целые годы. Как же тут хорошо. Дом, милый дом. Она не стала никому звонить, решила устроить сюрприз.

– Мама!– Алеша бросился к Вере и обняв уткнулся в нее лицом.– Мамочка! Как здорово, что ты приехала.

Со второго этажа спустился Сеня, подошел, и Вера обняла его, и притянула к себе. Совсем взрослый, уже выше, чем она и, как любой подросток в его возрасте, уже немного стесняется проявления нежности.

– Как я по вам, соскучилась.

Алеша поднял вверх счастливое лицо:

– А папы еще нет.– Сказал он.– Вот он обрадуется. Мы по тебе скучали.

– И я по вам. Очень–очень,– целуя мальчишек, говорила Вера.

Сергей вошел в дверь, читая на ходу какое-то письмо, которое он вытащил из ящика, когда открывал ворота, что бы заехать во двор.

– Папа! Папа!– Алеша бросился к нему, подскакивая как маленький козленок.– Мама приехала!

Сергей оглядел гостиную с недоверчивой, но становящейся все шире и шире улыбкой. Вытирая большим махровым полотенцем волосы, по лестнице спускалась Вера. Отшвыр-

нув портфель в одну сторону, а дурацкую рекламу, которой оказалось вынужденное им письмо, в другую, он пулей взлетел по ступенькам вверх и подхватил Веру на руки.

– Ты не представляешь, как я соскучился!– сказал он, сжимая ее с такой силой, что Вера испугалась, что он ее задушит или сломает ребра.

Они, смеясь, смотрели друг на друга, и было так хорошо, что Вера удивлялась, как она вообще решилась так надолго уехать, и как она выдержала так долго вдаль от них.

После ужина, еле дождавшись, пока дети улягутся спать, почти бегом они бросились на второй этаж, срывая, на ходу, друг с друга одежду, как когда-то в юности, когда Сергей приехал в Москву, на полдня, с далекого севера.

Потом они лежали и смотрели друг на друга долго-долго. Вспоминая, радуясь. Наслаждаясь тем, что они снова вместе. Вера чувствовала себя той молоденькой девчонкой, какой она была в те далекие-далекие времена.

–Сережа.– Вера провела кончиками пальцев по его губам.

– Я должен рассказать тебе про себя ужасную вещь,– улыбаясь, и лоя губами ее пальцы, сказал он.

– Какую же?

– Я ужасный эгоист.– Сказал Сергей.

Вера засмеялась.

– Подумаешь, ужасная вещь. Ты думаешь, почему нам так хорошо вместе. Потому, что я тоже ужасная эгоистка.

Он поцеловал ее.

– Не уезжай больше. Я не могу без тебя.

– Я больше не уеду.– Пообещала Вера.– Я тоже не могу без вас.

В конце лета Вере предложили заняться подготовкой выставки работ молодых дарований, студентов–выпускников архитектурного института.

По традиции, за завтраком она сообщила свою новость семье. Она чуть не расхохоталась, увидев как Алеша испуганно раскрыл рот, а ее любимый муж опять нацепил свою кривенькую фальшивую улыбку, изображая бодрый оптимизм и радость от услышанного. Устыдившись собственной жестокости, Вера поспешила сообщить, что выставка будет проходить в Москве. И снова чуть не расхохоталась, когда тут же Алеша, не закрывая рта, расплылся счастливой и довольной улыбкой, а Сергей засиял самой искренней и счастливой. Плевать ему, конечно, на молодых дарований всех вместе взятых, сияет он от того, что жена остается в Москве. А уж заниматься она может хоть выращиванием кактусов, хоть изучением кишечной палочки под микроскопом. Он готов точно так же сиять, лишь бы она была здесь, с ним.

Выставка должна была открыться в сентябре. Времени оставалось не очень много, и Вера, с головой погрузилась в работу. Ей нравились молодые, действительно талантливые ребята, которые с воодушевлением смотрели в будущее и строили грандиозные планы, чем они будут заниматься по-

сле института. С ними было весело и легко работать. Иногда Вера брала с собой кого-нибудь из сыновей. Сеня ходил по залу, с интересом изучая экспонаты сделанные руками молодых, не на много старше него ребят. Рассматривал макеты необычных зданий, какие-то фантастические конструкции из трубочек и деталей разной формы. Алеша подходил к осмотру скорее не с эстетической, а с технической стороны. Он был увлечен физикой, электроникой и всем, что с этим связано, мечтая пойти по стопам отца. Он, по долгу, изучал сложные конструкции созданные студентами и даже несколько раз давал советы по усовершенствованию и указывал на допущенные ошибки.

– Вера Николаевна, ваш младший сын, прямо профессор, – смеялись студенты. – Подрастет, скажет в науке новое слово. Талантище.

– Да, он у нас такой. С пеленок. Весь в папу. Я даже уже не пытаюсь вникать, что они там обсуждают, все равно ничего не понимаю. – Улыбалась Вера.

Подготовка подходила к концу. Почти все экспонаты заняли свои места. Оставалось всего несколько дней работы.

Освободившись пораньше, Сергей решил заехать за Верой. Можно было сходить куда-нибудь. Поужинать вдвоем. Они в последнее время редко куда-то выбирались.

Сергей вошел в зал. Вдоль одной из стен был сооружен помост, собранный из железных труб и досок, выполнявший роль строительных лесов. Некоторые из экспонатов крепи-

лись высоко, на стене или были подвешены к потолку и парили в воздухе над находящимися в зале людьми. Вера стояла наверху рядом с молодым высоким парнем, они что-то оживленно обсуждали. Вера обернулась и, заметив Сергея, помахала рукой.

– Мы скоро закончим!– крикнула она.– Походи, пока, посмотри.

Он помахал ей в ответ. Прошелся по залу. Покрутил замысловатые конструкции. Вернувшись назад, Сергей уселся на деревянные ящики, составленные у стены. За время его экскурсии Вера с парнем переместились на другой конец помоста. На Вере была белая просторная туника с широкими рукавами и узкие джинсы. Стоя там наверху, она казалась совсем юной, не старше своего собеседника. Почти такой же, как, когда они только встретились. Сергей залюбовался ею, изящной и стройной.

Вера заметила, что одна из конструкций, напоминающая то ли космический корабль, то ли что-то типа телевизионной вышки, повешена криво. Она подвела своего спутника к тому месту, откуда это было заметно, и показала рукой. Он закивал, мол, да, исправим.

То ли помост собирали, лишь-бы собрать. То ли, что-то разболталось и развинтилось, в процессе использования, но Вера почувствовала, как доски под ногами начинают куда-то наклоняться, послышался треск и хруст. Конструкция зашаталась. Чувствуя, что теряет равновесие, Вера хотела ухва-

титься за железную трубу, идущую как ограждение вдоль всего помоста, но труба ускользнула из ее рук куда-то вниз и, в попытке не упасть вслед за ней Вера взмахнула руками, и широкие белые рукава туники взметнулись вверх, а потом опустились вниз как крылья птицы.

Снизу казалось как будто балерина, танцующая на помосте, делает па, и ее руки взмывают вверх а потом опять опускаются. Вся конструкция наклонилась и начала рушиться. Вера успела почувствовать, что летит куда-то вниз и в этот краткий миг она услышала страшный нечеловеческий крик. Крик, вырвавшийся из груди ее мужа.

Когда помост начал заваливаться и послышался звон и грохот, падающих на каменный пол металлических труб и досок, Сергей замер, парализованный ужасом непоправимости происходящего. Как в замедленной съемке он видел, как Вера потянулась к ограждению, а потом взмахнула руками, и после этого маленькая фигурка в белом рухнула вниз вместе с трубами и досками, и все вокруг грохотало и звенело. И в этот страшный шум, перекрывая его, ворвался его собственный крик, вопль, вырвавшийся из его груди бессознательно. Крик смертельно раненого животного, вобравший в себя боль, ужас, безысходность. Взметнулось облако пыли и все замерло. Сергей бросился к обломкам, валяющимся на полу, как безумный, отшвыривая на ходу доски и трубы. В этот момент он вообще ничего не соображал. Он действовал инстинктивно. Подняв с пола бесчувственное тело Веры, он

с каким-то звериным воем прижал ее к груди. Белая туника покрылась серым налетом пыли. Один рукав порвался, и сквозь разорванную ткань проглядывало беззащитная нежная кожа плеча. На когда-то белой ткани виднелись две ярко красные капельки крови. Увидев их, Сергей зарыдал, впервые, наверное, с раннего-раннего детства. Он мотал головой, ревел как дикий зверь, всхлипывал и целовал лоб, волосы Веры, качая ее на руках как ребенка. Когда приехала скорая, он вел себя как человек, полностью лишившийся рассудка. Не позволял врачам забрать ее из его рук. Ничего не понимая и не слыша, не обращая внимания ни на кого, он прижимал к себе неподвижную маленькую фигурку. На этот раз, ему все же вкололи успокоительное. Кое-как забрали у него Веру и перенесли в машину скорой помощи. Но и оглушенный мощными лекарствами, Сергей рвался в скорую, отталкивая врачей.

– Пусть едет, – сказал старший. – Он совсем невменяемый. Если его тут оставить еще не известно, что натворит.

В больнице, в ожидании врача, осматривающего Веру, Сергей неподвижно сидел, тупо уставясь в одну точку. Врач долго не выходил из-за белой, широкой двери с матовым стеклом. В эту дверь увезли Веру, когда они приехали. Сергею казалось, что прошла уже целая вечность, и врач просто прячется за этой дверью, ожидая, когда он уйдет, чтобы не выходить и не говорить ему, что Вера умерла. Он даже хотел подойти к проклятой двери и заглянуть в нее, но у него

не было сил встать. Так он и сидел, пока, наконец, не вышел доктор. У Сергея остановилось сердце. Сейчас этот человек в белом халате скажет страшные слова и все, и жить будет незачем.

Доктор посмотрел на него и спокойно сказал:

– У вашей жены легкое сотрясение, сломана лучезапястная кость и небольшой порез с правой стороны лба. Наверное, при падении порезалась обо что-то острое. Кожа рассечена глубоко, пришлось наложить швы. Но когда все заживет, шрам не будет сильно заметен.

Сергей посмотрел на доктора. Впервые, после произошедшего его взгляд стал более-менее осмысленным. При чем здесь шрам? Да плевать ему на это. Она жива. Главное, что она жива. Вера. Она же все для него. Сергей тяжело сглотнул.

– Можно мне к ней? – голос у него был хриплый, видимо сорвал, когда кричал.

Врач хотел сказать, что пациентке вкололи лекарство, и она спит. Но потом подумал, примерно так же, как и врач со скорой. И проводил Сергея в палату.

Вера открыла глаза и встретилась с глазами мужа. Сергей сидел напротив, немного наклонившись вперед, не отрываясь глядя на ее лицо.

В первый момент Вера не могла понять, где она и что произошло. И почему Сережа смотрит так испуганно. И почему он такой всклокоченный и грязный.

– Сережа! – тихо позвала она.

Сергей дрожащей рукой очень осторожно провел по ее волосам и, наклонившись, поцеловал ее ладошку.

– Сережа, что случилось?

Вера повертела головой и заметила гипс на руке. Она вспомнила. Они стояли на верху, с Виталиком. Что-то обсуждали. Только она не помнит, что. И помост начал ускользать из-под ног и потом она начала падать.

Сергей поднял голову и посмотрел на нее.

– Я очень испугался,– прошептал он.

– Ты не знаешь, что с Виталиком?– спросила Вера. Видя, что Сергей не понимает, она объяснила.– С парнем, с которым мы вместе стояли.

Сергей помотал головой. Он вообще забыл, что там был еще этот парень, Виталик.

– Я потом узнаю.– Пообещал он.– Вера.

Он наклонился к ее лицу и очень-очень осторожно поцеловал.

– Не волнуйся. Когда голова отваливается, врачи ее просто ставят обратно.– Улыбаясь, повторила она его давнишнюю шутку.

Сергей поднял голову и посмотрел на нее. Вера увидела, что по его щекам текут слезы.

– О боже! Через восемнадцать лет совместной жизни я узнаю, что мой муж плакса.– Улыбнулась Вера, вытирая здоровой рукой мокрые заросшие щетиной щеки.

– Мальчишки перепугались?– спросила Вера.

– Я вчера даже забыл позвонить им.– Признался он.– Вообще обо всем забыл. Вечером они позвонили Вовану, волновались, где мы. Они с Алиной Николавной к нам приехали, посидели с ними.

Вера погладила жесткие густые волосы.

– Не переживай. Они не обиделись. Они знают, что ты волновался. Они же уже взрослые. Самостоятельные.– Она видела, что он сильно переживает, что забыл про детей, забыл про все.

Незадолго до обеда в дверь палаты всунулось напряженное, встревоженное лицо Вована. Увидев Веру, вполне живую, хоть и не совсем здоровую, лицо расслабилось, приобрело свое, обычное выражение, и ухмыляющийся Вован ввалился в палату весь целиком. Из-за спины у него торчал огромный букет.

– Ковальская, я тебе еще в институте говорил, что нельзя столько есть. Тебя уже строительные леса не выдерживают.

– Я тоже рада тебя видеть, Телянин.– улыбнулась Вера.

Вован повертел в руках букет.

– Вот. Мама сказала, что тебе нужно купить цветы. Правда, не знаю, зачем они тебе, их вроде бы не едят. Ну, что бы ее не расстраивать, я и купил.

Вован положил букет на тумбочку и уселся на стул напротив Веры.

– Ну, что, Ковальская, небось, половину экспонатов сво-

ей башкой разнесла? А кстати, ты в курсе, что у тебя из головы нитки торчат?— Вован показал пальцем на Верин лоб. Она дотронулась до шва. Кожу чуть-чуть защипало, и Вера убрала руку.

— Очень заметно?— спросила она, так как сама себя еще не видела.

— Ну, до Франкенштейна ты еще не дотягиваешь.

Вера, улыбаясь, смотрела на друга. Наверное, очень хорошо, что он ни капельки не изменился с тех пор, как она его знает.

— Володь. Ты знаешь, что ты самый замечательный друг? Вован даже замер от неожиданности.

— Ты чего, Ковальская? Совсем себе голову вчера отбила. Какой я тебе друг? Если я к тебе в больницу зашел, это, что уже значит друг? Я вообще не собирался идти. Говорю же, мама попросила цветы купить. А сам бы я, думаешь, пошел? Ага, размечталась! Больше мне делать нечего. Это ты тут лежишь и ждешь, когда же мой Володечка придет? Мой любименький, свет очей моих. — Вован наклонился к Вере и, глядя ей в глаза, спросил.— Может ты, Ковальская, вообще специально башкой вниз звезданулась? Из-за меня, что бы меня лишний раз увидеть?

— Я для тебя открытая книга. Видишь меня насквозь.— Засмеялась Вера.

Вован повертел головой.

— А где Серега-то? Надеюсь не в соседней палате в сми-

рительной рубашке?

– Нет, я его на работу отправила. Еле уговорила.

– Ох, доведешь ты мужика, Верка. Все тебе нейдет. То детей рожает, то головой бьешься, а Серега он натура тонкая, чувствительная. С ним нужно бережно обращаться, иначе он сбрендить может.

– Он очень переживал вчера,– сказала Вера.

– Да даже я переживал, чего уж там.– Признался Вован.– Вот думаю беда! У Верки там и так-то, мозгов кот заплакал. А тут, наверное, шандарахнулась, так и последние растеряла. Бедный Серега. Бедные дети.

В палату влетел Сергей.

– Здорово!– хлопнул друга по плечу Вован.– Знаю один магазин, у них сейчас акция меняют старую жену с дыркой в голове, на новую, без дырки. Адресок подсказать?

Сергей сердито посмотрел на него и подошел к Вере.

– Вер, ты как?– взяв ее маленькую ладошку в свои руки, спросил он.

– Сережа, забери меня домой.– Попросила она.– Пожалуйста.

– Сейчас поедem,– пообещал Сергей.– Пойду с врачом поговорю.

– Я думал, ты ее здесь оставишь. Для опытов.– Сказал Вован, благоразумно подождав, пока дверь за другом закроется.

Дома Веру окружили заботой и вниманием. В первые два дня она растроганно умилялась, как муж и сыновья кидаются к ней, как только она хочет встать или пойти куда-нибудь. Как бережно они поддерживают ее, когда она поднимается по лестнице. Как приносят ей еду, подтыкают одеяло и постоянно спрашивают, как она себя чувствует. На третий и четвертый день, когда она уже чувствовала себя совершенно нормально, продолжалось то же самое. На пятый ее начало ужасно раздражать это чрезмерное внимание, а через неделю она была готова уже прибить их всех. Когда Алеша, в очередной раз, спросил: «Мам! У тебя все нормально?» в то время как она сидела в туалете, Вера не выдержала. Пора было положить этому конец. Спустившись вниз, естественно, при поддержке обоих сыновей, Вера пригласила своих домочадцев собраться на диване, в гостиной.

– Я, очень тронута вашей заботой, но хватит уже обращаться со мной как с инвалидом. Я себя прекрасно чувствую.– Стараясь держать себя в руках, сказала она, преданно глядящим на нее мужчинам. Она хотела встать, и тут же три руки протянулись к ней. Вера обвела всех троих суровым взглядом.– Предупреждаю, первый, кто сейчас попытается помочь мне встать получит вот этим гипсом по голове.

На десятый день Сергей отвез Веру в больницу. Ей сняли швы. Шрам еще был свежий, но, находясь почти под волосами, не особо бросался в глаза.

Любовь. Можно сочинять целые тома, пытаясь объяснить, что это такое. Любовь многогранна. Любовь к детям, любовь к родителям, любовь к Родине, к своей собаке, к своему дому, к профессии. Все это любовь. Потому, что любовь это жизнь. Отсутствие любви делает нас несчастными, не получившими того для чего мы вообще появились на свет. Но есть одна совершенно особая грань у этого прекрасного чувства, любовь к одному единственному человеку. Самая загадочная, самая сложная и противоречивая из всех разновидностей любви. Эта любовь может вспыхнуть и сгореть как спичка, мгновение страсти, а потом пшик и темнота. Она может потихоньку тлеть как угли от костра, долгие годы, согревая своим теплом. А бывает, что пламя горит равномерно и ярко и не угасает и даже со временем может вспыхивать еще сильнее. Именно о такой любви слагают стихи и песни. Сочиняют романы, пишут пьесы, снимают кино. Именно о ней мечтают и именно ее ждут все, в тайне надеясь, что именно им повезет ее найти. Эта разновидность любви большая редкость. Бесценный дар, дающийся не каждому. Счастлив тот, кому довелось испытать это чувство. Но, нельзя забывать, что получив этот дар его нужно беречь, ценить каждый миг обладания им, не забывая о том, что лишиться его проще простого. Оглянуться не успеешь, а вместо горячего яркого пламени одни черные шипящие головешки. И утративший свой дар мечется по пепелищу, рвет на себе волосы, отчаян-

но пытаюсь понять ну как же так? А изменить уже ничего нельзя. Если пламя угасло, если не успеть сохранить хотя бы последний его язычок, то это уже безвозвратно. Снова разжечь этот огонь уже нельзя, только выжженная земля остается, как шрам, который ноет и болит потом долгие годы, и не заживает до конца, уже никогда.

Если прожив восемнадцать лет вместе, каждое утро, открыв глаза, радуешься, увидев напротив глаза любимого человека и чувствуешь себя счастливым. Если муж, глядя на свою жену, с которой прожил восемнадцать лет, каждый раз ощущает, как перехватывает дыхание. Если жена, подойдя к нему, каждый раз замирает от переполняющей замирающее сердце нежности. Это и есть, та, самая редкая разновидность любви, тот самый дар, который им посчастливилось получить. Если думая о нем или о ней всякий раз в душе рождается радостное удивление «За, что мне такое счастье? Чем я смог, смогла заслужить?», это та самая Любовь, настоящая, сильная, бесценная, которая, дается один единственный раз.

В освещенной только лунным светом спальне они шагнули навстречу друг другу. Соприкосновение рук. Ощущение горячего дыхания на коже друг друга, нежный поцелуй. Объятие, становящееся все теснее, все крепче. Сердце наполнило чувство счастья, восторга, радости. Чувство бесконечной нежности и разгорающееся пламя страсти, готовое

поглотить, сжечь.

Сергей закрыл глаза, чувствуя, как в его руках маленькая хрупкая фигурка жены становится податливой, как она прижимается к нему все теснее, согревая его своим теплом. Ее губы совсем близко от его. Он уже почти касается их. И в этот миг перед его мысленным взором, как на экране кинотеатра, очень отчетливо появилась картинка, маленькая фигурка в белом поднимает руки высоко вверх и, взмахнув ими, устремляется вниз. И это падение длится бесконечно долго, а он чувствует ужас и боль и отчаяние. И ничего не может сделать, ничего не может изменить. И в ушах его раздается собственный страшный крик.

Он замер, чувствуя, как холодный липкий пот покрыл все тело. На миг ему показалось, что воздух больше не проходит в легкие, и он не может дышать.

– Что случилось?– прошептала Вера, нежно целуя его ухо, прижимаясь к нему все тесней и тесней.

Почувствовав, что он весь напрягся и застыл, Вера заглянула ему в лицо.

– Сереж, что такое?– С тревогой вглядываясь в испуганные глаза, спросила Вера.

– Не знаю. Ничего, устал, может.– Осторожно отстраняя жену, ответил Сергей севшим голосом.

Вера внимательно посмотрела на него. Она прекрасно видела, что, что-то не так, но решила не приставать сейчас с расспросами. Может он переволновался после несчастного

случая. Может нужно дать время, подождать. Она нежно погладила его по щеке.

– Пойдем спать.

После второй, третьей и четвертой таких же неудачных попыток, Вера заволновалась. Что твориться с ее мужем? Что произошло? Сергей был, как и прежде, нежен, внимателен и предупредителен. Старался выполнить любую ее просьбу. Но, как только она приближалась к нему, пыталась обнять или поцеловать он как будто каменел, в глазах появлялся страх.

Она пыталась поговорить. Просила рассказать, что с ним происходит. Но он только смотрел на нее тоскливыми глазами и уверял, что все в порядке, просто видимо накопилась усталость, переутомление.

Он боялся этих разговоров и понимал, что они неизбежны. Что он мог сказать ей? Я безумно люблю тебя, но когда ты ко мне прикасаешься, меня охватывает ужас, и я готов бежать на край света, подальше от тебя, потому, что меня разъедает изнутри, отравляет мне жизнь чувство вины, чувство страха.

Если бы понадобилось, он, не задумываясь, отдал бы жизнь за нее. Он бы сделал для нее все. Он не мог только прогнать картинку из своей головы. Не мог перестать слышать свой безумный дикий крик.

Часами он сидел в своем кабинете, не представляя, что

делать дальше, как ему быть, как спастись от сводящего его с ума наваждения. Может быть нужно время?

Прошло полтора месяца.

Постепенно отношения становились все натянутее и холоднее. Возникшее недопонимание как глухая стена встало между ними. Во время совместных завтраков и ужинов уже не звучал задорный смех, не было той непринужденной радостной атмосферы. Они продолжали шутить и улыбаться с детьми, рассказывали о прошедшем дне, истории о каких то давнишних событиях. Но улыбки были натянутые, почти вымученные. В смехе больше не было искренности и взгляды, которые они раньше постоянно бросали друг на друга, они теперь наоборот старательно отводили в сторону, стараясь не встречаться друг с другом глазами. Если все же их взгляды пересекались, они смотрели друг на друга настороженно, как бы спрашивая один другого: «Ты нашел, наконец, ответ как это с нами произошло и что теперь делать?». Ответа не было, и они быстро отводили глаза, чувствуя даже некоторую неловкость, чего в их отношениях никогда раньше не было.

Дети тоже замечали перемену в родителях. Перемену в их отношениях. Отец уже не смотрел влюбленным восторженным взглядом на маму, не брал ее за руку сидя за столом, не старался пройти как можно ближе, что бы лишний раз коснуться ее. И мама уже не хохотала до слез над веселыми историями, не улыбалась постоянно. Не проводила нежно ладонью по щеке отца, когда он подходил к ней. Она стала за-

думчивая и грустная. Часто сидела с отсутствующим взглядом, размышляя о чем то своем. И глаза стали печальные, не светились как раньше изнутри чудесным светом.

Сеня и Алеша переживали. В основном переживал Сеня, Алеша еще не мог понять всех тонкостей отношений между взрослыми. Он просто видел, что что-то не так.

– Мама с папой поссорились?– спрашивал он у старшего брата.

– Нет, Лех. Просто, понимаешь, у взрослых такое бывает. Они себя странно ведут, не могут разобраться в какой-нибудь ерунде. Но потом все наладится. Все станет как раньше. Не переживай.– Успокаивал Сеня, но сам далеко не был так уверен, что все возьмет и наладится.

– Мама.– Сеня подошел к Вере, читающей на диване книжку. Сел с ней рядом.– Вы с папой поссорились?

Вера задумалась. Как объяснить, хоть и взрослому сыну, но все равно еще ребенку, что они не ссорились. Как объяснить, что она сама не знает, как случилось, что их отношения превратились в холодное отчуждение. Пропала близость, понимание. Как объяснить, что день ото дня они становятся все более чужими друг другу. Как объяснить, что она в ужасе, потому, что не знает, что делать. Что она несчастна. И отец несчастен. Как сказать сыну, что их счастливая жизнь рассыпается на куски, и возможно скоро останутся одни обломки.

– Сынок. Мы не ссорились. Просто между нами возник-

ло недопонимание. Но ты не волнуйся. Все наладится. Мы с папой любим друг друга. Это временно. У взрослых такое бывает. Мы, взрослые, вообще странные. Любим все усложнять.— Улыбнулась она, обнимая сына и целуя его, в темную макушку.

— Правда наладится? Я хочу, что бы все было как раньше. И Алешка переживает.— Сеня с надеждой смотрел на мать. Он, будучи уже подростком, все еще с чисто детской наивностью, продолжал верить во всемогущество родителей. В то, что папа и мама могут все. Могут решить любой вопрос, любую проблему. Даже могут собрать жизнь по кускам и сложить ее заново. Они же мама и папа.

— Я очень постараюсь сынок. Мы с папой очень постараемся. Я тоже хочу, что бы все было как раньше,— сказала Вера.

Вечером она зашла к Сергею в кабинет, где теперь он проводил почти все вечера, избегая лишних встреч. Вера закрыла за собой дверь.

— Сережа, сегодня со мной говорил Сеня, спрашивал, поспорились ли мы. Дети переживают.

— Мы не ссорились,— сказал Сергей, прекрасно понимая, о чем она говорит. Но, что он мог ей ответить? Что у него разрывается сердце, а он ничего не может с собой сделать. Что он ненавидит себя за то, что происходит. Что он любит ее и она его жизнь, но он не может быть с ней.

– Сережа, поговори со мной. Расскажи, что с тобой происходит.

– Ничего не происходит. Я не знаю. Может возраст. Вер, все наладится. Мне работать нужно.

Она печально посмотрела на него. Неужели это все? Конец.

После ухода Веры Сергей достал бутылку виски и налил пол стакана янтарной жидкости в широкий бокал. Крепкий напиток приятно согревал изнутри, давая возможность не думать. Можно было просто сидеть и наслаждаться вкусом и теплом.

Сергей старался сидеть в кабинете до тех пор, пока не уснет Вера. Потом он тихонько прокрадывался в спальню и ложился на край кровати, подальше от нее. Вера не спала. Она слышала, как он входит в комнату, как ложится. Они больше не касались друг друга, не сжимали в объятиях. Ей не хватало его. Дело было не только в близости. Ей не хватало их общения, его улыбки, его смеха. Того как он смотрел на нее, взглядом полным любви и счастья. Не хватало того какими были их отношения все годы проведенные вместе. «Боже! Во, что превратилась наша жизнь?» И ничего не получается исправить. Все попытки поговорить, разобраться, помочь натыкались на еще большее отчуждение и непонимание.

После разговора в кабинете, Сергей начал частенько за-сиживаться с виски или коньяком. Он не напивался. Просто

так было легче. Выпивка помогала расслабиться и не мучить себя лишними и бесполезными размышлениями.

Почувствовав запах спиртного, Вера в первый раз удивилась. Сергей вообще мало пил. А в одиночку вообще никогда. Когда, по его возвращении среди ночи в их спальню, она уловила запах и второй, и третий раз, Вера всерьез встревожилась. А дальше, что будет? Развод? Их крепкая, счастливая семья разваливалась. С каждым днем, с каждым часом приближался полный разрыв. Уже почти и так каждый сам по себе. Дети, привыкшие к тому, что родители любят друг друга, отец носит мать на руках, а она почти боготворит его, столкнулись с тем, что мама и папа едва разговаривают и становятся практически чужими людьми. Как они могут понять такую неожиданную перемену? Как они могут это перенести? Ведь и их привычный мир тоже рухнет теперь. Вера была в полном отчаянии.

Возвращаясь со встречи с заказчиком, Вера решила пройтись. Она медленно шла по старой тихой московской улочке, погруженная в размышления о своей жизни, о том, что ей теперь с ней делать. С тем, что от нее осталось. Как спасти свой брак, свою семью. Как вернуть совсем недавно наполнявшее их жизнь счастье. Неужели все закончилось и уже ничего нельзя изменить? Мысли были грустные и ответа на свои вопросы она не находила. Ее взгляд скользнул по вывеске, расположенной на фасаде одного из домов. «Семей-

ный психотерапевт»

«То, что нам надо. Нам бы еще семейный психиатр не помешал». Вера, никогда не верила ни в каких психологов или психотерапевтов, считая все это чушью собачей. Ей казалось, что люди, обращающиеся к ним, просто не хотят сами решать свои проблемы или им нравится придумывать эти проблемы и потом носится вокруг них, изображая страдания. Любую проблему можно решить, считала она. Но сейчас, столкнувшись со своей собственной, неразрешимой проблемой, она дошла до такого состояния, что готова была к деревенской бабке пойти или к шаману с бубном, вдруг поможет. Хуже-то уже не будет. Вера поднялась по ступенькам невысокого крылечка и открыла дверь.

– Здравствуйте!– обратилась к ней милостивая девушка из-за стойки.– Вы хотели записаться на прием?

Вера уже хотела извиниться и уйти. Ни на какой прием она записываться не собиралась потому, что во второй раз она уж точно сюда не придет. Это была минутная слабость, вызванная ее состоянием отчаяния. Попытка ухватиться за соломинку.

Видимо девушка заметила растерянность на лице посетительницы и, имея опыт работы с такими вот нерешительными, она все поняла и, улыбнувшись располагающей профессиональной улыбкой сказала:

– Подождите, пожалуйста. Сейчас я узнаю, может быть, Георгий Порфирьевич примет Вас прямо сейчас.

«Господи, Порфирьевич! Наверное, единственный Порфирьевич на всю Москву»— подумала Вера, желавшая, только одного, поскорее обратиться отсюда.

Девушка позвонила своему Порфирьевичу и снова широко улыбнулась:

– Проходите, пожалуйста. Георгий Порфирьевич Вас ждет,— она указала рукой на дверь кабинета.

Обладатель редкого отчества сидел за большим письменным столом и что-то писал. Внешне он был удивительно похож на доктора Айболита. Даже очки, маленькие круглые в золотой оправе, были как у сказочного доктора. Вера почувствовала, как ее начинает разбирать истерический смех, привычный спутник ее волнения. «Доктор, когда вылечите всех зайчат, медвежат и бегемотиков, Вы же сможете вылечить моего сошедшего с ума мужа и спасти мою семью?»

Георгий Порфирьевич, похожий на Айболита поднялся из-за стола и подошел к Вере.

– Добрый день!— сказал он приятным мягким голосом.— Присаживайтесь.

Он указал Вере на широкий мягкий диван.

– Вы пришли одна?— спросил доктор. Вера непонимающе посмотрела на него. Можно было бы, для компании, взять с собой Вована. Вот бы повеселились!

– Обычно ко мне приходят семейные пары.— Пояснил Айболит.— Что бы получить желаемый эффект, лучше, что бы на консультации присутствовали оба супруга. Но ничего

страшного. Давайте сегодня побеседуем с Вами, а в следующий раз Вы придете вместе с супругом. Он не против посещения консультаций, надеюсь?

Вера не знала, насколько доктор помогает своим пациентам, но его мягкий голос действовал успокаивающе и располагал к откровенности. И улыбка у него была приятная не навязчивая, а очень легкая, с некоторой долей иронии. Вера забыла полное имя врача, поэтому решила называть его просто доктор:

– Доктор. Я должна честно признаться, что никогда не верила ни в какую психологию, и считала все эти консультации не нужной тратой времени. И мы с мужем не будем посещать ваш кабинет два раза в неделю или сколько там положено. Он вообще не знает, что я здесь.

Доктор за сердце не схватился, ногами не затопал крича: «Вон из моего кабинета, невежа, не верящая в психологию!» Он с интересом посмотрел на Веру, за стеклами очков плясали веселые огоньки.

– Присаживайтесь.– Повторил он свое приглашение.– Может быть, Вы расскажете, зачем же Вы тогда пришли?

Вера решила, почему бы и нет.

– Доктор я надеялась, что раз вы решаете проблемы отношений между людьми, может быть, Вы сможете дать мне совет по поводу моих отношений.

Доктор улыбнулся своей ироничной улыбкой и опустился в большое кресло напротив Веры. Все как в кино про психо-

ЛОГОВ.

– Дело в том, что задача психолога состоит не в том, что бы решить проблему пациента. Его задача – подвести пациента к решению имеющейся у него проблемы. Пациент должен сам понять, как ему изменить ту или иную ситуацию, ту или иную сторону своей жизни. Как устранить проблему, которая мешает ему в полной мере чувствовать себя счастливым и наслаждаться жизнью. Это долгий процесс. Психолог задает вопросы, а пациент, отвечая на них, постепенно начинает сам видеть, в чем состоит его проблема и как ее решить. За один раз невозможно разобраться в сложностях взаимоотношений. Понять из чего возникла данная проблема и как действовать, что бы ее устранить.

Вера хотела встать и уйти, но доктор движением руки попросил ее оставаться на месте.

– Я не даю советов, так как это не профессионально и не этично. Но если вы расскажете мне о своей проблеме, может быть, мы попробуем проанализировать ситуацию и придем к нужному решению. Согласны?

Вера кивнула. Айболит ей нравился, да и хуже уже действительно не будет.

– Прошу Вас.– Доктор кивнул, давая понять, что он готов, в очередной раз, погрузится в чужие дразги и переживания. Работа такая.

Вера вкратце рассказала ему, что произошло за последние три месяца. Доктор очень внимательно слушал. Не пе-

ребивал, не торопил, если она задумывалась, как лучше объяснить тот или иной эпизод из последних месяцев ее жизни. Когда она закончила, он снова покивал головой, видимо распределяя в каком-то одному ему известном порядке полученную информацию и анализируя. Потом задал несколько вопросов, касающихся прошлого, привычек и еще о всяких мелочах. Сцепив пальцы «домиком» он что-то обдумывал несколько минут.

– Я так понимаю, что вы живете вместе достаточно долго и до последнего времени, до того несчастного случая, ваш брак был счастливым и проблем в ваших отношениях не возникало.

– Да, все верно.

– Вы знаете, что все секреты, все поступки, желания, все помыслы человека, все, что связано, с его характером, действиями и устремлениями скрывается здесь.— Доктор постукал указательным пальцем посередине лба. Наш мозг это одна из величайших тайн. Он настолько сложен и малоизучен, он скрывает в себе столько возможностей, о которых мы даже не подозреваем, что его вполне можно назвать непревзойденным чудом сотворенным природой. И когда происходит что-то, что влияет на работу нашего мозга, то меняется модель поведения, меняются привычки, отношение к жизни и так далее. Мы целиком и полностью зависим от этого органа, находящегося в нашей голове. Если хотите, мы его рабы.

Ваш муж, вероятно, очень любит Вас. С вами на его глазах

произошло несчастье. Он пережил стресс. Для него нет ничего страшнее, чем потерять любимого человека. И так как он стал свидетелем трагедии произошедшей с Вами, а по вашим рассказам он привык решать все проблемы, защищать и оберегать Вас, то, вероятнее всего, он винит себя, в том, что не мог ничего сделать. Не мог предотвратить того, что произошло.

– Но это же глупо!– не выдержала Вера.– Его вины в этом нет. И разрушать жизнь, из-за своих самобичеваний тоже глупо.

– Дело тут в том, что он сам может прекрасно все это осознавать и, скорее всего, осознает. Но в его сознании, на фоне пережитого переживания, возник некий блок, не дающий ему выбросить ситуацию из головы и жить дальше. Что бы двигаться вперед после перенесенного несчастья человек должен пережить событие, прочувствовать все эмоции связанные с ним и отпустить его. Ваш муж продолжает переживать трагедию снова и снова. Она живет в его голове. Он хочет забыть и не может. Психологический блок от перенесенного потрясения мешает ему. Он сам страдает от этого, и страдает еще больше от того, что вы страдаете и ваши дети. Если хотите, он болен, но его болезнь нельзя вылечить лекарствами. Это болезнь сознания.

– И что же мне делать? Вообще можно, что-то сделать?– спросила Вера.

– Я не знаю.– Доктор развел руками.– Я имею в виду, что

ваши вопросы, с которыми Вы обращаетесь к нему, ваши попытки помочь, навряд-ли дадут результат. Он хочет дать Вам ответы, он хочет решить возникшую проблему, но он не может. И он очень страдает из-за этого. И это только делает ситуацию еще сложнее. Если вы уговорите его, приходите, мы вместе попробуем справиться. Только нужно набраться терпения и иметь желание добиться результата.

– Не думаю, что он согласится.– Покачала головой Вера.

– Бывает, что человек, переживший сильное потрясение, может вернуться к своему обычному состоянию, пережив новое сильное потрясение. Клин клином, как говорится.

– Доктор, вы знаете, я только, что целиком и полностью поверила, что психология это великая наука! А вы просто гениальный врач.– Сказала Вера. Лицо ее озаряла счастливая улыбка, глаза сияли.

Доктор улыбнулся.

– Не каждый день услышишь такое. Благодарю. Вы увидели возможное решение?– озорные искорки в его глазах устроили просто броуновское движение.

– Я уже практически решила проблему. Огромное спасибо!

– Если это так, то я могу сказать, что не зря выбрал профессию. Удачи.

Расплатившись в приемной с миловидной девушкой за чудесную консультацию доброго доктора, Вера выскочила на улицу, и, вытянув руку, стала ловить такси.

Войдя в многоэтажное здание, где располагался офис фирмы ее мужа, Вера села в лифт и поднялась на десятый этаж.

–Здравствуйте, Вера Николаевна.– Поздоровалась с ней секретарша Сергея Оля, на удивление некрасивая девушка с лошадиным вытянутым лицом и длинным носом.

Придя однажды к Сергею на работу, Вован , после встречи с Олей спросил: «Красотку из приемной, небось, Верка тебе сосватала. Чтоб боевой настрой поднимать. Пришел на работу, увидел и думаешь: «Скорей, скорей заканчиваем все дела и бегом домой, а то крокодил из приемной, заползет в кабинет и сожрет к чертовой матери». Ты, как хочешь, а я к тебе в офис больше ни ногой. Я и так сегодня спать не буду».

– Здравствуйте, Оля.– Поздоровалась Вера, решительно направляясь к двери в кабинет мужа.

– А Сергей Алексеевич на совещании в конференцзале.– Сообщила Оля.

Вере, в отличие от Вована, Оля нравилась, она была очень приятной в общении, и отличный секретарь. Но сейчас ей необходимо было войти в образ, поэтому Вера сказала не терпящим возражений командным тоном Алины Николаевны:

– Позовите его, срочно.

Оля удивленно посмотрела на жену шефа, всегда такую улыбчивую и приветливую, и побежала вызывать начальника с совещания.

Как и ожидала Вера, через пару минут в приемную влетел встревоженный Сергей. Вера никогда без предупреждения не приезжала и уж тем более с совещаний его не выдерживала. Случилось, что-то серьезное. Снова произошло, что-то плохое!

Сергей быстро провел жену в кабинет.

– С мальчиками все в порядке?– испуганно спросил он.

– С мальчиками все прекрасно.– Ответила Вера странным каким-то надменно-насмешливым тоном. Сергей удивленно посмотрел на нее.

– Вер, что случилось?

«Крыша у тебя съехала, вот, что случилось. Но сейчас я тебе ее поправлю. Будет немножко больно больной, потерпите!»

– Мне нужно с тобой поговорить.– Сказала она, холодно глядя ему в глаза.

Сергей весь напрягся, догадываясь, на какую тему будет разговор.

– Вер, у меня сейчас очень важное совещание. Давай дома поговорим. Ладно?

– Нет, дома мы не поговорим.– Сказала Вера своим новым странным тоном. Сергей непонимающе уставился на нее.

– Потому, что дома меня не будет. Сережа, три месяца я ждала, что ты хотя бы объяснишь, что с тобой происходит. Что поговоришь со мной. Ждала, что все наладится. Но ничего не налаживается. Становится только хуже. Не знаю, что

там творится в твоей голове, но наши дети страдают. Я страдаю. Я больше не хочу так. Я от тебя уйду. Поэтому пришла тебе сказать, не по телефону же сообщать.

У Сергея, в буквальном смысле, отвисла челюсть, и глаза вылезли из орбит. Он застыл напротив нее с открытым ртом и вытаращенными глазами. Ни слова больше не говоря, Вера развернулась и, выйдя из кабинета, направилась к лифту. На губах ее играла легкая победная улыбка.

– Вера!– заорал Сергей вслед уходящей жене. Возможно, после этого вопля парочка сотрудников фирмы начала заикаться, но для Веры этот крик был музыкой души. С торжествующей улыбкой она вошла в лифт и нажала на первый этаж.

Ее расчет оказался абсолютно верным. Не успела она выйти на улицу и сделать несколько шагов, как сильная рука ухватила ее за плечо и развернула в обратную сторону. Задыхающийся от быстрого бега, шутка ли почти со скоростью лифта спуститься с десятого этажа по лестницам, Сергей смотрел на нее страшным диким взглядом. Вера насмешливо посмотрела ему прямо в глаза. Как тебя пробрало!

– Вера! Ты с ума сошла?– прохрипел он, продолжая тяжело дышать.

Вера приподняла брови в знак удивления.

– Вера! Не уходи!

Они мешали прохожим, которые натыкались на них и толкали со всех сторон. Сергей взял ее за руку и оттащил в сто-

рону от толпы.

– Вера! Я не могу жить без тебя, ты же знаешь!– закричал он, тряся ее за плечи.

– Мне кажется, ты и со мной жить не можешь.– Холодно ответила Вера, хотя ей очень хотелось прижать к себе его глупую голову и сказать, что и она без него не может. Но лекарство прописанное доктором Айболитом должно подействовать, а для этого нужно пройти полный курс лечения, и она продолжала просто смотреть на него, ничего не делая.

Сергей снова встряхнул ее за плечи.

– Если ты уйдешь, я не знаю, что делать, понимаешь? Ты моя жизнь, ты для меня все, Вера.

– Все нормально. Мы просто решаем, кому детей из сада забирать.– Крикнула Вера, молодому парню, остановившемуся неподалеку от них, решая пора уже спасти маленькую хрупкую женщину от сумасшедшего здоровенного мужика, вцепившегося в нее и вытрясающего из нее душу. Молодой человек пожал плечами, и пошел дальше, размышляя какие все-таки ненормальные семейные парочки иногда встречаются.

– Вера! Не уходи. Прошу.– Он прижал ее к себе, едва не задушив, и начал целовать лицо, волосы, губы.

Когда он отстранился от нее, что бы перевести дыхание Вера, полюбившимся ей сегодня тоном Алины Николаевны, командовала:

– Быстро в машину. Поехали домой.

Детей она благоразумно поручила на сегодняшний вечер Теляниным, позвонив им еще из такси.

– Все-таки ты ненормальный! Посмотри, что ты устроил.– Лежа на пушистом ковре в гостиной сказала Вера, показывая на разбросанные вещи, опрокинутые стулья и осколки вазы, опрокинутой со стола во время бурного примирения.

Стоя у раскрытого холодильника, Сергей жадно пил воду из бутылки. Услышав ее слова, он широко улыбнулся и направился к ней.

– Ты еще даже не представляешь, какой я ненормальный. Пойдем наверх, я тебе покажу.

– А здесь чем плохо?– Спросила Вера, с блаженной улыбкой закрывая глаза, почувствовав его губы на своей шее.– Или ты решил весь дом разгромить?

– Вер, а ты бы правда могла от меня уйти?– спросил Сергей. В глазах его Вера угадала тревогу и настороженность.

– А ты уже и размечтался!– засмеялась она.– Нет уж, Кречетов, очаровал меня, увел можно сказать из-под венца, женился на мне, так, что теперь мучайся со мной до конца своих дней.

На следующий день Алеша и Сеня с радостными улыбками наблюдали за своими родителями, которые держались за руки, обменивались взглядами и весело смеялись, сидя за столом во время ужина. Все было по-прежнему. Глядя на

счастливых маму и папу, Сеня думал, о том какие они все таки хорошие. Нужно только время от времени за ними приглядывать, чтобы они не ссорились. Все-таки взрослые иногда бывают такие странные. А Алеша просто был счастлив, от того, что снова все хорошо. Что мама такая красивая и веселая, а папа снова весело смеется и смотрит на маму тем же полным любви взглядом, что и раньше.

Часть III

Если бы.

Филимон.

19.04.2011г.

Вся наша жизнь складывается из отдельных событий. Каждое событие происходит в результате стечения обстоятельств, которые могут быть совершенно не связаны между собой и не иметь ни какого значения сами по себе. Но, соединившись вместе в единое целое в одном месте и в одно и то же время, они могут превратиться в нечто, способное полностью изменить направление всей нашей жизни. Повлиять на всю нашу дальнейшую судьбу. И никогда заранее нельзя сказать, что окажется важным, а что нет. Какой эпизод отразится на нас, станет судьбоносным, а какой пройдет незамеченным и забудется сразу, не оставив за собой никакого следа.

Если бы. Если бы хотя бы одно из обстоятельств, предшествующих произошедшему 19 апреля 2011г. событию изме-

нилось, то и само событие вообще никогда бы не произошло и не повлияло на жизни всех героев этого повествования.

Если бы Сергей Алексеевич Кречетов не устроил разгон своим сотрудникам и не засадил своего бухгалтера с проверкой счетов фирмы у себя в кабинете до позднего вечера. Если бы по дороге домой, вспомнив, что у него закончились сигареты, он заехал за ними в палатку, а не решил потерпеть до дома, то, случайная встреча, изменившая всю его дальнейшую жизнь, не произошла бы никогда.

Если бы молодой человек, сын очень Большого человека, занимающего важный пост, можно сказать, на самом верху, не покинул ночной клуб чуть раньше обычного. Желая развлечься с новой подружкой у себя дома. Если бы он, на своем красном кабриолете, не заехал в ночной магазин за выпивкой, что бы продолжить веселый вечер, еще двумя бутылками крепкого спиртного. И, даже если бы новая подружка молодого человека, ошалев от выпивки, кокаина, который они нюхали весь вечер в клубе, и езды на бешеной скорости в шикарной машине, не вскочила во весь рост на крутом повороте плохо освещенной ночной дороги, то все случилось бы совсем иначе.

До дома оставалось ехать еще минут двадцать, и Сергей ругал себя, что не заехал за сигаретами, пять минут ничего бы не изменило. Если даже Вера не спит и ждет его, то

лишние пять мину она уж точно подождет. Курить хотелось ужасно. После сегодняшнего дня с разбором полетов сотрудников и почти шестичасового сидения над бухгалтерскими документами голова была чугунная. Сергей прибавил скорость. Дорога все равно пустая, в полвторого ночи машин почти нет. Он подъехал к повороту и неожиданно яркий свет фар автомобиля, несущегося навстречу на бешеной скорости, ослепил его. Сергей успел сообразить, что машина мчится прямо на него. Он с силой выкрутил руль, что бы избежать удара. Встречный автомобиль все же врезался в него, но не в лоб, а ударился боком. Внедорожник Сергея съехал с дороги и врезался в фонарный столб. Скорость была приличная, и удар получился сильный. Сергея подбросило, и он с силой ударился головой о руль. Перед глазами все поплыло, и он отключился.

Красный кабриолет от удара развернуло на дороге. Водитель сильно ударился рукой, едва не сломав ее, а его спутница, перелетев, через ветровое стекло совершила короткий полет и приземлилась на дорогу в нескольких метрах от машины. Молодой человек, почти протрезвевший от пережитого потрясения и испуга, тупо уставился на девушку, лежащую на асфальте в неестественной позе, как будто это была сломанная кукла, а не живой человек. Собственно говоря, живой она уже и не была. Вокруг ее головы растекалось большое темное пятно крови.

Молодой человек, тоненько подвывая, вылез из машины

и, подойдя поближе, с опаской посмотрел на девушку. В том, что она мертва не было никаких сомнений. Он оглянулся вокруг и увидел большой черный внедорожник, упирающийся покореженным передом в фонарный столб. Водитель внедорожника сидел, уткнувшись головой в руль и, возможно, тоже был мертв. Молодой человек лихорадочно соображал, что же теперь делать. Сев в кабриолет, он дрожащими руками попытался завести машину. К его радости двигатель заработал и он, развернувшись в нужном направлении, быстро поехал прочь от страшного места.

Звонил телефон. На часах было 2.05 ночи.

– Да.

– Паап!

– Ты уже совсем одурел от своей наркоты?– недовольно рыкнул в трубку Большой человек.

– Паап!– снова всхлипнуло из трубки.

– Да, что ты заладил пап, пап?! Звонишь среди ночи, что бы папакать?– взорвался обладатель высокого поста.– Чего надо? Опять вляпался во что-то?

– Паап!– вместо ответа последовал очередной всхлип .

Вспомнив, наконец, и другие слова, сын начал свой сбивчивый рассказ, перемежаемый все новыми и новыми всхлипываниями и поскуливаниями. Большой человек слушал не перебивая. Когда рассказ был окончен, в трубке наступила тишина. Большой человек молчал.

– Паап!– не выдержал сын.– Чего теперь делать?– голос у него был жалкий, испуганный.

– Ничего не делать. Готовься на зону отправляться.– Угрожающе спокойно сказал отец.– Нужно было придушить тебя еще в колыбели, гаденыша.

– Паап!– молодой человек опять всхлипнул.

– Заткнись!– заорал отец.– Тебя там кто-нибудь видел?

– Там мужик в машине был. Только он мертвый был или без сознания.– Затараторил молодой человек.

– Сиди дома. И больше никаких фокусов. Понял?– рыкнул отец. Услышав торопливое обещание сделать все, как он велит, он сказал.– Я все улажу. Говори, где это произошло.

Молодой человек назвал место.

– Учти! Еще одна твоя выходка, безмозглая мразь, и я сам устрою, что бы тебя в асфальт закатали и следа от тебя не оставили. Ты понял?

Закончив разговор, Большой человек устало прикрыл глаза. Послал же бог наследника. Вот уж отцовская гордость, отцовская надежда. Он взял телефон и набрал номер. Время было дорого, нужно было побыстрее с этим покончить. Правда-бы отправить мерзавца на годик-другой в тюрьму, что бы ему там мозги вправили, повыбивали из него дурь. Но если все откроется, выплывет наружу, то можно и самому лишиться всего. Сейчас такие времена, что за свое кресло нужно держаться зубами. Не успеешь оглянуться, как какой-нибудь, молодой да хваткий, подтолкнет тебя, да еще пнет под

зад. Нельзя совершать таких ошибок. Нужно сохранять видимость добропорядочности. Если такой скандал выплывет наружу, ему никто не поможет. Налетят и заключают. Разорвут на части, что бы самим добраться до уютного теплого места. Живем среди волков, оступился, ослаб и вся стая бросится на тебя, что бы напиться твоей крови, что бы освободить дорогу более сильным.

Сергей поднял голову и прищурился. Прямо в глаза бил яркий луч фонарика, который кто-то направлял ему в лицо.

Дверца машины распахнулась.

– Живой?– спросил незнакомый голос.

– Живой.– Подтвердил Сергей. Голова раскалывалась.

– Вылезай!– скомандовал голос.

– Вы кто?– Сергей пытался рассмотреть говорившего, но свет слепил глаза.

– Вылезай из машины!– рявкнул человек с фонариком.–

Полиция.

Сергей с трудом выбрался наружу. Руки и ноги затекли от долгого неподвижного сидения в машине.

– Руки на машину!– снова приказал человек в полицейской форме. Теперь Сергей уже смог разглядеть его.

– Что случилось?– медленно подходя к машине, и кладя руки на искореженный капот, спросил Сергей.

– Тебя нужно спросить, что случилось.– Хлопая его по одежде в поисках чего-нибудь недозволенного, ответил че-

ловек в форме.— Ладно. Иди, давай. Вперед.

20.04.2011г.

Утром Вера проснулась сидя в своей кровати. Вместо мужа рядом с ней по кровати были разбросаны журналы по архитектуре, которые она просматривала, в ожидании возвращения Сергея. Ждала-ждала, да так и заснула с одним из них в руках. Вера спустилась вниз. Сергея не было. Значит, он не приезжал с работы домой. Но он же звонил ей в час ночи, что выезжает. Вера набрала номер, но никто не ответил. Волна паники накатила на нее, заставляя представлять ужасные картины того, что могло произойти. Что может случиться с человеком позвонившим ночью жене и сказавшим, что едет домой? Только одно. О н попал в аварию и лежит где-нибудь мертвый на дороге. Или, в лучшем случае, в больнице со страшными травмами. Если бы травмы были не страшными, он обязательно позвонил бы ей, чтобы она, не сходила тут с ума от волнения.

Что нужно делать, если человек пропал? Куда звонить? Обзванивать больницы? Она имела очень смутное представление об этом. Вера почувствовала, как дрожат руки, а сейчас еще и мальчики встанут и начнут спрашивать, где папа.

Вера снова взяла телефон.

— Дима, привет. Сергей пропал. Не приехал вчера домой.— Стараясь подавить истерические нотки сказала Вера и рассказала о том, что произошло.

— Вер, я сейчас постараюсь, что-нибудь узнать и тебе пе-

резвоню.— Сказал Филимон.— Не накручивай себя пока. Может все нормально.

За прошедшие двадцать лет Димка Филимонов, Филимон сделал головокружительную карьеру.

В юности Филимон мечтал уехать из деревни. Жить в Москве. Сделать карьеру. Решив, что с его складом характера ему больше всего подойдут правоохранительные органы, после армии Филимон поступил в высшую школу милиции. После окончания несколько лет проработал в УВД.

От природы Филимон обладал цепкой хваткой, острым умом и необычайной целеустремленностью. За годы службы его не раз направляли в командировки в горячие точки. В районы боевых действий. За время этих командировок Филимон дважды был ранен, несколько раз его представляли к наградам.

Благодаря проявленной им отваге, умению не терять самообладание в любой, самой критической ситуации и способности, не разбрасываясь на мелочи видеть в любой ситуации самую суть, его карьера быстро пошла в гору. Поднимаясь по служебной лестнице, он получал звание за званием, повышение за повышением. К сорока годам он уже стал полковником ФСБ, занимая в службе безопасности весьма значительную должность.

Перед начальством Филимон не прогибался, зад никому не лизал, через головы сослуживцев не прыгал. Просто так само как-то складывалось, что Димка Филимонов, приехав-

ший в Москву из деревни, сумел добиться таких высот, о которых даже и не мечтал.

Жизнь для Филимона была окрашена в три цвета. Белый, черный и серый. К белому цвету относились те, кого Филимон любил, и было их очень и очень не много. Черный цвет занимали те кого можно назвать врагами. Враги на войне, какие-нибудь отъявленные подлецы, встречаемые им в жизни, кто-то кто совершает зверства и беспредел.

Все остальные являлись для Филимона серым цветом. К которому, он относился с абсолютным равнодушием.

Филимон не был ни сентиментален, ни романтичен. Твердый ум и здравый расчет. Видимо от отца ему досталась небывалая жестокость. Только если у отца присутствовала жестокость садиста, то жестокость Филимона была холодной, не доставлявшей ему удовольствия, и проявлялась лишь при жизненной необходимости. Например, попадая в зоны боевых действий, он убивал противников, не задумываясь, обычно одним выстрелом или одним ударом. Он лишал жизни людей, хотя и бывших врагами, совершенно равнодушно. Переступая через упавший труп врага, и тут же забывая о нем. В отличие от большинства людей, для которых лишить человека жизни в первый раз становится тяжелым потрясением, Филимон убил своего первого боевика так же равнодушно и хладнокровно, как и всех последующих.

Несмотря на то, что Филимон был представителем закона, он запросто мог бы, столкни его жизнь к примеру, с манья-

ком или педофилом, просто убить их, не передавая в руки правосудия. У него был свой кодекс чести и свои жизненные принципы, согласно которым таким людям не было места на этом свете.

Ледяной взгляд голубых глаз, также унаследованных от отца, вселял страх и ужас в его врагов и недругов. Только близкие друзья, хорошо знавшие его, любили сурового, нелюдимого Филимона. Остальные или боялись или просто старались держаться от него подальше.

Через два часа внушительный служебный автомобиль остановился у здания районного управления полиции. Из автомобиля вышел полковник ФСБ Филимонов. Подойдя к задней двери, он помог выйти из машины маленькой хрупкой жене друга, бережно поддерживая ее, под руку.

Поручив заботу о Вере молоденькому сержанту, Филимон проследовал в кабинет начальника управления.

– Здравия желаю, товарищ полковник! – отрапортовал хозяин кабинета, надеясь, что высокое начальство не обратит внимания на несвежую рубашку и помятое после вчерашних возлияний лицо.

– У Вас, майор, в управлении находится задержанный Кречетов. По какому обвинению? – спросил Филимон, которому не было дела ни до рубашки, ни до физиономии собеседника.

– Так, что произошло. Ехал на превышенной скорости.

Сбил женщину. Со смертельным исходом. В машине обнаружены наркотики. Небось, был под наркотой, вот и сбил.

– Небось? – холодный взгляд голубых глаз полковника угрожающе впился в лицо майора, и он почувствовал, как холодная струйка пота стекает по спине. Черт бы побрал этого Кречетова. С утра пораньше звонит начальство и требует взять под особый контроль это дело. Хотя чего тут контролировать. Ну, сбил богатенький наркоман бабу. Да таких случаев полно, таких как он сейчас по дорогам как собак не резаных ездит. Обкуренные, обколотые, просто пьяные. Считают, что с деньгами им все позволено. А теперь еще этого полковника нелегкая принесла и тоже по его душу. А об этом полковнике майор был наслышан. Слухами земля полнится. В порошок может человека стереть и потом еще плюнет и разотрет то, что осталось.

– Медицинское освидетельствование на наличие наркотиков проводили? – спросил Филимон спокойно, но с таким выражением лица, что начальник управления дал бы, что угодно, только бы оказаться где-нибудь подальше от страшного полковника и его холодного проникающего в самую душу взгляда.

– Да ребята... Ночь же ... Он головой ударился. Про наркотики не подумал никто, а потом когда их нашли, его уже в управление... – залепетал майор, чувствуя, что по спине течет уже не струйка, а целый водопад. Немигающий взгляд полковника проник уже не только в душу, но и в мозг, норо-

вя как луч лазера проделать в нем дыру.— Никак нет, товарищ полковник.— Собрав всю оставшуюся смелость в кулак, доложил майор. Все равно узнает, что уж теперь юлить да выкручиваться.

Видя, что начальника управления сейчас хватит апоплексический удар, Филимон решил, что дело все равно уже сделано и нечего время терять, с этим идиотом.

— Здесь его жена. Можно устроить им встречу?— почти насмешливо спросил Филимон, прекрасно зная, что майору ему не откажет.

— Ну, конечно не положено,— майор, проявляя чудеса отваги, сделал вид, что раздумывает над решением. — но в виде исключения, конечно. Я распоряжусь.

Начальник управления опрометью бросился прочь из кабинета, подальше от чертова полковника с глазами кровожадной рептилии.

Ухмыльнувшись вслед выскочившему, как ошпаренный из собственного кабинета майору, Филимон уселся в кожаное начальничье кресло и, сняв трубку с телефонного аппарата, начал звонить, что бы прояснить ситуацию на более высоком уровне, чем похмельный начальник управления, в несвежей рубашке.

Сергея привели в допросную. Сопровождавший его полицейский, правда, был удивлен приказом начальства оставить

задержанного в комнате для допросов наедине с женой, сроду такого не было, но его дело маленькое. Начальство распорядилось, а он просто выполняет приказ. Хоть цыганский хор приведет, если скажут. Отвечать в случае чего не ему, а тому, кто отдал приказ.

Через пару минут дверь открылась и в комнату вошла Вера. Она кинулась Сергею на шею и крепко-крепко обхватила его руками, как будто боясь, что он снова куда-то потеряется.

– Сережа, я чуть с ума не сошла! Что случилось? Почему ты здесь?

Она была очень бледная, и руки у нее были ледяные от волнения. Обнимая ее одной рукой, Сергей взял холодную ладонь в другую, и поцеловал дрожащие кончики пальцев, согревая их.

– Я не знаю, – он слегка покачал головой. – Я ехал домой, навстречу выскочила машина, чтобы не столкнуться, я повернул и слетел с дороги. Въехал в столб, потом отключился. Когда пришел в себя, уже полиция приехала, привезли меня сюда.

– Тебя врач осмотрел? Может у тебя сотрясение. – Заволновалась еще сильнее Вера.

– Да осмотрел, все нормально. Нет никакого сотрясения. – Соврал он, что бы еще сильнее ее не расстраивать. Никакой врач его не осматривал. Его сразу затолкали в полицейскую машину и привезли сюда. Остаток ночи его продержали в камере. Сказали только, что он сбил женщину. Но никакой

женщины перед столкновением там не было, это он точно помнил.

– Почему тебя здесь держат?– Вера с тревогой смотрела на него, в глазах ее застыло отчаяние.

– Они считают, что я сбил женщину.– Сказал Сергей.– Но никакой женщины на дороге не было. Это какая-то ошибка. Ты не волнуйся. Скоро все разъяснится. Сейчас они во всем разберутся, и все будет нормально.

Он нежно поцеловал жену.

В допросную вошел Филимон. Друзья пожали руки и обнялись.

– Вера. Я поговорю с Серегой, не возражаешь? Тебе пока сержант чаю сделает или кофе.– Сказал Филимон.

– Серезу сейчас отпустят?– спросила Вера, это было единственное, что ее сейчас волновало. Она с надеждой посмотрела на Филимона. В отличие от начальника управления, ее глаза страшного полковника ФСБ не пугали. Филимон опустил глаза, потому, что в данный момент он сам боялся посмотреть в глаза жене друга.

– Нет, Вера. Сейчас его не отпустят. Они пока разбираются. Но скоро разберутся. Ты не волнуйся. Все будет хорошо.

Вера посмотрела на них обоих и, то, что они оба так уверенно убеждали ее, что скоро все будет хорошо зародило в ней тревогу и подозрения, что эти двое ее обманывают, просто, что бы успокоить и избавить от лишних волнений.

Филимон подошел к двери допросной и рявкнул:

– Сержант, организуйте Вере Николаевне чай или кофе, что она захочет.

– Не нужен мне ни чай, ни кофе. Я тебя около машины подожду.– Едва сдерживая слезы сказала Вера.

– Сержант. Проводите Веру Николаевну,– приказал Филимон, и, взглянув на него, сержант подумал, что более ответственного и опасного задания у него еще в жизни не было. Даже страшно представить, что с ним будет, если эта самая Вера Николаевна, будь она не ладна, не дай бог оступится и, к примеру, ногу себе подвернет. С необыкновенной почтительностью сержант проводил знакомую полковника до огромной черной машины и с облегчением вздохнул, передав ее водителю «с рук на руки», надеясь больше никогда не иметь чести, встретится с ней.

Сергей с Филимоном сели друг напротив друга за стол для ведения допросов. Только они были не следователем и допрашиваемым. Они были друзьями детства, почти братьями.

– Я мало чего пока узнал, Серега, времени прошло мало, но из того, что узнал, получается, что кто-то очень хочет повесить это дело на тебя. Сделаю, что смогу, но что-то мне подсказывает, что особо много сделать у меня не получится. Хотя могу я не мало. Чуешь, к чему я клоню? Этот кто-то очень сильно высоко находится, так высоко, что я против него тьфу. Мелкая сошка.

Сергей внимательно смотрел на друга. Все это была какая-то нелепость. Кому может понадобиться, что бы его об-

винили в том, что он задавил какую-то женщину, которую он в глаза не видел. Конкурентам? Ерунда. Не тот размах, что бы задействовать власти.

– Я ничего не понимаю Филимон.– Честно признался он.– Там не было никакой женщины. Была машина.

– Марку, модель, цвет помнишь?

Сергей помотал головой.

– Меня фарами ослепило. Она на такой скорости неслась по встречке, что я еле свернуть успел, а то и я и тот водитель сейчас бы в морге рядышком лежали.

Филимон сидел хмурый. Все это ему ужасно не нравилось. Дверь приоткрылась и в нее всунулась голова в форменной фуражке.

– Товарищ полковник, там следователь ждет, что бы задержанного допросить.

– Подождет!– рявкнул Филимон. Голова поспешно скрылась.

Несмотря на невеселую ситуацию, Сергей не смог сдержать улыбку. Филимон умел наводить ужас на людей. Наверное, его подчиненные целыми днями ходили на цыпочках мимо его кабинета, и переговаривались в полголоса, боясь, лишний раз попасться на глаза грозному начальнику.

– Я разберусь Серега. Попробую найти машину. Полиция, мне кажется, этим заниматься не будет. Им не дадут.– Филимон грустно посмотрел на друга.– Ты тут держись, брат.

Они снова обнялись на прощание.

– Присмотри там за Верой. И ничего не говори ей пока. Чего ее раньше времени расстраивать. – попросил Сергей.
– Присмотрю, не волнуйся, – пообещал Филимон.

Следователю Андрею Николаевичу Сиротину очень не нравилось это дело. В самом происшествии не было ничего необычного. Рядовой случай. Но Сиротин нутром чуял, что, что-то тут не так. За, пятнадцать лет работы в милиции, а теперь уже полиции, у него выработалось профессиональное чутье. Как охотничья собака чует дичь, так и Сиротин чувствовал, когда казалось-бы неопровержимые улики не соответствовали фактам.

Подследственный обвинялся в наезде со смертельным исходом и хранении, и применении наркотиков. Он, конечно, все отрицал. Как и все остальные, по-другому то почти и не бывает. Признаются в совершенном преступлении единицы. Но этот Кречетов отрицал вину так, что Сиротин ему верил. Дело было даже не в том, как он отрицал вину, а в нем самом. Ну не мог он накачаться наркотой и задавить ту девчонку на дороге. Да он на наркомана вообще ну никак не похож. Кто угодно только не он. И сама погибшая. Что она делала ночью одна на дороге в таком прикиде, как будто только, что вышла из ночного клуба? Можно предположить, что поссорилась с приятелем, тот ее высадил, а тут этот самый Кречетов ее и сбил. Но даже если предположить, что это все-таки он, траектория движения его машины не соответствовала

положению на дороге тела погибшей. Он туда даже не доехал на своем внедорожнике, свернул метров на десять раньше того места где она лежала после наезда. Да и патологоанатом прозрачно намекнул, что она с такой силой ударилась об асфальт, что если бы ее сбила машина, то травмы были бы совсем другие. «Такое ощущение, что она откуда-то сверху приземлилась на дорогу» – вот как он сказал. И Сиротин уже даже решил провести повторное расследование, но с утра его вызвало начальство и приказало как можно быстрее закрывать дело и передавать его в прокуратуру.

– Товарищ майор. У меня сомнения. Там многие факты не стыкуются. Нужно еще разобраться. – Выслушав приказ, попытался возразить Сиротин.

– Не стыкуются? Разобраться? Ты чего, Сиротин, совсем обалдел? – брызгая слюной, заорал майор. – Дело яснее ясного. Все как на ладони. Факты у тебя не стыкуются? Ну, так состыкуй! Тут разбираться не в чем. Водитель наркоман сбил женщину, когда гнал на полной скорости посреди ночи. Какие тебе еще факты? – с каждым словом лицо майора все больше и больше наливалось кровью. – Мне начальство уже всю плешь проело с этим делом. Когда закроем. У меня уже в печенках этот Кречетов сидит. То начальство, то ФСБ. А теперь ты еще? Завтра, чтоб дело лежало у меня на столе. Понял?

– Так точно! – ответил следователь и отправился заполнять оставшиеся бумажки, чтобы дело гражданина Кречето-

ва могло перекочевать из управления в районную прокуратуру. Но в душе Сиротин был на сто процентов уверен, что мужик сядет ни за, что. Как бы странно это не звучало, но той ночью на дороге произошло, что угодно, но только не то, что представлено в деле, которое ему предстояло сдать. Там был кто-то еще.

Последние два года совместной жизни Веры и Сергея были, наверное, самыми счастливыми из всех неполных двадцати лет, что они прожили вместе. Хотя предыдущие восемнадцать лет они жили тоже очень счастливо, и им могло бы позавидовать большинство семейных пар, но эти два года стали еще одним сплошным медовым месяцем в их отношениях. Дети стали почти взрослыми. Сене было уже шестнадцать, Алеше десять. И они только радовали родителей, не доставляя ни каких хлопот. Ни плохих компаний, ни вредных привычек. Оба росли увлеченными, оба хорошо учились, без какого-то подстегивания со стороны мамы и папы. Когда Сергей мог вырваться с работы, они всей семьей уезжали отдыхать. По выходным приезжали друзья: Вован, Кукушонок, с легкой руки Сергея окончивший институт, потом аспирантуру и, в конце концов, получивший звание профессора, несколько лет назад. Иногда приезжал Филимон. Это были чудесные дни, наполненные радостью и весельем. Мужчины играли во дворе в футбол и волейбол. Ходили на рыбалку, на местный пруд. Рыбы, правда, обычно не нала-

ливали, но возвращались всегда ужасно довольные и счастливые. По вечерам во дворе делали шашлыки, пели песни под гитару, хохотали до-упаду, над разными историями, которых у каждого было предостаточно. Мальчики обожали, когда в доме собирались гости.

Вера как-то упрекнула собравшихся во дворе мужчин, что никто из них ни как не женится, чтобы разбавить компанию хотя бы еще одной женщиной.

– Знаешь, Ковальская, а это ты виновата, что я не женился.– Ухмыляясь, сказал Вован.

– Так и знала, что ты тайно влюблен в меня Телянин!– засмеялась Вера.

– Ага, мечтай! – презрительно сказал Вован.– Просто после общения с тобой, мне с нормальной женщиной будет скучно. А, таких, с приветом, как ты, знаешь ли, не часто встретишь.

Сергей сердито взглянул на друга, но Вера обняла его и сказала, что вообще не обращает внимания на болтовню Вована. «Ты же его знаешь. Он такой. Мелет и мелет».

– И вообще. Жить с одной женщиной это как всю жизнь есть одни макароны, например. Или пусть даже икру. Одной икрой тоже надоест питаться, прям, тошнить от нее будет.– Не унимался Вован.

– И, что же ест Сережка?– улыбаясь, спросила Вера.

– Ой, он отдельный случай,– махнул рукой Вован.– Ты у него как спиртное для алкоголика. И вкус один и тот же, и

даже противно. А без него уже не может, бедолага. Так и живет, мается.

Единственный раз, когда они поссорились за это время, был связан с покупкой мотоцикла. В юности у Сергея был мотоцикл, но перед отъездом на север он его продал. С тех пор, он, нет-нет, да и подумывал о покупке нового двухколесного друга, с сердцем в сто с лишним лошадиных сил. Его все больше и больше привлекала эта идея. Дети подросли, деньги позволяют. Почему не потрянуть стариной. Правда у него были опасения, что Вера не одобрит подобное приобретение. Скажет, что он с ума сошел, что гонять на мотоцикле опасно. Сергей поделился, своими соображениями, с Вованом. Тот пришел в восторг.

– Серега! Уважаю! Как я сам не додумался. Давай покупаем. Ты и я. Два усталых рейнджера, едущие навстречу закату. Только настоящие мужики, ни каких сопливых жен и детей. Оставим все позади и помчимся навстречу приключениям. Класс. Заметано. В субботу едем за нашими железными конями. А Верку я беру на себя. Не бойсь, подкаблучник, прорвемся.– Заржал Вован, очень довольный своей пламенной речью и самой идеей покупки мотоцикла.

Когда Вера увидела два новеньких, сверкающих своим великолепием, безумно дорогих мотоцикла, и двух сияющих не менее ярко счастливыми улыбками, хорошо знакомых ей

мужчин, она сдвинула брови, и одарила двух великовозрастных идиотов недобрым взглядом.

– Твоя идея?– ткнула она пальцем в Вована.

– А вот и не угадала!– радостно заявил тот, нисколько не уstraшившись крошечного пальца нацеленного в него.– Но я всецело ее поддержал. Руки прочь, Ковальская! Мы не допустим тирании маленькой злобной пигалицы. Да, Серега?

– Ты, поаккуратней, Вован! Пигалица моя жена все-таки.– Встал на защиту жены преданный муж.

– Сережа! Ну, ты совсем? Чего тебе в голову взбрело? Хочешь, что бы я с ума сошла, волнуюсь, что там с тобой, когда ты укаатишь на этой железяке.

– Но-но! Железяка! Ничего не понимаешь, так молчи!– оскорбился Вован.– Мы с Серегой, два старых уставших от жизни волка. Мы помчимся в сторону заката, навстречу своей мечте. – Ты вон, когда туфли новые покупаешь, Серега же тебе не говорит: «Ты с ума сошла, хочешь, что бы я умер от страха как ты там, моя кривоножечка, не убила еще на таких каблуках? Ты же такая у меня неловкая и неуклюжая».

– Телянин, заткнись!

После обеда счастливые обладатели мотоциклов под радостные вопли детей и встревоженно-неодобрительным взглядом Веры, оседлали свои приобретения и отправились «навстречу закату». Дети просили покатать их, но Вера сказала: «Только через мой труп». На что Вован, естественно, сказал, что это можно устроить.

Через некоторое время с противоположной стороны дороги, сделав крюк, мотогонщики появились во всей своей красе. «Слава богу!»— возблагодарила всевышнего Вера и в этот миг, одуревший от восторга и адреналина муж заорал:

– Вера!— в порыве переполнявшего его восторга он отпустил руль и развел руки в стороны, видимо в попытке обнять весь этот прекрасный мир, где до сегодняшнего дня ему не хватало, для полного счастья, только мотоцикла. А теперь вот оно, случилось это самое счастье, наконец. Потерявший управление мотоцикл, вильнул в сторону и его только, что обретший счастье наездник, на полной скорости полетел на асфальтированную дорогу вместе со своим сверкающим отполированными боками конем.

Вера закричала и закрыла лицо руками, чувствуя, как ее похолодевшее тело сковал ужас. Ее муж разбился и сейчас, как только она найдет в себе силы посмотреть на дорогу, она увидит его бездыханное тело. Через пару минут она все-таки заставила себя убрать руки от лица и, собрав все свое мужество, посмотрела туда, где должен был лежать уже остывающий труп ее любимого. Остывающий труп, хромая на одну ногу, катил, рядом с собой свой чертов мотоцикл. Рядом шел, во всю ухмыляющийся Вован, катя свое сверкающее чудовище.

– Ну, что Ковальская, небось, думала все? Не на тех напала! Серега теперь, считай, каскадером может работать. А ты будешь всем хвалиться: «Видите вон того, который только,

что из вертолета выпал и головой в землю воткнулся? Это мой муж!».

Вера выхватила у Вована шлем и со всей силы заехала им ему.

– Идиот несчастный! Достал уже со своими шуточками!– закричала она.

– А ты,– она зло посмотрела на Сергея, стоявшего с виноватым видом, напраказившего ребенка,– на глаза мне не попадайся!

Весь вечер новоиспеченные мотогонщики старались вести себя тихо и действительно не попадаться на глаза разгневанной хозяйке дома. Ночью, когда Сергей, стараясь не шуметь, прокрался в их спальню, Вера схватила подушку мужа и швырнула ей в него.

– Убирайся! В гостиной на диване поспишь. Или можешь пойти в гостевую, ко второму старому усталому волку. Обниметесь и будете мечтать, как отправитесь навстречу зака-ту.

На следующий день, видя, что на этот раз Вера, действительно в ярости, Вован благоразумно смотался домой пораньше, трусливо бросив своего товарища на растерзание разгневанной жене. Вера ходила по дому, не замечая мужа и не разговаривая с ним. После обеда она услышала, что из гаража раздаются звуки ударов по металлу. Войдя в гараж, Вера застала мужа с занесенным над новеньким мотоциклом

МОЛОТКОМ.

– Сережа!– подбежав к Сергею и схватившись за молоток, закричала она.– Что ты делаешь? Ты совсем, что ли с ума сошел?

– Я ужасно виноват. Я тебя напугал. И вообще, если ты так против, зачем он мне нужен.

Он посмотрел на Веру.

– Ты меня простила?

Она уже хотела сказать: «Да, хоть ты и ненормальный на всю голову, но простила». Но тут взгляд ее упал на лежащее неподалеку от мотоцикла искореженное металлическое ведро, по которому явно прошлись молотком.

– Ах ты сволочь!– закричала Вера на вероломного супруга и со всей силы шарахнула молотком по блестящему корпусу мотоцикла.

– Вера!!!– из груди Сергея вырвался стон полный муки и отчаяния. Лицо исказилось страданием, как будто удар молотка пришелся не по его драгоценному мотоциклу, а по нему самому.

Вера отшвырнула молоток и пошла к выходу из гаража.

– Ах, ты так!– крикнул Сергей и, подбежав к ней, схватил ее на руки и потащил кричащую и брыкающуюся Веру в дом.

Вера посмотрела на мужа, лежащего напротив нее.

– Я все равно с тобой не разговариваю, понял?– надменно сказала она.

Сергей улыбнулся.

– Врешь, пять минут назад очень даже разговаривала. Повторить, что ты говорила?

– Ладно, – все тем же надменным тоном сказала она, – хорошо, разговариваю. Но теперь я знаю, что делать, если мне вдруг захочется африканской страсти. Нужно взять молоток и как следует шарахнуть по твоей машине. Ты, наверное, тогда вообще, просто закипишь и воспылаешь весь от переизбытка чувств.

Сергей засмеялся и с некоторой опаской спросил:

– Ты ведь шутишь. Правда?

Они старались как можно больше времени проводить вместе. Сергей много работал, но по возможности старался как можно больше времени уделять жене и мальчикам. Их любовь, их страсть как будто получи новую силу, разгораясь все сильнее и сильнее.

– Тебе не кажется, что в нашем возрасте вести себя как два похотливых подростка уже не прилично? – смеясь, говорила Вера. – Если так пойдет, когда нам будет по шестьдесят, мы вообще из постели вылезать не будем. А дальше я даже боюсь представить, моя стыдливость мне не позволяет.

– Не знаю, о каком возрасте ты говоришь. Я еще хоть куда. – Подхватив ее на руки, ответил Сергей.

– Наш дом уже полностью лишен невинности, за исключением детских, конечно.

– Неправда. Мы еще не были в кладовках.

– Старый извращенец!– с притворным ужасом вскрикнула Вера.

– А не настало время проверить, сколько там у нас банок варенья осталось? А то может в магазин пора бежать.– Надвигаясь на нее, и игриво улыбаясь, сказал муж.

– Нет уж. Проведя научные исследования, я пришла к выводу, что наша спальня все-таки лучшее место.– Улыбнулась Вера.

– Тогда почему ты еще здесь? Быстро вверх. Ты знаешь, что я твой муж, а значит твой властелин и повелитель. Бегом жена, сейчас властелин покажет тебе, как жена должна слушаться своего мужа.– Грозно приказал Сергей и погнался за хохочущей и визжащей Верой по лестнице.

Некоторое время спустя, блаженно жмурясь как сытый довольный кот, Сергей, посмотрев на жену и мечтательно сказал:

– И все-таки, меня очень волнуют запасы варенья в доме. Вера засмеялась.

– Ты просто маньяк!

– Неправда, просто я очень хозяйственный.

По ночам они часто разговаривали, лежа в постели. Вспоминая прошлое, говорили про детей, просто о всякой ерунде и потом засыпали, обняв друг друга. Чувствуя тепло и стук сердец, бьющихся рядом.

Это было очень счастливое время, которое казалось, никогда не закончится. Но все кончается. И на этот раз все закончилось совершенно неожиданно. И так нелепо и несправедливо, что они оба чувствовали себя оглушенными и раздавленными этим внезапно навалившимся на них несчастьем. Этой злой причудой кого-то недоброго, вторгшегося в их жизнь и разлучившего ее жестоко и безжалостно, не заботясь о том, что ломает их судьбы, лишает их самого дорогого, самого важного. Лишает их друг друга.

Предварительное слушание было назначено на десятое мая. Адвокат требовал отпустить Сергея под залог, так как у него семья и бизнес и он никуда не собирается сбегать, в попытке уйти от правосудия. Прокурор настаивал, что подсудимому предъявляются обвинения в совершении тяжких преступлений: убийство и хранение наркотиков. После долгих препирательств был назначен непомерно высокий залог в два с половиной миллиона.

Вера с Сергеем были вполне обеспеченной семьей, но таких денег в наличии у них не было. Деньги, вложенные в фирму, находились в обороте. На счету у Сергея было меньше пятисот тысяч. Друзья скинулись и нужная сумма набралась. Вера внесла залог и в тот же день позвонила риэлтору, что бы он занялся продажей квартиры, доставшейся ей от бабушки. Ни Вован, ни Филимон, ни новоиспеченный профессор Кукушонок, которые выручили друга, ни слова не ска-

зали о сроках возврата денег. И если бы понадобилось, не задумываясь, отдали их безвозвратно. Но Вере не хотелось злоупотреблять добротой и преданностью друзей. Она сказала риэлтору, что деньги ей нужны, как можно быстрее, и чтобы он не завышал цену.

Через три дня Сергей вернулся домой. Основное слушание было назначено на середину июля. У них в запасе было два месяца. Если предыдущие два года были счастливыми и радостными, то эти два месяца были наполнены бесконечной нежностью, грустью и тревожным ожиданием.

Уезжая на работу только для решения самых неотложных проблем, Сергей старался как можно больше быть с Верой и сыновьями. Вера взяла отпуск за свой счет. И они проводили почти все время друг с другом. Но повисшие в воздухе ожидание и неизвестность, тревога и страх за то, что может произойти, наполняли эти дни наравне с радостью, горечью и печалью. Это время, проведенное, ими вместе, напоминало теплые осенние дни. Когда идешь по лесу, и золотистые листья шуршат под ногами, а воздух тонок и прозрачен и бледное осеннее солнце ласково освещает землю нежными уже не обжигающими лучами, согревая ее последним теплом в уходящем году. И, залюбовавшись этой умиротворяющей тишиной и спокойствием засыпающей природы, наслаждаясь окружающей красотой и чудесным солнечным днем, чувствуешь, легкую грусть и сжимающую сердце печаль, от того, что знаешь, что еще пара тройка таких дней и на смену

им придут дожди и холодный ветер задует. И сорвет с деревьев, оставшиеся разноцветные листья. И впереди ждет только холод и короткие, скупые на дневной свет, зимние дни. И так будет продолжаться долго-долго, пока на смену зиме не придет весна и не согреет промерзшую землю и не подарит ей новую жизнь, новую надежду.

Через две недели после того как Сергей вернулся домой позвонил адвокат и сообщил, что прокуратура предложила сделку. Сергей признает вину, а ему дают два года условно, как человеку, не имеющему криминального прошлого, добропорядочному гражданину и отцу семейства, который осознает свою вину и делает добровольное признание.

– Я не буду признаваться в том, чего не совершал.– Ответил Сергей.

– Я Вас понимаю,– уверил его адвокат,– но в противном случае Вам грозит минимум пять-шесть лет. Подумайте о жене и детях. Да и о себе тоже. Пять лет это очень долго, особенно, в одном из мест для отбывания наказания, вдали от семьи, вдали от всего привычного мира.

– Сделки не будет.– Отрезал Сергей.

Вечером он обсудил этот разговор с Верой.

– Я не могу признаться в том, чего не делал.– Он чувствовал некоторую вину перед ней. Она-то чем виновата, что он такой принципиальный.

– Я знаю. Решай сам. Я не буду тебя уговаривать. Не нужно через себя переступать, это неправильно. Я поддержу лю-

бое твое решение,— сказала Вера. Сердце у нее сжималось от боли — пять лет! Пять лет вырванных из жизни, ни за что, просто так. Потому, что так сложились обстоятельства. Не в то время не в том месте.

Филимон провел небольшое расследование случившегося. Особых результатов он не добился. Вторую машину, вылетевшую навстречу машине Сергея, он не нашел. Полицию на место происшествия вызвала молодая пара, возвращавшаяся поздно из гостей, так, что ничего подозрительного тут не было. Единственное, что удалось узнать Филимону полезного, так это получить ту информацию от патологоанатома, которую ранее он сообщил следователю Сиротину. На вопрос Филимона, почему в отчете ничего этого нет. Судмедэксперт ответил, что начальство распорядилось все фантазии, домыслы и предположения оставить при себе, а в отчете изложить голые факты, без каких-либо теорий. Еще Филимон узнал адреса ночных клубов, где обычно проводила свободное время погибшая. Но эта ниточка ни к чему не привела. Она была одной из сотен посетительниц таких мест, ничем особо примечательным от других не отличающейся. С кем она в тот вечер ушла, никто не знал и сам вечер-то был совершенно таким же, как и все предыдущие и все последующие, и поэтому, в какой именно вечер кто с кем ушел, вообще выяснить было почти невозможно. Даже если кто-то, что-то знал, то благоразумно помалкивал. Про наркотики

тоже ничего узнать не удалось. Кто их подбросил, оставалось неизвестно.

Во время своего расследования Филимон окончательно уверился, что его первоначальное предположение, о том, что в дело Сергея замешан кто-то очень влиятельный и обладающий большой властью, было правильным. Везде куда он ни совался, он натыкался на стену. На все вопросы был один ответ. Почему следствие провели так быстро? Потому, что начальство подгоняло. Почему не проверили все несоответствия, все нестыкующиеся факты? Потому, что начальство сочло, что того, что имеется вполне достаточно для предъявления обвинения. А всем известно, что повлиять на начальство может только еще большее начальство.

Наркотики в машине. Откуда они? Естественно их кто-то подбросил. Но зачем? Если отбросить какую-то личную заинтересованность: месть, конкуренция в бизнесе, то ответ был только один. Кому-то нужно усугубить ситуацию. Переложить вину за свое преступление на Сергея Кречетова, причем так, что бы он уже, точно не отвертелся. Что бы этот вопрос был закрыт раз и навсегда. И ни у кого не возникло бы даже мысли попытаться докопаться до правды.

В начале июня Филимона отправили в командировку. Он был человеком подневольным, связанным данной присягой, поэтому, как-бы не хотелось ему остаться в Москве и попробовать еще, что-нибудь предпринять, но пришлось ехать. Приказ есть приказ.

Время шло. Шло быстрее, чем хотелось бы. До суда оставалось около трех недель. Сергея не покидала мысль, имеет ли он право, отказавшись пойти против своих принципов, не приняв предложенную сделку, поступить так с Верой и с сыновьями. Вдруг его и вправду осудят и дадут несколько лет. Уже никому не будет дела виновен он или нет. Будет разрушена жизнь его семьи, будут потеряны годы его и их жизней. Эти сомнения мучали его, не давали покоя. Нужно, что-то сделать. Попробовать докопаться до правды. Филимон пытался и ничего не нашел. А вдруг, если попробовать подойти к делу с другой стороны то повезет. Хуже не будет.

За три недели до начала слушания по его делу, Сергей обратился в частное сыскное агентство. Местный Шерлок Холмс выслушал историю Сергея, что то записал в свою книжечку и, забрав гонорар, пообещал раздобыть информацию как можно быстрее.

Через несколько дней сыщик позвонил и пригласил Сергея на встречу.

– Ничего нового я не узнал.– Сразу заявил он.– Но это тоже результат. Так как это расследование было любопытно тем, что там, где я обычно без труда получаю нужную информацию, на этот раз я встречал либо молчание, либо какие-то препоны всем моим действиям. У меня сложилось мнение, что все очень серьезно. Я не говорю, как Вам поступить, Вам решать. Но возможно, признать вину самый безболезненный выход в данной ситуации. Кто-то очень постарался, что бы

обвинения предъявили Вам. Не Вам лично, а тому, кто был невольным участником этого происшествия. Просто не повезло именно Вам.

Сергей пожал сыщику руку, поблагодарил и в задумчивости покинул сыскное агентство. Везде был тупик. Со всех сторон. Как в каком-то дурном сне, когда мечешься и не можешь найти выход.

Сергей, на всякий случай, заехал в ночные клубы, где до этого уже побывал Филимон. Потолкался там. Поспрашивал и, в общем-то, ни с чем, поехал домой.

До суда оставалось меньше двух недель.

– Я решил принять сделку.– Сказал Сергей ночью, когда они лежали в постели и разговаривали.

Вера удивленно посмотрела на него.

– Я не могу так с вами поступить. С тобой, с мальчишками. Все это ерунда, ни задетая гордость, ни самолюбие, ни сознание своей правоты не стоят боли и страданий своих близких.– Сказал Сергей. – Завтра напишу признание.

В зале суда собралось довольно много народа. Из близких, кроме Веры и мальчиков, были Вован с матерью, Кукушонок, преданная секретарша Оля, до внешности которой Вовану на этот раз не было никакого дела. Он сидел напряженный, непривычно серьезный. Филимон все еще не вернулся в Москву, должен был приехать со дня на день.

Слушанье длилось полторы недели. В день вынесения приговора Вера вошла в зал в сопровождении сыновей с гор-

до поднятой головой, одетая в строгий костюм, похожая на великосветскую леди. Она прошла к своему месту с непроницаемым лицом и только по необычайной бледности и лихорадочно блестящим глазам, можно было догадаться, о ее волнении.

После заключительных речей адвоката и прокурора судья объявил перерыв для вынесения решения по делу.

Вера не сводила глаз с Сергея. И он, не отрываясь, смотрел на нее. Как было бы здорово, если бы исчезла сейчас разделяющая их преграда, воздвигнутая законом. Исчезли бы все эти люди в форме, поставленные здесь, чтобы не допустить обвиняемого к привычной жизни. Чтобы бдительно следить, чтобы он не перемахнул через барьер, отделяющий скамью подсудимых от остального зала. Чтобы он не бросился к своей жене и детям, и они все не покинули этот зал, уходя в их реальный, счастливый мир, оставляя весь этот кошмар в прошлом.

Вернулся судья и, потребовав тишины, начал зачитывать приговор. Он читал очень долго, переворачивая листы один за другим, слушая его, Вера не могла понять, зачем он читает все это, зачем произносит столько не нужных, никому не интересных слов. Всех присутствующих интересует только одно. Только те несколько фраз, которые он зачитает в конце, после того как у всех нервное напряжение дойдет до предела, после того как от волнения все уже будут сходиться с ума. Что это? Разновидность садизма? Изощренной пытки, прикры-

ваемой, установленными порядками и законом? Кто придумал эти порядки? Наверное тот кто никогда не чувствовал как сжимается в груди сердце и становится нечем дышать, тот кто не знает, что такое боль не физическая, а душевная. Тот кто, наверное, просто вовсе не имеет души.

Когда воздух в зале от напряжения и волнения присутствующих уже можно было резать ножом судья, наконец, добрался почти до конца – до самого главного. До самого приговора.

– Согласно...– последовала еще одна чередa ненужных слов, про статьи закона. И, наконец, прозвучал сам приговор.– Обвиняемый приговаривается к десяти годам лишения свободы, с отбыванием срока...

Сергей замер. Неподвижное лицо, взгляд невидящий и застывший.

Вера покачнулась. Сеня с Алешей, оба бледные, не по-детски серьезные, поддержали ее с обеих сторон.

Алина Николаевна тихонько вскрикнула и зарыдала, зарывшись лицом в огромный белый платок.

Кукушонок замер с открытым ртом и широко распахнутыми, как и в юности, наивными глазами, глядящими с недоверием и удивлением.

У Вована на щеках вспыхнули алые пятна.

– Вы совсем, что ли ох...и!– заорал он на весь зал. Суд был фактически окончен, иначе его, наверное, вывели бы из зала.

Вера стояла оглушенная, не в силах ни сдвинуться с места, ни дышать. Ей казалось, что ее ударили и все внутри нее сплелось в какой-то узел, не давая возможности ни вдохнуть, ни пошевелиться. Ее тело перестало слушаться ее.

Сергей стоял, с совершенно, мертвым лицом. Он не смотрел на Веру, не смотрел на мальчишек. Он не смотрел ни на кого. В голове его звучало вновь и вновь «десять лет». Это же четверть того, что он уже прожил. Это же оставшиеся десять лет пусть не молодости, но еще далеко не старости. Ему будет пятьдесят три, когда он выйдет. Его дети уже будут совсем взрослые. Его жена сойдет с ума от горя и тоски. Десять лет. Такая страшная цифра. И это так несправедливо. Потому, что эти десять лет он будет сидеть ни за, что. Просто так, вместо кого-то другого, кто сейчас продолжает жить и наслаждаться своей обычной жизнью, нисколько не заботясь, что погубил его жизнь и жизнь его семьи.

Это был очень страшный момент. Это был момент безысходности, непоправимости, отчаяния. Момент крушения надежд. Момент погружения в ничто.

Сергея должны были отправить в Ленск. Сроки пересылки назначил самые сжатые. Десять дней. По какой-то неведомой причуде судьбы жизнь снова забрасывала его почти в те края, что и двадцать лет назад. Только теперь он отправлялся туда не по своей воле. И на гораздо, гораздо более дли-

тельный срок.

Вернувшись в Москву, Филимону пришлось прямо из аэропорта поехать на службу. Он сопровождал двух офицеров, которые прилетели вместе с ним. Передав офицеров в руки начальства и кратко доложив о результатах поездки, Филимон, наконец, добрался до своего кабинета и первым делом позвонил Вере. Услышав, ее безжизненный, голос, совершенно не похожий на обычный, Филимон внутренне напрягся. Закончив разговор, он вышел из кабинета и сквозь зубы, сообщив секретарше, что его сегодня не будет, покинул приемную. Он очень боялся, что сейчас кто-нибудь подойдет к нему с каким-то вопросом, или просто обратится с приветствием или расспросами о командировке. Он боялся, что не сможет удержать себя в руках. Он боялся, что он может просто убить кого-нибудь. Не в фигуральном смысле этого слова, а в самом, что ни на есть прямом. Приехав домой, он напился. Напился по черному. Он даже подумал, вдруг повезет и в этот вечер он ухнет до смерти.

На следующий день Филимон явился на службу. Вовремя, аккуратно побрит, белоснежная рубашка. Только глаза, которые и так пугали многих до чертиков, смотрели еще более холодно, и в них явственно виделась беспощадность и жестокость.

Филимон приказал секретарше соединить его с замначальника колонии в Ленске и пока он не закончит, не соеди-

нять больше ни с кем.

Замначальника выслушал просьбу полковника из Москвы и сказал, что то о чем он просит можно устроить. Есть такие люди, которые обеспечат заключенному Кречетову, насколько это вообще возможно в исправительном учреждении, комфортное и безопасное пребывание. Полковник ФСБ был большим и важным человеком, оказать услугу которому, к тому же, довольно пустяковую, могло быть очень полезно. Никогда не знаешь, когда самому понадобится ответная услуга. А иметь в должниках такого человека как полковник Филимонов это не малого стоит.

За день до отправки Сергея в Ленск Филимон позвонил Вере.

– Вера, привет. Ты сейчас где?

– На работе, – ответил почти нормальный голос. Только лишенный, каких бы-то ни было интонаций.

– Я за тобой заеду. Поедем к Сергею.

– Я приеду прямо туда. Не нужно заезжать. – Сказала Вера. У нее не было сил ехать с Филимоном в машине. Пришлось бы смотреть друг на друга. Разговаривать. Она не могла ни с кем сейчас разговаривать. По крайней мере, ни с кем из друзей, из тех, кто тоже переживал, испытывал боль. Она не могла вынести еще и их боль и переживания, ей хватало своих. Она и их едва выдерживала.

Филимон вышел из машины напротив дверей СИЗО. Он закурил и стал ждать Веру.

Наконец она появилась. Она шла навстречу ему, и Филимон смотрел во все глаза на жену своего друга и чувствовал, как становится нечем дышать. Еще никогда она не была такой красивой как сегодня. Даже в молодости. Она была так хороша в этот миг, стройная фигура, почти не тронутое возрастом лицо, приобретшее с годами некую утонченность. И на этом прекрасном лице, совершенно мертвые глаза. В них не было больше того света, который замечал каждый, света который раньше буквально вырывался наружу. В них не было больше счастья, которым они были наполнены до краев. В них не было больше ничего. Они были абсолютно пусты. Как будто она взяла и продала душу дьяволу в обмен на эту небывалую красоту.

Зачем он позвал ее сюда. Филимону захотелось схватить ее в охапку, и хоть насильно запихнув в машину, увезти подальше от этого страшного места. Чтобы не дать ей пройти через еще одно страдание. Чтобы она не вошла в эту дверь, за которой нет места надежде, нет места радости и счастью. Там за ней только боль и обломки человеческих судеб, безысходность и тоска. Над этой дверью вполне можно было бы поместить надпись, встречавшую узников Освенцима «Оставь надежду всяк сюда входящий». Входящему сюда нужно было оставить не только надежду, нужно было оставить всю свою прошлую жизнь.

Много лет назад, когда Филимон еще учился в Высшей

школе милиции он проходил практику. Ездил с патрульной машиной по улицам города, набирался опыта работы и знакомился с нравами служителей закона. Однажды в жаркий летний день их машина, не спеша объезжала улицы вверенного им участка. Было очень жарко. Никаких кондиционеров тогда в помине еще не было. В машине, не смотря на открытые окна, было как в печке. Неожиданно, Филимон увидел впереди идущих по тротуару парня и девушку, державшихся за руки. Девушка смеялась так звонко, что ее смех доносился даже до сидящих в машине милиционеров.

«Да это же Серега!»— узнал друга Филимон. Он попросил остановить, друга, мол, увидел. Патрульные сказали, что через час заберут его здесь же. И Филимон побежал догонять идущую впереди парочку.

– Здорово, братан!— с силой хлопнув друга по плечу, радостно заорал Филимон.

Друзья поздоровались и тут Филимон, наконец, бросил взгляд на девчонку, наверное, ту самую Веру. Он посмотрел на нее и застыл. Невеста Сергея улыбалась ему, и от нее исходил такой свет, что Филимону хотелось зажмуриться. И хотелось развернуться и бежать вслед за патрульной машиной. Что бы она увезла его как можно дальше от этой счастливой улыбки, от сияющих глаз. Он отвернулся и больше не смотрел на нее. Кое-как пообщался с Сергеем, стараясь ничем не выдать своего состояния, и когда подъехали его старшие коллеги, он буквально бросился в спасительное раска-

ленное нутро милицейского автомобиля.

Когда его пригласили на свадьбу, Филимон долго пытался придумать отговорку, не обидевшую-бы друга. Ничего не придумал, к брату нельзя не прийти на свадьбу из за большого зуба или другой встречи, назначенной раньше, чем он получил приглашение. Этот день стал пыткой для Филимона. Куда он не поворачивал голову, везде была она, сияющая фигурка в белом платье. За столом он сидел, глядя, в основном, в свою тарелку. Когда гости наелись, напились, начали расходиться из-за стола, и разделятся по интересам, кто танцует, кто разговаривает, Филимон забился в угол и просидел там до самого ухода домой. Он видел, как Серегин друг Вован непринужденно болтает с невестой. Как она хохочет над его шутками. Филимон завидовал этому Вовану лютой завистью. Не из-за того, что он без конца с ней говорит и не из-за того, что может так запросто ее рассмешить. Нет. Он завидовал тому, что Вован не видит этого ее сияния. Что она не трогает его, не переворачивает его душу, не заставляет задыхаться при взгляде на нее.

Вернувшись со свадьбы, Филимон напился вдрабадан. Пил пока не изгладился из сознания сияющий образ, теперь уже Серegiной жены.

В последующие годы Филимон немного успокоился, научился брать себя в руки. Но старался как можно реже встречаться с Сергеем в присутствии Веры. И уж если встречался с ней, то вечером обязательно пил, пока ее лицо, не пе-

реставало стоять перед ним. Он не мог сказать, что любил ее. Он мог даже не вспоминать о ней долгое время, пока не позвонит Серега или пока не увидит ее. Она была для него несбыточной мечтой. Такой, о которой и думать не стоит. Не сбылось и уже не сбудется, чего зря душу травить. Но время от времени при очередной встрече опять становилось нечем дышать. И сияние слепило глаза, и хотелось плакать, и бежать прочь.

Только однажды позволил себе Филимон помечтать. Сергей уехал в командировку, а Сеня должен был улетать с футбольной командой на какой-то матч. Как раз накануне отъезда Сергея они встретились и зашли пропустить пивка. Сергей случайно упомянул, что сын улетает, и Филимон, неожиданно для самого себя, предложил отвезти их с Верой в аэропорт.

Всю дорогу, он украдкой, поглядывал на сидящую рядом Веру. Мальчишки, Сеня с Алешей сидели сзади. И Филимон представлял, что едет со своей женой и детьми, везет своего сына в аэропорт. Сейчас они выйдут из машины, и она улыбнется ему, так как улыбается его другу. А потом они поедут домой. Дальше он себе думать не позволял, он и так чувствовал себя предателем. И эта украденная фантазия, эта придуманная им история была самым интимным его переживанием по отношению к Вере. Ни до, ни после он себе ничего такого не позволял.

Вера чувствовала, какое-то напряжение в отношении к

ней со стороны друга мужа, но истолковывала его по-своему. Однажды она завела об этом разговор с Сергеем.

Как-то в пятницу вечером, перед сном Сергей сказал:

– Завтра Филимон придет. Еле уговорил, его вообще не дозовешься. Сходим с ребятами на рыбалку, а потом посидим.

– Я тогда по магазинам пройду. Не буду вам мешать, – ответила Вера.

– Да брось, чего ты? Ты нам не мешаешь. Все вместе посидим.

– Мне все время кажется, что Филимон меня недолюбливает. Он всегда очень напряженно со мной общается. Может он не одобряет твой выбор? Может это ревность? У друзей такое бывает, ревнуют к женам, даже к детям.

Сергей засмеялся.

– Чего ты выдумываешь. Просто Филимон такой человек. Он сам по себе такой, хмурый и необщительный. Сам в себе. С самого детства таким был.

– Ну, может быть, – пожала плечами Вера. – Только ты ему ничего не говори. А то я тебя знаю. Ты мой рыцарь. Сразу кинешься выяснять как это так, кому-то не нравится твоя жена.

Сергей многозначительно посмотрел на нее.

– Договорились. Только ведь ты знаешь, в наше время ничего просто так не делается. Я не скажу Филимону, а ты мне, что? – он обнял ее и заглянул в глаза.

– А я тебе двух сыновей родила. Не веришь, иди, посмотри, сопят там в своих кроватях. И суп тебе пятнадцать лет варю. Тебе не кажется, что сделка и так не равноценная?– засмеялась Вера.

– Ну, может, мы как-то договоримся, в счет моих будущих заслуг?– улыбнулся отец двоих сыновей и поедатель супа.

Вера подошла к Филимону. Вместо того, чтобы затолкать ее в машину, что есть силы надавить на газ и умчаться прочь, он сказал:

– Пойдем.

И повел ее к дверям в мир печали и безнадежности. Сердце безжалостного и беспощадного полковника ФСБ разрывалось на куски. Если бы ему сейчас сказали: «Умри Филимон. Отдай свою жизнь. И твой друг Серега выйдет сейчас из этих дверей, возьмет свою жену за руку и они вместе уйдут отсюда навсегда, уйдут к своей прежней счастливой жизни, к своим детям». Он бы, не задумываясь ни на миг, сам вырвал из груди свое сердце. Но ему никто ничего не говорил. И никому не нужна была его жизнь.

Веру проводили в комнату свиданий. Мрачные окрашенные неопределимым цветом краски стены. Решетка на единственном маленьком окошке и огромные круглые часы на стене, с крупными цифрами, пронзительно громко тикающие в полном отсутствии каких-либо других звуков. Что бы находящиеся здесь ни на секунду не забылись, где они нахо-

дятся. Что бы, не дай бог, не почувствовали хоть на чуть-чуть подобие уюта и тепла. Что бы ощущали себя раздавленными, потерявшими надежду, потерявшими свою жизнь. Отбросы общества, недостойные даже стен окрашенных в любой из нормальных цветов, которые не подтолкнут лишний раз к мысли наложить на себя руки.

Дверь открылась, и двое охранников ввели в комнату Сергея.

– У вас час.– Даже с некоторой ноткой человечности сказал охранник. Жена заключенного пришла не просто с улицы, ее ввел под локоток полковник ФСБ. Как же тут без человечности. Фээсбешники они народ чувствительный, на плохое обращение плохо реагируют, расстраиваются.

Дверь заперли снаружи. Вера подошла к Сергею. Погладила осунувшуюся щеку и прижалась к нему, вбирая всем телом знакомое до боли родное тепло. Он нежно обнял ее и они немного просто постояли, ничего не говоря, ни о чем, не спрашивая, просто наслаждаясь тем, что они вместе.

– Прости меня.– Прошептал Сергей.

Вера немного отодвинулась, что бы видеть его лицо.

– За что, Сережа?

Он молча смотрел на нее, не зная как объяснить, что просит прощения за все сразу. За то, что так получилось. За поломанную жизнь. За то, что обещал всегда быть рядом, а теперь не выполнит обещание.

Но ей и не нужен был его ответ.

– За что, ты просишь прощения?– она почти со злостью посмотрела на него, из за того, что он ничего не понимает.– За то, что ты был самым лучшим мужем все эти годы? За то, что обещал носить меня на руках и носил все двадцать лет? За то, что я каждый день просыпалась и засыпала счастливой? За то, что ты лучший в мире отец? За это ты просишь прощения?– На ее глазах дрожали слезы, голос звенел от негодования и боли.

Он прижал ее к себе, успокаивая.

– Милая, родная моя девочка.– Шептал он, глядя ее по голове.

Вера посмотрела на него и увидела сбегавшие по его щекам слезы.

– Это ты меня прости, Сереж. Я давала себе слово не устраивать тебя, не устраивать тут истерики. Я только сейчас подумала, что за все двадцать лет, было сказано столько всего, но я ни разу не говорила, что люблю тебя.

– Я это знаю.

Время шло. Большая стрелка на часах на стене неумолимо продвигалась вперед, медленно, но верно стремясь к цифре двенадцать, после чего откроется дверь и все будет кончено.

– Я приеду к тебе. Как только у тебя там все определится, я сразу приеду.– Пообещала Вера.

Ему хотелось крикнуть: «Нет. Не приезжай. Пожалуйста, не приезжай туда». За время, проведенное в камере, он наслушался столько рассказов, про зону, как будто сам уже от-

сидел. В том числе и про те процедуры досмотра и обращение, которым подвергаются, приехавшие на свидания. Пусть лучше она вообще не приезжает к нему. Пусть он не будет ее видеть. Только бы ей не приходилось проходить через все это. Там не будет всесильного Филимона, который отправит сержанта готовить чай или кофе для Веры Николаевны. Там она будет никто, как и все остальные. Но он не мог этого ей сказать. Он решит этот вопрос потом. Не сейчас.

Стрелка, наконец, доползла до конечного пункта назначения. Дверь открылась, как будто те кто привел Сергея простояли за ней с секундомером все это время, что бы, не дай бог, не дать ни одной лишней минутки людям, прощающимся на долгий-долгий срок.

Вера шагнула к Сергею и в последний раз обняла.

– Сережа, помни, что я всегда с тобой.– Прошептала она. Он приложил руку к груди давая понять, что она всегда там.

Дверь была открыта. Она могла идти. Но Вера продолжала стоять глядя на большие часы только, что отсчитавшие последние их шестьдесят минут вдвоем.

Прости. Сколько раз эти стены слышали это слово? Наверное, оно звучало здесь чаще всех других слов. Сын говорил старушке матери: «Прости!», муж жене, молодой парень подруге. Наверняка, здесь звучали и мольбы, и угрозы, и проклятия, и клятвы. Но, все-таки «прости» говорил, наверное, каждый из побывавших здесь. Под этими часами можно повесить такой же большой и такой же уродливый плакат. С од-

ним единственным словом. Потому, что это не комната свиданий, это комната прощаний и прощения.

Вера вышла в коридор и увидела Филимона, ожидающего ее. Он бы тоже мог сказать ей: «Прости. Прости, что люблю тебя и не могу оградить от всего этого ужаса. Прости, что я даже не имею права тебя любить». Но Филимон ничего не сказал. Он молча подставил ей свою руку, и они покинули приют безнадежности и разбитых судеб, где все человеческие чувства заменяются одним словом «Прости».

По обеим сторонам дороги росли высокие деревья. Их кроны, в зарешеченное, наполовину заклеенное матовой пленкой, окно машины для заключенных, не были видны. Дорога проходила через тайгу, где до того как ее проложили, наверное были нехоженые дикие места.

Сергея перевозили одного. Двое хмурых охранников сидели молча, лишь изредка перебрасываясь парой–тройкой слов. Один из сопровождающих постучал в зарешеченное окошко, отделявшее кузов автозака от кабины водителя.

– Останови,– сказал он.– Заключенному по нужде нужно. Сергей удивленно посмотрел на него.

Машина остановилась. Второй охранник открыл задние дверцы, а тот, который велел остановиться подошел к Сергею и приказал выйти из машины.

Оказавшись на дороге, Сергей с наслаждением вдохнул, чистый лесной воздух, наполненный запахом хвои, трав и ле-

та. Запах жизни. Запах свободы.

Охранник достал пачку сигарет протянул Сергею и своему напарнику, потом достал сигарету себе. Все трое закурили. Курили молча. Сергей задрал голову вверх и смотрел на небо, чистое и безоблачное. На яркое солнце. Наслаждаясь минутой, пусть и такой, но свободы. Слышно было, как шумит лес, поют птицы. Больше не было никаких звуков. Покой и умиротворение окружало стоящих на дороге людей. Сергей выбросил докуренную сигарету. Охранник тоже бросил свою.

– Иди.– Сказал он, кивком головы показывая на деревья.

– Мне не надо,– сказал Сергей.

– Иди.– Повторил охранник. В его голосе прозвучала нотка раздражения.

– Мне не надо.– Упрямо повторил Сергей.

– Я сказал, пошел! Быстро!– заорал конвоир.

– Нет.

– Я сказал ты пойдешь, падла.– Охранник размахнулся и нанес удар прикладом автомата. Сергей согнулся, лоя воздух ртом. Перед глазами заплясали звездочки.

– Пошел!– приклад автомата легонько подтолкнул начавшего приходить в себя Сергея в сторону деревьев. Наконец, немного отдышавшись, он распрямился и встал во весь рост почти насмешливо глядя в глаза человеку с автоматом в руках.

– Пошел!– в очередной раз рявкнул охранник и, видя, что

заключенный не собирается выполнять приказ он снова нанес удар. Потом еще и еще.

Дав заключенному время отдышаться и встать на ноги, охранник почти миролюбиво повторил команду. Встретившись глазами с его взглядом, Сергей помотал головой. Посыпался град новых ударов.

– Чего стоишь, помоги. Хочешь чистеньким быть?– заорал охранник своему напарнику. Тот подошел, но только бестолково потоптался рядом. Чего помогать, когда заключенный и так лежит на земле, запачканный кровью и дорожной пылью. Покрутившись рядом и, так и не решившись ударить лежачего, второй снова отошел в сторону. Избивавший Сергея, сплюнул на дорогу.

– Тварь упрямая.– Выругался он.

– А может...– нерешительно начал второй.

– Что может? Что может?– взорвался первый.– Ты чего, в штаны наложил с перепугу?

Лежавший на дороге зашевелился. Медленно, с огромным трудом он поднялся сначала на колени, опираясь о землю руками, потом все-таки встал, покачиваясь, как пьяный. С залитого кровью лица на конвоиров смотрели ошалелые глаза осужденного. Перед Сергеем все плыло. Все тело ныло и болело. Хотелось просто лечь и лежать. Он прекрасно знал, что с этой дороги он уже не уйдет. «Бедная Вера!– подумал он.– Бедная моя бедная».

– Иди.– Почти умоляюще сказал первый охранник. Сер-

гей помотал головой, и на разбитых губах появилось подобие улыбки.

– Вы ж меня все равно здесь и так итак прикончите.– С трудом выговорил он.– Думаешь, я стану тебе жизнь облегчать?

Наплевав на разбитые губы, он расплылся в широкой улыбке.

– Сука!– заорал охранник и бросился на него, нанося все новые и новые удары.

– Все, что ли?– почти прошептал второй.

– А я знаю?– первый толкнул безжизненно лежащее тело дулом автомата. Сергей застонал.– Живучий, сволочь.

– Что будем делать?– спросил второй. Руки у него дрожали. Первый многозначительно посмотрел на него.

– Ехать надо. И так задержались. Он поднял автомат и хотел выстрелить, но, в этот момент, лежавший на дороге человек, каким-то чудом перевернулся на спину. Первый охранник рассмеялся.

– Вот, б...ь! Да он издевается,– ухмыляясь, он повернулся к напарнику.– Он меня достал.

Он уже хотел сам перевернуть, тело, снова ставшее неподвижным, но осужденный зашевелился и снова стал делать попытки встать.

Первый отошел на пару шагов, наблюдая, чем эти попытки закончатся. В конце концов, осужденному все же удалось подняться.

– Во дает!– почти восхищенно сказал охранник.– Если ты такой прямо мужик, может, все-таки отойдешь,– он снова мотнул головой к краю дороги, за которым сразу начинался лес.

Осужденный, едва заметно, отрицательно помотал головой. Он уже почти не соображал. Просто остатки сознания подсказали ему, что хочет от него человек в форме. Охранник подошел и снова ударил. Хватило одного раза. Заключение упал, но как только дуло автомата нацелилось ему в спину он, словно почувствовав, снова начал подниматься. Охранник мог выстрелить, потому, что человек на дороге двигался очень медленно. Но его разобрало какое-то любопытство, сколько тот еще выдержит. Второй охранник, не принимавший участия в жестокой расправе, дрожа всем телом, подошел поближе к окровавленному, еле передвигающему руки и ноги осужденному.

– Парень, не вставай. Не вставай.– Взмолился он. Нервы у него были на пределе, он больше не мог наблюдать за этой затянувшейся казнью. Все должно было быть совсем не так. Осужденный попытался бежать, его застрелили. Как и положено при попытке к бегству. Все должно было пройти быстро. Один выстрел и все.

Сергей снова встал. Первый направился к нему, поднимая автомат, для следующего удара. Он вошел во вкус, ему уже хотелось продлить мучения человека стоящего напротив него. Второй охранник, увидев автомат напарника направ-

ленный прикладом вперед, не выдержал. Он вскинул свое оружие и выстрелил.

– Ты чего, м..к?– заорал первый.– Ему в спину нужно было стрелять!

– Он на меня бросился.– сказал второй, опуская вниз автомат, руки у него ходили ходуном. И все тело сильно дрожало как при лихорадке.

Увидев, затуманенным взглядом, направленное на него оружие, почти ничего не соображающий Сергей, успел подумать, что это Зима опять зачем-то хочет в него выстрелить. Только почему-то у Зимы было совсем другое лицо. «Не стреляй, Зима.– хотел сказать Сергей.– Ты же не такой». Но слова не вылетали из его груди. А потом прозвучал выстрел, и тело обожгло горячим пламенем.

Все также шумел ветер в кронах деревьев, и пели птицы. И солнце продолжало освещать землю, равнодушное к человеческим делам.

Звонила секретарша.

– Дмитрий Степанович.– Вам звонок и Ленской колонии особого режима.

– Соедините.

В трубке щелкнуло, и послышался голос замначальника Ленской колонии.

– Товарищ полковник.

– Слушаю капитан.

– Тут такое дело, товарищ полковник...– замямлил замначальника.

Филимон напрягся. Зачем этому человеку звонить ему? Может, нужна ответная услуга?

– Да капитан, говорите, слушаю.

– Товарищ полковник, я по поводу заключенного, о котором мы с Вами говорили. Кречетова... – капитан снова замаялся. Чувствовалось, что он вообще предпочел бы избежать этого разговора.

– Говорите, что там. – Рыкнул Филимон.

– Ну, в общем, не довели его к нам.

Рехнулся он там, что ли? Что значит, не довели. Везли-везли и не довели.

– Да говорите уже, что у вас там. Что значит, не довели?– взорвался Филимон.

– Ну, в общем, попытка побега...– собеседник Филимона снова впал в ступор. Филимон вытаращил глаза.

– Какого побега!– заорал он.– Белены, что ли Вы там обьелись?

Этот крик подействовал, запустив мыслительные процессы в голове замначальника колонии, и он четко, без пауз и лишних слов закончил свою мысль.

– Заключенный Кречетов, при попытке побега, во время конвоирования к месту отбывания наказания был застрелен одним из конвойных, после того как Кречетов на него бросился.– Говоривший на всякий случай отодвинул трубку по-

дальше от уха, в ожидании, что его собеседник вновь разразится криками и бранью. Но в трубке была абсолютная тишина.

– Товарищ полковник!

Никакого ответа не последовало, и капитан повесил трубку. Информацию он передал, а дальше пусть полковник уж сам разбирается. А вообще неприятная история вышла.

Филимон стоял, сжимая в руке телефонную трубку, уставясь перед собой невидящим взглядом.

Выйдя из оцепенения, он швырнул телефонный аппарат об стену с такой силой, что тот разлетелся на куски. Зарывав как дикий зверь, Филимон снес со стола все его содержимое.

Услышав шум в кабинете начальника, секретарша испуганно покосилась на дверь кабинета. Ее шеф, конечно человек не сдержанный, но такого, что бы в кабинете грохотало и, что-то билось о стены, еще не было. Через некоторое время дверь распахнулась, и разбушевавшийся полковник пулей пролетел мимо ее стола.

Незадолго до окончания рабочего дня, так как шеф так и не появился, и никто не знал где он, секретарша рискнула заглянуть в кабинет. Ее изумленному взору предстала картина полного разгрома. Вздохнув, она вошла внутрь и начала прибираться. Нечего сор из избы выносить, вызывая уборщицу. Хоть начальник и малость того, но она была преданной сотрудницей.

Филимон спустился в подземный гараж. Ему нужно было место, где никого нет, что бы никто не вызвал санитаров из психлечебницы, забрать сошедшего с ума полковника ФСБ, впавшего в буйство.

Подойдя к кирпичной стене, он ударил кулаком, что есть силы по твердой поверхности. На костяшках пальцев выступила кровь, но Филимон ударил еще и еще раз. Ему нужно было почувствовать боль, что бы выпустить наружу свою, которая была внутри него. Гораздо более сильная, чем та, что он испытал, разбив руку о кирпич. Ему нужно было излить свою ярость, отчаяние, ненависть, иначе он мог не совладать с собой и наворотить много разных дел.

Филимон отдышался, на глаза выступили непроизвольные слезы. Рука горела, боль пульсировала, отдаваясь в ней до самого плеча. Но Филимон был рад. Ему стало чуть легче. Он, наконец, снова смог дышать полной грудью. Пелена ярости, застывшая ему глаза в кабинете, рассеялась. Он снова мог трезво мыслить. Теперь, ему предстояло, самое трудное. Ему предстояло найти в себе силы и мужество встретиться с женой друга.

Они сидели в скверике, неподалеку от ее работы. Вера сидела очень прямо. Пустой, отсутствующий взгляд был направлен перед собой. В никуда. Лучше бы она кричала, билась в истерике, орала, кидалась на прохожих, думал Филимон. Только не этот пустой взгляд, не это молчание.

Она не плакала. Казалось, что она вообще утратила способность чувствовать. Безжизненная фигурка, сидящая рядом с ним на скамейке. Наконец, спустя наверное целую бесконечность, она медленно повернулась и взглянула на Филимона все тем же пустым взглядом. .

– А может... – охрипший голос сорвался, но она вновь взяла себя в руки и продолжила. – Может быть Сережа решил, что так лучше?

Она не обвиняла, она принимала такое его решение. Она даже понимала его.

Филимон с грустью посмотрел на нее. Он совершенно точно знал, что его друг никогда не поступил бы так с ней. Как бы тяжело ему не было, он бы выдержал. Он бы не причинил ей такую боль, выбрав легкое решение уйти от проблем, от той страшной действительности, что его ждала. Может быть Вере легче думать так. Пускай. Пускай она пока так считает. Ей нужно пережить этот момент. И пусть она думает, что угодно, лишь бы ей было от этого хоть чуточку легче. Но он ни за, что не поверит, что его друг так решил. И он разберется в этом, докопается до правды. Чего бы ему это ни стоило. Он найдет все ответы. Он, наконец, узнает всю правду и вытряхнет ее наружу. И призовет к ответу тех кто стоит за всем этим.

Пока Филимон вез ее домой на машине, Вера, глядя в окно невидящим взглядом вспомнила их размолвку с Сергеем, произошедшую года полтора назад. Это была не совсем ссо-

ра. Просто короткое недопонимание.

Ей на работу позвонил Сеня.

– Мам, привет. Я на тренировке ногу вывихнул. Меня тренер не отпускает, говорит, что бы кто-то из родителей приехал меня забрать.

– Ты папе звонил?– спросила Вера.

– Звонил. У него сейчас совещание. Я подумал, что может у него, там, что-то важное. Могу еще раз позвонить.

– Не надо. Я сейчас приеду. Подожди, я скоро буду. Нога сильно болит?

– Да нет, ерунда,– соврал Сеня. Щиколотка покраснела и сильно опухла. Боль была сильной, но терпимой. Но маму расстраивать он не хотел.

Вера забрала сына и отправилась с ним в травмопункт. Осмотрев поврежденную ногу и сделав снимок, врач сообщил, что в кости трещина. Ничего страшного, но нужно наложить гипс и на месяц отказаться от тренировок. Сеня расстроился, месяц без футбола. Но быстро взял себя в руки, месяц это не навсегда. По дороге Вера накупила всяких вкусностей на ужин, что бы подбодрить несчастного пострадавшего. Когда вернулись домой, Вера отправилась готовить, а Сеня, на правах больного уютно расположился на широком диване в гостиной и, наконец, позвонил отцу и сообщил ему новость.

Сергей вернулся с работы, похихикал над сыном, выслушал историю незадачливого футболиста в подробностях. Ве-

ра позвала всех к столу. И семья, рассевшись на свои места, с аппетитом принялась уплетать по-праздничному вкусный ужин. Мальчишки беспрерывно болтали, возбужденные, произошедшим событием, весь ужин, поддразнивая друг друга. Вроде все было, как всегда и смеялись и разговаривали. Сергей рассказывал какие-то свои истории связанные с футболом, из далекого прошлого. Но на протяжении всего этого шумного застолья Вера замечала, что муж не разговаривает с ней, не улыбается, не смотрит своим обычным взглядом полным обожания и любви. А если их глаза встречаются, то в его взгляде, как ни странно присутствует обида. Хотя Вера понятия не имела на, что он может быть обижен.

Дождавшись, когда они останутся одни, она подошла к мужу и спросила:

– Сережа, что происходит? Ты за весь вечер слова мне ни сказал. Что случилось?

Он посмотрел на нее почти холодно, но в глазах была не только обида, но и боль.

– Почему ты не позвонила мне?

Вера уставилась на него. Просто детский сад. Надулся как маленький из-за какой-то ерунды. Может ему просто хочется пообижаться? Бывает же такое. Она даже рассмеялась.

– Сереж! Ну чего за ерунда? Сеня тебе звонил, у тебя было совещание. Он не знал, стоит ли тебя дергать. Позвонил мне. Я сказала, что не надо тебя тревожить, и я сама приеду.– Вера непонимающе смотрела на Сергея. Целая история из-

за какой-то ерунды.

– Это не ерунда. Я мужчина. Я глава семьи. И все проблемы должен решать я, а не моя жена.– Почти сердито сказал он.

– Да прекрати. Какая тут проблема? Ты был занят, у тебя было совещание. Ты сам мне вчера сказал, что у вас там какой-то важный вопрос будет решаться. Поэтому, я решила, что не стоит отвлекать тебя от работы из-за ерундовой ситуации. Если бы было, что-то серьезное, естественно я бы позвонила.– Она уже начала раздражаться. Ей было непонятно, чего он уперся. Все-таки мужчины все немного помешаны на своем больном самолюбии.

– Да плевать мне на совещание и на все важные вопросы, если дело касается моей семьи.– Глядя на жену злым взглядом и уже почти начиная орать, сердито сказал Сергей. Он направился к входной двери.– И в следующий раз, будь добра, звони мне.

Он вышел из дома, хлопнув входной дверью. Вера услышала, как выехала из гаража машина и отъехала от дома. Вера смотрела на входную дверь с выражением полного недоумения. Ей было даже смешно. Ну, что за идиотизм! Может у ее мужа кризис среднего возраста. Говорят, что мужчины после сорока начинают странно себя вести. Как подростки, в переходном возрасте, совершают дурацкие поступки, так и взрослые мужики теряют голову и начинают делать странные вещи.

Услышав, как хлопнула входная дверь, Алеша прибежал посмотреть, что случилось.

– Мам, а где папа?– спросил Алеша.

«Поехал покатать свое эго на машинке»– хмуро подумала Вера. Ей уже не было смешно. Еще не хватало впутывать в эту дурацкую размолвку детей.

– Папа уехал. Может, забыл, что-то на работе.– Это же не было враньем, это было предположением. Не самая удачная попытка, не говорить правду. Если бы Сергей поехал на работу он бы ей сказал, и Алеша об этом знал. Но ничего другого в голову не пришло.

– Вы, что поссорились?– с тревогой спросил Алеша.

Вера вздохнула. Как с ними сложно с этими мужчинами. И с большими. И с маленькими. Им с самого детства нужно все держать под контролем.

– Да, мы поссорились. Вернее папа рассердился, что я не позвонила ему и сама повезла Сеню к врачу.– Вера улыбнулась.– Ваш папа считает, что он должен сам решать все проблемы. Хотя я не понимаю, в чем тут вообще проблема. Поэтому мы немного поспорили. Ничего страшного.– Поспешила она успокоить сына.

– Может быть папа расстроился, что ты переживала, а его не было рядом,– предположил Алеша.

Вера нежно посмотрела на сына. Милая детская наивность. Это сейчас она переживает, после ссоры с их папашей из-за того, что она просто решила житейскую ситуацию, как

сделала бы любая другая мать. А папаша не столько расстроился, сколько просто уперся из вредности или встал ни с той ноги.

– Папа всегда говорит, что мы должны заботиться о тебе. Не расстраивать и оберегать ото всех переживаний и трудностей. Что мы мужчины, твоя надежда и опора. Твоя стена. И ты должна всегда чувствовать нашу поддержку и знать, что мы решим любую проблему и справимся с любыми трудностями. Может быть, его расстроило, что ты так не считаешь?– открыв педагогический секрет ее мужа, совсем взрослому рассудил Алеша.

Вера притянула к себе сына и растроганно поцеловала в макушку.

– Вы моя надежда и опора. Все вы. Мои рыцари. И я об этом знаю. Я позвоню папе. Не волнуйтесь. Он приедет, и я ему расскажу, какие вы все у меня замечательные и как я вас всех люблю.– Пообещала она. Лицо сына расслабилось. Тучи, нависшие над их счастливой семьей, рассеивались. Все хорошо. Успокоенный Алеша побежал докладывать брату, что все нормально.

Вера взяла телефон и вышла на улицу. Вечер был теплый. Сгущались, по-летнему, поздние сумерки. Вокруг было тихо и спокойно. Вера с удовольствием вдохнула вечерний воздух. Надо же какой у нее муж. Всегда и во всем стремится оградить ее от любых бед, от любых тревог. И мальчишек учит, заботится о маме. Как же ей повезло, что ей достался

лучший мужчина на свете. Вера улыбнулась. Она уже хотела набрать номер, но тут увидела, как к воротам подъехала машина Сергея. Увидев жену, он бросил машину на улице, чтобы не возится с открыванием ворот и заездом во двор, и побежал к ней. Вера пошла ему на встречу.

– Прости меня!– обняв ее и уткнувшись в ее волосы, сказал Сергей.– Я дурак. Я не должен был с тобой так говорить.

– Нет, Сереж. Это ты меня прости. Я тебе обещаю, что больше никогда не буду забывать, что ты как глава семьи все проблемы решаешь сам. И я очень этому рада. Ты лучший муж на свете и лучший отец.– Она нежно поцеловала его.

Он не только стена, он все. Как ей теперь без этого?

День был теплый, но пасмурный. Моросил мелкий, почти незаметный дождик. Видимо природа решила соответствовать печальной торжественности момента. Собравшиеся, молча стояли, погруженные в свои переживания. Охваченные болью и пониманием непоправимости произошедшего. Вера стояла поддерживаемая с обеих сторон сыновьями. Мальчики не плакали. Они не могли себе позволить расстраивать маму еще сильнее. Они ее опора, теперь они ее поддержка ее стена. Алеша время от времени подозрительно шмыгал носом, но каждый раз сдерживался. Они оба были сыновьями своего отца и умели держать себя в руках. Напротив Веры стоял Филимон. Его лицо как всегда было непроницаемо. По выражению холодных голубых глаз, невозможно было понять, какие чувства он сейчас испытывает. Рядом с

Филимоном стоял Кукушонок. По немного располневшему с возрастом лицу из широко раскрытых все таких же наивных голубых глаз профессора текли, как и двадцать лет назад, ручейки слез. Он смахивал их, но на их месте тут же возникали новые. Взглянув, на плачущего Кукушонока, Вера позавидовала ему. Она сама не могла плакать. Горе придавило ее, скрутило изнутри в комок. Ей казалось, что она утратила способность чувствовать. Вован стоял рядом с тихонько плачущей Алиной Николаевной, сильно постаревшей, убитой горем. Его лицо без обычной ухмылки, растерянное, охваченное болью, казалось беззащитным и непривычно трогательным. Вован смотрел перед собой невидящим и даже каким-то не верящим взглядом, как будто отказываясь принять произошедшее. Рассыпанные по лицу веснушки ярко горели на бледной коже. Вера почти равнодушно смотрела на цинковый гроб. Почему-то ей вспомнилось, что в таких гробах доставляли тела солдат погибших во время войны в Афганистане. Только ее муж не погиб во время военных действий, пусть и на бессмысленной, но все же войне. Он был вырван из своей жизни чьей-то недоброй волей. Будто ураган подхватил его и унес от жены, от детей и от друзей, лишив его всего, что ему дорого. А потом его застрелили на таежной дороге. Все это несправедливо. Так не должно было быть. В этом железном ящике не он. Они вернуться домой, и он выйдет им навстречу, широко улыбаясь, как всегда. И он спросит, где они так долго были. А потом они вместе будут

смеяться, как они вообще могли все поверить в такую чушь. И она почти поверила, что так и будет. Но и сердце, и разум сказали ей: «Нет. Не будет. Это все».

Нужно было идти. Сотрудники Сергея, тактично оставив близких, ушли первыми. Заметив, что Вован застыл на месте, Вера попросила мальчиков проводить к машине горестно всхлипывающую Алину Николаевну.

– Володь, пойдем,– положив руку на плечо Вовану, сказала Вера. Он повернулся к ней и сказал чужим безжизненным голосом:

– Я все ждал, что меня тоже накроет. Как вас. И так и не накрыло. А сейчас я думаю, может и хорошо, что не накрыло.– Неожиданно Вован заплакал, как ребенок, горько всхлипывая и содрогаясь всем телом. Вера обняла его и погладила по голове, успокаивая как маленького. Она не чувствовала ни сострадания ни жалости, ей было так больно самой, что горе Вована не трогало ее. Она утешала его, повинувшись материнскому инстинкту, данному природой каждой женщине. Видишь страдающего, плачущего, несчастного, пожалей его, согрей своим теплом, обними и успокой. Со всем не обязательно делить при этом его боль. Вера гладила торчащие в разные стороны волосы друга и думала о том, сможет ли она когда-нибудь снова дышать.

Она взяла, почти успокоившегося, Вована за руку.

– Пойдем. Нечего здесь больше делать. Его здесь нет.– Сказала она.

2010г.

Они лежали на берегу моря.

– Чему ты улыбаешься?

– Просто я счастлива.

Он улыбнулся.

– Помнишь, когда мы встретились, ты рассказала про свое заветное желание. Значит, оно исполнилось?

– Конечно.

– А какое у тебя теперь желание?

– Что бы так было всегда. Ты и я.

Он легонько толкнул ее плечом.

– Поделишься?

– Само собой. Как всегда.

Август 2011г.

Самолет поднялся в воздух, равномерный гул двигателей наполнял салон едва слышным фоном. Филимон сидел, повернув голову к окну. Он не видел, того, что происходит за стеклом. Перед ним вставали картинки из прошлого.

Они сидели на раскидистой яблоне, росшей в колхозном саду. Яблоки были сочные, спелые. Сергею было 11, Филимону 9. Они с наслаждением вонзали зубы в белую мякоть и откусывали большие сладкие куски яблок.

– Эй, я вот сейчас вам паразитам устрою!– прозвучал ря-

дом с ними хриплый грубый голос колхозного сторожа.

Увлечшись поеданием яблок, разомлев на солнышке, ребята не заметили, как он подкрался к дереву.

Филимон спрыгнул на землю и хотел бежать, но сторож изловчился и ухватил его за плечо. Голова Филимона взорвалась от удара по уху, нанесенного кулаком. Сторож уже размахнулся для следующего удара, но тут на него бросился Сергей.

– Пусти его, гад!– заорал он, молотя кулаками по широ-
ченной спине, пытаясь оттащить злобного мужика от своего
друга. Сторож, видимо специально тренировавшийся в по-
имке, малолетних нарушителей, с завидной ловкостью, вы-
пустив Филимона, схватил Сергея за руку и, повалив маль-
чишку на землю, начал охаживать его болезненными удара-
ми. Филимон, понимая, что не справиться с озверевшим му-
жиком, огляделся вокруг и, увидев большую толстую ветку,
схватил ее и огрел, что есть силы, по спине расходившего-
ся охранника колхозного сада. Охнув, тот от неожиданности
выпустил Сергея и с перекошенным от злобы лицом повер-
нулся в ту сторону, откуда получил удар. Но мальчишки не
стали дожидаться пока он окончательно придет в себя. Они
уже неслись в сторону деревни. Пробегая мимо домика, в
котором обитал сторож, Филимон подобрал камень и запу-
стил им в окно. Послышался звон стекла. В пристроенном к
дому курятнике переполошились куры, слышалось встре-
воженное кудахтанье и хлопанье крыльев.

– Сволочь!– сказал Филимон.– Убить за свои поганые яблоки готов. В прошлом году Генке Маковкину пальцы на руке поломал. Урод.– Филимон сплюнул, и друзья пошли уже спокойным шагом по деревенской улице.

Вечером, когда они играли во дворе в ножички, к калитке подковылял сторож. Бросив злобный взгляд на мальчишек, он прошел в дом.

– Не поленился до деревни дошкандыбать.– Сказал Филимон. Лицо у него было бледное. Сторож нажалуется, и отец с него шкуру спустит. Филимонов старший был настоящий зверь. Избивал жену и сына до полусмерти. Однажды после отцовского наказания Димка неделю ходил в туалет с кровью.

Из дома вышел отец. Следом за ним, с гадкой улыбочкой, семенил сторож. Мол, сейчас тебя отец поучит уму разуму и уважению к старшим, и к чужому добру. На всю жизнь запомнишь, как бить чужие окна.

Отец медленно подходил к мальчишкам. Лицо его ничего не выражало. Взгляд холодных голубых глаз был устремлен на сына. Сергей содрогнулся. Филимон никогда не жаловался, но вся деревня знала, как зверствует Степан Филимонов со своей семьей.

– Стекло разбил, паразит. А оно денег стоит. И вообще, что ж это добрым людям пакостить, камни в окно швырять. Безобразия! Непорядок!– подначивал сторож, предвкушая расправу над злостным нарушителем порядка.

– Это не он. Это я.– шагнул вперед Сергей. Филимонов старший остановился. Голубые глаза оглядели ребят по очереди, и полыхавший в них яростный огонь угас, как угасает догоревший костер. Легкая улыбка тронула его губы.

– Ладно.– Сказал он. И повернувшись к сторожу добавил.– Слышал? Это не Димка. Еще чего?

В голосе его звучала насмешка. Сторож засуетился, пятясь от него бочком. Потому как, не сорвав свою ярость на сыне, Степан запросто мог выплеснуть ее на самого доносчика.

– Ну, стало быть, ошибся. Со всяким бывает. Давай Степан. Зла не держи. Мальчишки, за ними разве уследишь?– с виноватой улыбкой, зачастил сторож, продолжая пятиться. Добравшись до калитки, он опрометью выскочил на улицу и как можно быстрее похромал прочь от дома Филимоновых. Отойдя подальше, он замедлил шаг и направился к дому Сережиной бабушки. Неважно кто, а за разбитое стекло ему деньги вернут.

Поздно вечером Филимон улизнул из дома. Отец, напившись, спал поперек кровати, и, прошмыгнув мимо него, Филимон тихонько выскользнул за дверь.

Подойдя к дому Сережиной бабки, Филимон тихонько свистнул их особым, секретным свистом. В окне показалась голова Сергея.

– Выйти можешь?– тихо спросил Филимон. Сергей кивнул и вылез к другу через открытое окно.

– Ну чего? Этот упырь, небось, к твоей бабке потом пошел?– спросил Филимон, хорошо знавший мерзкие повадки сторожа.

– Ага.

– А бабка чего? Всыпала?– поинтересовался Филимон.

– Всыпала,– улыбнулся Сергей.– Вовсю расстаралась.

Филимон посмотрел другу в лицо отцовскими холодными голубыми глазами.

– Серега. Я тебе хотел сказать. Ты теперь мой брат навсегда. И я для тебя, что хочешь сделаю. Вот.– Сказал Филимон и, достав из кармана перочинный ножик, полоснул им по раскрытой ладони, глубоко разрезая кожу. От боли Филимон слегка поморщился.– Клянусь.

Сергей взял у него ножик из рук и тоже хотел разрезать руку, но тут из дверей дома к ним кинулась бабка.

– Да, что же вы делаете-то, паразиты окаянные! Да наказание, а не дети! Димка, у тебя вся рука в крови! Паршивцы вы несчастные.

Отобрав ножик, Бабка поволокла Филимона в дом перевязывать руку.

На следующий день Сережа не появлялся до обеда. Филимон несколько раз подходил к его дому, но все окна были задернуты занавесками, а стучаться в дверь, после вчерашнего, Филимон не решился. Ближе к вечеру он увидел Сергея идущего по улице навстречу к нему. Рука у Сергея была

перевязана. Филимон улыбнулся.

– Ты чего, руку разрезал?– спросил он.

– Ага.

– А бабка чего?

Сергей улыбнулся и пожал плечами.

– Выдрала.

Они посмотрели друг на друга и расхохотались. Отсмеявшись, они обнялись.

– Брат.– Сказал Филимон.

– Брат.– Сказал Сергей.

Филимон отвернулся от окна. В носу защипало. Я во всем разберусь, брат, мысленно пообещал он, дотронувшись до ставшего почти незаметным с годами шрама пересекающего ладонь.

В Ленске он быстро получил нужную ему информацию. Удобно когда благодаря служебному положению можешь узнать то, что хочешь, не тратя лишнего времени.

Дверь открыл небритый мужик в грязной майке с мутными покрасневшими глазами. Видимо вчера перебрал, а сегодня похмеляется. Мужик уже открыл рот, что бы спросить незнакомца стоящего за дверью чего ему, собственно, надо и послать его куда подальше, но, встретившись с взглядом незнакомца, понял, что тот войдет независимо от того захочет этого хозяин квартиры или нет.

Филимон шагнул вперед и стоявший в дверях хозяин квартиры посторонился. Видя, что тот не двигается с места, Филимон сам закрыл за собой дверь. Он повернулся к застывшему как статуя мужику. На жирной потной шее быстро-быстро пульсировала жилка.

– Сейчас ты мне расскажешь, что и главное почему, случилось второго августа на дороге ведущей к колонии, и я просто уйду, а ты будешь дальше вести свою никчемную жизнь, мерзкого ублюдка. – почти дружески сказал Филимон. Он слегка наклонился к стоявшему напротив него человеку. Жилка на шее уже не пульсировала, она билась под кожей с такой силой и скоростью, как будто пыталась разорвать ее и выбраться наружу. Филимон с удовольствием бы взял эту толстую шею своими стальными пальцами и сжимал ее до тех пор, пока жирный охранник не упал бы мертвым к его ногам с выпученными глазами и посиневшими губами. Но он пришел не для этого. Эта мразь была лишь орудием. Впившись в своего, пока еще не сказавшего ни слова, собеседника пронзительным взглядом голубых глаз Филимон продолжил. – Но если ты, по какой-то причине не захочешь говорить, я сначала сделаю так, что ты всю оставшуюся жизнь, будешь ссать под себя кровью, а потом начнется расследование, того, что произошло. А у нас, как ты знаешь, даже инвалидов сажают. Так, что мочиться кровью ты будешь в тюрьме, где просто обожают представителей твоей профессии, и ты сразу же станешь всеобщим любимцем.

Благодаря разумно решив, что первый вариант намного более привлекателен и безопасен для здоровья, хозяин квартиры быстро выложил Филимону, то, что тот хотел знать. Опустив некоторые подробности того, что происходило на самой дороге. Человек, пришедший к нему, явно, мог не сдержаться, услышав, как он избивал осужденного прикладом автомата, пока его напарник не психанул и не выстрелил.

Услышав все, что хотел, Филимон, как и обещал, покинул квартиру охранника. И тот быстренько заперев дверь на все замки, привалился к ней и несколько минут тяжело дышал, приходя в себя после пережитого ужаса, какой навел на него неожиданный гость. Будь прокляты эти деньги, ради которых он в это ввязался. И сумма-то была, не такая уж, прямо заоблачная, что бы теперь жить в страхе. Боясь, что страшный человек все-таки передумает и вернется. Хоть беги куда-нибудь. Вот только куда?

Филимон получил от стоворчивого охранника имя. Имя того, кто предложил деньги за то, что бы во время транспортировки осужденного был симитирован побег, во время которого, бдительные охранники этого самого беглеца и застрелили.

Проведя непродолжительные и плодотворные поиски нужного человека, Филимон отправился к нему. Его интересовало, кто дал указания из Москвы. А Филимон не сомневался, что человек, причастный, ко всему этому, именно из Москвы.

Человек, которого Филимон посетил на этот раз, оказался не таким сговорчивым и даже сделал неудачную попытку напасть на полковника ФСБ. Утихомилив своего нового визави, Филимон предложил дать ему информацию и разойтись полюбовно. Упрямец наотрез отказывался говорить о деле, зато поливал Филимона потоками нецензурной брани. Филимон даже узнал несколько новых слов, хотя думал, что после стольких лет работы в органах знает в этой области абсолютно все. Ему было наплевать на крик и ор собеседника и его некультурное поведение, ему нужна была информация. Посмотрев на орущего, брызжущего слюной здорового молодца, похожего на братка, Филимон пожал плечами. Мол, ты сам сделал свой выбор. Поразительно как развязывают язык пара сломанных пальцев. Браток запел соловьем. Даже матерные слова почти не применял, пока захлеб рассказывал Филимону все, что знает.

Вечером Филимон вылетел обратно в Москву. Он надеялся, что тот к кому он наведается в гости, на этот раз, окажется последним. Его начинали утомлять его малоприятные собеседники.

Встреча с новым оппонентом прошла тоже не совсем гладко. Тот даже выхватил пистолет, и Филимону пришлось малость поучить его гостеприимству. В конце концов, охающий и ахающий собеседник, прижимая к груди сломанное запястье, выложил, как миленький, имя заказчика.

– Если ты сообщишь ему или намекнешь, или хотя бы да-

же подмигнешь, я вернусь и сломаю все три твои оставшиеся конечности. И у тебя, как в фильме, будет не закрытый, а открытый перелом. Даже три открытых перелома.— Пообещал Филимон, и его собеседник даже не усомнился в правдивости данного обещания. Он энергично закивал головой, преданно глядя в холодные глаза незнакомца, давая понять, что когда он не пытается хвататься за оружие он очень понятливый.

Дома Филимон включил компьютер и просмотрел всю имеющуюся информацию о человеке, имя которого ему назвал его последний собеседник. Имя сразу показалось Филимону знакомым. Только он не мог вспомнить, в какой области управления страной обретается этот небожитель.

Просмотрев о нем несколько статей в интернете и увидев фотографии сынишки Большого человека, Филимон понял, что папа никак не связан с погибшей на дороге девушкой. Не его уровень. Он-то все-таки солидный человек. Это сынок. А папаша его прикрывает. Кровиночка же, как же не помочь, пусть даже придется загубить чью-то жизнь.

Филимон немного почитал про любителя тусовок и известного ловеласа, единственного наследника высокопоставленного папаши. Молодой человек, явно был склонен создавать вокруг себя проблемы. Филимон без труда нашел сведения о его участии во многих скандалах и неприятных историях. Но это были вполне безобидные светские происшествия. Дебоши, пьянки, неприличное поведение. Большому

человеку, явно не приходилось гордиться собственным отпрыском.

Филимон закрыл всю эту ерунду и, введя пароль, вошел в милицейские базы. Поиск оказался более долгим, но за то более продуктивным. Филимон искал все дела, где фигурировал сынок большой шишки. Не в роли обвиняемого конечно. Упаси бог, что бы такого хорошего парня кому-то пришло в голову привлекать за что-нибудь. Нет, он проходил по нескольким делам как свидетель и по одному даже как пострадавший. Бедного молодого человека, по всей видимости, окружали одни мерзавцы. Страшные люди вставали на его многотрудном пути, занятом попойками, дебошами и скандалами, постоянно.

Взять хоть пенсионера въехавшего на своем стареньком москвичонке в шикарный автомобиль папенькина сына. Счастье еще, что у нас закон строго стоит на страже порядка и всегда готов прийти на помощь слабому и обиженному. Опасного старикана скрутили и приволокли в суд. Где добрый судья, умывшись слезами сострадания, к несчастному юноше, вынес справедливое решение, взыскать с пенсионера вредителя сумму необходимую для ремонта шикарной машины пострадавшего. Сумма значилась заоблачная, по крайней мере, для человека, живущего на пенсию. А нечего на своем драндулете по улицам разъезжать, когда там такие лихие парни катаются на своих сверкающих дорогущих автомобилях. Ну и, что же, что, судя по первоначальному отчету,

молодой человек не в том месте поворачивал. Если у старикашки со зрением плохо, и он его не заметил, то нечего и заруль садиться. Дома нужно сидеть. Интересно, подумал Филимон, пенсионер успел возместить ущерб полностью, отдавая по пол пенсии каждый месяц, пострадавшему. Или так и помер должником, скрывшись от законного приговора на том свете?

Следующее дело касалось разгромленного ночного магазина. Охранник напал на компанию молодых людей, среди которых был и интересующий Филимона юный отпрыск могущественного отца. Его друзья, видимо были того же поля ягоды, зажавшиеся сынки влиятельных и богатых родителей. Ну, так вот, молодые люди, числом шестеро, зашли в ночной магазин и тихо ходили себе по нему, делали покупки, вели высокоинтеллектуальные беседы. И вдруг на этих милых интеллигентных, увлеченно беседующих юношей набросился охранник магазина, тупой мужлан и плебей. И представьте себе, потребовал, что бы молодые люди немедленно покинули помещение магазина. Ему, этому тупому мужлану и плебею, видите ли, показалось, что молодые люди шумят, ведут себя непристойно и портят товар и оборудование магазина. Во-первых, а чего бы, не пошуметь? Что у них там грудные дети спят? Так, что это обвинение, сразу отпадает, как совершенно беспочвенное. Во-вторых, что значит, ведут себя непристойно? Ну, если одному из молодых людей приспичило, а в магазине туалета нет. Так, что ж,

пусть у него лучше мочевой пузырь лопнет, что ли? Это уж прям садизм какой-то, мы не в фашистской Германии, товарищи, между прочим. Кому помешает, что он тихо и интеллигентно нужду справил в контейнер с фруктами, их все равно потом мыть. Хотя мужлан охранник, возможно, этого не знает, ну так учиться нужно хорошим манерам и элементарным правилам гигиены. Так, что, сами видите, это тоже не повод на порядочных людей набрасываться. А третья претензия, это уж вообще с потолка взято. Никакого оборудования никто не портил. Если один из юношей захотел дорогого коньяку, а какой-то идиот, этот самый коньяк в стеклянный шкаф поставил и дверцы запер. И, что прикажете делать? Как коньяк-то достать? Ну, ясное дело, шарахнуть по стеклу, да и дело с концом. А то, что охранник разорался, что ключ у кассира, так, что? Молодой человек экстрасенс, что ли, что бы знать, где ключ. Ну, в общем, пришлось этого охранника попросить отвалить и добрых людей понапрасну не тревожить. Ну, пока вежливо просили на эмоциях сильно жестикулировать начали и случайно в лицо ему попали и так неудачно, что сломали нос, ну так не нарочно же. Чего он свое рыло плебейское под руки приличных, можно сказать, благородного происхождения людей, сует. Так этот головорез взял и кинулся из-за всей этой ерунды на несчастного молодого человека, который и так мог себе руку повредить об его морду мужицкую, и не только кинулся, но еще и руку свою посмел поднять на представителя золотой мо-

лодежи, свинья такая. И уж тут молодым людям ничего не оставалось, как исключительно в целях самообороны, повалить озверевшего работника магазина и немножко поучить его правилам обращения с покупателями, которые, как знает любой ребенок, всегда правы. У них, между прочим, потребительские права имеются. Естественно, товар в ночном магазине бьющийся и во время всех этих драматических событий случайно была разбита пара тройка бутылок алкоголя. Ну, может чуть больше. Всего на сто с небольшим тысяч российских рублей. Но закон и тут оказался на высоте. Охранника, после выписки из больницы, где ему удалили селезенку, без которой, как все прекрасно знают, вполне можно обойтись, и подлечили сломанные ребра, тоже взяли под белы ручки и привели в суд. Судья и тут проявил сказочную справедливость и гуманность. Ведь такого ужасного человека стоило ну если не расстрелять, то хотя бы засадить до конца жизни. Он ведь для общества опасен. На людей ни за, что ни про, что набрасывается. Но нет. Всплакнув над фотографией синяков нанесенных одному из несчастных молодых людей, которого, к счастью, товарищи буквально спасли от неминуемой смерти, вырвав из рук охранника, судья дал последнему год условно и присудил компенсировать все материальные потери владельцу магазина. А еще говорят, что у нас беззаконие процветает. А вот и нет. Работает закон и его слуги, не покладая рук, на благо обиженных и обездоленных граждан своей страны.

Было еще несколько дел. Филимон прочитал основные материалы. Если бы молодой человек, указанный во всех этих делах был прямо сейчас, прямо здесь перед Филимоном, то даже страшно представить, что бы сделал с ним друг и брат Сергея Кречетова. Но молодому мерзавцу повезло, что их встрече только еще предстояло произойти. Судьба как всегда была несправедливо милостива к нему.

Распечатав материалы по всем делам, связанным с молодым человеком, Филимон аккуратно сложил все в папку и отправился на долгожданное свидание.

Филимон сидел напротив подъезда новенькой элитной многоэтажки с квартирами размером с футбольное поле, предназначенными только для избранных граждан. С тех пор, как он приехал, прошло уже два часа. Филимон курил в открытое окно машины, терпеливо дожидаясь возвращения с очередной тусовки хозяина красного кабриолета. Он совершенно спокойно смотрел на освещенный светом фонарей двор перед элитным домом, не нервничая и не проявляя нетерпения. Он мог просидеть в ожидании хоть до утра. Он мог быть очень терпелив, когда этого требовали обстоятельства.

Наконец к дому подъехал автомобиль. Красный кабриолет. Водитель вышел из машины и нетвердой походкой направился к дверям подъезда. На часах было 2.43. Филимон вышел из своей машины и, бесшумно, как тень, последовал

за хозяином кабриолета.

Молодой человек потыкал ключом в домофон, не сразу попав в круглое, металлическое углубление. Поймав плавно закрывающуюся железную дверь, Филимон проскользнул следом за ним. Большой холл ничем не напоминающий грязные, полутемные подъезды домов для простых смертных, был обставлен как вестибюль шикарной гостиницы. Кожаные диваны, вазы с цветами на маленьких столиках, у дальней стены даже журчал искусственный водопад. Охранник мирно спал в своей комнатке, отделенной от остального пространства подъезда стеклянной перегородкой с квадратным окошком. «Надо будет потом благодарность его начальству отправить» — ухмыльнулся Филимон.

Молодой человек вызвал лифт. Филимон, уже не скрываясь, встал рядом. Молодой человек, мельком посмотрел на него и тут же отвернулся. Мужик и мужик. Может тоже любит погулять по ночам.

Выйдя на двадцать втором этаже, молодой человек пошел по ковровой дорожке по длинному коридору в сторону своей квартиры. На ходу он безуспешно шарил по карманам в поисках ключей. Наконец ключи нашлись, и юный прожигатель жизни, с трудом найдя нужный ключ, принялся решать нелегкую задачу попадания этого самого ключа в замочную скважину. Наконец, справившись с замком, он открыл дверь, и тут сильная рука ухватила его сзади за ворот рубашки и толкнула вперед.

Для ускорения Филимон дал несчастному хозяину шикар- ной квартиры такого пинка, что тот, заорав от боли, проле- тел почти через весь коридор и с глухим стуком приземлил- ся на четвереньки. Пока ошалевший от неожиданности мо- лодой человек мотал головой и поспешно перебирал конеч- ностями, пытаясь встать на ноги, Филимон подошел и пнул его еще раз, но уже так, слегка, просто для усиления пси- хологического эффекта. Молодой человек взвизгнул и, про- скользив пару метров по начищенному блестящему паркету, испуганно начал озираться вокруг себя.

– Вставай, чего разлегся. У тебя гости, а ты лежишь.– Ска- зал Филимон, снова подходя к тихонько подвывающему на полу владельцу квартиры. Парень поднял трясущуюся голо- ву, с расширившимися от страха глазами.

– В-вы к-кто? Ч-что в-вам н-нужно?– трясясь всем телом, и сильно заикаясь, спросил негостеприимный хозяин.

Филимон улыбнулся.

– Я никто. Мимо проходил. Думаю, дай зайду в гости к такому приятному молодому человеку. Пообщаюсь, побол- таю о том, о сем.

Парень, продолжая подвывать и всхлипывать, наконец, поднялся. Дрожащими руками он достал из кармана брюк внушительный бумажник и протянул своему страшному го- стю.

– В-вот. В-возьм-мите. Б-берите, ч-что х-хотите,– щедро предложил добрый юноша, не престаая всхлипывать и по-

скуливать как маленький щенок.

Филимон пристально посмотрел на него. Взглянув в страшные глаза своего неожиданного гостя, молодой человек съежился и завыл, размазывая рукой слезы и сопли.

– Сейчас я заставлю тебя сожрать этот бумажник вместе с его содержимым, мелкая тварь.– Пообещал Филимон.– Привык, что своими деньгами можешь откупиться от чего угодно. Деньги же они все решают. Так ты считаешь?– рявкнул Филимон. Молодой человек подскочил и завыл еще сильнее, на его лице было выражение ужаса.

Филимон молча смотрел на него, давая ему время, по сильнее прочувствовать тот кошмар, в котором, он совершенно неожиданно очутился. Наконец, баловень судьбы, сын Большого человека не выдержал.

– Ч-что вы хотите? Ч-то вам н-нужно?– умоляюще проскулил он.

– Мне нужно, что бы ты, мразь, сейчас сел вон за тот стол.– Филимон кивнул на огромный письменный стол, видневшийся в дверном проеме одной из комнат. – И написал чистосердечное признание обо всех своих подвигах.

Молодой человек как зачарованный смотрел на незнакомца. Он даже ненадолго перестал дрожать. Только всхлипывал время от времени как наплакавший ребенок.

– О каких подвигах?– почти шепотом спросил он. Как будто это была их общая тайна, и он опасался, что еще кто-нибудь о ней услышит.

– О тех подвигах, гнида, которыми ты разрушаешь чужие жизни, влезая в них своими мерзкими вонючими руками.– Сказал Филимон и, ухватив своего собеседника за шиворот, поволок его к письменному столу. Молодой человек снова затрясся и снова принялся скулить и громко всхлипывать. Филимон швырнул его в шикарное крутящееся кресло, обтянутое натуральной кожей. Юноша вжался в спинку, прикрывая голову руками. «Ну, что за м..к?»– брезгливо глядя на скорчившегося на сидении парня подумал Филимон. На столе в специальном лотке лежала явно очень дорогая бумага. Зачем она была нужна владельцу квартиры и самого стола, Филимону было непонятно. Явно сей представитель золотой молодежи последний раз в своей жизни писал, еще учась в школе и то только похабные слова на стенах школьных коридоров. Но бумага была как нельзя кстати. Филимон облегчил задачу трясущемуся хозяину всей этой шикарной обстановки. (Куда ни глянь, все было очень, очень дорогое. Ручная работа. Естественно все только натуральное. Это ж представить невозможно, что бы молодого говнюка, окружала какая-нибудь синтетика или, не дай бог, ДСП). Взяв пачку бумаги Филимон сунул ее под нос богатенькому Буратине.

– Пиши урод. И останешься жить.– Предложил Филимон небогатый, но очень понятный выбор.

Парень затряс головой, подтверждая, что он всегда готов сотрудничать. Боязливо оглянувшись, и покосившись на Филимона, он плаксиво спросил:

– Вы меня не убьете?

Филимон улыбнулся.

– Конечно, ублюдок, я тебя не убью,– почти ласково сказал он.– Ты напишешь то, что мне нужно и я уйду, а ты будешь дальше разрушать судьбы ни в чем не повинных людей, живя своей бессмысленной никчемной жизнью паскудной падали.

Он вставил в трясущуюся руку золотой «Паркер» и сел на край стола, наблюдая за новоявленным сочинителем немигающим взглядом. Ручка мелко дрожала в непослушных пальцах. Молодой человек взял лист бумаги и в нерешительности застыл. Видимо со времен, когда он писал матерные слова на школьных стенах, он подзабыл, как вообще это делается.

– Пиши!– рыкнул на него Филимон. Возможно, ему стоило бы стать педагогом, потому, что трясущаяся рука забегала по бумаге, выводя корявые, но вполне читаемые буквы.

Филимон спрыгнул со стола и подойдя к разошедшемуся писателю положил руку ему на плечо. Тот вздрогнул, втянув голову в плечи. Рука замерла над бумагой.

– Меня интересует все, что ты сделал уже после того как перестал подглядывать за учительницей в школьном туалете. То есть младенчество и учебу в школе можешь пропустить, хотя не сомневаюсь, что ты и тогда был мерзкой маленькой паскудой.– Филимон наклонился и приблизил лицо почти вплотную к бледному лицу с выпученными от страха глазами.– И еще. Ты должен написать про все свои делиш-

ки. Не советую пропускать, что-то. И ты подробно напишешь про участие твоего папаши в каждом из этих эпизодов твоего богатого жизненного пути. Ты понял?

Молодой человек замер, глаза его еще сильнее расширились, рискуя и вовсе покинуть глазницы.

– Я не могу, – прошептал он. – Он меня убьет. Он может. Он обещал.

Филимон сжал его плечо.

– Поверь. Даже самый равнодушный отец, ненавидящий своего сына не сделает с тобой того, что сделаю я. – Он слегка кивнул, как бы говоря, можешь даже не сомневаться, мне можно верить.

Парень тоненько протяжно завыл. Филимон хлопнул его по плечу.

– Пиши, время-то идет, а тебе еще писать и писать. И учти, если ты чего пропустишь или мне не понравится, как ты написал, и я решу, что ты что-то скрыл, это будет стоить тебе пальца. Каждый раз когда ты напишешь неправду, а я это сразу пойму, будь уверен, я буду отрезать тебе по пальцу. Но ты не волнуйся, я буду отрезать их с левой руки, так, что писать ты сможешь.

Спустя два с половиной часа Филимон бегло просмотрел каракули новоявленного драматурга. Тут было много всего, гораздо больше, чем в милицейских отчетах, найденных Филимоном. Тут присутствовало и групповое изнасилование, и

жестокое избиение, и разгром дома ветеранов и еще по мелочи, вандализм, хулиганство и т.д. Если бы автора этих строк, привлекли к ответственности за все, что он натворил, то его закрыли бы на зоне до конца жизни и еще осталось бы полсрока не отсиженных.

– У меня остался один последний вопрос.– Обратился Филимон к хозяину квартиры, находящемуся уже в состоянии, близком к психическому расстройству.

– Зачем нужно было убивать Сергея Кречетова, которого и так уже осудили за твое преступление?

Как бы ни плохо на этот момент соображал хозяин квартиры, он все же понял, что тот мужик с места аварии чем-то важен для его страшного гостя. Он испуганно покосился на своего мучителя. Тот смотрел очень пристально и его холодные глаза сейчас напугали юного мерзавца еще сильнее, чем за все время прошедшее с того момента как его жизнь этой ночью превратилась в один сплошной кошмар. Эти глаза были безжалостны, в них притаилась смерть, причем его смерть.

Молодой человек попятился назад. Лицо задергалось, слезы покатались из глаз. Он тихо-тихо заскулил.

– Скажешь правду, и я оставлю тебя в живых.– Сказал Филимон.

– Я ...– молодой человек облизал пересохшие губы. Может правда он его не убьет, может он не обманывает. Мамочки! Как же страшно.

Филимон с ужасом наблюдал как по брюкам, сшитым где-нибудь в Милане в одном из дорогих модельных домов, растекается темное пятно. «Вот е...й урод!»— с отвращением глядя на жалкую трясущуюся фигурку, ставшего даже как будто меньше ростом молодого мерзкого гаденьша, выругался Филимон.

— Быстро говори тварь!— заорал он, чувствуя как к горлу подкатывает тошнота.

— Я видел его в ночном клубе, он там расспрашивал про ту ... Про ту девушку, которая погибла.— Выпалил обладатель слабого мочевого пузыря и зажмурился. Никто его пока не убивал. И он рискнул открыть глаза. Страшный мужик стоял на прежнем месте и, как и прежде, внимательно смотрел на него.— Я боялся, что он меня вспомнил. Он прямо на меня посмотрел, когда проходил мимо.— Очень тихо закончил он, уже приготовившись, что сейчас придет его конец.

Филимон глубоко вздохнул.

— Он тебя даже не видел на дороге, мразь ты поганая.— Устало сказал он.

Подойдя к вдавшему в оцепенение от переизбытка эмоций и адреналина юнцу, Филимон сказал:

— Если я узнаю, что благодаря тебе пострадал еще хоть один человек, я вернусь, и перед тем как убить тебя отрежу все твои причиндалы, и пока ты будешь истекать кровью, заставлю их сожрать. И ты будешь жрать и говорить, что ничего вкуснее в жизни не ел.

Филимон размахнулся и ударил своим страшным кулаком, которым мог сломать доску и разбить кирпич в перекошенное от ужаса бледное лицо. Хрустнул сломанный нос. Кровь хлынула на дорогую шелковую рубашку. Сын Большого человека отлетел назад и свалился на спину, перебирая руками и ногами, в попытке убежать, спастись, скрыться.

– Живи и помни, что я тебе сказал!– Филимон сплюнул на блестящий паркет.

С утра Филимон встретился со знакомым журналистом и передал ему отксеренные признания и материалы по делам, связанным с его вчерашним новым знакомцем.

Еще один комплект документов он отправил в отдел внутренних расследований полиции.

Они сидели в сквере на лавочке. В другом сквере, не в том, что в прошлый раз. В том было слишком много тяжелых воспоминаний.

– Я нашел его.– Сказал Филимон.– Нашел того кто...– Филимон не знал как сказать, не затрагивая самого больного.– Того из-за кого погибла та девушка на дороге.

– Хорошо.– Вера посмотрела на Филимона. – Его посадят?– ей было, в общем-то, все равно. Теперь от этого уже ничего не изменится. Но нужно было, что-то сказать. Филимон старался. Он сделал все, что мог ради дружбы длившейся всю жизнь.

– Не думаю,– сказал Филимон.– Наверяд-ли захотят ворошить прошлое. Дело-то закрыто.

Она кивнула.

– Мне предложили работу. Одно иностранное архитектурное бюро. Я продаю дом и уезжаю с ребятами. – Сказала она.

– Надолго?

Она пожала плечами.

– Не знаю. Я хочу уехать. От всего этого и от самой себя.– Она повернулась к нему и тихо сказала.– Знаешь, я все время думаю. Если бы мне дали еще один день. Хотя бы один день.

Он бы с радостью дал ей один день. И еще много-много дней. Но он не мог. И никто не мог.

Они немного помолчали, думая каждый о своем .

– Вера, я очень хочу, что бы ты была счастлива.– Сказал Филимон. Она пожала плечами.

– Я уже была счастлива. Этого достаточно.

Она посмотрела в его холодные голубые глаза и улыбнулась. На секунду Филимона снова ослепил этот чудесный свет, исходящий из ее глаз. А потом свет погас. Наверное, уже навсегда. Волшебник ушел, и волшебство потеряло свою силу. Перед ним сидела обычная женщина. Такая, на которой он мог бы жениться много лет назад , любить ее, носить на руках. Конечно, до тех пор, пока не познакомил бы ее со своим другом Серегой. Потому, что после этого она сразу

побежала бы за ним, а он Филимон, остался бы с разбитым сердцем. Он усмехнулся своим дурацким мыслям. Маленькая рука легла на его руку.

– Удачи тебе, Дима.– Казала она и пошла к выходу из сквера. А он еще долго смотрел ей вслед. Вслед своей несбыточной мечте. Своей несбывшейся любви.

Никакого расследования не было. Слишком много тайн и не нужных фактов могло выйти на поверхность. Слишком много влиятельных людей могла зацепить и потащить за собой эта история. Статья в газете тоже вышла без указания каких-либо имен. Просто история о богатом папенькином сынке, который творит все, что ему вздумается, а папаша его прикрывает.

Опасаясь какого-нибудь неожиданного несчастного случая, который вполне мог теперь с ним произойти после появления опасной для многих информации, Большой человек, по-тихому, оставил свой пост и уехал вместе со своим отпрыском за рубеж. Здесь стало слишком беспокойно.

Филимона вызвало на ковер высокое начальство, намекнуло, что не следовало ворошить осиное гнездо, так и со службы можно вылететь без пенсии. Филимон намеков не любил и потому прямо изложил, кто и куда может засунуть себе и службу и пенсию. Начальство по возмущалось, поролало, даже по угрожало. Но, в конце концов, решило, что проще и безболезненнее будет отправить, вышедшего из под

контроля, полковника Филимонова в отставку, с положенной ему за выслугу лет и имеющиеся перед Родиной заслуги пенсией.

Выйдя в отставку, Филимон уехал к себе в деревню. Он наелся за эти годы столичной жизни и службы в правоохранительных органах по горло. Хватит с него.

2013г.

Прожив в деревне два года, Филимон все чаще и чаще подумывал о возвращении в столицу. Он прожил в Москве половину своей жизни. И сейчас, пресытившись тишиной и покоем деревенского существования, где все про всех знают, где каждый у всех как на ладони, ему снова захотелось раствориться в равнодушной толпе, ничего друг о друге не знающих и ни чего не желающих знать людей. Захотелось этого вечно не смолкающего гула улиц полных машин, этого бешеного ритма жизни, присущего всем большим городам. Филимона давно приглашали разные охранные агентства. Даже звали наставником для подготовки бойцов спецотрядов. И он уже окончательно решил, что через некоторое время все же уедет из деревни и поедет в Москву.

Лениво развалившись на диване и размышляя о том, какое из предложений о работе лучше принять, Филимон, от нечего делать, включил телевизор. Показывали очередной выпуск новостей. Ничего важного не происходило, и чтобы заполнить отведенное под программу эфирное время пока-

зывали все, что видимо, попало под объективы журналистов в отсутствие чего-то стоящего. После очередной, ни кому не нужной и ни кому не интересной новости на экране крупным планом возникло лицо ведущей с идеальными чертами, которых не бывает у настоящих живых женщин. Глаза ее смотрели тревожно. Их наполняла печаль и сочувствие.

– Вчера на улицах одного из городов Италии разыгралась настоящая трагедия с участием одного из наших соотечественников, в настоящее время проживающего в этой стране.– Печально с, некоторой долей возмущения в голосе, сообщило идеальное лицо своими идеальными губами.– Молодой человек, сын бывшего высокопоставленного чиновника и бизнесмена, подвергся зверскому нападению со стороны подданного одного из европейских государств. Наш соотечественник получил несколько ножевых ранений, а также травмы лица, головы и несколько переломов рук и ног. Нападавшему удалось скрыться. В настоящее время Итальянская полиция ведет поиски преступника. Пострадавший молодой человек находится в критическом состоянии в одной из частных клиник страны.– Голос дикторши дрожал, даже глаза подозрительно заблестели, видимо она так сочувствовала несчастному пострадавшему молодому соотечественнику, что еле удерживала идеальные слезы в своих идеальных глазах. После этого, видимо, что бы уж вся страна зарыдала, пусть и не идеальными, а самыми обычными слезами, мелькнуло несколько кадров. Пострадавшего на катал-

ке везут к скорой, и в это время медработник надевает на окровавленное лицо кислородную маску. Далее пошла другая уже веселенькая новость о празднике пчеловодов и дикторша, мигом взбодрившись и забыв о страшной трагедии, почти доведшей ее до слез, уже вещала, радостно улыбаясь и сверкая веселыми глазами какой чудесный праздник удалось провести в этом году.

Филимон смотрел на экран, уже не слушая и не замечая повеселевшую дикторшу. И эта и предыдущая новость и вообще все, что были в программе, были абсолютно ни кому не нужны. Но сегодняшней выпуск вышел в эфир не зря. Одного благодарного зрителя бессмысленная программа нашла. В промелькнувших кадрах, несмотря на изуродованное лицо залитое кровью Филимон безошибочно узнал человека, на которого было совершено зверское нападение. Он узнал бы это лицо, даже если бы его показали только под кислородной маской. Филимон достал из шкафа бутылку водки и налил себе пол стакана.

– За тебя!– вытянув руку и приподняв стакан сказал он обращаясь к экрану телевизора. Он выпил залпом, и широкая улыбка озарила его суровое лицо.

Филимон не знал, нападавший был сам таким же точно подонком как и окровавленный человек на каталке скорой, и они просто, что-то не поделили в своих грязных, темных делишках. А может быть, он был одним из тех, кого судьба столкнула с сынком богатого папаши. Одним из тех, чья

жизнь оказалась поломана и искалечена, стараниями того, кто теперь боролся за жизнь, лежа на больничной койке в далекой стране. Филимону было абсолютно наплевать на это. Он пил за неизвестного ему иностранного подданного, даже имени которого он никогда не узнает. Он пил за совершенно не знакомого чужого человека, потому, что в данную минуту он ему был ближе, чем родной брат.

Эта история была закончена. Пора было перевернуть страницу и идти дальше, не оглядываясь назад . Филимон был не из тех, кто любил копаться в прошлом, перечитывая вновь и вновь страницы прошедших дней. На какое-то мгновение перед ним возникло смеющееся женское лицо. И затем исчезло, растворилось. Филимон улыбнулся. Все закончилось. Наконец он был свободен.

Если бы, что-то произошло не так, если бы хоть, что-то изменилось и пошло по-другому, может быть, все сложилось бы иначе?

– Ковальская, ну чего ты не хочешь прийти?

– Отстань, Вов. Сказала же, я не пойду.

– Да ладно тебе. Посидим как интеллигентные люди, потанцуем. Будет весело.

– Володь, отстань.

– Так чего, не придешь?

– Нет.

– Зря. Потом будешь жалеть. На старости лет, будешь морщинистой старушенцией, захочешь чего-нибудь вспомнить интересенькое, а вспомнить-то и нечего, всю жизнь профукала.

– Ой, девушка, извините!

– Ничего.

– Здорово, Серега! Ты чего, Верку чуть не зашиб. Она теперь из института будет бояться на улицу выйти. Так и будет под дверями сидеть. Вдруг еще один шкаф на нее налетит. Вера! Ковальская! Постой. Иди я тебя с другом познакомлю. Он тебя просто не заметил, мелкая ты очень.

– Сергей. Извините, я не хотел, задумался.

– Вера. Да ничего страшного, все в порядке.

– А не пойти ли нам, друзья мои, куда-нибудь посидеть. Пообщаемся, поболтаем. Поближе познакомьтесь. Серега, Верка не хочет на вечеринку приходить. Уговори ее. Пригрози, что если не пойдет, будешь каждый день на нее бросаться, пока совсем не раздавишь.

Или в нашей судьбе все заранее предрешено и как ни пытайся, как ни сворачивай в ту или иную сторону, все равно в конечном итоге ничего не изменится. Все будет именно так как предназначено нам где-то там наверху. Кто знает.

Часть IV

ДЕРЖИ МЕНЯ ЗА РУКУ

Инстинкт самосохранения птиц свободного полета.

Вован.

Джиган . Держи меня за руку.

Держи меня за руку и не отпускай меня,

Вместе ведь до конца мы будем с тобой, всегда.

Держи меня за руку и ближе ко мне прижмись,

Ты – сердцебиение, ты – вся моя жизнь.

Не молчи, если любишь,

Не говори никогда пустых слов.

Сам себе не простишь, если упустишь,

Борись до конца за свою любовь.

В мире среди миллиардов судеб,

Среди всех дорог и тысяч городов —

Она одна на миллион там будет,

Та самая из твоих заветных снов.

Ты узнаешь её по взгляду,

В её глазах бездонный океан.

Быть рядом с ней – это всё, что так надо.

Она реальна, не самообман.

.

16.03.2013г.

Закончив ежедневные три круга вокруг парка, мужчина перешел на шаг, делая глубокие вдохи и выдохи, пытаясь восстановить дыхание, после быстрого бега. Впереди был пруд, с лавочками расположенными вдоль берега. Летом эти лавочки были заняты мамами с колясками, пенсионерами, подкармливающими толстых воркующих голубей хлебными крошками и юными влюбленными, вокруг которых носились шумные стайки вопящих и хохочущих детей постарше, которые уже успели покинуть коляски, и самостоятельно передвигались, с завидной ловкостью проскакивая между сидящими и идущими посетителями парка. Сейчас, холодным мартовским утром, когда вдоль дорожек то тут то там еще лежали посеребрившие рыхлые снежные сугробы и ледяной ветер пронизывал до костей, посетителями парка были лишь несколько бегунов. Озабоченных здоровым образом жизни

сильнее, чем неприятной погодой. Да счастливые владельцы собак, вынужденные выгуливать своих четвероногих друзей минимум два раза в день, не взирая, на любые метеоусловия.

После своего сорока четырехлетия Владимир Родионович Телянин, решил, что пришло время заняться собой. Не мальчик уже. Хотя Вован, по-прежнему был бодр, и энергия была через край. А благодаря доставшимся ему от отца генам, он не был склонен к полноте и раннему старению. Все же он решил, что утренние пробежки и пара часов в неделю, проведенные в спортзале, не помешают.

Вован уже почти дошел до пруда, когда с удивлением заметил на одной из лавочек маленькую фигурку. Кого интересно принесло в такую холодину в восемь часов утра полюбоваться местным пейзажем, совершенно не выразительным в это время года?

Пройдя еще десятка два шагов, Вован еще раз с любопытством взглянул на скамейку, занятую единственным праздным посетителем парка. И неожиданно, подскочило, и радостно забилось сердце в груди, и широкая улыбка расплзлась по усыпанному веснушками лицу. Плюнув на только-только восстановленное дыхание, он во весь дух припустил вперед.

– Ну, что приперлась, Ковальская? Не усидела в своих заграницах? Я так и знал, что от тебя не избавишься. Только-только думаю, вот она нормальная жизнь началась и... – подходя к скамейке громко говорил Вован .

Сидящая на скамейке женщина обернулась. Колыхнулись темные волосы. Перед ним было совершенно незнакомое женское лицо. Взгляд карих с золотистым отливом, как у кошки глаз, был насмешливым. Улыбка тоже была насмешливой и даже немного снисходительной.

– Извините, что разочаровала.– Усмехнулась незнакомка.– Я, конечно, приперлась, но я явно не та за кого Вы меня приняли. Не хотела Вас расстраивать, поверьте.

Женщина несколько надменно и в то же время с любопытством рассматривала замершего в нескольких шагах от нее мужчину, с глупым и немного по детски обиженным выражением на лице. Его широкая улыбка медленно исчезала, но постепенно, по мере того как незнакомец все же взял себя в руки, вместо нее появилась нагловатая ухмылка, в которой все же можно было разглядеть остатки разочарования и обиды. Вечный мальчик, который не в силах принять то, что он уже взрослый. Такой тип мужчин был хорошо ей знаком. Они скрывают свои комплексы за напускной наглостью, за нескончаемой бравадой. Только этот отличался от остальных, тем , что никаких комплексов он не скрывал. Он явно ими и не страдал никогда. Просто такой склад, данный ему от природы, а не маска за которой прячутся все остальные, похожие на него. Любопытный экземпляр!

– Да ничего.– Сказал Вован. Он чувствовал раздражение, и даже злость. Чего он вообще так обрадовался? Подумаешь Ковальская. Да сто лет бы он ее не видел. И эта надменная

самка, сидящая в холодном парке на скамейке рано утром и насмешливо его разглядывающая, как редкое насекомое. Она тоже раздражала его. Он вообще терпеть не мог карих глаз у женщин. А этот янтарный отлив, как будто кошка, которая увидела мышь и размышляет, стоит ли протянуть лапу и ухватить ее когтями или пусть бежит себе спокойно, а ей и так хорошо и лень делать лишние движения ради бесполезной жалкой твари.— Я не расстроился. Просто принял Вас за одну особу. Она мои фамильные драгоценности украла. Вот думаю, повезло, сейчас она у меня попляшет, вернет все как миленькая. Ну, ничего, наша полиция и Интерпол уже идут по ее следу. Дай бог, найдут.

«Вот идиот!»— почти восхитилась незнакомка.

— Так, что Вы тут поосторожнее.— Посоветовал Вован.— Тут, знаете, народу полно всякого ходит. Глаз да глаз нужен. Так и норовят обобрать или еще чего похуже.

Махнув рукой незнакомке, Вован продолжил путь вдоль пруда, по направлению к своему дому.

— Володя! — Алина Николаевна выглянула с кухни. — Ты завтракать будешь?

— Да сейчас, мам! Душ приму.— Крикнул Вован. Есть ему не хотелось, но и обижать мать тоже не хотелось. У нее не так много радостей в жизни осталось. Возраст уже не маленький, внуками ее Вован так и не соизволил осчастливить. Отец Вована, Родион Петрович, несколько лет назад умер от инфаркта.

та. И Алина Николаевна пережила его уход намного тяжелее, чем можно было предположить. Буквально сдала на глазах, как будто потеряла разом жизненный стержень. И теперь единственной радостью и смыслом жизни для нее была неустанная забота о своем великовозрастном сыне, который так и не обзавелся собственной семьей и теперь уж наверняка и не обзаведется. «Нужно ей собаку подарить»— подумал Вован. Он прошел в свою комнату за чистой футболкой. Он все еще продолжал злиться, сам не зная на кого, на Веру, на себя, на незнакомку с глазами кошки или вообще на жизненную несправедливость и бессмысленность.

Два года назад Вован даже не предполагал, что будет так скучать по подруге юности. По мальчишкам, которые были для него, если и не как собственные дети, то, по крайней мере, как любимые племянники немного эксцентричного дядюшки. Вован злился и обижался, что Вера уехала. Уехала от того, что произошло, от себя, от своей боли. Нет, боль она увезла с собой, что бы справиться с ней там, далеко от дома, в новом месте, где ни что не будет ежесекундно напоминать о случившемся. После гибели лучшего друга, мужа Веры Ковальской, Вован чувствовал себя сломленным, раздавленным, как будто у него вырвали кусок сердца. Как будто его лишили части собственной жизни, части его души. Он понимал, что та боль которую испытывает Вера еще сильнее, что ей тяжелее чем ему в десять, а может в тысячу раз. Кто знает, как измерять боль от потери? Вован понимал, что не

прав, что его обида глупая и эгоистичная и от этого злился еще сильнее. На себя, на Серегу, на Веру, на весь мир. На всю эту чертову несправедливую, неправильную, мерзопакостную жизнь, которая забирает самое лучшее, самое дорогое, оставляя взамен ничего незначашее и никому не нужное. Вера много раз звала его приехать. Повидать мальчишек, навестить ее. Но Вован каждый раз отказывался. Говоря, что занят, находя всякие дурацкие отговорки, упрямо предлагая ей самой приехать в Москву. В конце концов, его мать, Алина Николаевна, страшно соскучившись по близким и дорогим, Верочке и ее мальчикам, отправилась к ним в гости.

– Не понимаю, чего ты не хочешь поехать?– Спрашивала она сына.– Я же вижу, как ты скучаешь. Сережу уже не вернешь. Верочка правильно сделала, что уехала. Здесь ей было слишком тяжело. Даже хорошо, что ей тогда предложили эту работу.

– Да ничего я не скучаю. Вот еще! С чего ты вообще это выдумала. Надо будет, сама приедет. А у меня работы, между прочим, полно. Некогда мне по всяким там заграницам разъезжать. Я может патриот. Не то, что некоторые.– Упрямо заявил Вован. Алина Николаевна неодобрительно покачала головой.

– Ну и сиди тут. А я поеду. Проведаю Верочку и ребят. Они же, все равно, что родные нам. У тебя ни семьи, ни детей. Ты так до конца дней собираешься один прожить?

– И, что? Ты думаешь, я очень переживаю, что никто не пилит меня с утра до вечера, и никто не пытается разобрать мой компьютер на тысячу частей, вопя при этом: «Папа, папа! А вот этот провод для чего здесь нужен?». Нет! Уверяю тебя, что я вполне прекрасно себя ощущаю, и я вполне самодостаточная личность, чтобы не нуждаться в няньке завязывающей мне галстук и указывающей, куда мы едем в отпуск и сколько бутылок пива мне можно взять из холодильника.— Вован гордо посмотрел на мать. Видя, что она не собирается зайтись от восторга от его самодостаточности и самостоятельности и закричать: «Конечно, сынок! Ни какая жена и дети тебе не нужны. Ты как всегда прав. Они отравят твою счастливую наполненную глубоким смыслом жизнь милого самовлюбленного эгоиста»— Вован фыркнул.— Да поезжай, поезжай. Вот увидишь, как тебе через три дня все надоест, и ты сама захочешь домой.

Алина Николаевна прогостила у Веры полтора месяца и вернулась помолодевшая и счастливая. На рассказы матери о том, как чудесно она съездила, как рада была повидать всех, и как хорошо они провели время, Вован заявил:

– Конечно, разве ты признаешься, что там была скука смертная, вы все друг другу надоели до чертиков и ты, только из вредности и назло мне проторчала там больше месяца.

На самом деле Вован жалел, что не поехал. Но признать это, признать, что скучает, означало сдаться. Означало перестать дуться и обижаться. А ему необходимо было винить

кого-то, пусть даже и Веру, в том, что он остался один. Потому, что это помогало преодолеть боль, помогало заполнить образовавшуюся в душе пустоту. Только сейчас, почти два года спустя, боль понемногу утихла и начала превращаться в ноющую, не заживающую рану. Но все же стало легче. Вован перестал ловить себя на том, что после какого-нибудь интересного или забавного события в его голове непроизвольно возникала мысль: «Надо Сереге рассказать! Во посмеемся, это же надо такое...» или «Сергея вообще обалдеет, надо будет вечером звякнуть...». Каждый раз после этих мыслей, появлявшихся в голове по привычке, как рефлекс, выработанный на протяжении многих лет, становилось ужасно тошно и появлялось ощущение, что в глаза сыпанули песка. Постепенно Вован научился одергивать себя сразу же, как только мысль только еще начинала формироваться в мозгу. Но совсем отучиться от этой, ставшей ему ненавистной привычки, удалось только недавно. И вот сегодня дурацкая встреча в парке, когда он, обознавшись, принял за Веру незнакомую женщину, всколыхнула в нем почти уснувшие воспоминания. Все накатило по новой. Может и ненадолго. Но это очень больно. Он не хочет этого. В большом зеркале прихожей отражалась спальня матери, бывшая их с отцом спальня. На тумбочке возле кровати лежал альбом с фотографиями. Вован прекрасно знал, что это фото Сергиной семьи. Веры, детей, самого Сергея. Там они все вместе или по отдельности. Дома, на отдыхе, с друзьями. Мать часто смотрела его.

Вздыхая, вспоминая прошедшие счастливые дни, когда все были счастливы, когда жизнь еще не изменила их всех раз и навсегда. Алина Николаевна гладила рукой картинку из прошлого, проводила дрожащими пальцами по изображениям дорогих любимых лиц, смахивая слезы, грустно вглядываясь сквозь время, в прошедшие невозвратимые дни. Вован не понимал, зачем изводить себя, но видимо матери было так легче. Видимо она старалась хоть ненадолго вернуться туда, где все было хорошо, пусть даже только мысленно. Оглянувшись на кухню, Вован воровато прокрался в спальню и взял в руки альбом. Он ни разу не заглянул в него с момента трагедии. Постояв несколько секунд, размышляя, о том стоит ли вообще это делать, он все же открыл альбом где-то на середине. Серые глаза и широкая улыбка. Коротко стриженные темные волосы. Радостно улыбаясь, с фотографии на Вована смотрело лицо друга. Рядом фотография, где Сергей смеется, держа Веру на руках. Она тоже хохочет, запрокинув голову назад. Оба они такие счастливые. Вован вспомнил, какие мертвые у Веры были глаза во время похорон. Ничего не осталось в них от этой хохочущей на руках у своего мужа женщины. Вован со злостью захлопнул альбом. К черту эти дурацкие фотографии. Зачем их вообще придумали. Что за глупость пытаться сохранить прожитые мгновения жизни. Ничего нельзя вернуть. Можно только бесконечно вздыхать над прошлым, ковыряя и ковыряя старые раны, как изощренная разновидность мазохизма. Что бы уж мож-

но было в любой момент, пойти и насладиться собственными мучениями по новой. Вован быстро вышел и из материнской спальни и прикрыл за собой дверь, что бы полностью отгородиться от проклятого альбома с его содержимым.

Сергея сидит на корточках, вытянув руки вперед. Маленький Сеня, неуверенно переступая крошечными ножками, идет к отцу, делая первые свои шаги. Сергей, радостно смеясь, подхватывает сынишку на руки.

– Молодец сынок! Ты у меня уже совсем большой и такой же красивый как мама.

– Ага, и походка, точь в точь мамина. Она тоже так своими ножками перебирает, такая же косолапенькая. – Комментирует Вован. Сергей, смеясь, целует сына в макушку.

– Дядя Вован шутит. Мама у нас самая красивая, мы-то с тобой знаем. Вот дядя Вован повзрослеет, влюбится. Потом у него тоже будет такой карапуз. А потом вы вырастаете, а мы с дядей Вованом будем уже старые. Будем смотреть на вас и радоваться. Какие у нас замечательные дети. И какая жизнь замечательная.

Не замечательная жизнь и не будут они радоваться. Еще и в глаз чего-то попало и щиплет теперь...

Наскоро проглотив, показавшиеся ему сегодня безвкусными как картон, сырники, Вован отправился на работу.

Войдя в здание архитектурного бюро, в котором он сов-

мещал почетные роли владельца и генерального директора, Вован поднялся на второй этаж и, войдя в собственную приемную, обнаружил там юную секретаршу Лизу, хлюпающую носом, и даже, кажется, украдкой утирающую слезы. Лиза была новенькой. Работала всего недели две и к своему довольно необычному и оригинальному шефу еще не привыкла. Старая секретарша Лариска, вполне освоившаяся с таким начальником как Вован, к сожалению, оказалась не такой уж старой. И ушла в декрет, бессовестно бросив Вована наедине с робкой и пугливой, как молодая лань новой сотрудницей.

Посмотрев на заплаканное расстроенное лицо девушки, Вован проявил чуткость и спросил:

– Что случилось? Кто-то из сотрудников помер?

Лиза испуганно покосилась на начальника.

– Владимир Родионович! Я, кажется, ксерокс сломала.— Она тихонько всхлипнула, в ожидании страшного начальничьего гнева.

Вован пожал плечами.

– Делов-то, чего не знаешь чего делать?

Лиза, немного успокоенная тем, что начальник не орет и не топает ногами, помотала головой и, устремив печальный, но полный надежды взгляд, на Великого и Ужасного гениального архитектора, замерла, готовая внимать мудрому совету последнего.

– Идешь в снабжение. Берешь там инструменты и инструкцию, которая к ксероксу прилагалась и возвращаешься

сюда. Разбираешь эту бандуру и согласно инструкции устранишь все неполадки. Потом, когда починишь, собираешь все обратно. Легче легкого, я всегда так делаю когда мой, там, в кабинете, ломается.

Лиза издала звук похожий на тоненькое подвывание.

– Да ладно, Лизок. Владимир Родионович шутит.– Ободряюще сказал Гришка Распутин, ведущий архитектор бюро, вошедший в это время в приемную. Гришка метнул укоризненный взгляд на Вована.– Вон на стене список телефонов на все случаи жизни. Видишь? Там телефон техподдержки есть. Вызываешь мастера, и он тебе за пятнадцать минут все починит.

Лиза с благодарностью посмотрела на Гришку.

– Да? А я всегда сам мучаюсь.– Снова пожал плечами Вован. Проигнорировав очередной сердитый взгляд ведущего архитектора, Вован ворчливо сказал.– Мог бы и мне сказать. А то, что я время трачу на всякую ерунду?

– Володь. Мне тут пару бумаг тебе нужно показать,– сказал Гришка, увлекая начальника в его кабинет, пока он не успел снова напугать, только-только начавшую приходить в себя юную впечатлительную особу.

– Володь. Ну, ты вообще! Чего хочешь, что б девчонка совсем рехнулась со страху. Она ж тебя боится как огня. Чего ты ее доводишь? Не все же такие стойкие как мы с Лариской.– Набросился Гришка на ухмыляющегося Вована, как только дверь в кабинет закрылась, и Лиза уже не могла слы-

шать разговор двух руководителей. Одного доброго и милого и второго, к сожалению ее собственного, совершенно непонятного и приводящего ее в постоянный трепет.

– Ой, да ладно! Я же пошутил, не понятно, что ли? Молодежь пугливая пошла. Прямо слова не скажи. Да о таком начальнике мечтать можно. Другой бы наорал и пригрозил из зарплаты ремонт ксерокса вычесть. А я хотел ее подбодрить, шуткой, так сказать.– Отмахнулся Вован, совершенно не понимая, в чем вообще проблема.

– Шутник! Ты так когда-нибудь своими шутками точно кого-нибудь до инфаркта или до нервного срыва доведешь.– Пообещал Гришка.

– Ладно, хватит нудить. Сотрудников вон своих иди, учи. Обленились все, никто работать не хочет. Отдываюсь тут за всех,– вяло огрызнулся Вован. – Давай свои бумажки. А то взяли моду учить тут меня кому не лень. Устрою вам веселую жизнь, возьмусь за вас, бездельников, тогда сразу поймете, что веселый начальник намного лучше, чем злой. И вообще, я решил сегодня вплотную заняться делами. Тащи сюда все новые договора и проекты. Будем их просматривать. Так и быть поработаю сегодня на вас дармоедов и бездельников.– Великодушно заявил Вован, развалившись в кресле и закинув ноги на стол. Ведущий архитектор усмехнулся и удивленно посмотрел на работающего начальника. У Вована редко возникало желание возиться с бумажками, обычно это благодарное дело он поручал сотрудникам. Видимо сего-

дня был какой-то особый день, что-то там щелкнуло и переключилось в начальничьей голове, а может просто такая причуда сегодня у непредсказуемого Владимира Родионовича. С ним никогда не знаешь, что может взбрести в его талантливую, но совершенно не поддающуюся никаким законам логики и здравомыслия голову. Гришка пожал плечами и пошел к двери за бумагами.

– Слушаюсь, мой генерал!– бросил Гришка, уже выходя в коридор.

Весь день и до позднего вечера они разбирали все спорные вопросы, все хоть мало-мальски вызывающие сомнения моменты. И у Гришки, когда он взглянул на часы и увидел, что время приближается к одиннадцати, закралось подозрение, что директор по какой-то непонятной причине, просто не хочет ехать домой и тянет время. Они оба уже так устали за двенадцать с лишним часов, действительно работы, что последний час был вообще не продуктивным, время было потрачено зря, так как голова уже ни у того, ни у другого не варила. Продержав, покорно отдавшего себя на волю судьбы, Гришку еще час, Вован наконец-то покинул кабинет. Приехав домой, он рухнул в постель и сразу заснул, без каких-либо ненужных раздумий или воспоминаний, чего он, собственно говоря, и добивался, едва не угробив, при достижении своей цели самого ценного своего сотрудника.

Апрель 2013г.

– Владимир Родионович! Ой, как хорошо, что Вы пришли!– радостно всплеснула руками Лиза. Она уже немного освоилась за прошедший месяц на новом месте и даже перестала то и дело шархаться от эксцентричного шефа.

– Думаешь?– с сомнением спросил Вован, вовсе не разделяя восторг секретарши по поводу своего раннего, почти к началу рабочего дня, прихода в бюро.

Лиза даже улыбнулась. Уже прогресс. Раньше бы она впадала в ступор, минимум на полчаса.

– Вас Григорий Александрович искал. Он Вас ждет в переговорной. Сказал, что сейчас заказчица новая придет.– Преданно глядя в глаза начальнику сообщила Лиза.

– И что? Он, что сам с ней поговорить не может?– буркнул Вован.– Вообще никто работать не хочет. Все я должен делать. Лизавета, ты же видишь, нас с тобой окружают одни бездельники и дармоеды. Вся фирма, фактически на нас с тобой держится. Если бы не наш самоотверженный труд, все давно бы полетело к чертям. Вот можешь потребовать прибавки к жалованью, смело. Я у бездельника Распутина ее из зарплаты и вычту. Так, что не скромничай Лизок. Он вполне достаточно получает, не сомневайся. Называй сумму. Не ограничивай себя. Пусть попляшет паразит, паразитирующий на нашем с тобой, между прочим, непосильном труде.

Лиза вовсе глаза смотрела на начальника. Владимир Родионович, хоть и перестал пугать ее, но, по-прежнему, оставался для нее полной загадкой, не переставая удивлять сво-

ими необычайными высказываниями и неординарным поведением.

– Ну чего тут за такая важная персона к нам пожалует?— вваливаясь в переговорную спросил Вован у уже расположившегося там Гришки.

– Да ничего особенного. Представь себе, женщина проект дома хочет нам заказать, всего на всего. Ни тебе приглашения в Букингемский дворец, ни предложения принять участие в первой экспедиции на Марс. Нет, самая заурядная заказчица.— Огрызнулся Гришка, которому надоело изворачиваться перед богатыми клиентами, которым было непонятно, почему при первом знакомстве генеральный директор не соизволяет присутствовать сам, а отделяется главным архитектором. Им, этим богатеньким представителям общества это казалось почему-то оскорбительным. Ущемляло их непомерное эго, нарушало представление о том, что все должны кидаться ниц при одном их появлении. Гришку их пренебрежение к его не достойной их внимания персоне не обижало, но было утомительно и неприятно каждый раз придумывать более-менее уважительную причину отсутствия генерального. Не говорить же заказчикам, что Владимир Родионович чихать на вас хотел, наплевать ему на ваше задетое самолюбие и на ваши амбиции.

Вован зевнул.

– Ладно. Во сколько эта твоя заказчица придет? Мне тут

тоже целый день сидеть некогда. Я, знаешь ли, работаю. – нагло заявил начальник, три дня перед этим не являвшийся на работу потому, что неохота было. Тоска, все одно и то же.

– Пять минут Ваше Величество может уделить? Выдержит ваша королевская задница пять минут на мягком кожаном сидении этого недостойного Вас жалкого офисного кресла? – саркастически улыбаясь, спросил Гришка.

Вован демонстративно взглянул на часы.

– Пять минут могу, – милостиво согласился он.

Через пятнадцать минут, за время которых Вован ровно пятнадцать раз спросил, где черти носят эту бабу и столько же раз сказал, что его терпение не беспредельно и ровно через минуту он уйдет, и только его Гришка и новая заказчица и видели, дверь, наконец, открылась. И, в переговорную, вошла та кого ждали великие творцы жизненного уюта и комфорта.

– Вы, что меня преследуете? – нахально заявил Вован, вошедшей женщине вместо приветствия. Гришка в ужасе вытаращился на своего шефа. Нет, он конечно уже ко всему привык, но ведь есть же предел, в конце концов. Совсем, что ли генеральный спятил? Он даже хотел пнуть ногу начальника под столом переговоров, но Вован, имея некоторый опыт ведения совместных с Гришкой встреч с заказчиками, ловко и незаметно отодвинул свою нижнюю конечность, и когда Гришка ударил в пустоту, сам пнул его, продолжая нахально

улыбаться вошедшей даме. Гришка подскочил от боли и понял, что этот дом будет спроектирован каким-нибудь другим бюро. Потому, что ни один здравомыслящий человек не станет заключать договор с фирмой где генеральный директор хам и придурок, а главный архитектор дерганый невротик.

Новая заказчица, а теперь уже, скорее всего бывшая и несостоявшаяся заказчица, однако же, нисколько не смутилась, а тоже повела себя несколько странно. Насмешливо улыбаясь, она очень волнующей легкой походкой подошла к столу и, опустившись в одно из кресел, вполне дружелюбно спросила:

– Ну, что как там поживают фамильные драгоценности? Нашлись?– глаза с золотистым отливом вызывающе смотрели на Владимира Родионовича.

– Нет. Не нашлись. Так и живу, практически в нищете. Вот, вынужден зарабатывать на кусок хлеба, тяжким, непосильным трудом. Буквально с хлеба на воду перебиваюсь. Ну да не в деньгах счастье.– Продолжая паясничать, заявил Вован.– Разрешите представиться Владимир Родионович,– он привстал, театрально кивнул головой и даже слегка поклонился, а затем указал рукой на Гришку,– Григорий Александрович, наш ведущий архитектор.

– Инна Андреевна Боброва.– Сказала женщина, продолжая насмешливо улыбаться и не капельки не смущаясь поведением собеседника.

– Итак, Инна Андреевна. Чем обязаны?– спросил Вован,

разглядывая новую клиентку нарочито откровенным, вызывающим взглядом. Впрочем, ее и это, по-видимому, не особенно смущало. В карих с золотом глазах плясали веселые огоньки. Ситуация, скорее забавляла ее, чем нервировала или возмущала.

– Хочу заказать проект дома. Мне сказали, что в этом деле Вам нет равных.

– Да нам вообще нет равных, ни в чем.– С пафосом заявил не страдающий скромностью владелец фирмы.– Мы вообще несравненные, можно сказать. Повезло Вам с нами, Инна Андреевна.

Гришка скрылся с головой за раскрытым каталогом по архитектуре. Больше всего на свете ему хотелось сейчас двух вещей: прибить ненормального начальника и оказаться где угодно, но только не в этой переговорной. Он уже даже мечтал, что бы эта баба, как перед этим назвал ее шеф, действительно отказалась делать заказ их фирме. Потому, что Гришка чувствовал, что она такая же чокнутая, как и его обожаемый начальник – два сапога пара и хлопот с этим проектом, если до него все же дойдет, не оберешься. Общение с ними двумя, одновременно, он, Гришка, даже со своей многолетней закалкой не выдержит.

Инна Андреевна, видимо, напротив чувствовала себя превосходно. Не переставая насмешливо улыбаться она, несколько не смущаясь хамским поведением владельца фирмы, сидела в совершенно расслабленной позе и, не отрыва-

ясь, смотрела в глаза нахально улыбающегося Владимира Родионовича.

– И какой же дом Вы хотите заказать, Инна Андреевна? Поделитесь с нами Вашими пожеланиями, а мы уж постараемся, все силы приложим, себя не пожалеем. Будем до седьмого пота трудиться, пока не поможем, так сказать, Вам воплотить Ваши мечты в реальность.– Демонстративно уставясь на грудь заказчицы, без умолку трещал Владимир Родионович. Каждое слово он произносил таким тоном, что Гришке хотелось извиниться и попросить даму выйти на пару минут, за которые он бы успел придушить неуправляемого и невменяемого шефа и, заодно, спрятать его труп. Но дама только улыбнулась еще шире, показав два ряда ослепительно белых зубов, как будто общение со всякого рода придурками являлось самым для нее приятным времяпрепровождением. Когда шеф, наконец, замолк, она почти нежно и даже доверительно сказала:

– Мне нужен дом, в котором мне будет хорошо.

Вован тоже расплылся в улыбке. Эта чертова женщина–кошка, продолжавшая, как и в прошлый раз, насмешливо смотреть на него как на редкий экземпляр какой-нибудь чешуекрылой козявки, ужасно его раздражала, причем он сам не мог понять, чем именно или почему. И это раздражало и бесило его еще сильнее. Он чувствовал себя неуверенным и уязвимым под пристальным взглядом ее каре-золотистых глаз. Это было непривычно и неприятно, и он ощущал дис-

комфорт, находясь рядом с ней. А Владимир Родионович Телянин не привык испытывать дискомфорт и нервничать. Это было совершенно не свойственное ему состояние. Но не показывать же ей, что она выбила его из колеи, причем уже во второй раз. И Вован решил действовать напролом. Чем быстрее он ее доведет, тем быстрее она выйдет за дверь переговорной, и они расстанутся, на этот раз уже навсегда. Гуд бай май лав, гуд бай! Скатертью дорога.

– Ну хоть намекайте. «Хорошо», каждый понимает по-своему. Помните в сказке про трех поросят. – Вован закинул ноги на стол и развалился в кресле в своей любимой полулежащей позе. Гришка, выглянувший было из-за спасительного каталога, издал стон и снова скрылся. – Одной хрюшке было хорошо в соломенной хижине. Вторая прекрасно чувствовала себя в шалаше из веток. А третьей подавай каменный дом. С крепким фундаментом, прочными стенами и высокой крышей. Все как положено. Вот Вы, какой из хрюшек себя видите?

Вместо того, что бы швырнуть в наглого идиота одним из тяжелых каталогов, лежащих перед ней, Инна Андревна со смехом спросила:

– Вы же, как профессионалы, наверное, сразу, взглянув на клиента, понимаете какая именно он хрюшка и, что примерно, ему нужно? – теперь уже Гришка даже не сомневался что новая клиентка – чокнутая.

«Клетка с железными прутьями тебе нужна. Как у тигра

в зоопарке. Что б ты там за ней туда-сюда ходила, и своими противными коричневыми глазенками зыркала на всех»— глядя на нее подумал Вован. Вывести из себя раздражавшую его женщину не удалось, и он решил поскорее покончить с этим.

— Ну ладно, Инна Андреевна. Что бы проявить наш профессионализм нам нужно хоть от чего-то отталкиваться.— Совершенно серьезно сказал Вован, убрав, наконец, с лица свою идиотскую наглую ухмылку.— Давайте, действительно, обсудим, то, что Вас интересует. Мы же все тут люди занятые. Не правда ли? Что нам время на всякие глупости тратить? Итак, расскажите нам, каким, хотя бы примерно, Вам хотелось бы видеть Ваше будущее уютное гнездышко. В общих чертах, так сказать. Вот чем Вы занимаетесь в жизни, может Ваши увлечения, работа тоже могут повлиять на то каким будет Ваш дом, в котором Вам, как Вы выразились, будет хорошо.

«Интересно она жена богатого мужа, или у нее состоятельный любовник? А может дочь родителей, готовых обеспечить любимую дочурку всем, что она только пожелает?— размышлял Вован глядя на гладкую матовую кожу, мягкие губы и золотисто карие насмешливые глаза.— Не похоже, что она трудится до седьмого пота, что бы заработать себе на дом своей мечты».

— Я издатель.— Прервав размышления хозяина переговоров и всей фирмы в целом, сообщила сидящая напротив него

собеседница. Вован удивленно приподнял брови и снова ухмыльнулся. Мол, кто бы мог подумать? Там ведь вроде соображать нужно, головой, так сказать думать. Это не то, что целыми днями по бутикам да салонам красоты бегать и ныть, что бы богатенький любовник или пусть даже муж новую шубу подарил, а то, в старой, уже выйти стыдно, целых три раза уже ее надевала. Стыд и позор. На глаза знакомым показаться нельзя, засмеют.

Видимо, совершенно верно истолковав выражение лица наглого генерального директора, Инна Андреевна, тоже слегка приподняв бровь, да-да, господин директор, хам Вы и придурок, и добавила, буквально добив его своими словами:

– Я занимаюсь научными изданиями. Научно-исследовательские работы, учебная и методическая литература для студентов и преподавателей вузов, ну и прочая, скучная для не посвященных, ерунда.– Снисходительно сказала она.

– А я думал журналы мод, любовные романы. Может что-нибудь типа советов для одиноких, никому не нужных теток, которые мечтают узнать секреты превращения в неотразимых соблазнительниц, неземной красоты или получить пару рецептов маски из листьев лопуха, что бы омолодится лет на тридцать.– Снова нацепив свою нахальную ухмылку, развязно сказал Вован.

Слегка вздохнув, Инна Андреевна одарила его улыбкой.

– Нет. Уж извините. Снова Вас разочаровала. Видимо это мой удел, не оправдывать ваших надежд, Владимир Родио-

НОВИЧ.

– Да, ничего.– Великодушно ответил Вован.– Уж справлюсь как-нибудь.

Обсудив некоторые детали будущего проекта, и договорившись о следующей встрече через неделю, для предварительного просмотра составленных за это время планов и чертежей дома мечты новой заказчицы, троица, наконец, рассталась. Раскланявшись, и даже шаркнув ножкой новой знакомой, Вован отправился в свой кабинет, куда буквально через минуту совершенно непочтительно влетел ведущий архитектор.

– Ты совсем ох... сегодня? Володь!– напрочь забыв о субординации, разорался Гришка.– Вы с ней случайно не родственники? Она же даже бровью не повела на все твоё хамство. Сидела, улыбалась. Это вообще, что сегодня такое было? Ну, то, что директор с приветом это я уже привык. Но то, что клиент, не просто с приветом, в этом как раз ничего такого нет, все они с приветом, но с таким же точно приветом как у директора, это уже извините. Я вообще требую прибавки за вредные условия труда,– решительно заявил Гришка.

– Ага, сейчас.– Ответил, развалившийся в своём кресле, генеральный.– Я, между прочим, прибавил зарплату Лизе. Убавил половину от твоей и отдал ей. Так, что молчи, пока я вторую половину не отдал ещё кому-нибудь.

Гришка вытаращил глаза.

– Да шучу я. Я Лизку и так прибавлю, мне она нравится, хорошо работает, старается. Не плач, жадина-говядина, куда твои золотые не денутся.

– Господи! Сколько ты мне крови попортил за все годы совместной работы?– сердито сказал Гришка.

– Да ладно, хватит тут строить из себя жертву. Подумаешь, прямо пионер-герой нашелся.– отмахнулся Вован.– Иди, давай, поработай, сотвори для дамочки дом, в котором ей хорошо будет. Пыточную там для ее мужиков не забудь спроектировать. Так и вижу ее с хлыстом в лаковых ботфортах на шпильке, с этой ее снисходительно-высокомерной улыбочкой гиены на губах. «А сейчас червяк, жалкая, безмозглая мужская особь, твоя госпожа научит тебя целовать ноги и не возникать пока тебе не разрешат открыть твой глупый рот!»– Вован мечтательно улыбнулся, видимо живо представляя Инну Андреевну в роли госпожи.

Специально опоздав на полчаса на следующую, назначенную для подписания договора встречу с Инной Андреевной, Вован с сияющей улыбкой вошел в свою приемную. Он ужасно радовался, что так ловко избежал очередной встречи с приводившей его в раздражение и состояние дискомфорта женщиной. Вот пусть Распутин там все с ней решит, а потом придет, подпишет у него, Вована договора и гуд бай Инна Андреевна. Прощайте навсегда! Дальше уже генеральный директор и не нужен, дальше Вы с Гришкой Распутиным бу-

дете, рука об руку, свой замок возводить и мечты в реальность воплощать. Гришка конечно поорет, повозмущается, но орущий и кипящий от возмущения ведущий архитектор, не вызывал у хозяина фирмы никаких неприятных эмоций, в отличие от самодовольно и снисходительно улыбающейся женщины с неприятными глазами.

– Ой, Владимир Родионович!– расстроено глядя на сияющего начальника всплеснула руками эмоциональная Лиза.– А Вас Григорий Александрович искал. Сказал, что у Вас встреча, что Вы обещали быть...

Вован строго посмотрел на секретаршу.

– Лиза! Вот почему ты каждый раз говоришь, как только я прихожу, что-нибудь неприятное? Можно же, например, сказать: «Здорово шеф! Видели, какая красотища на улице! Весна, птички поют, солнышко светит. Давайте забудем сегодня на эту дурацкую работу и пойдем в парк пиво пить!». Нет. Тебе обязательно нужно мне какую-нибудь гадость сказать. Про Григория Александровича, про какие-нибудь счета, еще про, что-нибудь.

Вован, посмеиваясь, прошел в кабинет мимо ошалевшей секретарши. Подумаешь, Григорий Александрович его искал. Не маленький, пора и самому справляться.

Через сорок минут, как и ожидалось, в кабинет, кипя негодованием и сверкая гневным взглядом, ворвался обладатель звучной фамилии.

– Володь? Ну чего за х...я? Ну ведь вчера же договори-

лись? Ты чего издеваешься?— потрясая в воздухе бумажками, видимо теми самыми договорами заорал ведущий архитектор.

Вован с деланным удивлением посмотрел на него.

— Не знаю, о чем ты говоришь. Первый раз об этом слышу. Я тебя вчера, по-моему, вообще не видел. Ты, кстати, на работе вчера был? Может ты прогулял, а теперь специально меня запутываешь?

От такой наглости Гришка весь раздулся как надувной шарик и побагровел, готовясь излить на голову начальника поток брани, но тут за его спиной возникло лицо Инны Андреевны.

— Здравствуйте, Владимир Родионович.— Поприветствовала она хозяина кабинета.

— Здравствуйте, Инна Андреевна.— Вскакивая с кресла и театрально кланяясь, поздоровался Вован.— Такая жалость, что опоздал. Тысяча извинений! Спешил, как мог. Несся на всех парусах, так сказать. Но по дороге пришлось помочь старушке на другую сторону перейти. А эти старушки, вы же знаете, прям как черепашки, пока мы с ней доползли, полчаса прошло. А потом пионерский отряд пришлось пропустить. А отряд большой, детей много. Пока они все ножками топ-топ, пока училка их всех пересчитала, опять столько времени ушло. Так вот и опоздал. Добрые дела-то быстро не делаются.— Вован сокрушенно вздохнул.

— Извините Инна Андреевна.— Гришка протиснулся мимо

улыбающейся невозмутимой посетительницы к столу идиота начальника. Почему он выбрал архитектуру? Почему не подался в цирковое? Гришка не раз задавал себе этот вопрос.

– Договора,– буркнул ведущий архитектор своему шефу, швыряя перед ним на стол небольшую стопочку отпечатанных на компьютере листов.– Всего доброго Инна Андреевна. Вы уж тут сами пообщайтесь с Владимиром Родионовичем, не буду Вам мешать, лишать удовольствия. Я на связи, звоните по любому вопросу. А я буду Вас держать в курсе дел.– Гришка кивнул будущей владелице дома мечты и, метнув ненавидящий взгляд на шефа, быстро покинул директорские владения. Пусть без него играют в свои ненормальные игры. С него хватит.

Вован просмотрел договора, подписал и протянул один из экземпляров новой клиентке.

– Вот, госпожа издатель. Прошу.– Торжественно сказал он. Золотисто-карие глаза весело смотрели на него.

– Почему Вы так себя все время ведете?– улыбаясь, спросила Инна Андреевна.

– А как я себя веду?– как можно более удивленно спросил Вован.

Она слегка пожала плечами.

– Как полный идиот.– Спокойно сказала она. Вован не ожидал такой откровенности, но в принципе она сказала правду и он не слишком-то растерялся. Он решил, что раз уж она приперлась в его кабинет, а ее сюда никто не звал,

и лишила его удовольствия не видеть ее никогда больше, то пусть получит по полной программе. Ему не жалко.

– Извините!– нарочито возмущенно и даже обиженно сказал он.– Что Вы имеете в виду? Зачем вы меня обидеть хотите? Вы, что-то против меня имеете? То вы меня преследовали, то теперь оскорбляете. Это уж как-то вообще нехорошо, Инна Андреевна. Вы же интеллигентная женщина. Книжки издаете. Может у меня теперь комплекс разовьется...

Собеседница Вована наклонилась к нему через стол.

– Мне кажется Вы меня, почему-то боитесь, поэтому пытаетесь безостановочно хамить, прикрываясь своим хамством как щитом.– Тихо, как будто сообщает страшную тайну, сказала Инна Андреевна.– Я права?

– Чего это мне Вас бояться?– уже натурально возмутился Вован.– Не такая уж вы и страшная. Видал я и пострашнее, уж поверьте. И ничего, живут и даже из дома не стесняются выходить. Так, что Вы не переживайте. У Вас еще не самый тяжелый случай.

Веселый огонек в ее глазах погас. Она почти с грустью посмотрела на взрослого мужчину, который либо правда был полным идиотом, либо настолько вжился в эту роль, что просто не желал или не мог ни на секунду с ней расстаться.

– Всего доброго, Владимир Родионович.– Сказала она, направляясь к двери кабинета.

– И ничего я не боюсь. И могу доказать!– крикнул Вован ей вслед.

Инна Андреевна остановилась и снова с интересом посмотрела на него. Просто неподражаем! Что там еще пришло в его голову, до отказа набитую всевозможной чепухой и невообразимым вздором?

– Приглашаю Вас поужинать сегодня.– С торжественным видом изрек взрослый мужчина, не желающий повзреть. – Вот видите! Стал бы я Вас приглашать, если бы бо-
ялся?

Она рассмеялась. Ну, что с ним делать? Может он действительно представитель какой-то особой, редкой разновидности раздражающих и одновременно привлекательных мужчин.

– Хорошо. Заезжайте за мной в восемь в издательство.– Милостиво приняла предложение женщина вносящая дискомфорт в жизнь хозяина кабинета.

Заказав, в ожидании еды, бутылку вина, Вован уже было собрался вновь войти в образ «полного идиота», как выразилась не далее как днем его спутница, но Инна Андреевна умело взяла дело в свои руки.

– Откроете мне один секрет?– улыбаясь, на этот раз не насмешливо, а просто, как любая нормальная женщина, спросила она. От неожиданности и от того, что выглядела она просто сногсшибательно в маленьком вечернем платье, отлично подчеркивающим ее стройную фигуру, Вован потерял бдительность и не успел натянуть на лицо привычную наг-

люю ухмылку заправского хама.

– И какой же секрет Вы хотите, что бы я Вам открыл? Надеюсь, речь не идет о секретах связанных с продажей Родины? – совсем слегка ухмыльнувшись, спросил он.

Инна Андреевна отпила из бокала, и Вован, с раздражением, почувствовал, что ему приятно смотреть на нее. Она не была красавицей, но видно как Верка Ковальская обладала какой-то притягательностью для мужчин. Вовану это совсем не нравилось. В том смысле, что если Веркины чары на него не действовали, слава богу, то Инна Андреевна одновременно и раздражала его и привлекала, и он уже не был уверен, какое из этих двух противоречивых чувств, преобладало по отношению к ней. Поэтому он счел необходимым укрепить свои позиции независимого самца и почти развязно добавил.

– Я ведь в любом случае и наврать могу. Знаете ли, я просто ужасный врун. Это я так, на всякий случай предупреждаю.

Она широко улыбнулась.

– Мне просто очень интересно узнать, кто та женщина, за которую Вы меня приняли тогда в парке. Вы выглядели по-настоящему расстроенным. Это дорогой Вам человек?

«Это не твое дело! – захотелось крикнуть Вовану. – Не суй свой длинный нос, куда тебя не просят. Великосветская леди, свысока разглядывающая любопытного идиота, встретившегося на твоём пути, от скуки или от пресыщения жизнью. Что тебе вообще нужно? Что ты прицепилась ко мне?»

Но ничего этого Вован не сказал. На него в данную минуту смотрела не насмешливая великосветская леди, разглядывающая его как безмозглое, но любопытное существо. На него смотрела просто женщина. Милая и даже привлекательная. И вдруг Вован почувствовал непреодолимое желание рассказать этой почти незнакомой, чужой ему женщине о той боли, что живет внутри него. Рассказать эту историю, которая перевернула жизнь близких и дорогих ему людей и его собственную. Перевернула так, что он до сих пор не может очухаться. Так, что он не может даже фотографии смотреть и поехать повидаться с подругой, ближе которой у него только мать, но он уже слишком взрослый, для того, что бы искать утешения у матери. И неожиданно для себя самого Вован начал рассказывать. Рассказывать с самого начала, вернувшись в далекое детство. С того дня когда они только подружились с Сережкой Кречетовым. Он рассказывал долго. Им уже давно принесли еду, и она лежала перед ними, остывая на тарелках. Но ни он, ни его спутница не обращали на нее никакого внимания, хотя перед этим они оба сильно хотели есть, после долгого трудового дня. Во время, которого, они по привычке, часто встречающейся у занятых деловых людей, только слегка перекусили, тем, что нашлось в их офисах. Инна Андреевна слушала очень внимательно. Лицо ее стало печальным, и Вован был готов поклясться, что в золотисто-карих глазах дрожали слезы. Когда он закончил, они несколько минут сидели молча. И Вован почувствовал об-

легчение, какого не чувствовал уже почти два года, с момента, когда ему сообщили, что его друг погиб. А потом Вован решил, что пора взять себя в руки, они ведь пришли сюда, не для совместных рыданий, и сказал:

– Заболтали Вы меня совсем. Вон, все уже остыло.

И Инна Андреевна Боброва улыбнулась ему ласково и растроганно, потому, что теперь она знала, что на самом деле он не полный идиот, а нормальный человек, такой же, как все, ранимый и чувствующий боль. Человек, который умеет дружить и любить своих близких. А маска полного идиота просто удобна и привычна ему, для того, что бы противостоять жестокому миру окружающему всех нас. Просто ему удобно противостоять именно таким способом.

Они съели то, что еще можно было съесть остывшим. Пришедший в себя, к этому времени Вован, глядя на тарелки заявил:

– Вовлекли меня в расходы. Вон сколько еды зря пропало. А я ведь Вам говорил о своем бедственном положении, что с хлеба на воду, с воды на хлеб перебиваюсь.

Инна улыбнулась. Она теперь понимала его. У них теперь было нечто общее, сделавшее их ближе и понятнее друг другу.

– Пойдемте, потанцуем,— предложила она и сама взяла его за руку.

Вован краем глаза смотрел на ее нежную немного смуглую кожу с едва заметным пушком как у персика. На ее губы,

мягкие и волнующие. Ему очень захотелось коснуться этих губ, почувствовать их вкус. Он наклонился к ней, приближаясь к ее полуоткрытым губам. В последний момент он представил, как они сейчас поцелуются, а когда он снова взглянет в ее лицо, то увидит ее насмешливую и на этот раз победную улыбку. Я тебя сделала, господин генеральный директор, любитель изображать придурка и хама. Нет уж, не доставит он такого удовольствия этой самоуверенной особе, которая, наверняка лузгает мужиков как семечки, снимает с них кожуру, а саму семечку проглатывает целиком. Был мужик, и нет мужика.

– Я просто хотел цвет помады получше рассмотреть.– Развязно заявил Вован насмешливо смотрящей на него партнерше по танцу.– У мамы скоро день рождения. Вот думаю, как раз такой цвет ей подойдет. Как раз для женщин в возрасте, в самый раз мне кажется.

Она засмеялась.

– Что за чудесный вечер! Ни разу у меня еще не было такого галантного кавалера.

– Да, что есть то есть,– нахально заявил Вован.– Мне все девушки всегда говорят, что я сама галантность.

– Пепельная роза.– Сказала его партнерша.

– Что пепельная роза?– не понял Вован. Может он перегнул палку, может, довел женщину, и она теперь заговаривается?

– Цвет помады называется «Пепельная роза». Для мамы.

Вы уже забыли?– усмехнулась она.

– Ничего я не забыл. Завтра пойду и куплю эту обгорелую розу или как там ее.– Сказал Вован, увлекая обладательницу пепельной розы обратно к столику. Потому, что он все-таки живой человек и если сейчас он устоял, то станцевав с ней еще один танец, он может и не удержаться и все-таки поцеловать ее. А с такой как она, потом глядишь и еще, и еще захочется. А он совершенно не собирается начинать какие-то далеко идущие отношения. Он вообще сторонник одноразовых встреч. Ну, максимум два раза, если уж совсем из ряда вон, что-то. А Инна Андреевна, может, конечно, и придерживается таких же свободных взглядов как он, но почему-то одноразовая встреча с ней его совсем не привлекает. Настроение у Вована испортилось. Зачем он вообще поперся с ней в ресторан. Она его раздражала. Да, и фиг с ней. Она бы сегодня исчезла из его жизни раз и навсегда, а он зачем-то все усложнил, позволил ей, пусть не залезть себе в душу, но по крайней мере заглянуть туда. А его душа это священное место. Туда особы женского пола не допускаются, нечего им там делать. У него другие места имеются, куда он готов допустить этих представительниц человеческого рода. А Инна Андреевна даже и на это может не рассчитывать. Не подходит она ему ни для души, ни для чего другого. Вот не повезло ей. Раздражает она его, выводит из равновесия. Вован решил завтра пригласить на ужин умопомрачительную блондинку, на днях снабдившую его своим телефоном, во время одного

светского мероприятия. А еще Вован решил, что нужно, как можно скорее, отвезти Инну Андреевну домой вместе с ее пеплом и розами, от греха подальше.

Вечер с блондинкой прошел так себе. Блондинка была сказочно хороша и вчерашняя спутница Вована по сравнению с ней была просто жалкой замарашкой. Но почему-то глядя на сказочно прекрасное лицо, Вован видел перед собой именно замарашку Инну Андреевну, а блондинка, бросавшая ему томные взгляды и расточавшая ослепительные улыбки, не вызывала никакого отклика ни в его душе ни даже в его теле, что было уж совсем необъяснимо и даже пугающе. Такого с Вованом еще никогда не было. Он уже проклинал и Инну Андреевну, и свою несчастную судьбу, не понятно для чего столкнувшую его с этой женщиной. Жил он себе прекрасно, был доволен и нет нужно было подсунуть ему эту тетку, которая, большую часть того времени, что они знакомы, его безумно раздражала и даже вызывала неприязнь.

Прошла неделя, за которую случились еще два неудавшихся свидания, принесших одно разочарование и ни какого удовольствия. Вован забеспокоился. Этак, он скоро в монахи может податься. Никаких поползновений к прекрасному полу он больше не чувствовал. Его замечательную жизнь отравила новая случайная знакомая.

Спустя восемь дней после посещения ресторана, где он впервые позволил заглянуть в свою душу особе женского

пола. Посланной на его жизненном пути, видимо для того, что бы испортить ему жизнь. Владимир Родионович Телянин пришел к выводу, что для того что бы избавиться от дурацкого наваждения женщиной с кошачьими глазами нужно с ней переспать. Он убедился, что она такая же, как все и ничего особенного в ней нет, и сможет спокойно жить дальше, как и прежде не обременяя себя лишними переживаниями и мнимыми, несуществующими чувствами. Конечно, существовал риск, что она не согласится, но это не сильно пугало Вована. Мы живем во времена свободных нравов, думал он. А Инна Андреевна, не производит впечатления ханжи или недотроги. Он же видел, как она потянулась навстречу ему, когда он хотел поцеловать ее в ресторане. Он даже почувствовал, как она подалась вперед и прижалась своим телом к нему. Так почему бы и нет. Сделаем друг другу приятное и разбежимся. Ведь взрослые люди, все этим занимаются. Что тут такого?

В тот же день, когда гениальное решение родилось в его мозгу, в девять часов вечера Вован позвонил в дверь Инны Андреевны Бобровой, что бы получить, наконец порцию лекарства и исцелиться от своего странного недуга раз и навсегда. Инна Андреевна, открыв дверь и увидев Вована, не выказала сильного удивления его внезапным появлением на пороге своей квартиры. Легкая улыбка, как всегда насмешливая и снисходительная, тронула ее губы.

–Привет!– сказал Вован, ухмыляясь самой гадкой из сво-

их ухмылок.— Подгорелый одуванчик маме не подошел, может у тебя есть какая-нибудь другая помада, дай думаю, заеду, посмотрю.

Инна Андреевна как умная женщина, конечно, сразу догадалась, что визит ее необычного знакомого связан вовсе не с подгорелыми одуванчиками, пепельными розами и запеченными лютиками. У господина Телянина на лице было написано, что собственно ему было от нее нужно. А она была не против. Почему бы и нет. Он привлекал ее своей необычностью, непохожестью на других. Да и внешне, удивительно похорошевший и возмужавший с годами, Владимир Родионович вполне ее устраивал. И то, что он хороший любовник, она тоже безошибочно чувствовала. Так почему нужно отказать себе в удовольствии. Он же не первый встречный, в конце концов. Ну, почти не первый встречный.

Инна Андреевна впустила гостя в квартиру.

Потом, без долгих предисловий и рассусоливаний, люди взрослые, чего уж тут ходить вокруг да около, они перешли к делу.

Это было волшебно, великолепно, замечательно и неподражаемо.

Когда все закончилось, Вован лежал, блаженно улыбаясь и думая о том, что весь миллион его прошлых женщин, ну может не миллион, но очень большое количество его прошлых женщин, был ничто, пустой тратой времени по сравнению с этой загадочной, раздражающей и притягивающей его. Во-

ван с наслаждением вспомнил ощущение восторга, радости, даже боли, ощущение полета и еще много-много всяких других ощущений, испытанных им этим вечером. Да это было прекрасно. Стоп! Одернул себя Вован. А уж не получилось ли так, что вместо исцеления он получит теперь зависимость. Как человек, из любопытства попробовавший сильный наркотик и получивший кайф, спустя какое-то время с ужасом обнаруживает, что теперь ему нужна еще одна доза, а потом еще и еще, что он уже не может остановиться. Вован судорожно стал припоминать, становятся ли наркоманами после первой же дозы. Представление о наркотиках у него было весьма расплывчатое. В молодости он покуривал травку, но к ней не привыкают, она не вызывает зависимости. Вован сам с легкостью перестал ее курить. «Вот те раз. Кончил ссаться, начал ссаться.» – подумал вновь проснувшийся в нем хам, место которого ненадолго было занято нежным и страстным любовником. Вот так излечился! Да он уже чувствует, что хочет повторения. И не один раз. Бежать! Скорее бежать от этой чертовой бабы, которая свалилась на его бедную голову как гром среди ясного неба. Да что бы она провалилась со своими волшебными руками, со своим прекрасным телом и лицом, не дающим ему покоя ни днем, ни ночью.

Вован вскочил и начал судорожно натягивать свою одежду. Инна, теперь-то уж они обходились без отчеств и не выкали друг другу, насмешливо наблюдала за его поспешным одеванием. Он был для нее открытая книга. Забавная и увле-

кательная, и ей нравилось ее читать, но в процессе прочтению следующую страницу она вполне предугадывала. Незадачливый любовник оглянулся и увидел, что она за ним наблюдает.

– Мне нужно ехать. Дел много.

Он видел, как презрительно она посмотрела на него. Ну и пусть. Он не трус, он вообще-то очень смелый и женщин никогда не боялся. Это только она на него так действует.

Вылетев из квартиры, где ему грозила страшная участь раба своих чувств, потерявшего из-за женщины голову идиота, он бегом бросился к своей машине и, поскорее усевшись в нее, газанул, примерно с такой же скоростью, как когда-то давно изображая Шумахера перед соседской девчонкой Светкой. На этот раз, слава богу, обошлось без помоек и мусорных баков, и, выехав на улицу, Вован помчался на предельной разрешенной скорости к своему дому.

Май 2013г.

В начале мая произошло важное и радостное событие. Вера Ковальская с мальчишками вернулась в Москву. На всем. Сене в этом году нужно было поступать в институт, и Вера решила, что лучше пусть он поступает в Москве. Она соскучилась по привычной жизни, потянуло на Родину. Туда где она была так счастлива много-много лет. За эти два года она кое-как научилась справляться со своей болью, с горечью утраты. Теперь у нее были силы вернуться. Чужая стра-

на, чужие люди, чужой дом надоели ей.

Как только Вера с мальчиками подошла к Вовану, встречавшему их в аэропорту, он заявил:

– Ну что, Ковальская? Надоело тебе твое буржуинское благополучие. Решила нас, убогих пролетариев навестить.

Не обращая внимания на его дурацкую болтовню, Вера крепко обняла старого друга.

– Телянин, ты не представляешь, как я рада тебя видеть! Как мне не хватало того бреда, который ты постоянно несешь.— Она поцеловала Вована в щеку.

– Господи, что же ты каждый раз на меня кидаешься, как только видишь? На тебя дети смотрят. Когда ты уже научишься себя держать в руках, ты же мать.— Возмутился, вырываясь из объятий подруги, Вован.

– Как ты? – спросила Вера.

– Был нормально, пока ты на меня не набросилась. А теперь вот думаю, может номер в гостинице снять, на то время пока вы у нас пробудете. Я же тебя знаю, ты же не остановишься, пока не доберешься до меня несчастного. Будешь караулить в коридоре под дверью. Может, даже в ванну ко мне ворвешься. Признавайся, Ковальская, ворвешься?

– Телянин, заткнись!– смеясь, сказала Вера. Вован широко улыбнулся и сгреб ее в охапку.

– Я тоже скучал!– сказал он расчувствовавшись.— Только учти, ты просто вырвала у меня признание. Своими домога-

тельствами, запугала меня, вот я со страху и говорю всякие глупости.

Алина Николаевна сияла и беспрестанно суетилась, стараясь, как только можно угодить дорогим гостям. Ее обожаемые мальчишки приехали. И ее любимая Верочка. Алина Николаевна была счастлива. Уже давно она не ощущала такой радости. Она носилась по дому накрывая на стол, который по случаю приезда семейства Кречетовых накрыли в гостиной. Запретив Вере хоть, что-то делать, она запрягла Вована носить, раскладывать, сервировать.

– Господи, я жил спокойной нормальной жизнью. И тут приперлась ты, Ковальская. Как всегда, внося хаос и неразбериху в мою налаженную, размеренную жизнь.– Ворчал Вован.– Надеюсь, если мама тебя хорошо покормит, после ужина ты уйдешь? Мы можем тебе с собой завернуть, ты же прожорливая. А то потом проголодаешься и опять припрешься.

Ночью, когда Алина Николаевна и дети уснули, Вера с Вованом сидели на просторной лоджии и болтали. Все было как в старые добрые времена. Почти все.

– Знаешь, Ковальская, я встретил женщину, которая раздражает меня даже больше чем ты, хотя я уж думал, что такое просто не возможно.– Сказал Вован, потягивая из бокала красное вино.– И не знаю, что теперь и делать.

Вера улыбнулась.

– Я конечно подробностей не знаю. Но может быть она та

самая, и тебе просто стоит жениться на ней?

Вован, подавившись вином и вытаращив глаза, с неприязнью посмотрел на подругу.

– Спятила, что ли? Ковальская, почему ты меня так ненавидишь? Что я тебе сделал?– возмутился Вован . – Я у тебя спросил совета, хотя конечно знаю, что к человеку с такими куриными мозгами за советом не обращаются, сам виноват. Чего ты мне уж сразу не предложила под поезд броситься или ко льву в пасть залезть? Чего так слабо-то – жениться! Или ты хочешь моей медленной и мучительной смерти?

– Знаешь, жизнь быстротечна,– как всегда, не обращая внимания на хамские излияния Вована сказала Вера.– Мы не знаем, что нас ждет. И, если человек тебе дорог, не теряй напрасно времени. Дорожи каждым днем. Ты и так слишком засиделся в холостяках в ожидании своей суженой, тебе не кажется? Ведь до сих пор, я так понимаю, у тебя ни одна женщина не вызывала каких-либо романтических чувств. Не упусти свое счастье.

– Ты, Ковальская, совсем становишься старой, занудной бабкой. Тоску на меня навела смертную. Но как всегда твоя лишенная всякого смысла болтовня навела меня, человека способного, в отличие от тебя мыслить, причем иногда практически гениально, на нужное решение. Молодец, Ковальская. Пятерка за умение своей глупостью подтолкнуть меня в нужном направлении.

Вера усмехнулась, и на секунду Вован увидел, как про-

мелькнула на ее лице насмешливо-снисходительная улыбка. «Да, что же это такое! Достали вы меня уже со своими улыбками!»— хотелось заорать Вовану в ночную темноту. Но шанс, что его услышит та, кому предназначались эти слова, был равен нулю. Вован встал.

– Вер, мне уехать нужно,— сказал он.— Не карауль меня под дверью моей комнаты. Я все равно не дамся.

– Давай, дерзай. Свобода от обязательств перед другим человеком не так много стоит, как принято считать. И эта свобода не сделает тебя счастливым.— Сказала подруга юности.

– Иди к черту, Ковальская!

На первый звонок никто не открыл. Он позвонил во второй раз. Неужели ее нет? Или просто не хочет открывать? Но уж раз приехал, он все равно не уйдет. Будет звонить и звонить. А вдруг она не одна? Мысль была неприятной, даже внутри, что-то противненько сжалось. «Да, ну и ладно! Подумаешь. Наплевать мне, одна не одна»— пытался убедить сам себя Вован. Но гадкий внутренний голос нахально заявил «Нет, не ладно и не наплевать». «Заткнись!»— приказал Вован внутреннему голосу.— Нормально, вот она до чего меня довела, у меня уже раздвоение личности. Может мне не сюда, а к психиатру нужно ехать?». Он разозлился и, уже жалея, что приехал, хотел развернуться и уйти, как вдруг дверь открылась. На пороге в пижаме стояла сонная разлохмачен-

ная Инна. Вован бросился к ней и, подхватив на руки, начал целовать заспанные глаза, губы, лицо. Она обхватила его за шею и засмеялась.

– Почему ты все время ведешь себя не как нормальные люди?

Он пожал плечами, он, правда, не знал. Сейчас он вообще знал только, что вот та кто может сделать его счастливым. Только ему ужасно страшно. Он не привык быть привязан к какой-нибудь из женщин. Он привязан только к матери, но это понятно и к Вере, но она друг, он никогда не рассматривал ее как женщину. Ну, может в самые первые дни знакомства и то несерьезно.

– Что ты здесь делаешь ночью?– спросила Инна.

– Я хотел тебе сказать... – Вован замолчал, он буквально не мог заставить себя сказать о том, что он чувствует.

– И, что ты хотел сказать?– подбодрила его Инна.

– Ну, ты же понимаешь. Чего зря слова на ветер бросать?– попытался отвертеться Вован.

Она покачала головой.

– Нет, не понимаю.

Он жалобно посмотрел на нее.

– Зачем ты заставляешь меня? Ты же видишь, я не могу. Я же приехал, ведь понятно же все и так...– почти заныл он.

– Никто тебя ничего не заставляет. И ничего мне не понятно.– Отрезала она.– Знаешь, Володь, я готова смириться с тем, что ты ведешь себя постоянно как кретин. Что ты ха-

мишь, прикрываясь своим хамством, что бы загородиться от суровой взрослой жизни, в которой нужно вести себя ответственно, а не как полоумный подросток. Но я не готова мириться с твоей трусостью. Когда ты бежишь сам от себя, наложив в штаны со страха, и боишься сказать о том, что чувствуешь. Я не могу себе позволить ждать вечность, пока ты повзрослеешь, и не известно повзрослеешь ли вообще. Знаешь сколько мне лет?

– Восемьдесят четыре?– чуть не плача, от того, что она абсолютно права, а он такой кретин и трус, вновь попытался укрыться за хамством, не способный повзрослеть мужчина.

Она презрительно посмотрела на него.

– Да ладно, пошутил же.– Оттягивая время в надежде, что разговор сам собой перейдет на другую тему примирительно сказал Вован.

– Убирайся.– Сказала Инна.

– Инна...

– Убирайся!– крикнула она и ее кошачьи глаза полыхнули гневом.

– Ну, что, лопух? Неужели так трудно признаться в том, что чувствуешь?

Вера смотрела на приятеля с грустью и раздражением. Ну, что за дурак? Первый раз в жизни испытал сильные чувства к женщине и в кусты. Лучше быть несчастным, чем решиться признаться.

– Ты даже не понимаешь, о чем говоришь. На меня как столбняк напал. Я был просто в ужасе. Чуть штаны со страха не обмочил.– Огрызнулся Вован.

– Почему-то признаться мне, что ты чуть не обмочился, ты можешь, а сказать женщине, которая тебе нравится, пару слов ты не можешь.– Серdito сказала Вера.– Ты у нас не из тех, кто за словом в карман лезет. Они из тебя обычно сами сыплются, так, что не остановишь, не заткнешь.

– В тот момент, Ковальская, мой карман был абсолютно пуст.– Уныло сказал Вован.

– Мог бы по памяти сказать, в кино видел, в книжках читал. Три коротких слова – я тебя люблю. И все. Суший пустяк.

– Ты, Ковальская, ненормальная! Нет, ну она конечно мне нравится, и я даже чего-то чувствую. Но уж, извините, любовь. Ну, уж дудки. Этого я уж точно никогда не скажу. Это вообще не правда. Я не люблю. Я просто может, вот ее хочу, а всех других нет. Может, я скучаю, думаю о ней все время. Может мне даже плохо без нее, а с ней хорошо. Но это же не любовь. Нет, ерунда это все.– Возмущенно отстаивал Вован свою позицию.

– Ну, так и живи один. И наслаждайся,– разозлилась Вера, и, оттолкнув Вована, вышла из комнаты.

Вера отдала документы Сени в ближайшую школу, что бы он смог сдать ЕГЭ для поступления в ВУЗ. Сеня готовился к

экзаменам, Алеша подружился с ребятами из соседних домов и целыми днями, после школы, гонял с ними на велосипеде. Вера занималась поиском подходящего дома или квартиры для нее и мальчиков.

Июнь 2013г.

В один из дней Вера вызвала такси и поехала к своему бывшему дому. Во дворе играли дети мальчик и девочка. Мальчик отбирал у девочки мяч, а она бегала за ним и кричала: «Отдай!». Интересно, счастливы ли люди, живущие теперь в ее доме? Наполнен ли дом таким же теплом и светом, как в те времена, когда здесь жили они? Любят ли они друг друга, или их отношения это уже просто привычка, равнодушие скрывающее раздражение и горечь разочарования. Разбитые надежды и не сбывшиеся желания. Вере хотелось верить, что семья живущая здесь счастлива. Этот дом был построен для любви, для радости. Для того, что бы живущие здесь ценили каждый миг проведенный вместе. Сердце болезненно сжалось. Не нужно было приезжать сюда. Она только-только начала отходить от невыносимой боли. Только-только перестала, просыпаясь искать глазами до боли родное любимое лицо. Но она не могла не приехать. Она сама не знала почему, но ей было очень важно вернуться сюда. Может быть, что бы окончательно убедиться, что все это не сон. Что все действительно кончено и нет дороги назад. Глубоко вздохнув, она бросила прощальный взгляд на дом где была счастлива долгое время и пошла к ожидавшему

ее такси.

Летняя ночь. Они сидят во дворе их дома. Горит костер. Немного в сторонке, Филимон играет на гитаре, глядя в пространство отрешенным взглядом. Песня печальная и очень красивая. В отблесках костра, напротив Веры сидят Сергей, Вован, мальчишки. Вован, что-то увлеченно рассказывает мальчикам, и время от времени они смеются. Глаза радостно поблескивают в неясном свете пламени костра. Сергей смотрит на нее. Замечательная ночь. На душе легко и радостно. Все близкие здесь. Все любимые. Вера встает и идет в сторону дома. Вино закончилось и закуска тоже. Нужно принести еще. Краем глаза она видит, что Сергей тоже поднялся. Она улыбается. На полпути к дому он догоняет ее, обнимает за плечи и они идут рядом. Войдя в дом, он разворачивает ее к себе, начинает целовать. Вера смеясь, пытается вырваться.

– Нужно еще еды и вина отнести. Там ничего не осталось,– говорит она, все ослабляя попытки освободиться.– Что ты делаешь? Они там ждут...

Его глаза горят страстью.

– Подождут.– Он закрывает ей рот поцелуем, и она сдаётся. Правда, ведь, подождут. Она счастлива, а они там, на улице не умрут без выпивки еще некоторое время...

Вера отвернулась от окна такси. Больно, и эта боль не проходит. Каждое воспоминание будит ее снова и снова. Пройдет ли эта боль когда-нибудь? Сможет ли она снова дышать

полной грудью?

Сдав экзамены, Семен Кречетов отправился подавать документы в институт. Живя за границей он повсюду передвигался на скутере. Поэтому приехав в Москву, он упросил мать разрешить ему ездить по городу на шикарном мотоцикле дяди Вована, который тот с радостью предоставил старшему сыну Сереги. Вера неохотно, но согласилась. Она теперь по опыту знала, что никогда не угадаешь, откуда может подкрасться опасность.

Сеня шикарно подкатил к зданию института. Вера хотела поехать с ним, но он наотрез отказался. Они с Алешей были истинными сыновьями своего отца и не привыкли держаться за мамин подол, а наоборот всячески окружали заботой и вниманием ее.

Сдав документы, Сеня спустился в вестибюль и тихонько насвистывая, пошел к выходу. У одной из старинных колонн в полутемном углу копошилась маленькая фигурка. Девушка, Сенина ровесница, что-то лихорадочно искала в объемной сумке и при этом чуть слышно всхлипывала.

– У тебя, что-то случилось? – подойдя ближе, обратился к ней Сеня. Сильно всхлипнув, видимо испугавшись от неожиданности, она повернула к нему лицо усыпанное веснушками. Курносый нос и глаза у нее покраснели.

– Аттестат дома забыла. Растяпа. Не успею документы сдать, – стараясь сдерживаться, что бы не разрыдаться сказа-

ла она немного гнусавым заплаканным голосом.

– Пошли.– Сказал Сеня, беря ее за руку.– Сейчас съездим за твоими документами.

Она удивленно посмотрела на него. А потом улыбнулась, и Сене показалось, что в полутемном вестибюле стало светлее, а далеко не самая хорошенькая девчонка сказочно хорошеела от собственной улыбки, и сердце у Сени забилося быстро–быстро.

Усадив девчонку на мотоцикл, он надел ей запасной шлем. И она звонко засмеялась. «Смех как у мамы»– подумал Сеня, чувствуя себя отчего-то ужасно счастливым. Ему было очень хорошо и легко, и он готов был проехать хоть несколько сотен километров с маленькой, конопатой девчонкой за спиной, лишь бы она все также обнимала его своими руками и прижималась к его спине своим телом.

– Я никогда на мотоцикле еще не ездила!– восторженно прокричала она, когда они мчались по широкому, прямому, как стрела, шоссе.

– Если захочешь, я буду тебя катать.– Прокричал Сеня. Она не ответила, но он почувствовал, как маленькие руки обхватили его еще крепче. Это был необыкновенно счастливый момент. Ему хотелось закричать от переполнявшей его непонятной радости.

В конце июня, глядя на осунувшегося, хмурого Вована, Вера сказала:

– Телянин, хватит себя изводить. Съезди к ней. Скажи о своих чувствах. Будь уже мужчиной, наконец. А то смотри, пока ты будешь раздумывать да храбрости набираться, кто-нибудь порешительнее тебя может найтись.

Вытерпев еще дня три, Вован отправился к Инне в издательство. Почему-то ему казалось, что там ему не придется делать каких-то признаний и можно будет обойтись, чем-то вроде того, что ты мне нравишься, и я скучаю.

Войдя в приемную, он обнаружил там сурового вида секретаршу. «Ни чета Лизку, – подумал Вован, разглядывая массивную хмурую тетку, со всех сторон заваленную кипами папок с бумагами. – Прямо Цербер Инну Андреевну охраняет».

– А Инна Андреевна у себя? – обратился он к женщине Церберу.

– Как о Вас доложить? – спросила тетка, чуть ли не басом. Вован назвал себя, желая как можно скорее пройти в кабинет и скрыться там от жутковатой секретарши.

– Инна Андреевна, к Вам тут Телянин Владимир Родионович. – Прогудела секретарша в селектор.

– Передай ему, что бы он шел к чертовой матери. – По громкой связи любезно сообщила Инна Андреевна.

Тетка повернула к Вовану суровое лицо.

– Слышали или повторить? – с издевкой спросила она незадачливого посетителя.

– Спасибо, не глухой. – Огрызнулся Вован. – Передайте

своей начальнице, что там и встретимся. Аревуар.

Вован вышел из приемной и с силой шарахнул дверь. Все надоело. Больше он бегать за этой чертовой Инной Андреевной не собирается. Не на того напала.

Спустя еще неделю он снова приехал в издательство. До этого он ездил к Инне домой, но дверь никто не открыл.

Вован быстро вошел в приемную и сходу рванул к двери. Обойдусь как-нибудь без этой гренадерши, решил он. Он ожидал, что монстроподобная тетка сейчас разорется ему в след, но она довольно миролюбиво сказала:

– Нет ее. В командировке.

– А надолго?– не особо надеясь на ответ, после прошлого приема и пожеланий Инны Андреевны, спросил Вован. Но видимо сегодня секретарша была расположена к общению больше чем в прошлый раз, потому, что окинув, его насмешливым взглядом она сообщила, что начальница вернется через четыре дня. Она, похоже решила сегодня стать подружкой горе-ухажера начальницы, потому что, к немалому удивлению Вована, даже сообщила куда именно уехала, а вернее улетела Инна Андреевна и, порывшись в бумагах на столе, назвала номер рейса, которым та должна была вернуться.

– Только я Вам ничего не говорила,– буркнула она.

Вован послал ей воздушный поцелуй и с изумлением увидел, как женщина-гора зарделась от смущения.

Через четыре дня Вован, в числе встречающих толкался в аэропорту. Твердо решив, хоть насильно затолкать строп-

тивную, сводящую его с ума, женщину в свою машину и поговорить с ней, и даже, черт с ней, если ей так хочется, признаться, в том, что она ему не просто нравится, а очень сильно нравится.

Объявили посадку Иннинного самолета, и через некоторое время появилась и она сама, причем не одна, а под ручку с каким-то высоким интеллигентного вида мужиком с легкой проседью в волосах. Они шли не спеша, о чем-то увлеченно разговаривая, их, то и дело, обгоняли другие пассажиры, которым явно не терпелось поскорее попасть из аэропорта в какое-нибудь другое место. Вован застыл. Такого он не ожидал. Вот зараза! А Верка-то была права, пока он боролся со своими трусливыми комплексами, мужик не растерялся и увел у него женщину из-под носа.

Заметив в толпе встречающих бледное застывшее лицо своего нерешительного любовника, Инна Андреевна сказала своему спутнику, что ее встречают, и, пожелав друг другу всего наилучшего, парочка рассталась. Интеллигентный мужчина пошел к выходу, а Инна направилась к, так и стоявшему в оцепенении Вовану.

– И, что ты тут делаешь?– поинтересовалась она.

– У меня хобби. Считаю, сколько человек сходит с каждого самолета.– Сердито сказал Вован.

Она усмехнулась.

– Ладно, не буду тебе мешать, а то еще пропустишь, не дай бог, кого-нибудь и все труды насмарку.– Сказала она и

повернулась, что бы уйти.

– Инна.– Он схватил ее за руку.– Постой.

Она посмотрела на него равнодушно без всякого выражения.

– Ну, что еще?

– Инна, выходи за меня замуж.– Выпалил Вован, удивляясь и радуясь одновременно, что так неожиданно, даже для самого себя сказал, то, что не собирался говорить, но чувствовал, просто даже думать об этом запрещал себе.

– С какой стати мне выходить за тебя замуж?

Вован уставился на нее. Он думал, что после его смелого, можно сказать, героического высказывания она упадет к его ногам и, зайдясь от восторга скажет: «Да! Конечно, сокровище мое, я выйду за тебя». Не упавшая к ногам Инна стояла насмешливо глядя на него и совершенно не собиралась ему помогать найти ответ на вопрос, почему она должна стать его женой. Вован решил, что раз уж начал, то отступать теперь поздно и бросился в омут с головой. Будь, что будет.

– Потому, что я не могу без тебя! Ты нужна мне!– да он это сделал. Он сказал. И ничего ужасного не произошло.

– Я не могу без своего главного редактора. И, что? Мне теперь за него тоже замуж, что ли выходить?– голос ее звучал холодно и даже чуть-чуть враждебно.

– Что ты хочешь, что бы я сказал? Или тебе просто нравится издеваться?– накинулся на нее Вован. Инна вырвала у него руку, за которую он держал ее все это время, и пошла

к выходу.

– Подожди!– заорал Вован, почему-то не сомневаясь, что если она сейчас уйдет, то ему будет уже не достучаться до нее.– Потому, что я люблю тебя, черт бы тебя побрал!

Она остановилась и повернулась к нему. Вован подошел к ней.

– Неужели это так важно было услышать? Это, что так непонятно?– тяжело дыша от волнения сказал он, злясь на нее, что вынудила его произнести вслух страшные слова, которые на самом деле оказались не такими уж страшными, и радуясь, что она не ушла. Значит, он все же нужен ей, значит, он ей не безразличен, не пустое для нее место.

– Да, важно.– Сказала она.– Для меня важно. Конечно, если ты не врешь, просто, что бы добиться своего. Ты же говорил, что ты ужасный врун.

Вован помотал головой. Сейчас он не ухмылялся и выглядел взрослым нормальным мужчиной.

– Я люблю тебя. И я не могу без тебя. Без тебя меня нет, понимаешь? Ты выйдешь за меня?

Она лукаво улыбнулась.

– Это так неожиданно. Даже не знаю.

Вован со злостью смотрел на нее. Все понятно. Она издевается, просто решила отыграться. А он, идиот, и размечтался. Увидев все его чувства, написанные у него на лице: злость, отчаяние, боль, обиду, разочарование, Инна подошла к нему вплотную и обняла его.

– Конечно я выйду за тебя, идиот ты несчастный.– Засмеялась она.

Он улыбнулся, а потом улыбка превратилась в его привычную ухмылку.

– Кстати, ты мне так и не сказала тогда, сколько тебе лет. Ведь, правда же, тебе не восемьдесят четыре?

Она засмеялась.

– Мне тридцать шесть.

Вован оценивающе посмотрел на нее.

– Возраст конечно солидный, но так и быть беру.

Июль 2013г.

Теплым июльским вечером , сверкающий мотоцикл, принадлежащий Вовану подкатил к одной из девятиэтажек в районе Динамо. Первой на землю спрыгнула девушка с россыпью веснушек на сияющем радостном лице. Вслед за ней с мотоцикла слез высокий темноволосый парень. Он проводил девушку до подъезда, и было видно, что он всячески пытается оттянуть момент прощания.

– Ну все мне пора.– Немного грустно сказала его конопатая, похожая на солнышко, подружка.

– До завтра.– С надеждой сказал водитель мотоцикла.

– До завтра.– Ответила она и, привстав на цыпочки, поцеловала его в щеку, после чего быстро скрылась в подъезде. А юный поклонник, не сразу пришедший в себя от такого нечаянного счастья, расплылся в счастливейшей улыбке,

обожая в это мгновение весь этот прекрасный мир. Он был влюблен и он был счастлив.

Молодость. Любовь. Они неразрывно связаны и так прекрасны, что когда они соединяются вместе, человек хочет петь, кричать. Парить над землей. Он готов любить всех и каждого. Дарить всему миру свою радость, согревать своим теплом все вокруг себя. Его сердце в этот момент не стучит. Оно поет песню любви, песню счастья.

Сеня сел на мотоцикл и поехал в обратную сторону. Домой. Его переполняли эмоции. Ему хотелось поделиться со всем миром своей радостью. Своим счастьем. Своей любовью. Самой чистой и прекрасной, какой бывает только первая любовь.

Вера уже некоторое время замечала, что с ее старшим сыном, что-то происходит. То он сидел задумчивый над книгой, над тарелкой с едой, просто сидя на диване. То начинал улыбаться каким-то своим мыслям. «Он влюбился»— догадалась, исходя из своих наблюдений, Вера. Но пока Сеня не спешил поделиться своими переживаниями. Вера не лезла и не спрашивала. Когда захочет сам расскажет. Может быть, он еще не готов или еще не разобрался в собственных чувствах.

Время от времени Алешка начинал дразнить брата. «А Сенька влюбился! А Сенька влюбился!».

Видимо брат не выдержал и поделился с младшим, а тот, не считая нужным хранить секрет, болтает теперь, что бы его подразнить.

Сеня ворвался в Телянинскую квартиру как ураган.

– Мама! – он со счастливой улыбкой смотрел на мать. – Мама...

Она погладила сына по голове.

– У тебя появилась девушка? – улыбнулась Вера. Темноволосая голова закивала в ответ.

– Я рада за тебя сынок. Это здорово.

– Я... Она такая! Мама, она замечательная! – восторженно пытался выразить свои чувства ее взрослый сын. Не находя слов и немного стесняясь этих чувств, вернее стесняясь говорить о них, и, в то же время, испытывая необходимость и огромное желание поделиться, разделить свое счастье. – Мне кажется, что весь мир становится ярче и прекраснее когда она рядом. И сердце колотится в груди как сумасшедшее, а потом замирает.

Вера притянула к себе его голову и поцеловала в макушку.

Как это здорово, когда мир становится ярче и прекраснее и сердце колотится и выпрыгивает из груди и замирает. Как давно и как недавно это было и с ней. Это волшебное чувство, когда ты влюблен, когда весь мир сосредотачивается в одном единственном человеке. Все это было и у нее и все это живет в ней и останется навсегда, потому, что такие воспоминания остаются в нас до конца нашей жизни чистым добрым светом.

– Может быть, ты потом познакомишь нас? – улыбнулась Вера.

– Конечно. Она тебе понравится.

Еще вчера она сама была такой же девчонкой с сердцем, выпрыгивающим из груди при виде его отца, а сегодня их сын, совсем взрослый, переживает свою первую в жизни любовь. И кто знает, может быть это чистое почти еще детское чувство, перерастет в настоящее крепкое, которое продлится долгие-долгие годы. В любом случае это прекрасно. Молодость и любовь всегда прекрасны.

Сеня не спеша прогуливался по старой московской улице. Когда они жили в собственном доме, они конечно приезжали в Москву, но обычно они ездили на машине куда-нибудь в кино, в театр или в музей. То есть в какое-то вполне определенное место. А просто так, по улицам не гуляли. Добирались до нужного места на автомобиле отца и уезжали обратно тоже на машине. Поэтому теперь, живя, временно в квартире друга отца Вована, почти в центре, Сеня частенько ходил просто прогуляться по старым улицам. Он открывал для себя огромный город, знакомился с ним, узнавал его лицо, его нравы.

Сегодня его подруга уехала с родителями к родственникам, поэтому Сеня бродил в одиночестве, исследуя все новые и новые места. Ему нравился шум, толпы прохожих. Старые дома, соседствующие с новыми. Ему нравился запах бензина, пыли, разогретого солнцем асфальта.

Бесцельно бродя по бесконечным улицам и переулкам,

Сеня вышел на широкую улицу, с оживленным движением машин и множеством людей. Он осмотрелся по сторонам, решая, куда лучше дальше пойти и увидел почти перед собой знакомое с пеленок, родное лицо.

– Дядя Филимон!– завопил Сеня и бросился к высокому, широкоплечему с военной выправкой мужчине, выделявшемуся в толпе яркой голубизной холодных пронзительных глаз.

– Здорово, Сенька! Вырос. Здоровенный стал.– Радостно смеясь, сказал Филимон. Они обнялись.– Ты откуда, вы же за границей были?

– А мы вернулись. Я в институт поступил.– Широко улыбаясь, все еще не веря в счастливую встречу, ответил Сеня.

Филимон почувствовал, как екнуло в груди. Но сам себе приказал прекратить. Все прошло. Он только излечился. Все в прошлом, пусть там и остается.

– Как мама?– это был вопрос вежливости, который не может не задать старый друг отца.– Алешка как?

– Да нормально. Мы только два месяца назад приехали. Мама сейчас ищет нам дом или квартиру. Мы пока у дяди Вована живем. Он, кстати, женится скоро. Влюбился,– засмеялся Сеня.

Филимон удивленно посмотрел на него. Вот те раз. Закоренелый холостяк Вован влюбился и женится. Наверное, один он, Филимон, так и помрет бобылем.

– Мама тебе писала.– Все так же широко улыбаясь сооб-

шил Сеня.— Только сказала, что ты ничего не ответил.

— Да она, наверное, на старый адрес писала.— Стараясь говорить спокойно, сказал Филимон. Сердце ухало в груди и он никак не мог заставить его прекратить эту бешеную скачку.— Я ведь тоже только два месяца назад в Москву вернулся. Почти два года в деревне жил. После того как в отставку ушел.

— Ты больше в ФСБ не работаешь?

—Нет. Я оттуда ушел. Теперь бойцов спеназа тренирую.— Сказал Филимон.

— Здорово!— восхитился Сеня восторженно глядя на героического друга своего отца.— Приезжай к нам в гости. Все будут рады.— предложил Сеня, заранее предвкушая теплую радостную встречу.

— Да может, как-нибудь,— уклончиво ответил Филимон, совершенно точно зная, что лучше даст отрезать себе руку, чем поедет на встречу с его матерью. Нет уж. Он спокойно жил все это время и почти не вспоминал ее и даже когда вспоминал, почти ничего не чувствовал. А вот сейчас мальчишка сказал про мать, про ее письма и заныло в груди, и опять хоть беги из Москвы, спасайся от этой напасти, от своего проклятия. Насмешка судьбы. Он только вернулся и она тут как тут. Она, наверное, наказание за его грехи, которых, не мало, накопилось за жизнь.

Они еще немного поговорили про Сенину учебу. Про работу Филимона. Перед расставанием Филимон дал Сене ви-

зитку и сказал звонить ему в случае чего, если понадобится помощь.

Сентябрь 2013г.

До свадьбы Вована оставалось меньше двух недель. Вера нашла дом, но там нужно было сделать ремонт и они пока все еще продолжали жить в квартире Теляниных. Алина Николаевна была несказанно рада этому, тем более что Вован, еще два месяца назад, перебрался к будущей жене. Алина Николаевна была счастлива, что сын наконец-то женится, но предстоящее одиночество после того как Вера с мальчиками покинут ее огромную квартиру, пугало ее. В доме станет совсем пусто, а без жизнерадостных детей, без милой доброй Веры и без ее вечно, кипящего и бурлящего энергией сына здесь будет совсем тихо и тоскливо.

– А Вы переезжайте к нам.– Смеялась Вера.– Дом большой, всем места хватит.

Алина Николаевна вздыхала и даже порой плакала ночью потихоньку в своей комнате.

Вера поехала посмотреть, как идут дела с ремонтом. На этот раз она поехала не на такси, а на автобусе, что бы посмотреть, сколько времени он идет и где останавливается. В дороге она запуталась и вышла на одну остановку раньше, чем нужно. На противоположной стороне дороги был установлен указатель с названием населенного пункта и рассто-

ниями до него. Вера вдруг вспомнила, что на визитке, данной Филимоном Сене, обозначен тот же поселок, что и на указателе.

Закончив свою инспекцию, и, переругавшись с рабочими и их бригадиром, Вера проехала одну остановку и, перейдя дорогу, стала ждать автобуса до указанного поселка.

Филимон проводил ежедневную проверку физподготовки личного состава. Молодые ребята, взмокшие от пота, уже еле передвигавшие ноги от усталости, мечтали только о перерыве и отдыхе. Полковник Филимонов спокойно наблюдал за прохождением занятия, подгоняя молодых бойцов. Со стороны казарм подбежал молоденький сержант и, взяв под козырек, обратился к грозному командиру.

– Товарищ полковник, Вас на проходной женщина дожидается. Вера Николаевна Кречетова.

Сержант мог бы даже не называть имя. Филимон при слове женщина понял, что это она. Больше и не могло быть ни какой женщины. Все немногочисленные отношения в жизни Филимона быстро заканчивались. Со всеми своими женщинами он был холоден, почти равнодушен. Ни одна не зацепила его, не увлекла, не заставила сердце биться чаще и сильнее. И все эти романы, которые и романами-то не назовешь, одинаково заканчивались. После непродолжительных, причем не постоянных, а эпизодических отношений все его подруги, не выдержав холодности и равнодушия, отсутствия хоть каких-то чувств с его стороны, заявляли, что бросают

его бесчувственного солдафона, и истукана, надеясь хоть напоследок досадить ему, сделать больно. Я тебя бросила, вот теперь ты поплачь, скотина ты бесчувственная. Но Филимона такой исход очень даже устраивал. Не требовалось самому прекращать ненужные, становящиеся в тягость отношения.

И вот сейчас, назначив вместо себя одного из подчиненных, Филимон направился легкой пружинящей походкой в сторону КПП. Глядя на его невозмутимое лицо никому бы и в голову не пришло, что он изо всех сил старается не побежать, причем сам не знает в какую сторону, то ли туда, где ждет жена его друга, то ли в прямо противоположную, и бежать без оглядки, как можно дальше.

– Привет!– сказала она и, радостно улыбаясь, шагнула к нему.

– Привет.– Филимон готов был развернуться и убежать обратно и плевать, как это будет выглядеть в глазах подчиненных, которые потихоньку бросали быстрые любопытные взгляды на полковника и его посетительницу. И плевать, что подумает она. На все плевать. И возможно он бы так и сделал, если бы ноги не отказались слушаться, если бы не вросли в пол как бетонные столбы.

– Я рада тебя видеть!– сказала она, не догадываясь о его душевных терзаниях. Он наконец-то излечился от нее. Он воздвиг стену из границ и расстояний, из забвения, а она, одним своим появлением, смела эту стену, разметав ее до основания. Вера! Вера! Наказание и проклятие. Недостижимая

мечта и страшная мука в жизни мужчины стоящего напротив нее. Мужчины, который мог переломить хребет врагу, разбить ударом деревянную дверь, не дрогнув лишит жизни десяток противников на поле боя. Маленькая Вера, женщина, которой он боялся, всю жизнь как огня, от которой бежал, пытаясь спастись. И всегда она его настигала, где-бы он не спрятался.

– Я тоже рад тебя видеть. Прекрасно выглядишь.– Сказал он совершенно спокойно, а внутри все рвалось и кричало.

– Я тебя не отвлекаю? Извини, наверное, нужно было позвонить.– Немного виновато сказала она.

– Да нет, конечно, не отвлекаешь.– Если бы она позволила, он бы объявил осадное положение, боевую тревогу, приказал бы забаррикадировать все подступы к базе, чтобы не допустить сюда маленькую хрупкую женщину. Женщину, которую он любил половину своей дурацкой неприкаянной жизни.

– Как ты?– спросила она, заглядывая ему в глаза. Одна из не многих, кто не боялся его глаз, единственная кого он сам боялся до дрожи, до умопомрачения. Филимон почувствовал, как в горле встает ком и на глаза наворачиваются слезы. Ему захотелось наорать на нее, сделать, что-то страшное, что бы она ушла и больше никогда не возвращалась в его жизнь. Потому, что еще сильнее ему хотелось схватить ее в охапку, зарыться в мягкие волосы прижаться к ним щекой, губами. Он сжал кулак, так, что суставы заломило от боли. Что же ты

делаешь со мной наказание мое? Мое счастье и горе.

– Нормально. Теперь вот здесь.

Вера смотрела на друга мужа и внезапно она почувствовала прилив нежности, благодарности, гордости к суровому сильному мужчине, стоящему напротив нее. Она с радостью поделила бы с ним его поиски правды и мщение. В ее женском, не жестоком сердце, не родилось бы ни капли жалости к тем, кого он настигал и карал. Она прошла бы с ним через это что бы увидеть муки и страх виновных . Что бы насладиться этим зрелищем и запомнить его.

– Я здесь была недалеко. Смотрела, как продвигается ремонт дома. Случайно увидела указатель и вспомнила, что у Сеньки на твоей визитке этот адрес.– Она нежно улыбалась ему, старому другу, близкому человеку, мстителю и герою. А герой и мститель испытывал муки ада. Он бы предпочел оказаться сейчас где-нибудь на передовой, где стреляют и взрываются мины. Там намного легче, намного безопаснее. Но он был здесь. Мстители и герои не должны быть трусами, не имеют права быть ими, и он смотрел на нее, улыбаясь, чувствуя, как разрывается сердце и не проходит воздух в легкие.

– Сенька тебе говорил, что Вовка женится. Я хотела пригласить тебя на свадьбу. Будешь моим спутником?

Филимон чуть не расхохотался ей в лицо. Ему хотелось закричать: «Вера! Что ты делаешь? Оставь меня, уйди из моей жизни. Боль моя, мука моя, проклятие и наказание. Ты всю душу мне вынула за эти годы. Скажи, что мне сделать,

что бы ты исчезла. Хочешь, я нарежу ремней из собственной кожи и не поморщусь? Только оставь меня. Уйди навсегда. Умоляю».

– Дима! С тобой все нормально?– она встревоженно смотрела на застывшего Филимона, казалось, что он не слышит, что она говорит и вообще, что он мысленно не здесь. Он улыбнулся.

– Все нормально. Конечно, я пойду с тобой.

Войдя в здание ЗАГС, молодожены и гости направились в сторону парадных дверей ведущих в зал бракосочетания.

Вован ухватил Инну за руку. Его глаза лихорадочно блеснули, а сам он весь был какой-то дерганый. Синдром закоренного холостяка, который решил жениться, но до чертиков боится, сам не зная чего.

– Ты же понимаешь, что я все еще могу сбежать?– крепче вцепляясь в руку невесты, спросил он.– Я там, на улице заметил пожарную лестницу. Она как раз под тем окном, что напротив нас. Так, что держи меня крепче, иначе я могу не выдержать и смотаться.

Инна улыбнулась.

– Никуда ты не смотаешься. А смотаешься, так потом сам же и вернешься.

– Так я могу идти?– с надеждой глядя на нее спросил Вован, сжав ее руку так, что она поморщилась от боли.

– Ты мне руку ломаешь.– Инна выдернула свою ладонь.–

Сам дойдешь, не маленький.

– Инна!

– Ну, что? Горе ты мое.

Вован смотрел на нее с совершенно несчастным выражением лица.

– Ты даже не представляешь как мне страшно!

– Это мне страшно.– ответила невеста.– Выходить замуж в моем возрасте, будучи беременной от детсадовца-переростка, вот это страшно. А ты можешь идти к своей пожарной лестнице.

Вован застыл.

– Ты? Правда?!– очень тихо спросил он.

– Да.

Жених подхватил ее на руки и закружил по залу.

– Я буду отцом!!!– заорал он так, что гости пришедшие с другими парами испуганно шарахнулись в стороны.

В ресторане было шумно и многолюдно. Гости пили, ели, веселились. Жених заботливо порхал над невестой как шмель над цветком, стараясь уберечь ее даже от дуновения ветерка. Закончилось это тем, что счастливая невеста взяла своего новоиспеченного мужа за ворот белоснежной крахмальной рубашки и нежно шепнула ему на ушко, что если он сейчас же не прекратит, то она завтра же подаст на развод.

Алина Николаевна с умилением смотрела на счастливую, красивую пару и время от времени промокала глаза огром-

ным носовым платком. Новость, что она станет, наконец-то, бабушкой привела ее в неописуемый восторг, и она жалела только об одном, что Родион Петрович не дожил до этого счастливого дня. Посреди танцпола, тесно прижавшись, друг к другу, танцевали юные влюбленные Сеня и его девушка Дина. Время от времени Сеня целовал ее в конопатый нос, а иногда, когда думал, что никто на них не смотрит, в губы. Рядом с ними танцевали не влюбленные, но очень довольные и веселые Алеша и Лиза.

Вера сидела рядом с Филимоном на небольшом диванчике. Из открытого окна приятно обдувал ветерок. Филимону казалось, что он проглотил кол и теперь не может ни пошевелиться, ни вздохнуть. Зачем он только согласился прийти, идиот несчастный? пытка длилась уже третий час. Сначала они сидели рядом за столом и Филимон, сжав зубы, наблюдал, как вьется вокруг Веры, друг и сотрудник Вована, Гришка Распутин, расточая ей комплименты, одаривая ее при этом восхищенными взглядами и чуть ли не предлагая руку и сердце. Вера в ответ на Гришкины ухаживания хотала, а он лихо встряхивал черными кудрями и улыбался во все тридцать два зуба. Потом прыткий поклонник увлек ее танцевать танго, и они так зажгли, что все присутствующие пришли в полный восторг. А Филимон испытывал почти непреодолимое желание свернуть шею импульсивному любвеобильному Гришке. И от этого своего желания чувствовал себя еще большим идиотом. Потом Вера предложила Фили-

мону перебраться поближе к окну, на этот чертов диванчик и сидела теперь совсем близко, почти касаясь его. Он ненавидит свадьбы. По крайней мере, свадьбы, где присутствует она. Филимон решил, что посидит еще час, уж час-то он как-нибудь выдержит, а потом сошлетя на службу и сбежит отсюда к чертовой матери. Слава богу, что через две недели его отряд отправляют в Сирию. Там он будет себя чувствовать в куда большей безопасности. Потому, что там всего на всего война, а здесь она, женщина, не выносимая для него, причиняющая ему страшную боль.

Вера повернулась к нему и, улыбнувшись, сказала:

– Мне раньше казалось, что ты меня недолюбила.

Филимон, в это время прикуривавший сигарету, сильно закашлялся от дыма, так, что на глаза навернулись слезы. Нет, просто смерти его хочет эта женщина. Причем не быстрой и легкой, а долгой и мучительной.

– Почему?– тупо спросил он. Не в силах придумать ничего более умного. После ее заявления способность мыслить окончательно покинула его.

– Мне казалось, что ты как-то сторонись меня. Не знаю. Просто было такое ощущение. Я думала, что ты не одобряешь Сережкин выбор. Ведь бывает же такое, что нам кто-то не нравится.

– Да нет, Вер. Я всегда считал, что Сереге очень повезло.– Собрав всю волю в кулак, сказал Филимон. Потому, что если бы он сказал, все, что у него на душе она бы очень удиви-

лась и смутилась, наверное, и возможно даже сама стала бы к нему неприязненно относиться.

– Пойдем, потанцуем.– Улыбнулась Вера и взяла его за руку.

Когда маленькие ладошки легли на его широкие плечи, ему показалось, что сквозь ткань пиджака его прожигают раскаленные угли. «Господи, да ведь мне лечиться нужно.– подумал он.– Еще полчаса. Будь мужчиной, придурок».

– Даже не верится, Телянин наконец-то женился!– Смеясь, сказала Вера.– Дим, а почему ты так и не женился?

Филимон остановился. Все, хватит с него. Она его достала. Изощренная садистка, не подозревающая об этом. Он посмотрел в ее глаза, заставив себя, погрузится в них и не отводить взгляд.

– Потому, что женщина, которую я любил, раз и навсегда, отдала свое сердце другому.– Холодно сказал он.– Извини, мне пора. На службу нужно вернуться.– Он развернулся и пошел к выходу. Больше он ни за, что с ней не встретится. Всему есть предел. Отдаст приказ, что бы ее и близко к тренировочной базе не подпускали. А потом укатит на войну и аривидерчи. А когда вернется, если вернется, он что-нибудь придумает, что бы ее больше никогда в своей жизни не видеть.

Вера смотрела на удаляющую прямую спину с военной выправкой и догадка, молнией пронесшаяся в ее голове во время его признания, с каждым шагом удалявшим его от нее

превращалась в уверенность. Ей стало невыносимо грустно. Ей было безумно жаль его. Жаль себя. Может тоже уйти домой. Ощущение праздника пропало. Сквозь толпу гостей, сияя задорной улыбкой, к ней пробирался Гришка, держа по бокалу мартини в каждой руке. «О боже!»— чувствуя, как ее начинает разбирать истерический смех, подумала Вера.

Ноябрь 2013г.

Маленький полуразрушенный сирийский городок. Страшная жара. Мухи. Только голая высушенная земля, да тут и там, изредка попадаются чахлые, тянущие вверх тонкие стволы дерева. Унылый пейзаж. Тяжелая жизнь. Люди, измученные войной, голодом, разрухой.

Уже целый месяц группа Филимона жарилась здесь в полном бездействии. В городке ничего не происходило. В первые два дня боевики немного постреляли, но потом ушли. И наступила тишина. Молодые ребята изнывали от однообразия бесконечно тянущихся, похожих один на другой, дней. Тоска. Заняться нечем. Пойти некуда. Днем резались в карты. Вечером, иногда Филимон выделял немного спирта. Вот и все занятия. Филимон уже давно подозревал, что командование ошиблось, послав их сюда, но приказа возвращаться не поступало и они сидели в этом богом забытом месте день за днем, неделю за неделей. Филимону было все равно. Он мог хоть весь остаток жизни здесь просидеть. Лишь бы не возвращаться в Москву. Потому, что там придется что-

то решать. Решать, что делать дальше. Куда податься, что бы быть подальше от источника его бед и страданий.

Накануне Филимон отпраздновал свое сорока трехлетие. Условно конечно отпраздновал. Выпили спиртяшки, вот и весь праздник. Да он уже давно и дома не праздновал свои дни рождения. Последний раз еще в молодости, наверное, устроили веселое гуляние. По мобильному пришло поздравление от Сени, с которым Филимон частенько переписывался. Вера, слава богу, не написала. Она, наверное, поняла все тогда на свадьбе. Ну, да и бог с ней. Теперь это уже не важно. Филимон привалился поудобнее, к полуразрушенной стене бывшей пятиэтажки и прикрыл глаза. На солнышке его разморило. Потянуло в сон. Скоро станет как толстый ленивый кот, от безделья и постоянных дневных подремываний. Слева от Филимона раздался шорох. Он повернул голову и увидел Макса Коровкина, одного из своих ребят, идущего вдоль стены противоположного дома. Впереди него медленно шла тощая, непонятно откуда забредшая сюда коза. Макс тихонько крался за ней. «Зачем ему коза? Доить, что ли ее собираются?» — усмехнулся Филимон. Маются ребята, бродят как привидения между развалинами. Вон, уже за козами готовы охотиться. Их готовили к войне, тренировали день и ночь, гоняли до седьмого пота, а здесь голые камни, потрескавшаяся земля и палящее солнце. Кто угодно одуреет. Внезапно за следующим домом Филимон заметил какое-то движение. Как будто кто-то перешел с места на место и все снова за-

тихло. Но многолетний опыт пребывания в самых разных горячих точках выработал у Филимона четкие рефлексy, он научился безошибочно чувствовать опасность. Филимон с быстротой дикой кошки метнулся к молодому бойцу из своего отряда, в два прыжка достигнув его.

– Ложись!– заорал он, наваливаясь на еще, совсем почти мальчишку, и закрывая его своим телом. В тот же миг автоматная очередь прорезала воздух, нарушая своей трескотней, почти полную тишину, царящую в сонном раскаленном жарким солнцем городке. Тощая коза, с жалобным блеянием припустила вперед по пыльной дороге. Потом все замерло, и сонный городок опять окутала тишина.

Филимон почувствовал резкую обжигающую боль в боку, а потом все провалилось в бездонную черноту. Он уже не слышал звуков, завязавшейся перестрелки и рева двигателя, отъезжающей машины нападавших, спасающихся бегством, от бойцов из его отряда.

Вертолет забрал полковника и его группу ближе к вечеру. Группу было решено отозвать из-за нецелесообразности ее пребывания на данном участке и из-за тяжелого ранения командира. Присылать другого офицера для командования не имело смысла.

Филимон лежал на носилках, укрепленных на большом грузовом ящике. Врач, прибывший вместе с вертолетом, осмотрев раны, сказал, что полковник навряд-ли дотянет до

Москвы. Задето легкое и за то время, что ждали вертолет, он потерял слишком много крови.

Филимон видел своего отца. Отец подходил к нему и улыбался глядя на Филимона такими же как у него самого холодными голубыми глазами, в которых не было ни каких человеческих чувств. Отец встал напротив него и поманил его рукой. «Убирайся обратно в ад!»— хотел крикнуть Филимон, но сколько он не открывал рот, сколько не старался выкрикнуть свое проклятие, ни одного звука не вылетало из его широко раскрытого рта.

Отца Филимон ненавидел. Лютой ненавистью, с самого раннего детства. Филимон и сейчас иногда просыпался в холодном поту, когда ему снилось, как отец избивает их с матерью. Больше всего ему было жалко мать. Когда он был маленький, мать пыталась прикрывать его собой, и за это отец избивал ее еще сильнее. Участковый уговаривал ее написать заявление, но она отказывалась, мол, мужа все равно не посадят, а им с Димкой после этого и вовсе не жить. А и посадят на год-два. Вернется и забьет до смерти. Так и жили. Когда Филимону было одиннадцать, он не выдержал и бросился на отца, вступившись за маму. Очнулся он в больнице с травмой головы и переломанными ребрами. После того как его увезли в больницу мать взяла топор и подойдя к лежащему на кровати мужу сказала: «Меня можешь хоть убить. Но тронешь еще раз Димку, и я тебя самого прикончу». И так она, видимо, это сказала, что отец на какое-то время притих.

А потом запил и как-то ночью, пьяный, попал под проходящий поезд, когда переходил железнодорожные пути, возвращаясь с вечерней смены.

Филимон даже на похороны идти не хотел. Пошел только из-за матери. На поминках она плакала. А когда соседи разошлись, спросила: «Как же мы, сыночек, теперь без отца-то жить будем? Ведь какой-никакой, а кормилец». Филимон обнял мать и сказал «Теперь хорошо жить будем. Считай, только-только и начнем жить. Не волнуйся, мам. Теперь я о тебе заботиться буду».

Отец исчез и через какое-то время Филимон увидел мать. Она смотрела с нежностью и очень печально. Филимону захотелось, что бы она обняла его, погладила как в детстве по голове. «Мама!»— позвал он, но опять не вслух, а беззвучно.

Ему очень захотелось увидеть Веру. Он знал, что времени у него осталось немного, поэтому сейчас можно ее увидеть. Уже не страшно. Но она не появлялась. Филимон снова провалился в черную темноту.

Вертолет приземлился на военной базе, где группу вместе с раненым переместили в военный самолет, который отправился в Москву.

Врач удивлялся, что полковник еще жив. Он был даже не уверен, успеют ли они добраться до базы. Но сердце билось в груди пробитой автоматными патронами. Очень слабо, но билось, продолжая качать кровь, продолжая бороться за жизнь.

– У него родственники есть?– спросил он ребят из отряда.

Никто ничего толком не знал. Одни считали, что нет. Другие не были уверены. Полковник не был душа нараспашку. О себе почти ничего не рассказывал, кроме пары тройки эпизодов из времен прошлой службы. Один из ребят взял мобильный. Может командир переписывался с кем-то из близких.

– Вот, вроде племянник ему писал. С днем рождения поздравлял.– Сказал молодой паренек с ярким румянцем на щеках.– Называет его дядей.

– Напиши ему.– Сказал доктор.– Может его мать или отец братом или сестрой приходятся полковнику. Если доживет до Москвы, может, успеют его повидать. Человек не должен умирать в одиночестве, если есть кто-то кому он дорог.

– Мам!– заорал Сеня.– Мне тут какой-то парень пишет. Пишет, что он из отряда дяди Филимона и, что дядя Филимон ранен.

Вера выхватила телефон из рук сына. Накатило ощущение дежавю. Все это уже было с ней. Пусть по-другому, но было. Да, что ж такое, почему близкие ей люди не могут вернуться домой без какой-нибудь дырки в своем теле? Почему жизнь такая жестокая и несправедливая? Молодой боец сообщил, что как только, что-то будет ясно, он напишет, в какой госпиталь отправят раненого.

Филимон медленно выплывал из небытия. Перед ним появилось неясное и расплывчатое лицо Веры. Все-таки он увидел ее. Он слабо улыбнулся. Теперь можно было обратно погрузиться во мрак уже навсегда.

Вера увидела, как дрогнули веки, и Филимон слегка приоткрыл глаза. Видимо он узнал ее, потому, что его губы тронула слабая, едва заметная улыбка. Она взяла его безжизненную руку в свои ладони. Филимон открыл глаза чуть шире.

– Дима!– позвала его Вера.

Он встретился с ней взглядом и глаза его снова начали закрываться. Она как будто почувствовала, что если он сейчас уйдет, то уйдет навсегда. Вскочив на ноги, она сжала его руку.

– Не уходи!– крикнула она.

Как сквозь шум накатывающих волн до него донесся ее крик:

– Не смей уходить! Ты слышишь! Не смей оставлять меня одну! Живи! Ты нужен мне! Слышишь?

Потрескавшиеся пересохшие губы растянулись в улыбке. Она сказала ему «Живи! Ты нужен мне». И теперь он уже не может уйти и оставить ее одну.

Погружаясь в забытие, он успел подумать, что Серега и его семья были самыми близкими ему людьми. Он, не задумываясь, отдал бы жизнь за каждого из них. Но лишь для нее он готов был остаться жить.

Слезы душили ее, она чувствовала, как они катятся по ще-

кам. Она снова могла плакать. Но ей сейчас было не до этого. Ей нужно было удержать его. Не дать ему уйти. И в какое-то мгновение она почувствовала, как большая ладонь сжала ее руку и уже не отпускала, давая обещание остаться.

Для любителей открытого финала и некоторой недосказанности, справедливо считающих , что уж если они дошли до этой страницы, то нечего автору навязывать им какое-то конкретное окончание , и они сами имеют полное право решить, что и как, на этом все .

Искренне благодарю за терпение и лишь смею надеяться, что вы не будете сожалеть, что время потрачено впустую.

Тем кто, напротив любит определенность и ждет от автора четкой концовки, ставящей точку в повествовании, раз уж они мужественно одолели сие произведение, предлагаю ее, такой, какой она представляется мне.

И, конечно, Вас я тоже благодарю, дорогой читатель за снисходительность и терпение.

Наша жизнь это движение вперед. Мы идем, преодолевая трудности, радуясь успехам. Идем в поиске самих себя, стремимся к своей мечте, к исполнению своих желаний. Порой, найдя, наконец, то, что так долго искали, мы можем испугаться. Нас страшит, что желаемое может изменить нашу жизнь, может изменить ее привычное направление. И тогда

мы бежим от собственных желаний, от своей мечты, спасаемся от самих себя. Бывает и так, что мы просто проходим мимо того, к чему стремились, не заметив, не узнав и не поняв, что вот оно, то ради чего был проделан весь этот путь. И если испугаться и убежать или равнодушно пройти мимо, то жизнь может потерять смысл и впереди будет лишь разочарование и пустота. Поэтому на жизненном пути нужно дорожить каждым мгновением. Принимать с благодарностью то, что нам дано свыше. Не бежать прочь и не быть слепым и равнодушным.

Май 2014г.

– Все женщина, ты его родила, а теперь отойди в сторону, дай дорогу папочке. Вот он мой наследник! Привет сынок! Какой ты у меня красавчик и глазки умненькие, весь в своего папулю! Ковальская, осторожнее, не задави нас с наследником своим пузом. Не бойся сынок, это не бегемот из зоопарка убежал. Это тетя Вера. Она такая огромная потому, что у нее там, в животе маленькая девочка, даже меньше чем ты. Главное, что бы девочка не была похожа на тетю Веру, когда вырастет, а то придется тебе потом на ней жениться, больше то ее замуж никто не возьмет. А девчонке ведь тоже счастья захочется. Но ты не бойся сынок. Это еще не скоро будет.

– Телянин, заткнись!

– Вы чего сговорились? Теперь обе рот мне будете затыкать? Женщины, что тут скажешь сынок. Одна из них даже

с нами будет жить, та, которая поменьше, твоя мама. Так, что привыкай, она ничего. Пойдем мой маленький, сейчас на машинке домой поедем. Не волнуйся, страшная тетя Вера на другой машине поедет. Ее дядя Филимон повезет. Он у нас отважный. Ему тетя Вера даже нравится. Видишь, как он улыбается...

20.12.2013г.

Выздоровление шло медленно. Он провалялся в госпитале больше месяца. Когда он впервые выплыл из состояния забытья по настоящему, напротив своей кровати он увидел Веру. Значит ему не почудилось, что она была здесь и звала его, и требовала не уходить, не оставлять ее одну. Это было не видение, наваянное его полубессознательным состоянием. Вера посмотрела на него и улыбнулась. Она наклонилась к нему и накрыла его руку своей ладошкой. Он вспомнил, как она держала его за руку тогда, не давая ему уйти за ту грань, откуда уже нет возврата назад.

– Привет!– сказала она. В глазах у нее дрожали слезы, и Филимону захотелось погладить ее по щеке, успокоить, что все уже хорошо. И не из-за чего плакать.

– Привет.– Едва слышно ответил он.

Вера приходила почти каждый день. Он ждал ее приходов и боялся их. Он так долго бежал от нее, так долго спасался от своих чувств. А теперь она здесь, рядом. Но, что потом? Он прекрасно понимал, что прошлое всегда будет разделять их, что ничего у них не выйдет. Нельзя все забыть, перечеркнуть

и начать жить заново. Он даже хотел попросить ее не приходить, но так и не решился. Он ругал себя за слабость, что не может закончить все раз и навсегда. Она переживет, она поймет, что все рано по-другому ни как. А он сам? Он переживет? Конечно, куда он денется, у него такой многолетний опыт таких переживаний. Он уже профессионал в этой области. И все же он не мог заставить себя отказаться от того, что бы видеть ее, слышать ее голос, ощущать прикосновение ее руки к своей. Он ненавидел себя за свое малодушие, за свою слабость. Завтра, я скажу ей завтра, говорил он себе каждый раз, глядя на ее лицо, когда она сидела напротив его больничной койки. Он так и не сказал. В середине декабря лечащий врач объявил, что через несколько дней можно будет его выписываться.

– Поздравляю.– Сказал врач.– Сегодня обрадую Вашу жену.

Филимон вздрогнул. Врач решил, что женщина, так часто навещающая больного, естественно жена. Кто еще будет таскаться в подмосковный госпиталь почти ежедневно.

– Не нужно. Не говорите ей,– попросил Филимон. Врач с недоумением посмотрел на него. Кое-как изобразив подобие улыбки Филимон сказал.– Пусть это будет сюрприз.

Доктор широко улыбнулся. Сюрприз это он понимал. Сюрприз это хорошо.

По просьбе полковника, ребята из его группы, тоже частенько навещавшие его, привезли гражданскую одежду. На-

кануне назначенной выписки Филимон заглянул в кабинет врача.

– Можно мне сегодня выписаться?– спросил он.– Мне очень нужно.

Доктор пожал плечами. Нужно так нужно, один день ничего не меняет.

Филимон переделся из больничной одежды в свою. Его теперь была немного свободной, он сильно похудел за то время, что провел здесь. Оставалось только дожидаться, пока оформят выписку и вернут ему документы. После этого можно будет покинуть палату, в которой мелькнула и погасла его надежда на счастье. Где он позволил себе поверить ненадолго, что все может случиться, что несбыточное сбудется.

Он взял телефон и набрал непослушными пальцами номер Веры. Он не может просто сбежать, даже не попрощавшись. Она заслуживает услышать его объяснения.

– Привет.

Сердце сжалось, разрываясь от невыносимой боли.

– Привет, Вера. Я уезжаю.– Сказал он.– Прости.

– Куда ты уезжаешь? Почему?– ее голос звучал растерянно.

– Куда-нибудь. Вера, я...– как же тяжело сказать то, чего больше всего на свете говорить не хочется. Он вздохнул, и, взяв себя в руки, он же мужчина, в конце концов, быстро сказал, пока решимость окончательно не покинула его.– Вера. Я больше не вернусь. Мне очень тяжело быть рядом с

тобой. Я больше не хочу так. Прости. У нас все равно ничего не получится. Слишком многое стоит между нами. Вся прошлая жизнь. И от нее никуда не денешься. Прощай.

Ноябрь 2013г.

Проснувшись ночью, Вера не сразу поняла, где она. Все тело затекло. Она сидела, поджав под себя ноги, в жестком больничном кресле. Ей понадобилось несколько секунд, на то что бы в пробуждающемся сознании восстановились события прошедшего дня. Она вспомнила, что произошло, и страшная мысль раскаленной молнией пронзила мозг: «Я заснула! Почему я заснула! Как я могла! Пока я спала, он умер!». Она в панике вскочила со своего неудобного спального места. В нескольких шагах от нее на больничной койке лежал Филимон. Глаза его были закрыты. Он лежал неподвижно, весь опутанный какими-то трубочками и проводами, которые тянулись к капельнице и приборам с мигающими лампочками. Вера тихонько подошла к кровати, не отрывая взгляда от белой простыни, укрывавшей его до плеч, пытаясь разглядеть, в приглушенном на ночь свете, дышит ли он. Она чувствовала, как ужас сжимает ее сердце. Ей казалось, что белая ткань неподвижна. Вера наклонилась над кроватью больного, пытаясь уловить дыхание и все равно не слыша его. Она уже хотела бежать за врачом, поднимать тревогу, звать на помощь, если кто-то вообще еще мог помочь. Руки у нее были ледяные от сводящего с ума волнения и противно дрожали. Вера чувствовала комок в горле и подступ-

пающие к глазам слезы. В голове крутился бессмысленный вопрос «Почему? Почему? Почему?». Так не должно быть. Почему близкие ей люди уходят? Самые лучшие, самые дорогие, те, кто достоин жить. Почему жизнь так несправедлива и жестока? Почему? Она уже приготовилась закричать, нарушив царившую в госпитале ночную тишину, как вдруг все же уловила еле заметное движение белой ткани вверх и потом снова вниз. Филимон дышал. Еле-еле, почти незаметно, но дышал. Вера с облегчением улыбнулась и, уткнувшись лицом в едва уловимо пахнущую дезинфицирующими средствами простыню расплакалась. Остаток ночи она просидела на краешке больничной кровати, держа в своих ладонях большую сильную руку мужчины, которого она сама и не особо близко знала. Он был другом ее мужа. Очень близким другом. Он был другом ее сыновей. Ее саму он всегда держал на расстоянии, не позволяя ей, приблизиться и узнать себя лучше. Но он все равно был очень близким ей человеком, потому, что все они были одной семьей. Людьми готовыми друг для друга на все. Вера знала, что обратиться она к Филимону за помощью, и он горы свернет, ни перед чем не остановится, но сделает для нее и для мальчишек все, что только сможет. Он был тем про кого можно сказать, я могу на него положиться во всем, потому, что я верю ему как себе, потому, что это тот, кто не подведет, не отступит и не предаст.

Вера смотрела на худое осунувшееся лицо с запекшимися сухими губами. Из-под края простыни была видна повяз-

ка, наложенная на простреленную грудь. «Только не умирай! Не покидай меня!»— прошептала она почти беззвучно. Она не может потерять и его. Она не вынесет еще одной потери. Вера смотрела на Филимона и вспоминала, как Сережа рассказывал ей про их встречу в лесу с бандой уголовников. Он рассказал ей эту историю полностью не сразу, сначала он просто сказал, что это была, так, ерунда, простая драка. Рассказал, когда они уже были женаты лет шесть. Как он еле оттащил Филимона от щербатого мужика, потому, что Филимон убил бы его в приступе ярости и злости. И Сергей боялся, что потом Филимону самому придется отвечать за то, что он просто пытался наказать тех, кто сам бы, не задумываясь, прикончил их в этом маленьком лесочке отделяющем дорогу из деревни от шоссе. Еще Вера вспомнила, как однажды Филимон уехал в служебную командировку и очень долго не возвращался, а Сережа волновался и звонил ему почти каждый день, а Филимона все не было. Спустя два месяца Сергей все же дозвонился, Филимон, наконец, вернулся. Через пару дней Сергей поехал к нему и потом сказал Вере, что, оказывается, Филимон был ранен и лежал в госпитале.

— Почему же он ничего не сообщил?— спросила Вера. Сергей усмехнулся.

— Ты чего Филимона не знаешь? Я из не него сейчас-то как клещами тянул, что и как. Ему осколком гранаты в бедро попало. Какую-то вену перебило, и он чуть кровью не истек. Но это все мне пришлось у него часа два выпрашивать. Он

все отмахивался и говорил: «Да ерунда, Серег, так зацепило чуть-чуть. Чего бы я стал из-за ерунды вас беспокоить. Живой же, чего мне сделается». Сам его готов был прибить.

Про второе ранение Филимона они даже и не знали. Оно произошло через пару лет после первого. Совершенно случайно, Родион Петрович сказал Вовану, что через него проходили документы по представлению к награде участников одной военной операции где-то на Ближнем востоке, среди которых был, в то время еще капитан Филимонов Д.С. «Настоящий герой ваш друг.— Сказал Родион Петрович сыну.— Я из любопытства почитал о его подвигах, знакомый все-таки. Так он целую бригаду из-под огня вывел, и прикрывал их, пока вертолеты не прилетели и не забрали всех. А сам уже ранен был, достаточно серьезно».

На вопросы друзей, желавших знать подробности, Филимон, как всегда пробурчал, что, мол, ерунда, ничего особенного и вообще не интересно это все. И естественно, для Сени и Алеши он с детства был, если не герой номер один, потому что номер один всегда был, конечно, папа, то герой номер два и никак не меньше. И не просто герой номер два, а пример для подражания и восхищения.

Вера просидела в палате все утро и еще половину дня. В сознание Филимон не приходил, и она, время от времени, начинала впадать в отчаяние, потом снова начинала надеяться и так без конца. Застав ее в палате измученную, с усталы-

ми глазами, врач строго приказал ей отправляться домой и до завтра в госпитале не появляться.

– По хорошему, Вам тут вообще делать нечего. Только себя изводите. Если он придет в себя, мы Вам сообщим, – сказал он. Но видя, что она все равно не будет ждать никакого сообщения, а завтра снова явится, он, стараясь говорить как можно мягче, добавил. – Поймите, шанс, что он вообще очнется очень и очень невелик. Не питайте ложных надежд. То, что он вообще еще жив, это уже чудо.

Вера посмотрела на врача и упрямо сказала:

– Он очнется. Если одно чудо произошло, почему бы не произойти и еще одному. Должны же хоть иногда в жизни случаться чудеса.

Врач улыбнулся, и слегка пожав ей руку сказал:

– Хорошо когда кто-то верит в чудеса. Будем надеяться, что Ваша вера окажется достаточно сильной. До завтра.

Дома Вера ответила на вопросы мальчиков, по поводу того, как там дядя Филимон. Сыновья видели, что мама расстроена и ужасно уставшая, и после того как она описала состояние больного они оставили ее в покое. Вера, не раздеваясь, легла в кровать и провалилась в глубокий крепкий сон без сновидений. Утром, проснувшись, она первым делом вспомнила о Филимоне. Вера села в кровати. Наряду с испытываемым ей беспокойством за жизнь друга, она ощутила удивление. Впервые за последнее время, проснувшись, она не ощутила привычной боли и разочарования. Боль потери,

ставшая неотъемлемой ее частью, сегодня отошла куда-то на задний план. Ее заменили тревога и волнение за жизнь того, кто пока еще здесь. Вера не верила в бога, но сейчас она обратилась, сама не зная к кому, к кому-то или к чему-то, кто все же, может быть есть где-то там, наверху: «Прошу тебя, не дай ему умереть! Пожалуйста, подари ему еще одно чудо!».

В госпитале все было по-прежнему. Филимон был без сознания. Вера сидела на краешке кровати, держа его за руку. Один раз она тихонько погладила потемневшую от загара колючую щеку, чувствуя под пальцами его тепло. Филимон не слышал ее. Но она надеялась, что где-то там, где сейчас пребывает его сознание, он все равно чувствует, что она здесь. Что он нужен ей, что она сделает все, что бы он остался.

Филимон пришел в себя только на четвертый день. Поняв, что это она сидит напротив него, он улыбнулся. Его пальцы дрогнули в ее руке, слегка сжимая ее.

– Привет!– сказала Вера, радостно улыбаясь ему той улыбкой, о которой он всегда мечтал. В глазах ее стояли слезы.– Ты меня напугал.

Она осторожно провела рукой по его светлым, выгоревшим на солнце волосам. Это был очень счастливый момент. Филимон почувствовал, что пусть ненадолго, но он получил то, о чем мечтал. Что будет потом неважно. Стоило почти умереть, что бы сейчас эта маленькая рука прикоснулась к нему, что бы эти глаза, с дрожащими в них, готовыми выкачаться наружу слезинками, смотрели на него с нежностью и

теплотой.

Она приезжала почти каждый день. Сидела рядом с ним. Рассказывала про Сеню с Алешей, про Вована. О своей новой работе, вспоминала разные смешные истории. Филимону запретили разговаривать, и он молча слушал ее, любовался ей, смотрел, что бы насмотреться «на потом, на будущее», когда ее уже не будет рядом. Когда он покинет эту палату и ее больше не будет в его жизни.

Вера чувствовала, как с каждым днем ее боль понемногу уходит. Рана в ее душе, все еще продолжающая болеть, потихоньку затягивается. Шрам останется, он никогда не заживет окончательно, но она уже может дышать, все глубже и глубже. Воздух проходит в легкие, почти, как и прежде. Как-будто она и сама выздоравливает вместе с лежащим на больничной кровати Филимоном. Час за часом, день за днем. Медленно, но выздоравливает. Возвращается к жизни.

Он ни разу за все время ни словом, ни взглядом не напоминал о своих чувствах к ней, не дал понять, что твориться у него внутри. Но теперь, зная его тайну, она безошибочно видела во взгляде его голубых глаз обращенных на нее, запрятанное глубоко-глубоко то сильное чувство, которое он испытывает. Она просто знала, что он любит. И ее застывшая душа оттаивала каждый раз, когда она входила в палату и видела этот взгляд. И все чаще у нее появлялась мысль, что может быть они смогут спасти друг друга от этой не проходящей боли, смогут согреть друг друга своим теплом. Пода-

ритель надежду друг другу. Ведь если она осталась жить, когда казалось, что ее мир рухнул и все кончено, значит, есть шанс, что все еще может быть. Ее разбитое сердце с каждым днем начинало биться в груди все сильнее и сильнее, возвращая ее к жизни. Как на изуродованной взрывом земле постепенно, со временем, начинает прорасти трава и цветы. И затем, спустя несколько лет, уже остается только углубление, тоже поросшее травой и цветами и только по этому углублению можно догадаться, что когда-то здесь произошло, что-то страшное, что земля была разорвана снарядом, и казалось, что след останется навсегда и никогда не заживет, и эта земля так и останется мертвой. Все проходит. Время лечит, особенно если есть лекарство способное помочь исцелению.

Они не говорили о будущем. Они вообще не говорили «о них двоих». И Вера не особо задумывалась, что их ждет дальше. Это не важно. Они есть. И они живы и есть надежда. А все остальное не имеет значения. По крайней мере, сейчас.

Декабрь 2013г.

Филимон почти поправился. Он держался, по-прежнему, немного отстраненно. Как будто боясь подпустить ее близко, боясь, что она разрушит его непрочную оборону, которую он с таким трудом воздвигал, в попытках отгородиться от нее. Вере было наплевать на его «маневры» по спасению себя от собственных чувств, по спасению от себя самого. Он был в ее власти, как всегда бывает во власти женщины влюблен-

ный мужчина. И ее радовала эта власть над ним, она предавала смысл ее жизни, дарила надежду на то, что счастье еще возможно.

Вера решила поговорить с Филимоном, когда он выпишется. Он, конечно, попытается отвертеться, уйти от разговора, но она не даст ему такой возможности. Она возьмет дело в свои маленькие женские руки, и большой, сильный Филимон никуда не денется. Ему придется набраться мужества и открыть, наконец, свою душу перед ней.

Накануне выписки у Веры была важная встреча по работе, и она предупредила Филимона, что приедет на следующий день, когда его будут выписывать. Встреча отменилась, и она все же решила поехать в госпиталь. Она соскучилась и, то, что она снова по кому-то скучает, безмерно радовало ее. Она снова живет, снова чувствует. И это так прекрасно!

Вера уже шла по коридору к палате, когда позвонил Филимон.

Когда он попрощался и повесил трубку, Вера побежала к дверям палаты, зная, что она уже опоздала и его там не будет.

Кровать была пуста. Свернутый на ней матрац, ясно говорил о том, что пациент, лежавший здесь все последнее время, наконец, покинул это место. Вера прислонилась к стене. Все. Она больше не увидит его. Он сделает так, что она никогда его не найдет. Слезы подступили к глазам.

– Ой, а он только, что ушел. Выписался на день раньше.–
Сообщила, вошедшая в палату медсестра.– Вы, наверно, раз-

минулись, он минут пять...

Не дослушав, Вера бросилась бежать по больничному коридору. «Только бы он не успел уйти! Только бы не успел!»— крутилось у нее в голове, пока она бежала до первого этажа. Потому, что если она сейчас опоздает это конец. Он исчезнет из ее жизни навсегда.

Вылетев на улицу, она с облегчением вздохнула. Филимон стоял на ступенях крыльца и задумчиво смотрел на парк перед зданием госпиталя.

«Идиот несчастный, ты до смерти меня напугал!»— хотелось крикнуть Вере. Но она была так рада, что не опоздала и что он здесь перед ней, что она просто подошла к нему, чувствуя себя такой счастливой, какой не чувствовала уже очень долгое время.

Как сказал когда-то мудрый доктор Айболит, каждое событие человек должен пережить, не просто пережить, а прожить его внутри себя полностью и потом отпустить. Не держать в себе повторяя его снова и снова. Ведь если этого не произойдет, невозможно двигаться вперед, душа так и останется погруженной в ту боль и печаль, в которой она оказалась в самом начале, навсегда. Возможно, то, что произошло с Филимоном, явилось тем спасительным клином, который выбил клин, расколовший ее душу и сердце, намертво застряв в них. И возможно слезы пролитые над ним принесли то необходимое облегчение, которого она не находила до этого. Они омыли ее страдающую душу и избавили от

той непроглядной темноты, в которой она находилась все последнее время.

И пусть это новое чувство будет другим, не таким как то, которое она испытала в прошлом. Пусть оно не будет похоже на то, с которым она жила много-много лет. Но это чувство все равно будет любовью. Не минутной слабостью или увлечением. Не попыткой спастись от тоски и одиночества. Вера чувствовала, что в ее сердце снова живет любовь. И это чувство было прекрасным. Оно давало надежду, оно предавало жизни смысл.

На улице шел снег. Легкий, пушистый. Скоро Новый год. И погода как раз самая новогодняя. Филимон с наслаждением вдохнул холодный зимний воздух. Нужно пережить сегодняшней день, а потом станет легче. И с каждым днем боль будет все ослабевать. Он знал, что это вранье, но сейчас он готов был верить даже заведомому вранью. Лишь бы хватило сил прожить этот день. А дальше он справиться.

– И, что ты бы действительно так и смотался?!– рядом с ним стояла Вера и сердито смотрела на него. От неожиданности он слегка вздрогнул. В ее взгляде, обращенном на него, была то ли насмешка, то ли презрение. Она смотрела на него, не отрываясь. Он выдержал ее взгляд. Повисла пауза. Было ощущение, что они играют в гляделки. «Кто кого переглядит, тот того и съест». Конечно, она его съест. Проглотит как кошка мышку. Как всегда.

Вера усмехнулась.

– От чего ты бежишь?– тихо спросила она.– Мы не можем забыть о прошлом. Да я и не хочу забывать, и уверена, что ты тоже не хочешь. Но можно просто жить. Прошрое нельзя ни вернуть, ни исправить. Но мы живем в настоящем. И еще есть будущее. Так почему ты хочешь сбежать? Сбежать от прошлого и лишитъ себя настоящего и будущего? Конечно, так как было уже не будет, но будет по-другому. Кого ты боишься меня или самого себя?

Он судорожно вздохнул. Вера уже почти кричала. Она разозлилась, значит, ей не безразлично уйдет он или останется?

– Вера...

– Ты обещал не оставлять меня. Не уходи. Позволь себе быть счастливым, наконец. Не беги сам от себя. Ведь можно быть здесь и сейчас, а не терзаться понапрасну бесконечно обращаясь к тому, что было. Ты слышишь?– по ее щекам катились слезы. Филимон стоял, не двигаясь, с непроницаемым лицом, как застывшее изваяние. Она опустила глаза, видимо решив, что ей не достучатся до него, что она не сможет объяснить, что нельзя отказываться ото всего из-за того, что было до этого. Бросив на него печальный взгляд, она повернулась и пошла по занесенной снегом дорожке по направлению к воротам.

Филимон смотрел вслед маленькой фигурке идущей по заснеженному госпитальному парку. Сердце разрывалось в

груди полковника Филимонова, и на какой-то миг у него мелькнула надежда, что сейчас оно не выдержит и, наконец, действительно разорвется. Но нет, он был на удивление крепок. Вместо того, что бы умереть в самолете по дороге из Сирии, как предсказывал врач, он взял и выжил. И вот теперь стоит здесь, на крыльце военного госпиталя и смотрит как дурак, как уходит от него любовь всей его жизни. А он такой идиот и трус, что сделал все, для того что бы она ушла. Он ведь сам хотел этого, потому, что ему легче страдать, чем, попытаться прикоснуться к этой любви, почувствовать ее.

– Вера!– после ранения он еще не мог орать во все горло, и она не услышала слабый крик, вырвавшийся из его груди. Он побежал за ней.– Вера!

Обернувшись, она смотрела на него, как он, задыхаясь подходит к ней и на лице ее были написаны и злость, и радость, и сочувствие, и даже насмешка, всего по не многу.

– Ты решил вернуться обратно в свою палату? Чего ты тут носишься и орешь? Ты не в курсе, что тебе нельзя, что у тебя легкое прострелено? Ну почему мужчины такие идиоты? Почему у вас все так сложно?

В груди болело, но Филимон не обращал на это внимание. Он подошел к ней и, обхватив ее голову своими ладонями поцеловал. Он, наконец, целовал губы, о которых мечтал столько лет. Она обняла его за шею и тихонько засмеялась.

– Пообещай, что больше не будешь пытаться сбежать. Потому, что в следующий раз я могу не успеть, совершенно слу-

чайно, тебя перехватить. И тогда остаток дней мне придется потратить на поиски тебя, вместо того, что бы провести их с тобой.— сказала она заглядывая в голубые глаза, которые сейчас не были холодными. В них было целое море любви и нежности. Он прижал ее к себе.

– Я люблю тебя. Я очень давно люблю тебя.— Сказал он.

Сверху падали мягкие пушистые хлопья. Земля казалась прекрасной, как в сказке. Она была одета в чистое белое одеяние. Непорочная, нетронутая красота, как обещание, чего-то нового и необыкновенно хорошего.

Они вызвали такси и пока ждали его на улице, перед воротами госпиталя, Вера спросила:

– И какие у тебя теперь планы?

Филимон пожал плечами.

– Нужно жилье снять. С базы я уволился.

Он чувствовал смущение. Он не знал, что будет дальше, не знал как себя с ней вести. Он был весь в ее власти. Выросший в деревне Филимон, никогда не отличался стеснительностью или застенчивостью. Он, если этого требовали обстоятельства, мог вести себя нагло, даже по-хамски. Но рядом с ней он чувствовал себя робким подростком, который с замиранием сердца боится и жаждет в первый раз поцеловать девушку и ни как не может, решиться, это сделать. Мнется и краснеет и выглядит в глазах этой самой девушки глупым и смешным. Он ничего не мог с собой поделаться. Он ругал себя и злился. «Да будь ты мужиком, идиот!». Но ничего не

помогало. Он все еще боялся ее. Не так как раньше, теперь он боялся ее разочаровать. Ему казалось, что сейчас она посмотрит на него, и поймет, что в нем нет ничего особенного. Что он не стоит ее внимания. Ему казалось, что вот-вот она скажет: «Извини, Дима, я ошиблась. Ты хороший, но мне ты не нужен». Но вместо этого она взяла его за руку и, посмотрев ему в глаза сказала:

– Я, конечно, понимаю, что приличные женщины такого не говорят. Но, видимо, я ужасно не приличная. Может быть, ты не будешь искать жилье, а поедешь к нам?– в ее глазах плясали веселые искорки. Ее ужасно забавляло его смущение, написанное у него на лице. На суровом лице грозного полковника, приводящего в трепет своих подчиненных и своих врагов, эта юношеская робость выглядела необыкновенно трогательно. Вере хотелось погладить его по голове и затем, прижав к себе эту бестолковую голову, сказать, что не нужно ее бояться. Что он такой замечательный, он ее герой, и, что он вернул ее к жизни, и что ему нужно гордиться собой, а не смущаться, неуверенно переминаясь перед ней, как школьник, не выучивший урок, мнется перед строгой учительницей.

Услышав ее слова Филимон чуть не задохнулся. Этого не может быть. Не может быть, что бы она всерьез хотела быть с ним. Это все происходит не на самом деле. Это все сон. Сейчас он проснется у себя на тренировочной базе, или в душевной комнате полуразрушенного дома в сирийском городке,

или у себя в деревне. В общем где угодно, только не рядом с ней.

– Дима! Ты поедешь со мной?– прикосновение ее руки вернуло его мечущиеся мысли к реальности. – Если, конечно, ты не против.

– Я не против.– Хриплым от волнения голосом сказал он и улыбнулся. Он притянул ее к себе и зарылся лицом ее волосы.– Я не против. Я больше всего хочу этого. Пока ты сама не скажешь, что я солдафон и бесчувственный истукан, и только порчу тебе жизнь.

Вера засмеялась.

– Те, кто так говорил, не знали тебя. Ты замечательный.

В такси он держал ее руку в своей. Сердце его все еще замирало и прыгало как сумасшедшее.

– А ребята, что скажут?– спросил Филимон, имея в виду, как отреагируют на его появление в их доме Сеня с Алешей. Этот вопрос его тоже сильно волновал и смущал. Они были сыновьями его друга, и ему очень не хотелось быть в их глазах предателем.

Вера улыбнулась.

– Они обрадуются, не волнуйся. Во-первых, он любит тебя и ужасно волновались, когда ты лежал в госпитале. А, во-вторых...– она лукаво посмотрела на него.– Недавно они спросили, что со мной происходит. Они заметили, что что-то изменилось. Мы сидели за столом, и они оба хитро на меня поглядывали и улыбались. А потом Сенька не выдержал и

спросил: «Мам, у тебя произошло, что-то очень хорошее? Ты как будто расцвела и стала веселая. Как раньше». А потом он засмутился, вот как ты сейчас!

Вера засмеялась, глядя как бедный Филимон даже немного покраснел от смущения.

– А я сказала, что, кажется, я влюбилась. А они сразу спросили: «Дядя Филимон?». И лица у них были радостные и немного удивленные. И я сказала «Да».

Он наклонился к ней и поцеловал очень долгим и очень нежным поцелуем, наплевав на таксиста и на свой страх и смущение. Он чувствовал себя по-настоящему счастливым. Он, наконец, поверил, что все возможно. И, что может быть, они действительно будут вместе. Ведь бывает же, что в жизни случается, что-то очень хорошее.

А Вера смотрела на него тем взглядом, о котором он раньше даже и мечтать не мог. И Филимон готов был умереть за один этот взгляд. Потому, что он чувствовал, что прожил эту жизнь не зря, если любимая женщина так на него смотрит.

– Знаешь, никогда нельзя сказать, что будет дальше, что нас ждет. Жизнь может измениться в один миг. И теперь я поняла, что нужно говорить о том, что чувствуешь каждый день, пока есть такая возможность. Не откладывая на потом. – Вера нежно провела рукой по его щеке. – Я хочу сказать тебе спасибо, за то, что благодаря тебе я снова почувствовала себя живой. И еще я хочу сказать, что люблю тебя и хочу быть с тобой все то время, которое нам отпущено.

Спустя два месяца отважный полковник Филимонов, с замирающим от страха сердцем сделал Вере предложение.

– Мы подумаем.– Улыбнувшись, сказала она, погладив себя по животу и увидев выражение лица бесстрашного полковника звонко расхохоталась. А претендент на руку и сердце своей прекрасной дамы больше всего в этот момент боялся расплакаться от переполнявших его чувств и опозориться, на веки вечные, превратившись для нее из отважного героя в размазню и плаксу.

Жизнь не стоит на месте, она все время меняется. И, что бы с нами не происходило, нужно все равно идти вперед, потому, что жизнь всегда продолжается, не смотря ни на что.

Дальнейшая судьба героев книги автору не известна. Надеюсь, все они будут очень счастливы.

-

-

-

-

-

-

-

-

-

-

-